

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

«КАНОН⁺»
Москва 2008

УДК 14.87
ББК 87.25
К 92

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-03-16084д

Коллектив авторов

К 92   Когнитивный подход. Научная монография / Ответственный редактор — академик РАН В. А. Лекторский. М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2008. — 464 с.

ISBN 978-5-88373-152-4.

На протяжении тысячелетий философы разгадывали загадку человеческого познания. В последнее столетие познание стало исследоваться также и представителями специальных наук, а тридцать лет тому назад возникло целое когнитологическое движение, включающее в себя такие дисциплины, как когнитивная психология, исследования в области искусственного интеллекта, когнитивная лингвистика, когнитивные нейронауки. Когнитивный подход начинает использоваться в социальных науках, в теории биологической эволюции. Однако философские вопросы, связанные с пониманием познания, не только не были сняты с повестки дня, а в ряде отношений стали даже более острыми. Авторы книги пытаются дать философское осмысление результатов современных когнитологических исследований. Книга предназначена для философов, психологов, специалистов в области искусственного интеллекта и социальной философии.

УДК 14.87
ББК 87.25

ISBN 978-5-88373-152-4

© Коллектив авторов, 2007
© Издательство «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	4
ЛЕКТОРСКИЙ В. А.	
Философия и исследование когнитивных процессов. Вместо введения	5
МИКЕШИНА Л. А.	
Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия	20
БАКСАНСКИЙ О. Е.	
Фундаментальные, прикладные и практические аспекты когнитивных наук	58
МЕРКУЛОВ И. П.	
Тенденции развития эволюционной эпистемологии.	122
КУЧЕР Е. Н.	
Познание познания: когнитивные науки	133
МАКСИМОВ Л. В.	
Когнитивный редукционизм в науках о духе	165
ЛЕКТОРСКИЙ В. А.	
Кант, радикальный эпистемологический конструктивизм и когнитивная наука	202
КНЯЗЕВА Е. Н.	
Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии ..	227
ВАСЮКОВ В. Л.	
Формальная онтология и когнитивные исследования	272
СМИРНОВА Н. М.	
Когнитивные аспекты социально-феноменологического анализа речевых коммуникаций	295
ШУЛЬГА Е. Н.	
Когнитивная герменевтика в системе философского знания ...	323
АНДРЕЕВА Г. М.	
Когнитивные подходы в современной социальной психологии	348
ЗИНЧЕНКО В. П.	
Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «котле Cogito»	375
ПЕТРЕНКО В. Ф.	
Психосемаантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии	435

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лекторский Владислав Александрович – академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН.

Микешина Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор Московского государственного педагогического университета.

Баксанский Олег Евгеньевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Меркулов Игорь Петрович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института философии РАН, заведующий сектором эволюционной эпистемологии Института философии РАН.

Кучер Елена Николаевна – кандидат психологических наук, преподаватель Московского государственного педагогического университета

Максимов Леонид Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Князева Елена Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Васюков Владимир Леонидович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Шульга Елена Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Андреева Галина Михайловна – академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Зинченко Владимир Петрович – академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра Института содержания и методов обучения РАО.

Петренко Виктор Фёдорович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

ЛЕКТОРСКИЙ В. А.

ФИЛОСОФИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Изучение познания всегда было одной из центральных задач философии, а начиная с XVII века (после т. н. «эпистемологической революции») превратилось даже в самую главную. В конце XIX и начале XX веков многие направления философии, как эмпиристские (эмпириокритицизм), так и рационалистические (немецкое неокантианство) считали, что теория познания (гносеология, эпистемология) — это и есть предмет философии (у нас в стране подобная идея была весьма популярна в 50–80-е годы прошлого столетия).

Однако уже с конца XIX века познание начинает исследоваться не только философами, но и представителями специальных наук. Сначала это была экспериментальная психология. В созданных по примеру В. Вундта психологических лабораториях в разных странах мира, в том числе и в России, начинают изучаться процессы чувственного познания (ощущение, восприятие). В XX веке психологи стали изучать процессы мышления: вюрцбургская школа, гештальт-психология, работы Ж. Пиаже.

Однако в 20–50-х годах прошлого столетия наступает определенный спад интереса к изучению познания — как в философии, так и в психологии.

С точки зрения феноменологии, ставшей популярной во многих философских кругах Запада в 20–50-х годах, философия имеет дело не с анализом отношения сознания к реальности, а с анализом самого сознания, его смысловых структур (феноменов) безотносительно к тому, что имеется вне сознания. Но ведь знание – это то, что является истинным, т. е. говорит о том, что реально существует. Если вопрос о реальности внешнего мира элиминируется, то философия не включает в свой состав теорию познания (которая если и может разрабатываться, то должна рассматриваться, скорее, как наука, близкая к психологии). С точки зрения философии лингвистического анализа, ставшей популярной в англо-американской философии в 50–70-е годы, философия имеет дело с анализом обыденного языка и собственных ему разного рода «языковых игр». Слова «знать» и «познать» имеют в обычном языке несколько разных смыслов, и никакой единой теории познания на основании их анализа построить нельзя. Фундаментальной считается философия языка, а теория познания фактически элиминируется. Удар по классической теории познания был нанесен в 50-е годы в рамках аналитической философии и с другой стороны. Известный американский философ У. Куайн выступил с идеей «натурализации эпистемологии». Классическая теория познания была нормативистской и фундаменталистской (в том числе и в философии логического позитивизма, популярной в 30–50-е годы). У. Куайн, справедливо выступая против философского фундаментализма, предложил «натурализовать эпистемологию», что для него означало превращение теории познания в раздел психологии. Иными словами, с его точки зрения исследовать познавательные процессы можно только в рамках специальной науки, но не философскими средствами.

В то же время в самой психологии становятся доминирующими такие направления, которые редуцируют познание к чему-то другому. Для бихевиористов это поведение, понимаемое в рамках схемы «стимул–реакция». Для психоаналитиков познание лишь средство обуздания биологических импульсов, играющее определенную роль в возникновении бессознательных психических процессов.

Но в 60-е годы ситуация радикально меняется как в специальных науках, имеющих дело с изучением познания, так и в философии.

В это время происходит т. н. «когнитивная революция» в психологии и возникает когнитивная психология. Особенность последней не в том, что психология впервые начинает изучать познавательные процессы (она делала это и раньше в рамках тех направлений, которые я только что упоминал). Специфичность когнитивной психологии в другом: во-первых, она понимает когнитивные, т. е. познавательные процессы как лежащие в основе всех психических функций (в том числе эмоций, мотивации, волевых проявлений) и определяющие поведение; а во-вторых, в том, что познание начинает истолковываться как процесс переработки информации, аналогичный тому, который имеет место в компьютере. На возникновение и развитие когнитивной психологии серьезно повлияло появление в 60-е годы XX века и последующее бурное развитие направления исследований, которое получило название искусственного интеллекта.

В середине 70-х годов в США возникает междисциплинарное движение, получившее название когнитивной науки. Последняя в качестве своих частей включила исследования в области искусственного интеллекта, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику (обязанную своим возникновением идеям выдающегося американского психолингвиста Н. Хомского, сыгравшего важную роль в

«когнитивной революции»). Появляются специальные лаборатории, изучающие эту проблематику, издается множество книг, новых журналов, проводятся конгрессы и конференции.

Парадоксальным образом разворачивание когнитологических исследований на первых порах казалось возможным в духе Куайна, т. е. при элиминации философской теории познания. Но довольно скоро выяснилось, что нельзя осмыслить данные когнитивной психологии, нейрофизиологии, когнитивной лингвистики, исследований в области искусственного интеллекта и других дисциплин, входящих в состав когнитивной науки, без понимания таких, например, проблем, как отношение ментального содержания к внешнему миру, статус интенциональности, реальность или нереальность сознания, отношение психических процессов к взаимодействию нейронов головного мозга, отношение норм и причинных зависимостей в процессе переработки информации и т. д. Иными словами, оказалось, что решение коренных проблем теории познания (эпистемологии) и философии сознания (а сознание начинает пониматься как когнитивное образование, в этой связи границы между эпистемологией и философией сознания размываются) не только не может быть элиминировано, но, наоборот, лежит в основе конкретных программ исследования в когнитивной науке. Поэтому в когнитивную науку были включены на законном основании те философские исследования, которые давали в рамках этого направления теоретическое понимание проблем познания и сознания¹.

---

¹ В числе этих философов были прежде всего Дж. Фодор, Д. Деннетт, М. Боден: *J. Fodor. The Language of Thought. Hassoks, 1976; J. Fodor. Psychsemantics. Cambridge, MA, 1986; D. Dennett. Brainstorms. Cambridge (M), 1986; D. Dennett. The Intentional Stance. Cambridge, MA, 1987; M. Boden. Artificial Intelligence and Natural Man. Succex, 1976; M. Boden. Minds and Mechanisms. Succex, 1981.*

Сегодня, когда когнитивная наука насчитывает уже более трех десятилетий, можно утверждать, что эпистемология и философия сознания получили новый импульс для своего развития и, вместе с тем, что философский анализ оказался исключительно важным для осмысления результатов специальных научных исследований и определения направления научного изучения познавательных процессов. Когнитивная наука менялась, в ее рамках возникали новые подходы. В этом контексте происходили важные изменения и в философском анализе познавательных процессов¹.

Важно при этом отметить, что объединение разных дисциплин в единую когнитивную науку было связано не только с наличием единого для всех входящих в нее дисциплин предмета изучения – познавательных процессов, – но и с тем, что участники когнитивной науки исходили из некоторых общих идей. Это, по крайней мере, следующие:

1) познавательные процессы были поняты как вычислительные в широком смысле; в этой связи было предположено существование в сознании процедур, аналогичных вычислительным алгоритмам;

2) было предположено, что в сознании существуют ментальные репрезентации, аналогичные компьютерным структурам данных; к ним относятся, в частности, логические пропозиции, схемы, понятия, правила и т. д. Ментальные репрезентации являются средствами хранения информации в сознании и той основой, которая обеспечивает использование вычислительных процедур в познавательных процессах.

На первом этапе развития когнитивной науки был пред-

---

¹ См.: Искусственный интеллект; междисциплинарный подход / Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М., 2006.

ложен ряд философских идей, которые сыграли значительную роль в последующем. Прежде всего это сформулированная Х. Патнэмом концепция функционализма: содержание того или иного психического явления определяется его отношением к поведению, с одной стороны, и к другим психическим явлениям, с другой, т. е. выполняемыми им функциями¹. Психику можно уподобить компьютерной программе, а психические явления – вычисляемым функциям. У человека психические явления осуществляются при помощи мозга. Но содержание их от мозга не зависит. Так как содержание программы отличается от ее воплощения «в железе» (т. е. в том или ином компьютере), те же самые психические функции могут выполняться (вычисляться) не только мозгом человека, но и какими-то иными их воплощениями: например, совершенно иначе устроенными телами инопланетян или же искусственно созданными роботами (тезис о «множественности реализуемости» психического). Джерри Фодор предложил гипотезу о существовании языка мысли как способа осуществления мыслительных (и, возможно, других познавательных) процессов².

В 80-е годы наступает второй этап в развитии когнитивной науки, в ряде отношений отличный от первого как проблематикой, так и идеями. Он был связан с осознанием ряда трудностей функционалистского подхода к пониманию психики и познания и с признанием того, что предлагавшиеся вычислительные модели переработки информации являются сильно упрощенными и не учитывают ряд

---

¹ *H. Putnam. The nature of Mental States // In «Readings in Philosophy of Psychology». Ed. By N. Block. L., 1980. Vol. I. P. 223–231.*

² *J. Fodor. The Language of Thought. Hassoks, 1976.*

важных особенностей работы мозга¹. Критикуется тезис о «множественности реализуемости» психических процессов, ибо реальные (а не мнимые) психические процессы не только воплощаются в работе нервной системы человека: существенные особенности первых определяются особенностями второй. Предлагается серьезно учитывать эти особенности и в этой связи внимательно относиться к данным нейронаук. Последние теперь включаются в когнитивную науку как важная ее часть и даже возникает новая дисциплина – нейрофилософия². Однако определяющим для развития когнитивной науки на втором этапе было, прежде всего, возникновение нового подхода в компьютерном моделировании процесса переработки информации человеческим мозгом, подхода, получившего название коннекционизма, или параллельно распределенной переработки информации. Модель коннекционизма противопоставляется классической модели искусственного интеллекта, исходившей из последовательной переработки информации (как это имеет место в обычных компьютерах) с помощью алгоритмических процедур, применяемых к символическим структурам в виде ментальных репрезентаций³. Гипотеза о существовании языка мысли отвергается. В рамках коннекционистского подхода Д. Деннетт предложил пони-

---

¹ Возникли и серьезные вычислительные проблемы для разработчиков искусственного интеллекта, в частности – в связи с т. н. проблемой фрейма. См.: *The Robot's Dilemma*. Ed. by Z. Pylyshyn. Norwood, 1987. Особенно интересна в этой книге статья Д. Деннетта: *D. Dennett. Cognitive Wheels: the Frame Problem of AI*. P. 41–64.

² *P. Churchland. Neurophilosophy*. Cambridge (M), 1986.

³ *P. Smolensky. On the Proper Treatment of Connectionism* // «Behavioral and Brain Sciences». № 11. 1988. P. 1–74.

мать сознания не как состояния, а как конкуренцию разных «интерпретативных структур» и понимание «Я» как условного «центра нарративной гравитации»¹.

Можно говорить о том, что когнитивное движение вступило в 90-е годы в третий этап. Этот этап связан с появлением т. н. динамического подхода в понимании когнитивных систем².

Ранее главный упор в исследовании познания как переработки информации делался на анализе процессов внутри когнитивных систем, на роли в этой связи ментальных репрезентаций как носителей вычислительных действий. Внешняя среда рассматривалась как импульс внутренних процессов и как то, на что система реагирует в результате осуществления внутренней деятельности. Подобное понимание рассматривается сегодня многими исследователями как изоляционизм (отделение когнитивной системы от внешней среды) и наследие картезианизма; отсюда и возможность обсуждения в свое время идей «методологического солипсизма»³. На современном этапе развития когнитивной науки все более популярным становится другой подход к познанию: оно не сводится к тому, что происхо-

---

¹ D. Dennett. *Consciousness Explained*. L., 1991.

² M. Boden. *The Philosophy of Cognitive Science* // In «Philosophy at the New Millenium». Cambridge, 2001. P. 209–226.

³ Идея Дж. Фодора о «методологическом солипсизме» как стратегии исследования в когнитивной психологии. Дж. Фодор считал, что для изучения психических процессов достаточно иметь дело только со способами переработки информации, а не с содержанием последней, определяемой взаимодействием организма с внешним миром; т. е. не с семантикой информации, а лишь с синтаксисом – способами вычисления. J. Fodor. *Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Psychology* // In: J. Fodor. *Representations*. Cambridge, MA, 1981.

дит в мозгу или даже в биологическом теле, а включает постоянное взаимодействие организма и его окружения, познающего и мира. При этом выдвигаются идеи о том, что условна сама граница между организмом и внешней средой, между «внутренними» и «внешними» процессами. Когнитивную систему следует рассматривать как включающую в качестве своих необходимых аспектов мозг, тело и внешнее окружение. Интегратором этой системы является ее деятельность. При этом в случае человека внешнее окружение, входящее в этот «расширенный субъект», содержит в себе как естественные объекты, так и культурные артефакты (в том числе язык, миф, науку и т. д.). Соответственно познание и сознание должны быть поняты в рамках именно этого «расширенного» субъекта, а не индивидуального организма¹. Формулируется идея о том, что в ряде случаев необходимо анализировать коллективные познавательные процессы, предполагающие взаимодействие нескольких познающих агентов между собой и с их окружением – как природным, так и культурным. В этом случае в качестве носителей этих процессов следует рассматривать соответствующие коллективные организованные системы².

Ряд специалистов считают, что на третьем этапе когнитивная наука перешла от парадигмы Декарта к парадигме Аристотеля. Отечественный исследователь легко заметит серьезную перекличку данного подхода с тем пониманием познания и сознания, которое разработано в нашей психологии и философии как деятельностьное и культурно-исто-

---

¹ A. Clark, D. Chalmers. The Extended Mind. «Analysis», 58, 1998. P. 7–19.

² A. Clark. Embodiment and the Philosophy of Mind. «Current Issues in Philosophy of Mind». Cambridge, 1998. P. 49.

рическое, включая идею «расширенного» коллективного субъекта¹.

В этой связи некоторые философы и когнитологи ставят под сомнение сами исходные тезисы когнитивной науки в том ее виде, как она развивалась до недавних пор. Во-первых, высказывается точка зрения о том, что в рамках теории когнитивных динамических систем познание не должно пониматься как вычисление, – не только в алгоритмическом смысле, но даже и в коннекционистской интерпретации². Во-вторых, ставится под сомнение важный для классической когнитивной науки тезис о существовании ментальных репрезентаций как необходимого условия познавательных процессов³. Но в таком случае оказывается проблематичным само существование когнитивной науки. Выход из этой трудности предлагается в двух вариантах: либо иначе понять саму когнитивную науку, переопределить ее, отказавшись от тех предпосылок, из которых когда-то исходили ее основатели⁴; либо признать, что никакой единой когнитивной науки не существует, а есть разные когнитивные дисциплины и направления исследований, придерживающиеся разного понимания познания и разных стратегий⁵.

---

¹ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1981; Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

² T. Van Gelder. What Might Cognition Be, If Not Computation? // «Journal of Philosophy». 92/7. 1995. P. 345–381; J. Haugeland. Mind Embodied and Embedded // «Mind and Cognition», ed. by Y. Houngh J. Ho. Taipei, 1995.

³ E. Thelen, L. Smith. A Dinamic System Approach to the Development of Cognition. Cambridge, MA, 1995.

⁴ F. Varela, E. Thompson, E. Rosh. The Embodied Mind. Cambridge, MA, 1991.

⁵ M. Boden. The Philosophy of Cognitive Science // In «Philosophy at the New Millenium». Cambridge, 2001.

Сегодня в самом деле интенсивное исследование познания осуществляется в различных дисциплинах, многие из которых исторически не были связаны с когнитивной наукой в узком смысле слова.

Когнитивные процессы изучаются в социальной психологии, при этом не в качестве простого распространения идей когнитивной психологии или когнитивной науки на социальную сферу.

Начиная со второй половины XX века развитие научного познания успешно исследуется историей науки, которая тесно взаимодействует с философией науки.

Успешно развивается новая дисциплина – эволюционная эпистемология, изучающая познание не только как результат, но и как предпосылку эволюционных процессов¹.

В социологии получили популярность когнитивные подходы – во многом в феноменологическом истолковании².

В 70–90-е годы возникает социальная эпистемология. В настоящее время существуют два ее варианта. Один, связанный с т. н. «сильной программой» Эдинбургской школы, фактически сводит теорию познания к историко-социологическому исследованию функционирования научных институтов и внутринаучных коммуникаций на разных этапах развития науки. Эта программа исходит из того, что социальный анализ знания предполагает отказ от идеи асимметрии знания и заблуждения. Иными словами, элиминируется основная проблематика теории познания, а зна-

---

¹ Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М., 1996.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии познания. М., 1995.

чит, и сама эта теория¹. Но есть и другое понимание социальной эпистемологии, которое сегодня успешно развивается. В этом случае социальные структуры и способы взаимодействия между получателями и распространителями знания (в частности, между учеными) исследуются с точки зрения их эпистемической продуктивности. Эта интерпретация социальной эпистемологии может рассматриваться как расширение и развитие теоретико-познавательной тематики².

Философия языка, которая совсем недавно считалась основополагающей частью философии и фактически подминала теорию познания, сегодня многими исследователями изучается как раз с эпистемологической и когнитологической точек зрения³.

Вообще, сегодня поле приложения когнитивного и эпистемологического подхода серьезно расширяется. Если в 60-е и 70-е годы прошлого столетия был популярен лозунг о «лингвистическом повороте» в философии и науках о человеке, то сегодня можно говорить о «эпистемологическом и когнитивном повороте».

Это не значит, что когнитивный подход не вызывает критику. Такая критика существует, и для нее имеются основания. Во-первых, можно критиковать те варианты когнитивного подхода, которые сегодня практикуются, за то, что в них не учитываются должным образом определенные стороны познавательной деятельности (именно такого рода

¹ D. Bloor. Wittgenstein.: A Social Theory of Knowledge. N-Y, 1983.

² A. Goldman. Knowledge in a Social World. N-Y. 1999. См. также: Касавин И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // «Эпистемология и философия науки». Т. VII. № 1. М., 2006.

³ A. Quinton. The Rise, Fall and Rise of Epistemology // In «Philosophy at the New Millenium», Cambridge, 2001; R. G. Millikan. Cutting Philosophy of Language Down to Size. Ibid.

самокритика, как я отмечал ранее, сопровождала развитие когнитивной науки). Во-вторых, можно критически относиться к универсальным притязаниям когнитивизма, к попыткам когнитивистского истолкования эмоций, желаний, ценностей. В-третьих, сегодня среди ряда эпистемологов, психологов и представителей других наук о человеке становятся популярными идеи, согласно которым то, что кажется познанием, во многих случаях является конструированием, созданием соответствующего предмета (эпистемологический конструктивизм, социальный конструкционизм). Когнитивисты пытаются отвечать на эту критику, иногда умеряя свои притязания, а иногда переосмысливая понимание познания. Во всех случаях это оказывается плодотворным для дальнейшего развития когнитивных исследований.

Но описанная ситуация означает определенный вызов для философов. Философия, и прежде всего такой ее раздел, как теория познания (эпистемология), не может не реагировать на то, что сегодня делается в изучении познания в разных когнитивных дисциплинах.

На ранних этапах развития когнитивной науки была популярна идея о т. н. «экспериментальной эпистемологии». Имелось в виду, что эпистемолог должен работать в единой команде со специалистами в области искусственного интеллекта, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и других дисциплин, входящих в состав когнитивной науки, интерпретировать результаты их деятельности и формулировать программы дальнейших исследований. Предполагалось, что в этом случае философские гипотезы относительно познания и знания получают возможность строгой научной проверки. Однако развитие когнитологических исследований за три десятка лет про-

демонстрировало, что философ не может быть просто одним из членов команды специалистов в области когнитивной науки, ибо задачи эпистемологии гораздо шире.

Ведь современная эпистемология должна также реагировать и на те когнитивные исследования, которые идут сегодня за рамками когнитивной науки в узком смысле слова. При этом задачи эпистемологии как философской дисциплины не сводятся к тому, чтобы просто осмысливать то, что наработано специалистами – когнитологами. Ибо философ имеет дело не только со структурой знаний и процедурами их получения. Эти вопросы в действительности производны от главного вопроса эпистемологии как именно философской дисциплины: что есть знание? Это было и остается проблемой. Ибо знание, как известно со времен Платона, – это то, что может быть обосновано или оправдано каким-то образом и чему соответствует реальность. Понимание знания в эпистемологии, таким образом, не тождественно его пониманию в области искусственного интеллекта, где ведется разговор о «базе знаний» в отличие от «базы данных». Что же касается возможностей обоснования знания и его способов – от чего не может отвлечься эпистемолог, – то представления об этом менялись и продолжают меняться вместе с изменениями в культуре и в науке. Эпистемология занимается проблематизацией сложившихся традиций понимания знания. В наше время эта проблематика исключительно актуальна, ибо граница знания и веры, знания и иллюзии становится все более проблематичной в связи с развитием современных информационных технологий.

Взаимодействие философии с когнитивными исследованиями оказалось плодотворным и для первой, и для последних. Философия на протяжении своего развития всегда

должна была определять себя в отношении двух форм постижения реальности: науки и религии. При этом в течение последних трехсот лет именно наука и связанная с нею технология как самые динамические факторы развития европейской цивилизации во многом стимулировали философскую проблематику. Сегодня осмысление когнитивных наук становится особенно значимым для философии. Если принять во внимание то важное обстоятельство, что существенно определяющим фактором современной цивилизации является переход к информационному обществу (обществу знаний), то можно полагать, что развитие когнитивных исследований будет ставить все новые проблемы, важные и для философии, и для специального исследования когнитивных процессов. Развитие когнитивных дисциплин открыли новое поле для философской деятельности. В обозримой перспективе можно ожидать только его расширения.

Авторы статей, составивших данную книгу (философы, логики, психологи, социальные теоретики, историки философии) обсуждают именно эту тематику; при этом, как заметит читатель, их представления о характере, перспективах и границах когнитивного подхода в ряде случаев существенно расходятся. Я убежден в том, что сотрудничество философов и не-философов в исследовании проблем познания, включающее также и взаимную критику, будет успешно продолжаться.

МИКЕШИНА Л. А.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ НАУКА: БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Обновление и обогащение категориального аппарата современной эпистемологии предполагает, как один из плодотворных путей, изучение арсенала понятий, а также специфических способов их образования как в современной когнитивной науке, так и в когнитивных науках в целом, представляющих собой, в определенном смысле, метауровень таких давно существующих наук, как психология, лингвистика, семантика и другие. Переход на столь высокий уровень обобщения и абстракции дает возможность увидеть новые общие проблемы эпистемологического характера, переосмыслить давно существующие, выявить базовые принципы взаимодействия эпистемологии со специальными науками о знании и познавательной деятельности.

Знание в когнитивной науке. Категория знания исследовалась тысячелетиями, но остается феноменом, не имеющим единственного исчерпывающего определения. И тем более важно осмыслить новые его значения, выявленные при когнитивном подходе в науках. Когнитивная наука сформировалась в 70-е годы XX века как дисциплина, исследующая методом компьютерного моделирования функционирование знаний в интеллектуальных системах. Ее

отличает междисциплинарность, использование компьютерной метафоры и исследование познания. Лингвистика выступает по отношению к когнитивной науке как важный источник материала об устройстве когнитивных структур. По отношению к «искусственному интеллекту» (ИИ) когнитология является своего рода «теорией интеллектуальных машин и механизмов», т. е. сконструированных человеком компьютерных устройств и лишь через них – их естественных прообразов. Это объясняет различную природу эксперимента в психологии и когнитивной науке и определяет существование в последней компьютерной метафоры. В когнитологию был введен конструктивистский подход: хочешь понять явление – построй механизм, воспроизводящий его характерные черты. К числу стандартных проблем когнитологии относятся, например, представление знаний, моделирование понимания, распознавание когнитивных феноменов и т. д. Преимущество когнитивных методов исследования состоит в том, что они позволяют видеть следствия дескриптивной теории в действии.

Теоретики «искусственного интеллекта» считают, что человеческие знания имеют декларативно-процедурный характер; они содержат сведения о том, в какой роли кого-либо (что-либо) можно использовать. В этом заключается процедурная сторона знаний, т. е. даются знания об использовании объектов познания. Именно процедурный характер отличает знания от данных. С данными человек имеет дело тогда, когда представленное не содержит того, что с ними можно или нужно предпринять. Например, это данные о затмении Солнца, о суточной температуре, всевозможные статистические данные. Соединение данных с процедурными знаниями позволяет создать новое знание.

В связи с проблемой представления знаний в значительной мере возрастает роль компьютерной системы

в познании человеком своего знания. В качестве специфических признаков знаний, имея в виду их машинное представление, выделяют следующие: возможность внутренней интерпретации, благодаря которой данные получают имена и приобретают некоторую семантику; структурированность, рассматриваемая как свойство декомпозиции сложных объектов на более простые и установление связей между объектами, что означает использование отношений «часть – целое», «род – вид» и т. д.; связанность, выражаемая в том, что знания отражают закономерности относительно фактов, процессов, явлений, причинно-следственные отношения между ними; активность знаний. В традиционных компьютерах активную роль играет лишь программа, а данные пассивно хранятся в памяти. Практическая реализация активности данных заключается в инициации тех или иных программ состоянием самой базы знаний, когда обнаружена их неполнота или частичная противоречивость.

Эксплицитно выраженные знания составляют лишь незначительную часть общей базы знаний человека. Согласно современным подходам, такая база есть самоорганизующаяся и саморегулируемая система. Она включает следующие компоненты: *языковые знания* (грамматику, фонетику, фонологию, лексическую семантику), знание об употреблении языка и принципов речевого обучения; *внеязыковые знания* (о контексте ситуации и адресате коммуникации); *общефоновое знание*, т. е. личностная картина мира¹.

---

¹ Баранов А. Н., Паришин П. Б. К построению словаря терминов когнитивной науки // Когнитивные исследования за рубежом. Методы «искусственного интеллекта» в моделировании политического мышления. М., 1990. С. 139–142; Сильдмяз И. Я. Искусственный интеллект. Знание и мышление (когнитология). Тарту, 1989. С. 138–139; Осуга С. Обработка знаний. М., 1989. С. 9–10.

Под компьютерным представлением знания принято понимать информацию, хранимую в машине, формализованную в соответствии с определенными структурными правилами, которые компьютер может автономно использовать при решении проблем по алгоритмам типа логического вывода.

Информационная модель знания (как записанная в компьютере, так и вербализованная в тексте) является лишь эксплицированным намеком на представленное знание, по которому человек способен творчески воссоздать само знание. Знание моделируется в тексте, получая дискурсивную, упрощенную форму. Надежда на то, что оно будет адекватно воспринято адресатом, зиждется на вере в творческие способности последнего, в его умение воспринять текст не как буквальную инструкцию, но как нечто, позволяющее реконструировать архитектуру моделируемого знания. Феномен информации необходим, чтобы знание могло быть социализировано, превращено в общественное достояние; в то же время информация – это не вполне адекватное воплощение знания, скорее – его модель.

Обратим внимание на принципиальное отличие той информации, которая служит для получения знаний человеком, от информации, изучаемой в теории информации. Новое знание открывает человеку дополнительные возможности размышления и действия, увеличивает его свободу. Информация как управляющий сигнал уменьшает неопределенность допускаемых состояний управляемой системы. Налицо качественное различие информации как средства представления знания и информации как управляющего сигнала. Такое различие создается исключительно присутствием человека, способного извлечь из информации, записанной на бумаге или закодированной в компьютере, не-

что, позволяющее реализовать человеческую свободу выбора. Пользователь получает представление о возможных точках зрения, соответственно возникает та самая неопределенность, которая является необходимой предпосылкой этики. В когнитивных науках становится необходимой этическая рефлексия, основанная на принципе свободы личности. Вечная философская тема – диалектика свободы и необходимости – специфически проявилась в исследованиях по представлению знаний в экспертных системах. Для правильного понимания свободы важно выявить ее связь с объективной неопределенностью развития. Мысль о том, что свобода – это осознанная необходимость, была высказана Б. Спинозой, принимавшим концепцию абсолютного и однозначного детерминизма. Свобода человека оказывается здесь иллюзорной: ни человек, ни общество в целом не имеют свободы выбора действий и поступков, а лишь осознают predetermined ход событий. Действительная свобода возможна лишь при наличии объективной неопределенности, когда принятое решение, понимание, осознание происходящего могут изменить ход событий, становясь фактором детерминации социального процесса¹.

Информация, в противоположность знанию, не связана с конкретной личностью; она равно доступна всем, хотя возможности превратить ее в знание у каждого свои, опирающиеся на личный опыт и способности. Каждый «вычерпывает» текст на ту глубину, которая ему лично доступна. Знание – личное достояние знающих, перенимающих его

---

¹ Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 6–7; Шрейдер Ю. А. Двоякий облик современной информатики // Природа. 1988. № 5. С. 64, 66–67; Гречанова В. А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма. Л., 1990. С. 106–107.

друг у друга как образцы действия в процессах-эстафетах. Для человеческого мышления характерна неполнота, неоднозначность, противоречивость. Эти, казалось бы, бесспорные недостатки интеллекта человека превращаются в его достоинства, отражающие важнейшие преимущества перед «машинным мышлением». В современных исследованиях отмечается такое свойство человеческих знаний, как «полуабстрактность». С позиций формализации наши знания не являются абстрактными и универсальными, а с позиций осмысления они в высшей степени универсальны. Человеку очень сложно с помощью одних и тех же знаний решать задачи, формально и структурно аналогичные, но различные по смыслу и содержанию. Смысловая связь, таким образом, есть основной конструктивный элемент знаний. При обучении человека крайне важно путем смысловой интерпретации условий задачи установить связь с существующими знаниями. Человек как обучающаяся система имеет слабую универсальность по отношению к форме, но может адаптироваться в сложной среде благодаря универсальности по отношению к смыслу.

Понимание новой ситуации или задачи сводится к попытке найти в памяти ситуацию, наиболее сходную с данной. Человек может обрабатывать новые данные, лишь обратившись к памяти о накопленном опыте. Вероятно, структуры, применяемые для обработки новых данных, — это те же структуры, которые используются для организации памяти. Значит, новая задача, встречаемая человеком как в обыденной жизни, так, пожалуй, и в научном исследовании, требует переформулировки в терминах уже сложившейся системы знаний. Исследования в области «искусственного интеллекта», а также в философии науки, дают основания считать, что метафора — одно из средств

порождения нового знания. Кроме того, метафора – орудие научного поиска. Она играет моделирующую роль, предопределяя способ и стиль мышления об объекте. Ключевые метафоры переносят образ одного фрагмента действительности на другой ее фрагмент. Они обеспечивают его концептуализацию в уже сложившейся системе понятий. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию. Существенная роль метафор закреплена, вероятно, и в лингвистических механизмах. Так, одно из наиболее интересных, хотя и гипотетических следствий интегральной обработки языковых сообщений, состоит в том, что процесс понимания буквальных выражений оказывается весьма похожим на процесс понимания метафорических выражений. Можно с уверенностью сказать, что задача моделирования процессов понимания текста не может быть успешно решена без моделирования процесса метафоризации¹.

Вероятно, философы и математики выполняют функцию «установщиков» предупредительных знаков для мышления. Они находят примеры, подобные парадоксам брадобрея, черепахи и лжеца, говорящие о том, где нам нужно остановиться в размышлениях и рассмеяться. Когда подобные примеры внедряются в мышление, они образуют интеллектуальные аналоги фрейдовских эмоциональных цензоров. Тогда удастся понять, почему логические ошибки и

---

¹ Приобретение знаний. М., 1990. С. 64, 66; *Сергеев В. М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Языки моделирования социального взаимодействия. М., 1987. С. 10; *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафор. М., 1990. С. 15–16; *Шенк Р. Б., Бирнбаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. М., 1989. С. 47.

нелепости могут иметь такую же юмористическую окраску, как и двусмысленные шутки. Поскольку у нас нет известного способа обходить все непоследовательности и противоречия здравого смысла, то, вероятно, каждый из нас составляет свой личный набор «когнитивных цензоров», чтобы потом всегда можно было распознать и избежать тех логических ошибок, с разновидностями которых нам уже приходилось встречаться.

Витгенштейн считал, что у каждого из нас существует некоторый набор квазиэмпирических пропозиций, которые имеют условный характер. Эти пропозиции обладают следующими двумя признаками. Во-первых, они находятся «вне сомнения», так как если бы человек начал в них сомневаться, он перестал бы испытывать уверенность по отношению к чему бы то ни было вообще, даже по отношению к тому, что знает родной язык. Человек потерял бы способность рассуждать, выносить суждения, заниматься изучением чего-либо. Он утратил бы даже *способность сомневаться*. Сомнение по отношению к некоторым пропозициям делает невозможным сомнение вообще. Во-вторых, не будет ничего абсурдного в том, что человек (даже столкнувшись с самыми невероятными событиями) откажется усомниться в истинности этих пропозиций, определяющих границы нашей способности выносить суждения. Не будь этих границ, мы не смогли бы ни говорить, ни мыслить. Выражения «я знаю...», «я верю...», как и выражение «я сомневаюсь...», могут быть употреблены только тогда, когда существует принципиальная возможность сомнения, дальнейшего исследования или исчерпывающего доказательства.

Не исключено, что на долю «отрицательного метазнания», т. е. знания о моделях рассуждений и выводов, кото-

рые были признаны дефектными и ошибочными, приходится большая часть известного нами. Позитивные общие принципы мышления должны дополняться цензорами, действующими на основе отрицания и осмеяния некоторого положения дел. Было бы крайне неэффективно менять общий механизм для корректировки отдельной ошибки. Когда действия общего механизма приводят к плохим результатам, необходимо создать в памяти способы подавления процессов, ведущих к абсурду. Можно предположить наличие индивидуальной для каждого человека структуры, которая хотя и не вполне упорядочена, но информирует нас о том, насколько и когда можно доверять используемой модели вывода.

Относительно существования когнитивных цензоров сложились определенные представления. Цензоры зачастую неосознаваемы и составляют неявный фундамент личностного знания и рассуждений на уровне здравого смысла. Они исторически и культурно обусловлены. Некоторые из них, возможно, возникли в раннем филогенезе. Для планирования своей деятельности человек должен был научиться видеть те границы, в пределах которых мышление не дает сбоев. Обретя способность следовать сложным линиям рассуждений, мы оказались вынужденными обходить многочисленные ошибки, вызванные ложными ассоциациями, тончайшими смысловыми изменениями, движением мысли по кругу, радикальным скепсисом. Язык возник как орудие манипулирования четкими и гибкими символическими образами. А поскольку уменьшение многозначности и степени абстрактности символических операций отрицательно сказалось бы на возможностях человеческого мышления, то неизбежно должна была возникнуть цензорная память. Вообще же цензоры формируются в ходе усвоения данного

типа культуры, в процессе обучения и широко понимаемой деятельности. Представляется безусловным тот факт, что когнитивные цензоры каждого человека уникальны¹.

Возвращаясь к проблеме машинного представления знаний, отметим еще раз, что эта задача связывается с различием между процедурным и декларативным «видением ситуации». Процедурное знание – набор предписаний на какие-либо случаи жизни. Какие именно – знает только человек. Только он решает, когда и как этими предписаниями воспользоваться. Декларативное знание – это набор конкретных сведений, относящихся к конкретной ситуации и функционирующим в ней объектам. Но только владение понятийным знанием дает возможность активно использовать знания двух других видов. При процедурном описании способа решения задачи автор алгоритма «держит» понятийное знание у себя в голове или включает в комментарий к алгоритму. При декларативном описании кто-то должен вложить это понятийное знание в систему ИИ, чтобы она «сумела» воспользоваться этим описанием. Этот «кто-то» берет на себя самую нелегкую часть работы, снимая тем самым с конечного пользователя часть его проблем. Именно в этом видится одна из причин успеха экспертных систем и роста общего интереса к проблеме представления знаний в машине.

Понятийное знание в системах программирования представлено в таких отношениях, как модульность. Привычно смотреть на модульность как на средство структу-

---

¹ Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // *Философия, логика, язык*. М., 1987. С. 259–262; Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. М., 1988. С. 285, 288, 293, 295, 302.

рирования алгоритмов, программ и данных. Но не в меньшей степени так передаются знания о конкретной предметной области, да и программистское знание в самом широком смысле, т. е. то, что предшествует созданию любого алгоритма или программы. Модули – это «первокирпичики», из которых знания складываются; это «зародыши», прорастающие новым знанием и способами его использования. Речь идет о новых способах, еще не воплощенных в конкретные алгоритмы, в конкретные описания объектов и относящихся к ним задач. Существует возможность уменьшения модулей, когда значительное число миниатюрных модулей, способных по-разному комбинироваться друг с другом, а также разворачиваться в более сложные конструкции, позволяет более компактно представлять знания разных видов.

Программирование нуждается в обобщающей работе и конкретизации. Было бы заманчиво передать часть анализа и порождение новых модулей самой интеллектуальной системе. Уменьшение размера единичных модулей естественным образом сопровождает процесс систематизации и обобщения знаний в какой-либо области, когда от единичных рецептов переходят к общей системе знаний, способной сформировать решение для различных конкретных ситуаций. Процесс обобщения приводит к уменьшению числа модулей, так как один и тот же модуль используется для обслуживания многих задач, а конкретные различия между задачами выносятся в данные. Подобный процесс систематизации знаний может восприниматься как вытеснение процедурных способов описания ситуации декларативными.

Встает проблема: в какой конкретной форме понятийное знание может быть представлено в машине и каким

конкретно способом будет в ней функционировать? В системе, предложенной Дж. Маккарти еще в 1958 году, понятие «знание» представлено в виде формул некоторого языка. Для того чтобы система могла функционировать, необходима некоторая программа, решатель, способная по описанию задачи определить последовательность действия для ее решения. Скрытая опасность такого подхода состояла в следующем: уже не вызывала сомнения специфичность понятийного знания для каждой предметной области, решатель же представлялся столь универсальным, что не зависел ни от какой конкретной задачи. Такого решателя либо нет, либо его практическая реализация столкнется с ограниченностью машинных ресурсов – времени и памяти. Выход видится в использовании для каждой предметной области не только «статических схем» взаимоотношений между понятиями, но и специфических, упорядочивающих элементов знания, позволяющих направлять поиск решения по эффективному пути. Значит, моделируемое понятийное знание должно включать элементы, близкие по форме к декларативному знанию (формулы, схемы), и фрагменты, приближающиеся к процедурному знанию.

Знания также содержат в себе возможность извлечения определенных правил. В этом смысле знания представляют собой когнитивные матрицы, особые формы или структуры, предназначенные для получения нового знания. Знания, из которых можно извлечь правила описания, распознавания или деятельности, являются унарными матрицами. Знания, несущие правила того и другого вида, будут бинарными матрицами. Унарные матрицы возможны лишь как очень сильные абстракции. Если же знания позволяют извлечь также правила для построения на их основе других знаний, т. е. правила когнитивного конструирования, то

это – тернарные матрицы. Теоретические знания и особенно их высшие формы – научные законы и теории – представляют собой тернарные матрицы. Реализация знаний как тернарных матриц возможна лишь в определенной когнитивной среде, содержащей в себе ту или иную логику, обеспечивающую формальный или содержательный переход от одних знаний к другим, причем такой переход может быть осуществлен без обращения к наблюдениям и экспериментам, т. е. без дополнительных данных.

Отличие традиционной гносеологии от разделов теории познания, связанных с компьютерной революцией, состоит в том, что первая концентрируется на процедуре, дескрипции, обращаясь к высказываниям и правилам для получения знания. «Компьютерная» теория познания делает центром своего внимания регуляцию, обращается к нормативным предложениям, использует знания для продуцирования правил¹. Сегодня развитие теории познания классическими гносеологическими средствами не всегда возможно: изменяется инструментарий эпистемолога, требования к его профессиональной подготовке. Философия становится дисциплиной, сопричастной экспериментальной деятельности, осуществляемой при разработке программ искусственного интеллекта. Выяснилось, что именно в этой сфере возможна проверка самых тонких и абстрактных гипотез о природе человеческого разума. Сегодня здесь на первый план вышла проблема порождения знания и это потребовало пересмотра базовых концепций ИИ. По

---

¹ Лавров С. С., Цейтин Г. С. Что такое представление и использование знаний в машине? // Научно-техническая информация. Серия 2. 1989. № 5. С. 2–5; Ракитов А. М. Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 164–166.

ходу поиска обнаружилось, что идеи Локка, Лейбница, Канта, Гуссерля, Хайдеггера – это концептуальные модели, которые могут быть экспериментально проверены, что позволяет разрешить философские споры о природе разума и познания. Так, по существу, экспериментально была доказана несостоятельность локковской теории «чистой доски», поскольку выяснилось, что возможности универсальных распознающих устройств, не имеющих тех эмпирических знаний-предпосылок, которыми обладает любой человек, ограничены. На самом деле «чистая доска», на которую записываются данные опыта (те «образы», которые необходимо распознать иногда только по намеку, как это делает человек), должна иметь весьма сложную структуру, включающую множество априорных знаний о мире. При разработке программ ИИ экспериментально подтвердилась также огромная роль скрытых, неявных знаний, не выраженных в языке, но хранящих в себе жизненный опыт¹.

В литературе достаточно определенно высказывается мнение о том, что в настоящее время эксперименты на компьютерах, а не на людях, – самый верный шаг на пути проверки гипотез о мышлении, различных аналогов мыслительной деятельности. Это, разумеется, не может рассматриваться в качестве полного доказательства предлагаемых гипотез, но принимается как серьезный аргумент в их пользу. Искусственный интеллект как «экспериментальная философия» делает фигуру эпистемолога столь же необходимой для компьютерной революции, как и мате-

¹ Winograd T., Flores F. *Understanding Computers and Cognition: A new Foundation for Design*. Norwood, New Jersey, 1986; *Cognitive Science. An Introduction*. Cambridge (Mass.), 1987; Сергеев В. М. Искусственный интеллект – это еще и экспериментальная философия // Знание – сила. 1989. № 6.

матика-программиста. Эпистемология впервые за всю историю получает прямой выход в сферу конструктивной инженерной и технологической деятельности. Меняется характер связи эпистемологии с практикой.

Новые аспекты человеческого знания выявляет изучение способов представления знаний в машине; при этом также просматриваются некоторые аналогии, присутствующие в собственно философском знании. Важнейшей для проблемы представления знаний в машине является теория фреймов, в основе которой лежит гипотеза о том, что знания о мире складываются по определенным сценариям о фиксированном наборе стереотипных ситуаций и могут быть описаны как результат заполнения рамок, или фреймов. Свойство фреймов содержать наряду с явной и скрытую, подразумеваемую, информацию делает их экономным способом организации информационных процессов, позволяет повысить скорость обработки, получить приближенный ответ, не содержащийся в явном виде в базе знаний.

Исследователями отмечено поразительное сходство между нозмами Э. Гуссерля и фреймами М. Минского. По Гуссерлю, имеется связанная с каждым ментальным актом нозма, посредством которой акт сознания направлен на свой объект, если таковой вообще существует. Когда мы размышляем о кентавре, наш акт размышления имеет нозму, но не имеет объекта; в этом случае не существует объекта, о котором мы думаем. Однако благодаря нозме даже такой акт сознания является направленным. Система признаков вместе со способом данности объекта и есть нозма. Нозмы – абстрактные объекты, их роль в познании состоит в том, что они соотносят объекты с сознанием, конституируют объективную реальность в качестве объектов субъек-

тивной реальности. Благодаря нозмам акты сознания оказываются сфокусированными на различных аспектах реального объекта, охватывая его с различных точек зрения; при этом всякая конкретная нозма допускает возможность дальнейшего осуществления познавательного процесса.

Нозма может быть интерпретирована как сложная структура познания, включающая иерархию правил для описания элементов познаваемого целого. Описание фиксирует ожидаемые свойства. Ожидание определяется установками. Целое познается через сумму описаний. Фреймы также состоят из узлов и связей. На самой вершине находятся инварианты, не зависящие от условий, а на нижнем уровне – терминалы и слоты, заполняемые ситуативной информацией. Задача искусственного интеллекта, как оказалось, переплетается с задачами и представлениями трансцендентальной феноменологии¹.

Новые общенаучные понятия и операции: категоризация. В когнитивной науке нередко ситуации, когда, казалось бы, известный феномен, становясь предметом интереса сразу нескольких наук, заново проблематизируется. Одна из таких проблем – операция категоризации; давно исследованная в философии, она вновь вышла на передний план в когнитивной науке, а также в психологии и лингвистике, и неожиданно вызвала к жизни новые вопросы фундаментального уровня познавательной деятельности. Категоризация понимается как процесс отнесения познаваемого объекта к некоторому классу, в качестве которого

¹ Фоллесдаль Д. Понятие нозмы в феноменологии Гуссерля // Методологический анализ оснований математики. М., 1988. С. 63, 68; Дрейфус Х. Л., Дрейфус С. И. Создание разума против моделирования мозга: искусственный интеллект, возвращаясь к исходным позициям // Когнитивная наука и интеллектуальная технология. М., 1991. С. 55.

могут выступать не только названия материальных предметов, но сенсорные и перцептивные образцы, социальные стереотипы, эталоны поведения; в целом – обобщения, несущие в себе совокупный общественный опыт. Особенно интересен опыт гуманитарных наук, которые, в отличие от естествознания, открывают иные когнитивные структуры в их соотношении с языком, психологией и телесностью субъекта; а также базовые способы упорядочивания и классификации (таксономии) многообразных форм знания на всех уровнях проявления когнитивной способности человека.

Термин «категоризация» получил широкое распространение и применяется к самым различным видам деятельности и человеческому опыту в целом, фиксируя одно из самых фундаментальных его свойств – когнитивные способности, в первую очередь классифицирования, распределения по группам, классам, разрядам, типам и т. п., упорядочивающие воспринимаемый и познаваемый мир и позволяющие предвидеть и предсказывать объекты и другие сущности реального и воображаемого мира. При всем разнообразии способов категоризации – как психологической, логической, математической и других – всегда существует главная проблема: на основании каких критериев осуществляется эта операция и какие категории являются главными, определяющими? Решение этой проблемы не сводится к классификации на основе понятий и терминов языка, но варьируется и приобретает свою специфику в конкретных областях, разрабатывающих свои теории категоризации и открывающих множество особенностей этой фундаментальной проблемы.

В когнитивной психологии категоризация рассматривается, главным образом, в контексте теории восприятия, а особое внимание к этой процедуре возникло с появлением

и развитием когнитивной психологии. Один из ее основателей – американский психолог Дж. Брунер – исследовал категоризацию как акт, с необходимостью предполагаемый и базовый в восприятии, тесно связанный с языком, сохраняющим социокультурный опыт, и позволяющий расширять пределы непосредственно получаемой информации. Он убежден, что категоризация как «одна из главных характеристик восприятия является свойством познания вообще» тем более потому, что «восприятия имеют родовой характер» и воспринимаемое как единичное обретает предметный смысл только через соотнесение с некоторыми общими категориями, иначе оно оказалось бы «погребенным в безмолвии индивидуального опыта». Именно с умением сопоставлять признаки объекта с эталонной системой категорий Брунер соотносит возможность адекватного отражения мира в восприятии и подтверждает это примерами сенсорной категоризации, упорядочения по шкалам. Он показал, что верность сенсорной оценки зависит от предварительного усвоения категорий, обнаружения зависимости восприятия величины и уровня адаптации от категоризации, т. е. от того, считает ли субъект, что данный раздражитель относится к категории рассматриваемых объектов. Чем адекватнее системы категорий, построенные для кодирования среды, тем больше возможностей для предсказания новых свойств и объектов.

Включенность восприятия в деятельность придает познаваемым предметам и отношениям социокультурные значения; например, естественное время обретает черты социального, а в идеальном плане становится возможным «передвигаться» во времени в различных направлениях. Расчленение действительности на настоящее, прошлое и будущее предстает как отделение их от субъекта, и тем са-

мым как «категоризация жизни на события, ситуации» посредством чувственных обобщений при решении чувственно-практических проблем (К. А. Абульханова-Славская). Одновременно проявляется чувственная способность «перемещения» предметов в пространстве, обозначения одного предмета через другой при отвлечении от их материальных свойств, отрыве формы от предмета, а также установление сходства форм, их трансформация, или категоризация по сходству, превращение чувственно воспринимаемых свойств одного предмета в заместитель, знак другого и т. п. В целом происходит концептуализация действительности – создание концептуальных, категориальных схем с сохранением первичных оценок, тесно связанных с субъектом. Они имеют силу только в рамках данного контекста, события, ситуации и, соответственно, не являются рациональными теоретическими абстракциями. Несомненно продуктивным является рассмотрение проблемы категоризации в контексте культурно-исторического и социального опыта, ее понимание как фундаментальной составляющей восприятия, познание в целом, осуществляемое в контексте смыслополагающей и коммуникативной деятельности.

Результаты, полученные когнитивной психологией, стали основанием для исследования категоризации во многих других областях. Обращение к этой проблематике стимулировалось двумя фундаментальными процессами: «лингвистическим поворотом» в философии и других гуманитарных формах знания, а также переосмыслением самого языка как объекта изучения, существующего в единстве познания (когниции) и коммуникации. Он исследуется сегодня как в своих прямых функциях, языковой компетенции говорящего, так и в проявлении других когнитив-

ных и ментальных процессов восприятия, памяти, мышления, воображения, рассматриваемых не только в психологии, но и в новой области знания – когнитивной науке, междисциплинарной по своей природе. Одна из проблем, способ решения которой безусловно значим и для эпистемологии, – это соотношение различий, существующих в реальном мире, и различий, фиксируемых средствами языка. Как бесконечное разнообразие действительности охватывается конечным числом языковых форм?

Этот вопрос стал одним из центральных в когнитивной лингвистике, в частности – во вновь складывающейся прототипической семантике, где поиск ответа опирается на два допущения: 1) в основе категорий лежат не особенности конкретного языка, но определенная модель знания; и 2) категории обладают прототипической структурой – определенной внутренней организацией, включающей ядро и периферию. Наличие такого ядра позволяет образовываться категориям не только по полному совпадению свойств, но и по той или иной степени их сходства или подобия. Между членами категорий нет равенства, но есть мотивированная связь друг с другом, и от ядерных смыслов можно перейти к периферийным путем умозаключений (Дж. Остин). Категория возникает, существует и развивается, ориентируясь на лучший образец (прототип) и устанавливая определенную иерархию признаков. Возможна и ситуация, когда от одного прототипа развитие категории идет в нескольких направлениях, что порождает определенную ее многозначность и многофункциональность. Во всех этих случаях, близких обыденному сознанию, господствуют отношения по типу «семейного сходства», идея которого принадлежит Л. Витгенштейну и использована лингвистами при изучении процесса категоризации. В отличие от

логически определенных понятий, созданных в системе отношения «род – вид» по правилам формальной аристотелевской логики, обобщающих существенные свойства и отношения, при создании «естественных» категорий образуются категории-концепты. Концептом обозначают некоторую отдельную от других сущность, целостную, содержательную, оперативную единицу, своего рода образ, гештальт (Дж. Лакофф), «квант структурированного знания» (Е. С. Кубрякова), элементы которого – слои, признаки – вычленяются в зависимости от разных задач. Концепт может быть репрезентирован разными типами: представлением, схемой, понятием, фреймом, сценарием и др. В обыденном мышлении и языке такой концепт-гештальт привязан к слову или сочетанию слов, в отличие от логически оформленного понятия в научном языке и мышлении. Понимание языковой категории как концепта, гештальта, оперативной единицы мышления, сохраняющей элементы образности, позволяет понять ее фундаментальное значение в выполнении таких функции, как редуцирование поступающей в мозг информации, упрощение процесса идентификации, осмысление объектов, преодоление чрезмерной детализации, отнесение к более высокой категории, принятие решений относительно последующих действий (Дж. Брунер). Очевидно, что все эти операции не исчерпываются приемами логической абстракции, что они гораздо богаче метода отвлечения и обобщения и не сводятся к ним. Одновременно исследователи отмечают, что категории языка как носители человеческих знаний неравноценны и не рядоположены, поскольку различны по природе, структуре и назначению. Так, по В. С. Кубряковой, они могут быть «отражательно-ориентированными», когда организуют знания о мире (например, как части речи или грам-

матические категории, имеющие онтологические основания и «сортирующие» фрагменты внешнего мира), или «вербально-ориентированными», если характеризуют язык науки (например, лингвистики) и имеют дело с реальностью самого языка. Первые имеют в качестве референтов реальные предметы, свойства, отношения, могут быть истинными или ложными; а вторые имеют дело с представлениями о референтах и способах их знакового замещения.

Такое понимание языка как единства когниции и коммуникации, выражаемое, в частности, через фундаментальный процесс категоризации, может стать предпосылкой и основанием для становления и развития методологии наук о духе и наук о культуре. Одновременно опыт когнитивной лингвистики, исследующей фундаментальную операцию категоризации как универсальную во всех видах познания, дает новые возможности для более глубокого понимания (в том числе в философии) природы категорий, универсалий вообще, а также обогащения эпистемологии как учения о познании и дальнейшего ее развития с опорой на гуманитарные науки.

Новые формы представления знания и познавательной деятельности. Эпистемологические смыслы схем, сценариев, фреймов. Традиционное представление знания исходило из таких структурных единиц, как предложение или группа предложений, образующая функциональную единицу типа теории, гипотезы, метода и т. д. Их анализ осуществляется логикой или методологией, которые вырабатывали приемы рассмотрения правил построения предложений или методов и форм специализированного научного знания. Однако такое структурирование, многократно себя оправдавшее, исходит из классического представления о знании, полностью элиминирующем все, что в какой-то

мере связано с субъектом и социокультурными параметрами его познавательной деятельности. Новое в понимании структуры знания и способов ее представления – поиск форм и приемов, фиксирующих культурно-исторические и антропологические смыслы познания как познания человеческого.

Следует отметить, что открытие новых структурных единиц знания осуществляется преимущественно в сферах, не являющихся непосредственно связанными с теорией познания и общей методологией. Соответственно возникает проблема: в какой мере возможно и целесообразно адаптировать эти структурные единицы в контексте именно методологии и эпистемологии; возможно ли извлечь общеметодологические характеристики структуры знания из вводимых в специальных областях конкретных структурных единиц? Речь идет о таких единицах, как текст, сценарий или фрейм, схема, ситуационная модель. Они пришли вначале из лингвистики, а затем приобрели новое звучание в программах искусственного интеллекта (ИИ).

Общая особенность этих единиц состоит в том, что каждая структурируется не только в зависимости от особенностей системы языка, но и в прямой зависимости от познавательно-интерпретационной деятельности субъекта. Кроме того, в них фиксируются глубинные, скрытые от непосредственного наблюдения связи и элементы ментальных явлений, не представленные в традиционных эпистемологических структурах. При этом выявляется возможность обнаружения и тех компонентов, которые лишь подразумеваются, существуют в знании как «формулы умолчания» – скрытые структуры неявного знания, предполагающего устойчивые формы невербальных коммуникаций познающих субъектов. Выясняется также, что эти

латентные структуры и их элементы не менее значимы в построении знания, чем эксплицированные логические и логико-методологические схемы и их элементы.

В когнитивной психологии достаточно широко распространено понятие «схема», встречающееся у Канта, введенное в 1932 году Ф. Бартлетом для анализа памяти, ее структуры¹, и в дальнейшем используемое Ж. Пиаже, Д. Рамелхартом и другими применительно к восприятию и пониманию. Деятельностный подход к восприятию – базовой форме познания – позволил увидеть структурные аналогии в действии человека и его познании, которые и явились основанием введения понятия схемы как единицы структурного анализа знания и познавательной деятельности.

Известно, что скульптор приступает к работе, имея определенное представление о том, как будет выглядеть законченная статуя, каково состояние камня, подлежащего обработке, каковы последствия предпринимаемых действий, какова последовательность действий, корректируемых восприятием сделанного, и т. д. до получения результата. В каждый момент квалифицированная деятельность определяется наличной ситуацией, предшествующими действиями, а также планами и ожиданиями субъекта. Этот циклический процесс и получил название схемы. Размышляя об этом У. Найссер дает свое понимание того, что фиксируется этим понятием. «Схема – это та часть полного перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимающему; она модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию, как

¹ Bartlett F. C. Remembering. Cambridge: England. Cambr. univ. press, 1932.

только последняя оказывается на сенсорных поверхностях, и изменяется под влиянием этой информации; схема направляет движение и исследовательскую активность, благодаря которым открывается доступ к новой информации, вызывающей в свою очередь дальнейшие изменения схемы»¹. Функции схемы могут быть прояснены в контексте других структурных единиц, которые используются при программировании в компьютерах. Наблюдается определенная аналогия схемы с форматом, который определяет, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию; при этом другая информация будет либо игнорироваться, либо вести к бессмысленным результатам. Информация, не соответствующая формату, остается неиспользованной, что соответствует избирательному характеру восприятия. Перцептивные схемы – это планы сбора информации об объектах и событиях, получения новой информации для заполнения формата. Вместе с тем схема не только план, но также и исполнитель плана, – это структура *действия*, так же как и структура *для* действия. В процессе восприятия схемы могут вступить в конфликт друг с другом и даже оказаться совершенно не совместимыми. В целом восприятие является результатом взаимодействия схем и наличной информации. Конструируя предвосхищающую схему, субъект включает как информацию от среды, так и его собственные когнитивные механизмы. Схемы формируются по мере накопления опыта, и благодаря перцептивному обучению субъект приобретает способность к восприятию все более тонких аспектов окружения. Схемы, существующие в каждый данный момент, являются продуктом индивиду-

---

¹ *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981. С. 73.

ального жизненного опыта, а также самого актуально разворачивающегося цикла. Они позволяют нам не только воспринимать текущие события, но и удерживать информацию о событиях, имевших место в прошлом. Как показывают исследования восприятия, в жизни человека, начиная с младенческого возраста, нет такого периода, когда он был бы полностью лишен схем¹.

В качестве схем, или вместе со схемами, часто выступают так называемые *когнитивные карты* (термин введен Е. Толменом в 1948 году), или ориентировочные схемы близкого окружения. Перцептивный цикл включен в более широкий цикл процессов обследования среды и сбора информации, охватывающий большую площадь и требующий большего времени. Ориентировочные схемы включают информацию о пространственных отношениях между объектами, об их положении в среде. Хотя некоторая информация о пространственном расположении объектов может быть получена даже неподвижным наблюдателем, но значительно больше ее становится доступной, как только он начинает двигаться. Информация о самом себе может быть собрана только соответствующим образом настроенной схемой. В свою очередь, любая собранная информация модифицирует схему. В случае передвижения в среде таковой является ориентировочная схема или когнитивная карта. Это означает, что когнитивная карта всегда включает в себя как субъекта, так и среду. «Я» и мир перцептивно неразделимы². Таким образом, в рамках когнитивно-структурного подхода к восприятию схема предстает как реальность перцепции, которая фиксирует факт стабильно-

¹ Нейссер У. Познание и реальность. М., 1981. С. 74–76, 81–82.

² Там же. С. 123–132.

сти и упорядоченности воспринимаемого содержания; как смысловой скелет чувственного образа, позволяющий интегрировать различную по модальности, времени, локализации информацию в единое целое¹. В литературе встречается также такое близкое к схеме понятие, как «конструкт». Дж. Келли понимает под конструктом обобщенное средство интерпретации, прогнозирования, селекции и оценки воспринимаемых событий. Конструкт обеспечивает организацию поведения субъекта, а динамика восприятия открывается при этом как создаваемая им адекватная система конструктов, тесно связанная со структурой личности².

Особым образом структурируется восприятие высказываний как определенных речевых актов. Оно основывается на сложном процессе, включающем использование различных видов информации. Анализ всех наблюдаемых способов выражения должен быть представлен в терминах знания, имеющего более общий характер: понимание неизбежно базируется на более общих концептах, категориях, правилах и стратегиях. Это общее «знание» организовано в концептуальные системы, получившие название *фреймов* – единиц знания, организованного вокруг какого-либо понятия. Понятие «фрейм» (frame – рамка), введенное М. Минским в лингвистике, или «сценарий» в программе ИИ, базируется на том, что разум интерпретирует данные восприятия в терминах, ранее приобретенных и предназначенных для описания структур – фреймов. Фреймы предстают как способ представления стереотипной ситуации; например, пребывание в комнате, посещение магазина, театра и т. д.

---

¹ Барабанщиков В. А. Динамика зрительного восприятия. М., 1990. С. 7.

² Kelly G. A. The psychology of personal constructs. N. Y., 1955.

В целом, теория фреймов, как отмечал М. Минский, была разработана с целью объяснить скорость человеческого восприятия и мышления, а также понять фактическое отсутствие поддающихся наблюдению ментальных явлений, сопровождающих эти процессы¹.

Формирование системы взаимосвязанных фреймов используется как на концептуальном, так и на перцептивном уровнях. Их формирование осуществляется в течение всей жизни человека и определяется приобретением им соответствующего опыта. Фреймы обозначают «набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную последовательность стереотипных событий»².

Так, например, существует единый фрейм интерпретации названий дней недели. Он предполагает понимание естественного цикла, порождаемого кажущимся движением солнца; знание стандартных способов вычисления этого цикла; социальные смыслы недельного цикла, связанного с работой и досугом. Фреймы различны по происхождению. Одни из них являются как бы «врожденными», в том смысле, что они естественно и неизбежно возникают в процессе когнитивного развития каждого человека (например, знание характерных черт человеческого лица); другие фреймы усваиваются из опыта или обучения; существование третьих полностью зависит от связанных с ними языковых выражений, как, например, единицы измерения, даты и дни календаря³.

¹ Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

² Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 8.

³ Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С. 54.

Исследователи отмечают, что фреймы имеют конвенциональную природу, каждый из них содержит набор характеристик, известных сообществу и принятых им. Восприятие части из этих характеристик активизирует фрейм в целом, а не воспринимаемые непосредственно свойства восстанавливаются «по умолчанию». Так, если часть стула (фреймом которого вы владеете) не видна, вы все равно «видите», воспринимаете его в целом и даже не замечаете фактическое отсутствие частей стула в поле зрения. Из этого следует, что осуществляемые в восприятии выход за пределы показаний анализаторов и включение в содержание перцепции того, что отсутствует в воздействии непосредственных раздражителей, возможны лишь в том случае, если субъект располагает системой устоявшихся, социально апробированных когнитивных структур типа схемы, плана, а главное – фреймов. С их помощью конкретизируются такие слишком общие понятия, как «теоретические знания», «общественно-историческая практика» и другие подобные, на которые обычно ссылаются в этом случае.

Классик социологии XX века И. Гофман применил понятие фрейма для обозначения форм организации повседневного опыта и общения людей, что позволило выяснить возможности нового языка, словаря в социологии¹.

В чем состоят гносеологические смыслы когнитивных структур и насколько правомерно обращение к ним в теории познания, если помнить о том, что схемы, планы, карты и фреймы или сценарии прежде всего единицы лингвистического и информационного (в программе ИИ) ана-

---

¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.

лиза. Прежде всего, в том, что они обращаются к столь важной единице гносеологического анализа, как восприятие, и позволяют преодолеть узко психологическую трактовку последнего. При когнитивно-структурном подходе существенно меняется представление о восприятии, его роли в познании в целом. Оно понимается как непрерывный процесс возникновения, смены, функционирования когнитивных форм, которые организуют и структурируют обобщенное, преимущественно эмпирическое знание, являющееся фоном, предпосылкой и условием актуально осуществляемого восприятия. Это знание содержит как индивидуальный, личностный опыт субъекта, так и элемент культурно-исторических традиций, социальных переживаний, ценностных и мировоззренческих представлений. Восприятие при этом предстает как единство настоящего, прошлого и будущего. «Фоновое» знание не явлено непосредственно, невербализовано, но вместе с тем оно присутствует в самом субъекте как не сводящееся только к памяти его личностное знание, «личностный коэффициент», с позиций которого он «видит» новые сенсорные данные, придает им предметный смысл. Восприятие осуществляется в контексте реальной жизнедеятельности субъекта, и должны быть знаниевые структуры, которые обеспечивают включенность восприятия. В качестве таких и могут рассматриваться когнитивные схемы и фреймы.

В свою очередь, сочетание подходов позволяет преодолеть известную «бессубъектность» концепции когнитивных структур, в которой определения субъекта и его деятельности оказываются вынесенными во вне и лишенными внутренней связи с восприятием. Функции субъекта вольно или невольно передаются самим когнитивным структурам; например, схема становится мотивом восприятия, осуще-

ствяет прогноз, перцептивную активность и т. п.¹. Подключение характеристик воспринимающего субъекта, в частности его установки, а также деятельностный подход, непосредственно связанный с идеей культурно-исторического развития чувственного восприятия, существенно обогащают, а не исключают когнитивно-структурный подход. Представление знания с помощью когнитивных структур типа схемы, карты, фрейма, в отличие от привычных форм – понятия, высказывания (суждения, умозаключения) или факта, метода, гипотезы, теории и других, – позволяют осуществить обоснование нового видения знания, отличное от традиционных гносеологических представлений о познавательной деятельности, в частности – на уровне восприятия, понимание природы которого является квинтэссенцией для учения о познании.

Как показали современные исследования по психологии восприятия, в частности Р. Грегори, нашим ощущениям непосредственно доступна лишь малая часть важных свойств объектов, и чаще всего мы полагаемся на такие свойства предметов, которые никогда не воздействовали на наши органы чувств непосредственно. Сенсорная информация неполна и недостаточна для определения поведения индивида и предметного смысла сенсорных данных. Ученый полагает, что восприятию помогают дополнительные источники информации, связанные с особенностями самой перцептивной деятельности, в частности стереоскопическое зрение, различные виды движения головы; однако, как представляется, не менее важным являются те представления субъекта, которые фиксируются такими знаковыми структурами, как схемы и фреймы. Как уже указывалось,

---

¹ Барбанищikov В. А. Динамика зрительного восприятия. С. 22.

именно они позволяют «видеть» невоспринимаемое и вносить определенность при интерпретации чувственных данных.

Это подтверждается и исследованиями, которые показали, что формирование образа восприятия предполагает непрерывное присутствие в сознании фундаментальных амодальных схем – мира и тела субъекта. Они как бы предшествуют любым другим когнитивным схемам и картам. Перцептивный образ формируется, прежде всего, через соотношение воспринимаемого мира с амодальной схемой мира через схему тела¹.

Именно когнитивные структуры выступают необходимой предпосылкой для осуществления интерпретации исходных сенсорных данных, не являющихся знанием до их понимания и истолкования, т. е. до тех пор, пока им не будут заданы предметные смыслы. Субъект строит объект-гипотезы, тесно связанные с его практической деятельностью, социокультурными предпосылками, традициями, которые не исчерпываются сенсорной информацией и апробированы в прошлой практической деятельности. Из всех возможных интерпретаций, или объект-гипотез, субъект бессознательно выбирает ту, которая в наибольшей степени соответствует его практическому опыту, а также культурно-историческим и ценностно-мировоззренческим представлениям, в конечном счете складывающимся в систему, которая может быть структурирована в виде схем, планов и сценариев-фреймов.

Однако тесная связь перцепции с нуждами практики и системой ценностных ориентаций субъекта обуславливает

---

¹ Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность как инверсии сетчатого образа // Восприятие и деятельность. М., 1976.

не только силу, но и слабость восприятия, возможность получить иллюзорные представления, когда интерпретация может вступить в прямое противоречие с сенсорными данными или породить стойкие массовые иллюзии. Традиционная гносеология причины таких искажений видела в том, что субъект своей активностью, граничащей с произволом, привносит нечто от себя, приписывает объекту не принадлежащие ему свойства и параметры. Но это лишь частный случай, не определяющий природу познавательной деятельности. В действительности иллюзия чаще всего не результат активности субъекта, а следствие того, что эта активность неадекватна объективной ситуации, либо сенсорная информация оказывается просто недостаточной для снятия иллюзии и выявления реального предмета¹.

Когнитивные образы, представленные в форме схем, планов, карт или фреймов (сценариев), существуют, как правило, в неявном виде и, по-видимому, могут рассматриваться как форма бытия невербализованного, но структурированного неявного знания. Иными словами, неявное знание как вспомогательное знание субъекта, его «личный коэффициент», представлено не только навыками и умением или традициями и различного рода предпосылками и ценностями, но и своего рода «образными» матрицами и стереотипами, с помощью которых новая информация (сенсорные данные) понимается и интерпретируется, вписывается в конкретный социокультурный контекст. Существующие попытки соотнесения логико-методологических и когнитивно-структурных (информационных) форм представления знания показывают всю сложность этой проблемы, решение которой с необходимостью упирается в со-

---

¹ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 148–151.

временное переосмысление прежде всего традиционных логических и эпистемологических форм. Первые же работы, рассматривающие соотношение понятия как базовой единицы логического анализа и фрейма – ситуационно-смысловой структуры представления знаний, используемой для хранения, передачи и переработки информации, – столкнулись с необходимостью современного истолкования содержания термина «понятие».

Традиционное учение основывалось на том, что в понятии обобщаются только *существенные* признаки предмета (абсолютный эссенциализм); современные представления (разрабатываемые, в частности, Е. К. Войшвилло) исходят из того, что обобщаться могут различные признаки объекта, а сама их существенность зависит от контекста их рассмотрения; отражение сущности в понятии считается предпочтительным, особенно для научных текстов, но не обязательным, и сама сущность не понимается как нечто абсолютное (ограниченный эссенциализм). Понятие характеризуется как форма мысли, мысленное образование, а с гносеологической точки зрения мысль может квалифицироваться как понятие независимо от существенных (несущественных) признаков, избранных для обобщения предметов¹.

Дальнейшая разработка проблемы понятия поставила вопросы о соотношении вербальной составляющей (определение) и содержания понятия как когнитивного образа. Очевидно, что определение не охватывает все содержание понятия как когнитивного образа: последний представлен также невербализованной частью неявным знанием. Ког-

---

¹ Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. М., 1987. С. 90–91.

нитивный образ, будучи сложным структурным образованием, содержит в качестве элементов чувственные и абстрактные образы. Именно последние могут быть неявными, невербализованными, как, например, интеллектуальные интуиции. Итак, понятие как когнитивный образ складывается из всей совокупности вербализованных и невербализованных, неявных компонентов. Другая особенность этого когнитивного образа – он осознается и сознательно оценивается субъектом с точки зрения его соответствия объекту. При этом с объектом соотносится развернутая вербальная информация о признаках объекта, а также невербализованные компоненты, в совокупности позволяющие сопоставить целостный когнитивный образ с объектом¹.

Представленная И. Ю. Алексеевой концепция понятия, разработанная с учетом традиционных учений и на основе ограниченного эссенциализма, выявляет те особенности понятия, которые позволяют обнаружить основания для соотнесения понятия и фрейма. Их сравнение как структур для представления знаний осуществляется, прежде всего, как знаковых систем – текстов. При этом обнаруживается, что фрейм как текст в общем случае существенно отличается от текстов как вербальных фрагментов содержания понятий. Текст-понятие строится из предложений, имеет характер речи; текст-файл выглядит как некоторая последовательность знаков искусственного и естественного языка (слов), возможности перевода и трансформации их в речевой текст достаточно неопределенны. Например, фрейм «деловая поездка» может выглядеть следующим образом: (Деловая поездка, <Кто, x >, <Куда, y >,

---

¹ Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М., 1993. С. 87–103.

<Когда, z >, <Цель, w >, <С кем, h >, <Вид транспорта, g >). Неопределенность фрейма не дает оснований утверждать, что фрейм раскрывает содержание понятия и системы фреймов представляют собой строгие определения понятий (с такими утверждениями можно встретиться в работах Е. Т. Семёновой, А. С. Клещева и М. Ю. Черняховской, а также О. Б. Бондалетовой)¹.

Вместе с тем различие текстов по форме и структуре определенным образом «скрывает» их сходство по содержанию, выявление которого может раскрыть связи понятия и фрейма. Фрейм как знаковая система, используемая для представления знаний, предстает как текст, содержащий информацию об объекте, обозначение которого и имя фрейма совпадают. В том случае, когда инженер по знаниям на основе речевых текстов, выражающих понятия, строит фреймы, обнаруживается прямая генетическая связь между ними. В целом, природа различия фрейма и понятия (речи, выражающей понятие) определяется различиями экзистенциального и технологического подходов к знанию. Неречевой характер фреймов оказывается во многих случаях технически удобным, так как позволяет дать наглядное описание (в отличие от логического), сократить время поиска информации. Фрейм фиксирует некоторые фрагменты понятия как когнитивного образа, в том числе фрагменты неречевого характера, явно не выраженные. Он выполняет операции со всей информацией, не сводимые, как известно, к операциям с информацией на речевом уровне. Понятие и фрейм могут совпадать, если фрейм имеет соответствующий речевой фрагмент. Но в целом фрейм как

¹ Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М., 1993. С. 65, 103–106.

знаковая структура служит не для представления понятия, но для представления когнитивной структуры¹.

Анализ опыта соотнесения логико-методологических и когнитивно-структурных форм представления знания позволяет сделать следующие принципиальные выводы:

- возможно выделение общей рубрики «формы и способы представления знания» и включение в нее эпистемологического подхода к знанию как к одной из форм его представления, что создает основания для соотнесения логико-методологических и когнитивно-структурных форм типа фрейма;

- сопоставление когнитивных форм, различных по знаковому выражению, напоминает эпистемологу о том, что речевая, словесная форма при всей ее значимости лишь один из способов представления и структурирования знания. Кроме того, этот способ уже по природе своей содержит возможность «умолчания», т. е. невербализации информации, лишь предполагаемой, подразумеваемой или даже неосознаваемой субъектом речедеятельности;

- представленность знания в форме когнитивных структур типа схемы или фрейма предполагает не только предметное содержание знания, но и определяет познавательно-интерпретативную деятельность субъекта, его поведение, а также фиксирует связи и отношения, непосредственно не представленные в традиционных эпистемологических структурах.

Одновременно могут быть указаны и важные методологические следствия. В принципе, возможно корректное соотнесение эпистемологического и когнитивно-структур-

---

¹ Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М., 1993. С. 107–120.

ного подхода к знанию и его структуре, но при выполнении, по крайней мере, следующих требований:

– при анализе форм знания необходимо различать их когнитивный образ и знаковую структуру, представленную в речевом или неречевом виде. В качестве необходимой предпосылки такого анализа должно быть принято положение о том, что когнитивный образ может содержать неосознаваемые, неявные компоненты;

– методологически некорректен прямой перенос результатов анализа фреймовых и подобных структур в эпистемологический или логический тексты. Сопоставление этих форм представления знания способствует выявлению новых проблем, скрытых при одностороннем подходе, но не снимает их специфики как экзистенциального или технологического знания.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ, ПРИКЛАДНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ НАУК

Любое реальное взаимодействие живых существ, в том числе и человека, с окружающим миром предполагает использование информации об этом мире как средства регуляции и управления поведением, что обеспечивает адекватные взаимоотношения и адаптацию к условиям действительности. Соответствующая активность органически связана с использованием информации, которая выступает обязательным условием и предпосылкой этой активности.

Информация, однако, не является ни веществом, ни энергией, ни вообще какой-либо особой субстанцией. Она воплощается в каких-то материальных вещественных или энергетических явлениях, которые выступают как ее носители, без которых она не может существовать, хотя и отличается от их материального субстрата. Таким образом, информация имеет свои основания в определенных свойствах реальности, обеспечивающих представление информации в вещественном и энергетическом субстрате. В качестве таких свойств могут рассматриваться материальные взаимодействия. Все явления, процессы действительности постоянно взаимодействуют между собой и в ходе этого взаимодействия претерпевают определенные изменения. Каждый из взаимодействующих объектов, процессов, воздействуя на другие и вызывая в них соответствующие изменения, оставляет определенный след в том объекте, явлении, процессе, на который он воздействует, и тем самым запечатле-

вает себя в результате этого взаимодействия. Таким образом, в процессах взаимодействия материальные объекты, явления, процессы фиксируют в своих изменениях определенные свойства воздействующих на них процессов, явлений, объектов.

Эта способность одних материальных систем фиксировать свойства воздействующих на них других материальных систем и составляет потенциальное основание для приобретения информации об этих системах. Когда материальные системы, испытывающие воздействие, приобретают способность интерпретировать любым образом эффект воздействия для реализации собственного активного поведения, тогда потенциальная информация, заложенная в эффекте воздействия, превращается в актуальную информацию.

В материалистической философской традиции способность одних материальных систем запечатлевать свойства воздействующих на них других систем получила название отражение. При этом различаются отражение как всеобщее фундаментальное свойство материи, связанное с эффектами материальных взаимодействий, т. е. с наличием потенциальной информации, и отражение в более узком и специфическом смысле, предполагающее использование этой информации с точки зрения соответствия содержания восприятий, представлений и понятий объективной реальности в качестве образов, отражающих эту реальность.

Следовательно, важнейшим шагом в эволюции материи от неорганической к органической форме, в том числе к наделенной психикой и сознанием, является возникновение информационного взаимодействия, основанного на использовании следов, отпечатков воздействий одних материальных систем на другие для активной ориентации в окружающем мире. При этом под информационным взаимодействием будем понимать любое взаимодействие объектов,

приводящее к изменению количества информации хотя бы одного из них.

Для того чтобы процесс обмена информацией между объектами был адаптивным и адекватным действительности с точки зрения поведенческой активности, необходимо соблюдение ряда условий. Если рассмотреть его на примере передачи информации посредством устной речи, то можно увидеть, что этот процесс многокомпонентный, то есть векторный. Первая компонента – физическая, предполагающая наличие физического источника звука, физической среды его распространения и физического приемника. Вторая компонента – сигнальная, то есть амплитудно и частотно модулированные колебания. Третья компонента – лингвистическая: необходимо, чтобы источник информации и реципиент знали хотя бы один общий язык. Четвертая компонента – семантическая, т. е. в передаваемом сообщении должно присутствовать содержательное описание объекта или явления, чтобы при получении сообщения было ясно его предназначение, адекватный смысл для принимающей стороны. Наконец, пятая компонента – прагматическая: необходимо наличие желания (мотивации) передавать и принимать сообщение.

Следовательно, информационное взаимодействие можно представить пятикомпонентной (пятимерной векторной) величиной, состоящей из следующих компонент:

- физической;
- сигнальной;
- лингвистической;
- семантической;
- прагматической.

Конечно, следует обратить внимание на то, что предлагаемое разбиение информационного взаимодействия на пять компонент носит условный характер, и возможно час-

тичное пересечение в этом делении. Так, отдельные составляющие передаваемого сообщения можно отнести к физической и сигнальной, сигнальной и лингвистической компонентам.

На сложный, многокомпонентный характер информации указывал еще А. Н. Колмогоров: «Подчеркну и качественно новое и неожиданное, что содержится... в теории информации. По первоначальному замыслу “информация” не есть скалярная величина. Различные виды информации могут быть чрезвычайно разнообразны... было совершенно неясно, можно ли качественно различные информации... считать эквивалентными».

Спектр информационных взаимодействий необычайно широк. Можно условно разделить их по объектам на три класса:

- 1) взаимодействие искусственных (технических) систем;
- 2) взаимодействие смешанных систем;
- 3) взаимодействие естественных (живых) систем.

К первому классу относятся информационные взаимодействия в технических системах – от простейших регуляторов до глобальных компьютерных сетей. Ко второму классу – информационные взаимодействия типа «живой организм–искусственный орган», «человек–машина», «живой исследователь–неживой объект исследований» и т. д. К третьему классу относятся информационные взаимодействия, действующие в пределах от молекулярно-генетического уровня до уровня социальных сообществ.

При описании каждого из этих уровней приходится опираться на специфическую для соответствующего уровня концепцию преобразования информации, на свои языки описания, на закономерности, разрабатываемые в рамках соответствующих наук, которые тем самым изучают информационное взаимодействие на данном уровне.

В приводимой таблице 1 представлены примеры, относящиеся к описанию информационного взаимодействия в природе и технике для выделенных трех типов объектов и пяти компонент. Несмотря на явно упрощенный характер описания информационного взаимодействия, данная таблица может быть полезна для анализа различных определений информации.

Таблица 1

Компоненты информационного взаимодействия	Тип объекта		
	Искусственный (технический)	Смешанный	Естественный (живой)
<i>Физическая</i>	Датчики. Сети и каналы связи. Элементы вычислительной техники. Исполнительные устройства.	Вживляемые датчики. Элементы искусственных органов. Физические основы сенсомоторики.	Морфология и физиология рецепторов, эффекторов, нейронов.
<i>Сигнальная</i>	Системы автоматического кодирования и декодирования. Системы первичной обработки сигналов.	Искусственные органы. Интерактивные системы первичной обработки информации.	Функции и архитектура нейронных сетей. Первичная обработка сенсорной информации.
<i>Лингвистическая</i>	Автоматические системы перевода, программирования, интерпретации и представления сенсомоторной информации.	Формальные грамматики. Языки программирования. Операционные системы. Интерактивные системы работы с базами данных.	Представление знаний в памяти человека и животных. Словарь, синтаксис и механизмы работы естественного языка.
<i>Семантическая</i>	Автоматические системы решения задач, формирования понятий, распознавания образов, логического вывода.	Базы знаний. Экспертные системы. Автоматизированные системы научных исследований, моделирования и проектирования.	Феноменологические принципы ассоциации, обобщения и умозаключения.

Окончание табл. 1

Компоненты информаци- онного взаи- модействия	Тип объекта		
	Искусственный (технический)	Смешанный	Естественный (живой)
Прагматиче- ская	Системы фор- мирования и оцен- ки важности це- лей. Интеллекту- альные роботы. Автоматические системы опти- мального управ- ления.	Теория управ- ления. Оценки качества управле- ния. Интерак- тивные системы управления.	Принципы ор- ганизации пове- дения человека и животных. Меха- низмы мотива- ции, эмоций, по- становки целей и задач.

Специально хотелось бы обратить внимание на тот факт, что информационное взаимодействие принципиально связано с использованием информации, потенциально заключенной в воздействии одного объекта на другой. Например, зеркало абсолютно «равнодушно» к тому, что в нем отражается: информация, содержащаяся в этом отражении, существует только для интерпретирующего субъекта, но не для зеркала. Информационное взаимодействие связано с активным использованием результатов внешних (и внутренних) воздействий. При этом информацию в данном контексте следует понимать достаточно широко – как свойство явлений быть побудителем определенных действий для интерпретирующего субъекта, как способность активной ориентации в окружающем мире. О взаимодействии можно говорить постольку, поскольку воспринимающий субъект расценивает материальное воздействие на него со стороны внешней среды как информацию об этой среде и, во-вторых, реализует эффект этого восприятия в реальном действии по отношению к среде. Очевидно, что возникновение информационного взаимодействия предполагает существование не просто способности испытывать

внешние воздействия и соответственно изменять свое состояние, но и активной адаптации к внешней среде. Этим свойством обладают лишь такие материальные системы, которые на основе заложенных в них внутренних программ могут активно относиться к объектам и явлениям внешнего мира. В процессе эволюции такого рода системы возникают естественным путем, но на современном этапе развития науки и цивилизации они могут создаваться человеком также и искусственно.

При информационном взаимодействии внешнее воздействие влияет на изменение состояния системы не прямо, а косвенно, что опосредуется приведением в активное состояние внутренних программ. В этом заключается суть информационно-сигнального воздействия внешних факторов на системы, способные к восприятию такого воздействия. Информационно-сигнальный характер внешнего воздействия определяется не свойствами этого воздействия как такового (например, энергетическими характеристиками), а способностями воспринимающей системы определенным образом использовать это воздействие в качестве средства для адаптации. Незначительное по своим собственным энергетическим или вещественным характеристикам воздействие может иметь значительное информационно-сигнальное значение для воспринимающей и интерпретирующей его системы.

Способные к информационному взаимодействию системы предполагают известные критерии отношения к окружающему миру, что проявляется в таких важных свойствах, как избирательность и опережающий характер отражения. Система, использующая информацию, относится к миру избирательно в том смысле, что она не просто испытывает воздействие внешней среды, а активно строит свои отношения с ней, используя те ее факторы, которые могут служить для ее адаптации и развития, и, с другой стороны,

избегая тех факторов, которые способствуют ее дестабилизации, разрушению, препятствуют ее функционированию и развитию. Опережающее отражение (П. К. Анохин) является своего рода «преднастройкой» в отношении будущих событий на основе заложенных поведенческих программ. Система, используя информацию, как бы «прогнозирует» то, что будет, благодаря чему оказывается в состоянии предварять в определенной степени результаты ее возможных взаимодействий с внешним (и собственным внутренним) миром. Она активно организует и мобилизует свои ресурсы и средства, ориентируясь на эти возможные результаты.

Мы сознательно столько внимания уделили мировоззренческим вопросам, которые в настоящее время стоят как перед естественнонаучным, так и перед гуманитарным знанием. Каждая дисциплина в той либо иной степени пытается осветить различные аспекты информационного взаимодействия, однако междисциплинарные барьеры не дают возможности сложить целостную мозаику, что приводит к отсутствию систематической и структурированной научной парадигмы.

Как мы старались показать, многие фундаментальные современные научные подходы с разных точек зрения обращаются к анализу проблематики производства, хранения, распространения и обмена информацией между различными объектами материального мира, причем каждая наука пытается анализировать вопрос, исходя из собственного объекта и предмета, присущей ей методологии, т. е.:

- 1) существующего стандартного набора путей, средств и методов исследования;
- 2) типичного лабораторного инструментария (оборудования, характера решения стоящих задач);
- 3) а также уже сформировавшегося и устоявшегося научного языка (словаря понятий).

Однако уже с середины XX века, благодаря широкому развитию идей кибернетики, теории информации и передачи сигналов, начала постепенно формироваться новая научная дисциплина – информатика, которая, в принципе, и должна заниматься всей совокупностью вопросов, касающихся информации (во всяком случае, должна стремиться наметить возможные направления исследований). Однако, к сожалению, как это часто и бывает, новая научная дисциплина создается из уже существующих дисциплин разными специалистами, которые пытались анализировать соответствующие проблемы в рамках «собственных» наук. Эта участь постигла и информатику, причем (так как эта молодая наука испытывает сегодня этап быстрого развития и достигает перспективных результатов, которые оказываются востребованы не только научным сообществом, но и в различных широких социальных сферах) в ней наблюдаются процессы выстраивания новых междисциплинарных барьеров, что противоречит самому духу информатики. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к энциклопедической литературе и проанализировать основные определения, которые в них даются.

Начнем с «**Новой философской энциклопедии**» – ведь именно философия претендует на то, что она является мировоззрением, сформулированным теоретическим образом. При этом в ней даже нет словарной статьи, посвященной информатике и информации, поэтому обратимся к наиболее близким понятиям.

Информации теория – специальная научная дисциплина, обычно представляемая как раздел кибернетики, анализирующая математические аспекты процессов сбора, передачи, обработки и хранения информации. Главная особенность теории информации состоит в широком использовании методов теории вероятностей и математической статистики, поскольку процесс извлечения инфор-

мации связывают с уменьшением неопределенности наших сведений об объекте.

Многочисленные попытки рассматривать информацию как инвариантную по отношению к видам человеческой деятельности форму представления идеального объекта (знание, художественный образ, естественный или искусственный языки и т. п.) и использовать понятия, принципы и формальный аппарат теории информации в широком, культурном, языковом или науковедческом контекстах (А. Моль, В. В. Налимов, Ю. А. Шрейдер) – все они не привели к сколько-нибудь значительным успехам.

В общенаучном (нематематическом) плане информацию обычно связывают с получением новых сведений об объекте, явлении или событии. Считают, что сообщение ценно для получателя тогда, когда оно изменяет его предыдущие знания об объектах и их взаимоотношениях с другими объектами. Поэтому важнейшей составной частью теории информации в ее нематематической интерпретации является изучение информационных взаимодействий... Концепция информационного взаимодействия представляет значительный интерес для гносеологии и социальной философии, педагогики, политологии и социологии, так как позволяет понять закономерности развития многих природных и социальных процессов.

Знание – форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результаты обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания.

Со времен элеатов, атомистов и Платона знание характеризуется через противоположность мнению. Глубокое, полное и совпадающее с объектом знание противопоставляется иному – поверхностному, фрагментарному и отклоняющемуся от подлинной реальности знанию, фактически лишенному позитивного статуса и объявляемого заблуж-

дением. Это – онтологическое представление о знании как образе скрытой реальности, которое постольку состоятельно, поскольку совпадает с последней (теория корреспонденции).

Практическое знание вплетено в деятельность и общение, слито с ними, направлено на их ситуационное обслуживание и обладает слабой рефлексивностью. Оно не вырабатывает смыслы, которыми обладают предметы и способы деятельности. Но транслирует их в данную практику из других контекстов опыта.

Теоретическое знание, напротив, ориентировано на выработку новых смыслов и внесение их в реальность. Оно в той или иной степени дистанцировано от объекта и содержит, скорее, схемы специфической деятельности и общения, обретающие форму понятий, законов, теорий в ходе их рефлексивной разработки.

Знание есть не только преобразование опыта в сознание путем структуризации, обозначения его элементов, не только фиксация опыта в социальной памяти. Оно является способом трансформации знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им новой формы, т. е. нового смысла и значения. Знание выступает как осмысление человеком контекстов своего опыта.

Не многим лучше обстоит дело со словником «Философского энциклопедического словаря» (1983 г.).

Информация (от лат. *informatio* – ознакомление, разъяснение, представление, понятие) – это: 1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик; 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы).

Знание – это проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий.

Перейдем к конкретному естественнонаучному знанию и начнем, конечно, с «**Физической энциклопедии**». Сразу следует отметить, что научный подход отличается от абстрактного философского своей практической направленностью.

Информатика – наука об общих свойствах информации, о закономерностях и методах ее поиска и получения, о записи, хранении, передаче, переработке, о распространении и использовании ее в различных сферах человеческой деятельности. Формирование информатики как науки связано с появлением и развитием электронно-вычислительной техники. Опыт моделирования, построения алгоритмов и составления программ для решения конкретных научных и технических задач на ЭВМ, согласование сложности и структуры вычислительных средств со сложностью и характером этих задач – стали важнейшей частью информатики. Эта предметная область остается для информатики основной и допускает более узкое и конкретное толкование термина «информатика» как науки о процессе и методах обработки информации.

Информатика объединяет все вопросы применения вычислительной техники, стимулирует ее совершенствование и определяет пути ее развития.

Информатика включает теорию кодирования информации, разработку языков и методов программирования, математическое описание процессов обработки и передачи информации. Наряду с автоматизацией обычных вычислительных процессов информатика развивает новые подходы к использованию ЭВМ в различных областях,

в частности экспертные системы, системы искусственного интеллекта.

Информация (от лат. *informatio* – разъяснение, осведомление) – это любые сведения и данные, отражающие свойства объектов природы (биологических, физических и др.), социальных и технических систем и передаваемые звуковым, графическим (в т. ч. письменным) или иным способом без применения или с применением технических средств. С середины XX века понятие «информации» стало общенаучной категорией, что было связано с введением количественной меры информации, разработкой теории информации, всеобщим распространением ЭВМ, становлением информатики. В более узком смысле информация – это содержание сообщения, рассматриваемого в процессе его передачи, восприятия и использования. Возможность быстрой передачи и автоматизированной обработки огромных информационных массивов, возникшая благодаря появлению ЭВМ и развитию средств связи, привела к становлению информационных технологий во многих областях человеческой деятельности. Появился ряд новых научных дисциплин, изучающих и обслуживающих процессы обработки информации.

Важность (ценность) какой-либо информации зависит от множества обстоятельств и, по существу, не поддается формализации. В то же время во многих случаях, в которых применим статистический подход к процессам получения и передачи информации, полезным оказывается введенное К. Шенноном представление о количестве информации, содержащемся в том или ином сообщении. Представление о количестве информации тесно примыкает к понятию энтропии. Связь между этими понятиями становится особенно содержательной, если учесть, что получение любой информации (например, в процессе измерения

какой-либо физической величины) неизбежно связано с определенными затратами энергии и времени.

Теория информации – наука о статистических процессах передачи информации в технических, природных и социальных системах. Основные понятия – мера количества информации, пропускная способность канала связи, эффективное кодирование сообщений – были введены в 40-е годы XX века К. Шенноном. Теория информации является, по существу, статистической теорией связи или теорией передачи информации, однако общий характер ее положений позволяет исследовать также процессы получения, обработки и хранения информации.

Методы теории информации использовались с разной степенью плодотворности во многих прикладных областях, включая информатику, языкознание, криптографию, теорию управления, обработку изображений, генетику, психологию, экономику, организацию производства, однако основное значение они имеют для теории систем связи. Возникновение теории информации стимулировало также исследования в области теории вероятностей.

Теория информации рассматривает понятие «информации» только с количественной стороны, безотносительно к ее ценности и даже смыслу. При таком подходе страница машинописного текста максимально содержит всегда примерно одинаковое количество информации, определяемое только числом знаков и пробелов (то есть символов) на странице и не зависящее от того, что именно на ней напечатано, включая случай бессмысленного, хаотического набора символов. Для моделирования систем связи такой подход правомерен, поскольку они предназначены для безошибочной передачи по каналу связи информации, представленной любым набором символов. В тех же случаях, когда существен учет ценности и смысла информации, количественный подход не применим. Это обстоятельство

налагает существенные ограничения на области возможных приложений теории информации. Неучет его привел на ранних этапах развития к переоценке прикладной значимости теории информации.

К сожалению, в «**Математической энциклопедии**» понятие информации дается через понятие кибернетики.

Информация – основное понятие кибернетики. Кибернетика изучает машины и живые организмы исключительно с точки зрения их способности воспринимать определенную информацию, сохранять эту информацию в «памяти», передавать ее по каналам связи и перерабатывать ее в «сигналы», направляющие их деятельность в соответствующую сторону. Интуитивное представление об информации относительно каких-либо величин или явлений, содержащейся в некоторых данных, в кибернетике ограничивается и уточняется.

Значительно более широко и емко, с учетом достижений конца XX века, данная тематика освещается в «**Математическом энциклопедическом словаре**» (1988 г.).

Информатика – это: 1) находящаяся в становлении наука, изучающая законы и методы накопления, передачи и обработки информации с помощью ЭВМ; 2) родовое понятие, охватывающие все виды человеческой деятельности, связанные с применением ЭВМ.

Как фундаментальная наука информатика связана: с философией – через учение об информации как общенаучной категории и через теорию познания; с математикой – через понятие математической модели, через математическую логику и теорию алгоритмов; с лингвистикой – через учение о формальном языке и о знаковых системах. Информатика тесно связана с такими более специальными науками, как теория информации, кибернетика, системотехника.

Важнейшими методологическими принципами информатики являются изучение природного явления или пове-

дения объектов как процесса обработки информации, а также признание единства законов обработки информации в искусственных, биологических и социальных системах.

Основными видами человеческой интеллектуальной деятельности, изучаемыми в информатике, являются: математическое моделирование, фиксация результатов познавательного процесса в виде математической модели; алгоритмизация (реализация причинно-следственных связей и других закономерностей в виде направленного процесса обработки информации по формальным правилам); программирование (реализация алгоритма на ЭВМ); выполнение вычислительного эксперимента (получение нового знания об изучаемом явлении или объекте с помощью вычислений на ЭВМ); наконец, решение конкретных задач, относящихся к кругу объектов и явлений, описанных исходной моделью.

В связи с массовым применением ЭВМ предметом информатики становится изучение закономерностей взаимодействия человека с ЭВМ во всех видах его деятельности. Результаты этого изучения отражаются в информационных технологиях, т. е. в систематических методах и приемах применения ЭВМ в производственных процессах, в управлении, образовании, научной работе, проектировании, в сфере обслуживания и т. п.

База данных – организованная совокупность данных, предназначенная для длительного хранения и постоянного применения.

База знаний – организованная совокупность знаний, представленная в форме, которая допускает автоматическое использование этих знаний с помощью ЭВМ. Понятие появилось в конце 70-х годов XX века как распространение понятия базы данных на системы справочной информации, содержащие не только конкретные факты, но и описание общих закономерностей и правил. Напри-

мер, при решении задач из тригонометрии базой данных можно считать таблицы функции, а роль базы знаний играют различные тригонометрические тождества, выражающие свойства тригонометрических функций и соотношения между ними.

Данные в информатике – факты или идеи, выраженные средствами формальной системы, обеспечивающей возможность их хранения, обработки или передачи. Такую формальную систему называют языком представления данных; синтаксис этого языка – способом представления информации; его семантику или прагматику – информацией.

Этимологически термин восходит к принятому в математике при постановке задач противопоставлению «данные величины – искомые величины», однако в информатике этот оттенок утрачен.

Термин «данные» употребляют преимущественно в программировании и теории связи, при описании работы оборудования предпочитают термин «сигнал».

Информация – содержание сообщения или сигнала; сведения, рассматриваемые в процессе их передачи или восприятия; одна из исходных общенаучных категорий, отражающая структуру материи и способы ее познания, не сводимая к другим, более простым понятиям.

Информация входит в информатику через более специфические понятия модели, данных, алгоритма, программы. Используемое при этом понятие компьютера относится не только к тем или иным техническим машинам, но и к любому физически воплощенному или мысленному процессу автоматической обработки информации. Это позволяет применять идеи и методы информатики к изучению информационного взаимодействия в биологических, социальных и др. природных системах.

Прикладная информатика обслуживает науку, технику, производство и другие виды человеческой деятельности

путем создания и передачи в общество информационной технологии. Эффективное и повсеместное освоение этой новой технологии ставит перед всеми видами образования масштабные задачи распространения компьютерной грамотности и содействия ее перерастания в информационную структуру общества.

Информационная технология – создаваемая прикладной информатикой совокупность систематических и массовых способов и приемов обработки информации во всех видах человеческой деятельности с использованием современных средств связи, полиграфии, вычислительной техники и программного обеспечения.

С этой точки зрения представляется удивительным то, что в энциклопедическом словаре «**Электроника**» (1991 г.) вообще нет понятий «информатика» и «информация».

С нашей точки зрения, тенденция сведения информатики только к «компьютерным наукам» представляется неоправданной. Конечно, наиболее часто соответствующая проблематика анализируется применительно к задачам программного обеспечения, создания моделей искусственного интеллекта, к вопросам распознавания визуальных (особенно текстовых документов) и аудиальных образов, а также распространения глобальной компьютерной сети Интернет. Но это прикладные и прагматические аспекты информатики, за которыми оказываются закамуфлированными ее фундаментальные аспекты и задачи. Мы отстаиваем ту принципиальную позицию, что информатика является такой же фундаментальной наукой, как математика, физика, химия, биология; она имеет собственный объект и предмет исследования, методологию познания, а также собственный научный аппарат. В этой связи предлагается следующее определение.

Информатика – наука, которая изучает, как приобретает, преобразуется, репрезентируется (представляется),

хранится и воспроизводится информация, а также, как она передается и используется.

У всякой науки выделяют *объект* (то, на что направлен процесс познания) и *предмет* (наиболее значимые с теоретической или практической точки зрения свойства, стороны, особенности объекта, которые подлежат непосредственному изучению).

Исходя из приведенного определения, можно заключить, что объектом исследования информатики является информация во всех ее проявлениях (включая весь массив научной информации, т. е. всю совокупность имеющихся знаний, а также вненаучные знания (факты, сведения, убеждения, представления, стереотипы, ритуалы, обряды, заблуждения, догмы и т. п.), выделение различных сторон и свойств информации.

Обращаясь к предмету изучения информатики, можно отметить, что она изучает законы и закономерности информационного взаимодействия применительно ко всем классам объектов: естественных, искусственных и смешанных.

Как любое научное знание, в информатике можно выделить три основных уровня:

- фундаментальная информатика – поиск общих законов информационного взаимодействия;

- прикладная информатика – изучение способов применения на практике того, что открыто при помощи фундаментальных исследований. При этом следует иметь в виду, что и первый, и второй уровни призваны дать анализ различных информационных феноменов и обеспечить прогноз их развития. Продуктом фундаментального и прикладного исследования являются рекомендации, различающиеся по степени общности: фундаментальные исследования вырабатывают достаточно общие, глобальные рекомендации, рассчитанные на отдаленную временную перспективу, в то время как рекомендации, следующие из прикладных ис-

следований, носят инструментальный характер: они более конкретны и могут быть интерпретированы применительно к решению определенных (частных) задач;

– практическая информатика – решение некоторой практической проблемы или задачи, внедрение в практику результатов фундаментальных и прикладных исследований (функции эксперта, консультанта, но не исследователя).

Центральным понятием информатики, как уже отмечалось, является категория информации. Это очень общее понятие, находящееся на уровне общенаучной категории, а значит, не допускающее определения через другие дефиниции. Один из вариантов в таком случае – это описательное определение, как, например, энергия и импульс в физике, число и множество в математике, элемент в химии.

Огромное количество технических устройств, определяющих лицо современной цивилизации, действуют на базе сбора, переработки и передачи информации. Однако, что парадоксально, до сих пор не предложено достаточно удовлетворительного определения категории «информация». Норберт Винер отмечал, что «информация – это не материя или энергия», это просто «информация». У. Р. Эшби также предостерегал от попыток рассматривать информацию как материальную или индивидуальную «вещь»: «Всякая попытка трактовать информацию как вещь, которая может содержаться в другой вещи, обычно ведет к трудным «проблемам», которые никогда не должны были бы возникать»¹.

Как отмечает Л. Р. Грэхэм, проблема философской интерпретации понятия информации является нетривиальной. Если информацию можно измерять, то, с точки зрения философов, она должна обладать объективной реальностью. Еще в 1927 году Р. В. Л. Хартли отмечал, что количество

Эшби У. Р. Введение в кибернетику, 1959. С. 216.

информации, заключенной в любом сообщении, тесно связано с количеством возможностей, сообщением исключаящихся. Таким образом, фраза «яблоки красные» несет намного больше информации, чем фразы «фрукты красные» или «яблоки цветные», так как первая фраза исключает все объекты, кроме яблок, и все цвета, кроме красного. Это исключение других возможностей повышает информационное содержание. Позднее основной принцип, предложенный Хартли, был разработан на математической основе. В 1949 году в работе «Математическая теория связи» Клод Шеннон и Уоррен Уивер представили такую формулу вычисления количества информации, в которой информация возрастала с уменьшением вероятности отдельного сообщения. В этом случае информация определяется как мера свободы чье-либо (или какой-либо системы) выбора в выделении сообщения. Если быть более точным, количество информации и определяется (в простых ситуациях) как логарифм доступных выборов. Предложенная формула имела вид:

$$H = K \sum_{i=1}^n P_i \log_2 P_i ,$$

где: H – количество информации в системе с выбором сообщения, с вероятностями ($P_1, P_2...P_n$); K – константа, зависящая от единицы измерения. Эта формула функционально эквивалентна формуле, разработанной М. Планком в начале века:

$$S = k \times \log W,$$

где: S равно энтропии системы, k – константа (постоянная) Больцмана, W – термодинамическая вероятность состояния системы.

Некоторые ученые считали это совпадение неслучайным. Возможность какой-либо аналогии или даже структурного совпадения энтропии и информации вызвало

оживленные дискуссии среди физиков, философов, инженеров. Луи де Бройль считал вывод о глубокой аналогии между энтропией и информацией «самой важной и привлекательной из идей, выдвинутых кибернетикой».

Вместе с тем философская интерпретация теории информации была связана с предполагаемой «субъективной» природой количества информации. Сторонники субъективного подхода (Р. Эшби, Л. Бриллюэн и др.) указывали на то, что едва ли можно твердо говорить в абсолютных терминах о количестве информации в любом сообщении, так как отдельное сообщение будет нести намного больше информации для одного наблюдателя, чем для другого, в зависимости от исходного знания наблюдателя. Следуя этому подходу, некоторые авторы предлагали присоединять качественные коэффициенты к вычислениям количества информации, основываясь на ценности информации, степени достоверности и значимости.

Многие исследователи утверждают, что информация является всеобщим свойством материи и что эволюция материи от простейшего атома к наиболее сложной материальной форме — человеку — может рассматриваться как процесс накопления информации. Таким образом, эти авторы связали воедино космогоническую и органическую эволюцию в один процесс устремления материи, хотя бы в определенных положениях, к увеличению своего информационного содержания. В 1968 году А. Д. Урсул в работе «Природа информации» очень настойчиво проводил мысль о том, что информация является всеобщим свойством материи от простейших неорганических форм до человеческого общества.

Вопрос о природе информации оставался одним из наиболее спорных философских вопросов в 80-е годы. Основная проблема заключалась в том, рассматривать ли информацию как объективный атрибут самой материи? Можно

ли расположить все формы материи по шкале возрастающей информационной сложности, ведущей соответственно к человеку?

Применительно к отечественной традиции, можно сказать, что главная задача советских философов состояла в том, чтобы дать удовлетворительную материалистическую интерпретацию информации, путь к которой они видели в (ленинской) теории отражения (П. В. Копнин, Б. С. Украинцев). Разные позиции по отношению к природе информации были связаны с различиями по отношению к пониманию отражения. Те, кто отождествлял информацию с отражением и был уверен, что отражение характерно для всей материи, логически приходили к выводу, что и информация – свойство всей материи, включая неживую. Другие разделяли информацию и отражение и отстаивали точку зрения, что информация не является универсальным свойством материи.

Иные взгляды выдвигались довольно заметной группой ученых, большинство которых составляли специалисты по теории информации и философии. Эта группа непосредственно опиралась на математический подход к информации. В отличие от профессиональных философов, они не были озабочены тем, какой эффект на марксистскую философию может оказать создание универсальной теории информации, потенциально применимой ко всем аспектам Вселенной и ко всем уровням материи, включая «социально организованную материю», т. е. само общество (А. И. Берг, В. М. Глушков).

Новейший всплеск интереса к категории информации связан с понятием «социальной информации». Хотя никто еще не дал ему четкого определения, обычно под социальной информацией подразумевают информацию, используемую обществом для его управления и просвещения. Многие зарубежные социологи говорят о новом типе об-

щества – «информационном обществе», базирующемся на воздействии новых средств связи на социум. Каким образом распространение компьютерных систем, баз данных, телекоммуникационных сетей и персональных компьютеров изменит социальную реальность? Это фундаментальный вопрос, так как контроль за информацией – один из фундаментальных принципов функционирования любого общества.

Мы оставляем эту проблему в стороне, ибо ее обсуждение далеко выходит за рамки настоящей работы (подробный анализ современного состояния вопроса дан в классическом труде Э. Кастельса «Информационная эпоха»). Разумеется, знания и информация являются практически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне обработки знаний и на обработке информации. В контексте настоящего исследования нас будет интересовать соотношение между информацией и знанием.

Дэниел Белл дает следующее определение знания: «Знание – это такая совокупность организованных высказываний о фактах или идеях, представляющих обоснованное суждение или экспериментальный результат, которая передается посредством некоторого средства коммуникации в некоторой систематизированной форме. Таким образом, я отличаю знание от новостей и развлечений». Что же касается информации, то некоторые авторы определяют ее просто как передачу знания. Однако, как утверждает Белл, такое определение кажется чересчур широким, поэтому можно остановиться на *операциональном* определении информации, данном Пора: «Информация есть данные, которые были организованы и переданы» (*Porat M. The information economy: Definition and Measurement. Washington, 1977*), что полностью согласуется с техническими аспектами проблем передачи (и, соответственно, получения) информации.

Следует вновь подчеркнуть, что информатика – междисциплинарная наука, которая принимает во внимание результаты, достигнутые исследователями из различных отраслей знаний (математика, физика, когнитивная психология, лингвистика, нейрофизиология, антропология, гносеология, методология и т. д.). В частности, изучением проблематики приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации в естественных системах (включая человека) занимаются когнитивные науки, которые пытаются использовать полученные результаты в целях моделирования естественного интеллекта, то есть решить проблему искусственного интеллекта.

Можно указать также следующие важные понятия, с которыми оперируют когнитивные науки. Это:

– *Знание*. Знание, с точки зрения специалистов по инженерии знаний, – «основные закономерности, позволяющие человеку решать конкретные производственные, научные и другие задачи, то есть факты, понятия, взаимосвязи, оценки, правила, эвристики (иначе фактические знания), а также стратегии принятия решений в этой области (иначе стратегические знания).

Наиболее распространено деление знаний на:

- *декларативные* (знание – что) и
- *процедурные* (знание – как).

Декларативное знание относится к знанию теоретического типа и предполагает умение объяснить, почему что-либо происходит. Процедурное знание является практическим знанием и означает какие-либо учения, навыки.

Процедурные знания делятся на:

- # *инструктивные* (знание рецептов, инструкций);
- # *ситуационные* (умение действовать в конкретных ситуациях).

Третий тип знаний (Шоттер) – *знание “изнутри”* – знание культуры данной социальной системы. Они могут носить неявный характер, недоступный “непосвященным”.

Как хранятся знания в голове человека? Можно указать три основных способа репрезентации знаний:

– *системы правил* (понятия, процедуры типа условие–действие);

– *семантические сети* (сеть независимых единиц со сложной связью: род–вид, часть–целое, логические и функциональные связи);

– *структура отношений* – *теория фреймов* М. Минского: человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ, прототип), называемую фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей (слотов) сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов».

Для обозначения организационных единиц стереотипной информации, которые создаются людьми в типовых ситуациях, Р. Шенк ввел понятие *скрипта*. В виде скриптов в памяти хранятся стандартные последовательности действий, а также «общепринятые» последовательности причинных связей.

– *Когнитивная карта* – схематическое описание фрагмента картины мира, относящегося к данной проблемной ситуации.

– *Когнитивные клише* – жесткое знание, являющееся коллективным социальным продуктом мышления.

– *Когнитивный стиль* – совокупность критериев выбора предпочтений при решении задач и познании мира. Его характеристики:

• *полезависимость/полнезависимость* (умение выделять объект из контекста);

• *когнитивная простота/сложность восприятия* (степень многомерности стиля, умение видеть проблему в различных системах координат);

- *импульсивность/рефлексивность* (рассудительность),
- *ригидность/гибкость* (способность переключаться на другие виды деятельности, отказ от стереотипов);
- *когнитивная модель* – образ объекта, формируемый когнитивной системой на базе ее «картины мира»;
- *когнитивная система* – система, осуществляющая функции распознавания и запоминания информации, принятия решений, хранения, понимания и производства новых знаний;
- *метафора* – рассматривается как видение одного объекта через другой. В когнитивных процессах сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми, хорошо знакомыми мыслительными пространствами.

Однако вспомним о том, что мы поставили задачу не столько обсудить частный вопрос о соотношении информации и знания (который сам по себе отнюдь не тривиален), сколько дать определение категории информация (и тем самым, может быть, наметить пути решения указанной частной задачи). Корректное определение некоторой величины в естественных науках (например, физике) обычно включает в себя четыре элемента:

- 1) тип величины;
- 2) что она характеризует;
- 3) как ее количественно измерить;
- 4) единица измерения данной величины.

Исходя из этих требований, можно попытаться дать следующую дефиницию.

Информация – общенаучная категория, являющаяся общей мерой любой интерпретации, осуществляемой субъектом по отношению к любому воспринятому сигналу (стимулу) как из внешнего, так и из внутреннего (организменного) мира.

Иными словами, информацию можно рассматривать как количественную характеристику интерпретации воспринимаемых сигналов (данных, текстов и т. д.).

В современной информатике существуют, как минимум, пять подходов к измерению информации:

1) энтропийный подход, который позволяет ответить на вопрос: «Сколько информации содержит объект Y относительно объекта X ?»;

2) алгоритмический подход, ориентированный на иной вопрос: «Сколько нужно информации, чтобы воссоздать (описать) объект X ?»;

3) комбинаторный (алгебраический) подход, в котором количество информации, содержащейся в слове (последовательности нулей и единиц), по существу, измеряется минимальной длиной программы, необходимой для воспроизведения этого слова (последовательности);

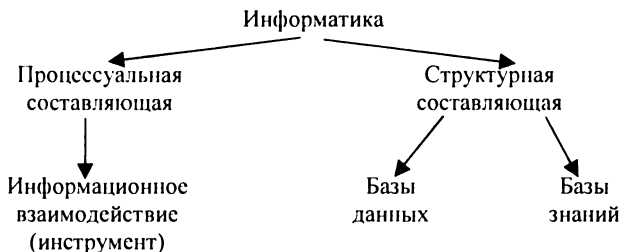
4) семантический подход, который освещает содержательную сущность каждого сообщения, его семантику;

5) прагматический подход, в котором количество информации, полученное приемником, предлагается оценивать по степени ее полезности для достижения поставленной цели.

Что же касается единицы измерения, то в данном вопросе достигнуто наибольшее согласие (хотя опять же не общепринятое): единицей информации служит **1 бит**.

Бит (от англ. Binary digit – двоичный разряд) – единица измерения количества информации, определяемая как количество информации в испытании с двумя взаимоисключающими равновероятными исходами.

Обобщая изложенное, можно сказать, что информатика включает в себя процессуальную (динамическую) составляющую и структурную (статическую) составляющую.

В принципе, соотношение информационных процесса и структуры представляет давнюю методологическую проблему. Структура рассматривается как статичная организация информации, некий результат, в то время как процесс анализируется с динамической точки зрения, а именно: приобретение, преобразование, репрезентирование, хранение и воспроизводство информации и собственно информационное взаимодействие. Для более ясного понимания их различия и взаимодействия можно провести сравнение структуры с пчелиными сотами, а процессы – это все то, что происходит внутри этих сот. Строение (архитектура) сот формируются пчелами и, как правило, фиксированы (например, их размеры, форма, расположение, объем относительно неизменны), тогда как процессы сбора, переработки и хранения меда более динамичны, постоянно изменяются, хотя и сопряжены, обусловлены структурой.

Структура применительно к строению и организации информационной системы – это термин в значительной степени метафорический; т. е. постулируемые структуры – это условное представление того, как организованы информационные элементы, но не буквальное их описание (сообщение, интеракция, паттерн, умозаключение, скрипт, план, цель, тема, библиотека, уровень переработки, пропозиция, абстракция, схема и т. п.).

Понятие «процесс» относится к наборам операций или функций, которые интерпретируют, анализируют, преобра-

зуют или изменяют их содержание (кодирование, декодирование, формирование понятий и т. п.). Процесс в этом смысле является активным – в отличие от относительно статичной информационной структуры.

При приобретении, преобразовании, репрезентировании, хранении, воспроизведении и обмене информацией одинаково важны и ее структура, и соответствующие процессы; все осуществляется совместно, каждый аспект есть следствие другого и взаимосвязан с ним. Некоторые структуры образуются по мере переработки информации, а процессы некоторым образом управляются структурами. Поскольку структура и процесс работают совместно, не всегда представляется возможным разделить их функции, а при окончательном анализе процессы и структуры должны быть объединены в целостную информационную систему.

Компьютеры были созданы для решения вычислительных задач, однако со временем они все чаще стали использоваться для построения систем обработки документов, а точнее – содержащейся в них информации. Такие системы обычно и называют информационными и, как правило, они имеют следующие особенности:

- данные, которые они используют, имеют сложную структуру;

- необходимы средства сохранения данных между последовательными запусками системы.

Другими словами, информационная система требует создания в памяти ЭВМ *динамически обновляемой* модели внешнего мира с использованием единого хранилища – **базы данных**.

База данных характеризуется своей предметной областью – частью реального мира, подлежащей изучению с целью организации управления и, в конечном счете, автоматизации. Предметная область представляется множест-

вом *фрагментов*, каждый из которых характеризуется множеством *объектов* и *процессов*, использующих объекты, а также множеством *пользователей*, характеризующихся различными взглядами на предметную область.

Словосочетание «динамически обновляемая» означает, что соответствие базы данных текущему состоянию предметной области обеспечивается не периодически, а в режиме реального времени. При этом одни и те же данные могут быть по-разному представлены в соответствии с потребностями различных групп пользователей.

Отличительной чертой баз данных следует считать то, что данные хранятся совместно с их описанием, а в прикладных программах описание данных не содержится. Независимые от программ пользователя данные обычно называются *метаданными*. В ряде современных систем метаданные, содержащие также информацию о пользователях, форматы отображения, статистику обращения к данным и др. сведения, *хранятся в словаре базы данных*.

Таким образом, *система управления базой данных (СУБД)* – важнейший компонент информационной системы. Для создания и управления информационной системой СУБД необходима в той же степени, как для разработки программы на алгоритмическом языке необходим транслятор. Основные функции СУБД:

- управление данными во внешней памяти (на дисках);
- управление данными в оперативной памяти;
- журнализация изменений и восстановление базы данных после сбоев;
- поддержание языков БД (язык определения данных, язык манипулирования данными).

Обычно современная СУБД содержит следующие компоненты:

- *ядро*, которое отвечает за управление данными во внешней и оперативной памяти и журнализацию;

- *процессор языка базы данных*, обеспечивающий оптимизацию запросов на извлечение и изменение данных и создание, как правило, машинно-независимого исполняемого внутреннего кода;

- *подсистему поддержки времени исполнения*, которая интерпретирует программы манипуляции данными, создающие пользовательский интерфейс с СУБД;

- а также *сервисные программы* (внешние утилиты), обеспечивающие ряд дополнительных возможностей по обслуживанию информационной системы.

Создание первых баз данных и СУБД стало возможно лишь с появлением достаточно дешевых и производительных устройств внешней памяти, какими стали жесткие диски (винчестеры), появившиеся во второй половине 60-х годов XX века. В 70-е годы шла интенсивная разработка теоретических вопросов построения баз данных. В результате в начале 80-х годов на рынке появились мощные инструментальные средства проектирования и построения информационных систем. Однако развитие информационных технологий в 90-х привело к появлению новых, более широких требований к обработке и представлению данных.

Аналогично СБД (система баз данных) в последнее время развивается понятие СБЗ – система баз знаний. Близкими понятиями являются: *экспертная система* – система, обеспечивающая создание и использование с помощью компьютера баз знаний экспертов; *система искусственного интеллекта*.

В последнее время, однако, предпочтение отдается терминам, подчеркивающим знания, а не интеллект. Такие системы демонстрируют шаблонное использование знания, а не интеллекта, который предполагает творческий подход, нешаблонность. Это соответствует и точному переводу английского названия таких систем – Knowledge Based Systems (KBS) – система, базирующаяся на знаниях. Ины-

ми словами, СБЗ – система, дающая возможность использовать подходящим образом представленные знания с помощью вычислительной машины.

В качестве компонентов СБЗ обычно выделяют:

- база знаний;
- механизм получения решений;
- интерфейс.

Самая характерная черта СБЗ – использование базы знаний. К сожалению, общепринятого определения базы знаний нет.

Знания в базе знаний можно разделить на алгоритмические и неалгоритмические.

Алгоритмические (процедурные) знания – это алгоритмы (программы, процедуры), вычисляющие функции, выполняющие преобразования, решающие точно определенные конкретные задачи. Пример: любая библиотека программ.

Неалгоритмические знания – состоят из мысленных объектов, называемых понятиями. Понятие обычно имеет имя, определение, структуру (составные элементы), оно связано с другими понятиями и входит в какую-то систему понятий. Другие неалгоритмические знания – это связи между понятиями или утверждения о свойствах понятий и связях между ними.

На практике во многих экспертных системах и СБЗ содержимое базы знаний подразделяют на «факты» и «правила». Факты – элементарные единицы знания (простые утверждения о характеристиках объекта), правила – служат для выражения связей, зависимостей между фактами и их комбинациями. Таким образом, классификацию знаний можно представить следующим образом:

- понятия (математические и нематематические);
- факты;
- правила, зависимости, законы, связи;
- алгоритмы и процедуры.

Прямое использование знаний из базы знаний для решения задач обеспечивается *механизмом получения решений* (inference engine – машина вывода) – процедурой поиска, планирования решения. Механизм решения дает возможность извлекать из базы знаний ответы на вопросы, получать решения, формулируемые в терминах понятий, хранящихся в базе. Примеры запросов:

- найти объект, удовлетворяющий заданному условию;
- какие действия нужно выполнить в такой ситуации

и т. д.

Интерфейс обеспечивает работу с базой знаний и механизмом получения решений на языке высокого уровня, приближенном к профессиональному языку специалистов в той прикладной области, к которой относится СБЗ.

Для создания СБЗ могут использоваться следующие средства:

1. Традиционные языки программирования – C, Basic, Pascal, Lisp и др. Особо в этом ряду стоит выделить язык функционального программирования Lisp. Его основные свойства: данные представляются в виде списков, для получения решений используется рекурсия.

2. Языки представления знаний (такие как Prolog) – имеют специфические средства описания знаний и встроенный механизм поиска вывода.

3. Пустые оболочки экспертных систем – содержат реализации некоторого языка представления знаний и средства организации интерфейса пользователя. Позволяют практически полностью исключить обычное программирование при создании прикладной экспертной системы.

Задача создания как базы знаний, так и базы данных реализуется через использование определенного алгоритма работы с данными.

Алгоритм – это предписание выполнять точно определенную последовательность действий, направленных на

достижение заданной цели или на решение поставленной задачи. Алгоритму присущ ряд свойств, допускающих его автоматическое исполнение:

– *понятность*: содержит предписания о выполнении только таких действий и о проверке только тех свойств объектов, которые входят в систему команд исполнителя (предписание о выполнении отдельного законченного действия называется командой алгоритма);

– *дискретность*: команды алгоритма выполняются последовательно, с точной фиксацией моментов окончания выполнения одной команды и начала выполнения следующей;

– *точность*: после выполнения каждой очередной команды точно известно, завершено ли исполнение алгоритма, или какая команда должна выполняться следующей;

– *результативность*: после конечного числа шагов исполнение алгоритма завершается решением задачи или обнаруживается, что по той или иной причине процесс решения не может быть продолжен;

– *массовость*: алгоритм конкретным образом применяется к любой конкретной формулировке задачи, для решения которой он разработан.

Указанные свойства алгоритма, взятые в совокупности, позволяют успешно решать задачи, не обладая тем знанием, которое нужно для разработки самого алгоритма. Ограниченность системы команд, простота и точность правил исполнения алгоритма позволяют формализовать функции исполнителя, передавать решение задач ЭВМ.

Естествознание XX века исходило из законов сохранения и превращения энергии в физике, где, согласно Н. Винеру, «материализм явно привел в порядок свою грамматику, и последняя господствовала благодаря понятию энергия». Однако на рубеже веков все большее распространение получила возникшая еще в 40–50-е годы

концепция информационного обмена, т. е. коммуникации между организмом и окружающей средой. Если нога человека ударит по камню, от ноги к камню перейдет энергия, в результате чего камень переместится и, в конце концов, окажется в состоянии покоя, которое определится такими факторами, как количество переданной энергии, форма и масса камня, характер поверхности, по которой он катился. Если, с другой стороны, человек вместо камня ударит ногой, например, собаку, то, возможно, она его укусит. В этом случае отношение между ударом и укусом совсем иного рода. Очевидно, что собака теряет энергию для реакции из своего собственного обмена веществ, а не из удара. Поэтому в этом случае передается не энергия, а, скорее, информация. Другими словами, удар является тем сигналом, который нечто сообщает собаке, и согласно этому сообщению собака реагирует.

Указанный концептуальный сдвиг от энергии к информации является очень значимым для стремительного развития методологии науки со времен Второй мировой войны: если осуществить должную обратную связь, то реализация информации об эффекте гарантирует стабильность и адаптацию к изменению в окружающей среде.

Системы с обратной связью отличаются не только количественно высокой степенью сложности, они также качественно отличаются от того, что соответствует сфере классической механики. Исследования таких систем требуют новых концептуальных подходов, но значительная сложность связана с тем, что не существует общепринятого научного языка для их толкования и выражения.

Если речь идет об информационном обмене, то необходимо принимать во внимание два аспекта: во-первых, непосредственное содержание информации (данные) и, во-вторых, информацию об этой информации (команды, инструкции). Очевидно, что инструкции – это более высокий

логический тип по сравнению с данными, т. е. речь идет о *метаинформации*.

Каким образом осуществляется информационное взаимоотношение? Возможно два типа коммуникации – *аналоговая* и *цифровая*, причем, как показывают исследования, человек – единственный известный организм, использующий оба вида коммуникации (выдвигается гипотеза, что киты и дельфины также в состоянии использовать цифровую коммуникацию, но исследования в этой области еще далеки от завершения). Эти два типа коммуникации дополняют друг друга, но вместе с тем человек вынужден постоянно переводить – и как отправитель, и как получатель – из одного типа в другой и обратно. Для того чтобы было ясно, что имеется в виду, проведем аналогию с двумя типами вычислительных машин – аналоговой и цифровой.

Аналоговая вычислительная машина – машина, в которой обработка информации происходит с помощью специально подобранного физического процесса, моделирующего вычисляемую закономерность.

Цифровая вычислительная машина осуществляет обработку информации, представленной в цифровой форме. Каждой цифре соответствует один или несколько дискретных сигналов, например электрических импульсов.

Цифровой компьютер обладает тем преимуществом, что он не только арифметическая, но и *логическая* машина, в которой логические исчисления могут быть представлены комбинацией из все-или-ничего членов, так что, например, сумма двух импульсов представляет логическое «и», взаимное исключение – логическое «или», импульс, подавляющий работу элемента, – отрицание и т. д. Ничего подобного невозможно в аналоговых компьютерах, поскольку они работают только с конечными положительными величинами и не способны представить какой-то негативный смысл, включая отрицание как само по себе, или какую-то

другую функцию. В аналоговых компьютерах данные принимают форму конечных и, следовательно, всегда положительных величин; например, интенсивность электрического тока, число оборотов колеса, степень перемещений компонентов и тому подобное.

Характеристики компьютеров применимы для анализа человеческой коммуникации: цифровое сообщение обладает более высоким уровнем сложности и абстракции по сравнению с аналоговым материалом. Аналоговая коммуникация (фактически вся невербальная коммуникация, охватывающая телодвижения, позы, жесты, выражение лица, интонации голоса, последовательность, ритм и модуляции самих слов и т. д.) не сравнима с логическим синтаксисом цифрового языка. Например, в аналоговом языке не существует эквивалентов для таких важных логических элементов речи, как импликация «если–то», конъюнкция «либо–либо» и многих других; при этом выражение абстрактных понятий очень сложно, а подчас невозможно, так как каждое понятие даже в примитивном рисунке должно иметь физическое сходство. Более того, аналоговый язык отличается отсутствием простого отрицания, например – выражение для «нет».

Перевод из цифрового вида в аналоговый невозможен без огромной потери информации, но и обратный перевод также очень сложен. Так, чтобы говорить о взаимоотношении, необходимо адекватно переводить с аналогового в цифровой вид коммуникации. У цифрового языка более сложный и мощный логический синтаксис, но ему недостает адекватной семантики в области взаимоотношений, в то время как у аналогового языка есть семантика, но нет адекватного синтаксиса для недвусмысленной характеристики природы взаимоотношений.

Мы предполагаем, что изучение информационно-коммуникативного обмена можно подразделить на три основ-

ные области: синтаксис, семантику и прагматику, которые были установлены Ч. Моррисом и прослеживаются у Р. Карнапа при изучении семиотики (общей теории символов и языков); причем синтаксис охватывает вопросы передачи информации, и поэтому в ней преимущественно доминируют теории информации, интересующиеся проблемами кодирования, каналов и др., но не затрагивающие смысла передаваемых символов. Смысл является основным понятием семантики. Хотя передача ряда символов с синтаксической точностью и возможна, они останутся бессмысленными, пока отправитель и получатель заранее не согласятся с их смыслом, т. е. не придут к семантическому соглашению. И, наконец, коммуникация влияет на поведение, в чем и заключается ее прагматический аспект. Несмотря на то что возможно концептуальное разделение на эти три области, они тем не менее зависят друг от друга, так как синтаксис можно расценивать как формальную логику, семантику – как некоторую философию, а прагматику – как некоторую психологическую данность, хотя все эти три области взаимосвязаны друг с другом и не существуют друг без друга.

Исследование таких систем требует новых концептуальных подходов, однако на их логику оказывают влияние традиционные доктрины научной методологии, допускающие, например, изолировать одну переменную; или лапласовский детерминизм, исходящий из того, что знание всех начальных условий дает возможность предсказывать все будущие события. Саморегулирующиеся системы с обратной связью требуют создания собственной методологии, формулирующей правила, лежащие в основе ее функционирования, важнейшими элементами которой являются понятия информации, информационных паттернов и т. п.

Фактически речь идет о создании некоторого исчисления как метода, основанного на использовании символов,

которые подчиняются известным и общим законам комбинации, а результаты допускают логичные интерпретации (Дж. Буль). Но это только первая часть задачи. Когда математики от собственно математических выводов переходят к изучению самой математики, делая ее объектом исследований (например, в случае исследований последовательности арифметики как системы), то они применяют язык, который не является частью математики, а рассуждают непосредственно о ней. Д. Гильберт называет этот язык метаматематическим. Формальная структура математики – это исчисление; метаматематика выражает это исчисление. Невозможно переоценить важность отличия между математикой и метаматематикой. Игнорирование последней приводит к хорошо известным парадоксам в основании математики начала XX века, признание же ее важности дает возможность представить логическую структуру математической аргументации более четко. Отличие состоит в том, что предлагается точная кодификация различных символов, которые создают формальное исчисление, свободное от *скрытых* допущений, а также формулируются точные дефиниции операций и логических правил математических построений, многие из которых математики применяли, не задумываясь над тем, что они используют.

Если не использовать коммуникацию для общения, а общаться на тему коммуникации, исследовать ее, то тогда мы с необходимостью обращаемся к концепциям, которые не являются частью коммуникации, но позволяют анализировать ее. По аналогии с метаматематикой это называется *метакоммуникацией*. Но по сравнению с первой изучение последней осложнено двумя важными обстоятельствами: во-первых, в области информационной коммуникации практически отсутствуют разработанные формальные системы исчисления, а во-вторых, математики владеют двумя языками – один для выражения математических положений

(числа, алгебраические символы, операторы), а другой – обычный (естественный) язык для выражения метаматематики. При анализе же коммуникации мы ограничены естественным (обычным) языком – как средством коммуникации, так и метакоммуникации.

В последнее десятилетие XX века были предприняты интенсивные попытки формализации коммуникации и создания метакоммуникации. Далее мы рассмотрим некоторые результаты, необходимые в контексте информационного обмена относительно построения моделей эффективной коммуникации. Последняя исходит из наличия коммуникатора, имеющего целью передать некоторую информацию реципиенту, т. е. воспринимающей эту информацию стороне. Задача заключается в том, чтобы реципиент воспринял именно ту информацию и именно в том объеме, в каком хотелось бы коммуникатору, – это и есть эффективная коммуникация. При этом речь идет не только о преодолении помех и шумов, вызывающих искажения и информационные потери, но и об адекватности процессов кодирования/декодирования у самих участников коммуникационного процесса.

Для решения этой задачи необходимо принимать во внимание много элементов. Далее мы критически проанализируем вариант решения указанной задачи, предложенный нейролингвистическим программированием (НЛП) – активно развивающимся на Западе прикладным и практическим направлением информатики, или, точнее, информационно-когнитивных наук согласно принятой в настоящее время терминологии (в конце XX века НЛП получило распространение и среди отечественных ученых; правда, часто в очень примитивном и дилетантском представлении и на уровне западных исследований 70–80-х годов прошлого века, причем в виде запутанного набора разрозненных техник, в основном психологических, что обоснованно вы-

звало среди российских исследователей настороженное отношение к этому перспективному когнитивному направлению).

При анализе информационно-когнитивных процессов, лежащих в основе любой коммуникации, важное внимание уделяется изучению такого фундаментального понятия, как стиль мышления.

Аристотель в «Логике» выделил три типа мышления:

- индуктивное – от частного к общему;
- дедуктивное – от общего к частному;
- трансдуктивное (аналоговое) – эквивалентный уровень обобщения единиц информации.

Большинство людей имеют предпочтения на уровне «порций» информации, которыми им удобно оперировать. Те, для кого привычен крупный размер разбивки, обычно мыслят глобально, охватывая всю картину описания; они говорят в общем, не вдаваясь в детали. Те же, кто привык к малому размеру разбивки, предпочитают мыслить очень конкретно, описывая все детали, вплоть до мелких подробностей. Можно говорить о некой универсальной особенности человеческой психики, позволяющей делить информацию на части различной величины, используя при этом разные основания:

- сенсорные (от большой картинки к ее деталям);
- родовидовые (переходы по законам формальной логики);
- ценностные (переходы по ценностной ориентации человека) и т. д.

С практической точки зрения, важно отметить то обстоятельство, что от того, какими «порциями» подается информация, в значительной мере зависит возможность общения с человеком на языке, удобном для его мышления.

В НЛП выделяются три основных способа работы с информацией (по аналогии с аристотелевской схемой):

► *укрупнение* – переход от меньшей части информации к большей, куда меньшая часть уже включена как один из элементов;

► *разукрупнение* – переход от большей части информации к меньшей, частной, к деталям;

► *аналогия* – переход от одной части информации к другой на одном уровне укрупненности, т. е. без изменения размера/объема части информации.

Известно, что человек всегда стремится установить и организовать различного рода иерархии – социальные, познавательные, ценностные и т. д., являясь при этом «существом предпочитающим». В НЛП данная тема была разработана Р. Дилтсом как обобщение идей, выдвинутых Б. Расселом и Г. Бейтсоном, что позволило сочетать логический подход к познанию Рассела, основанный на выделении логических типов в информации, и экологический взгляд Бейтсона на обучение живых существ на основе построения субъективных моделей, балансирующий между структурой и спонтанностью в познании.

Когда мы говорим о соподчиненности, то полезно определить, что является критерием, по которому устанавливаются определенные связи. Большая часть существующих иерархий представляют собой конструкции, порожденные самим человеком, его психикой как проекцией собственной самоорганизации. В организме человека существуют естественные иерархии на различных уровнях; например, на нейрофизиологическом уровне: центральная нервная система – иммунная система – эндокринная система – системы внутренних органов – отдельные органы и т. д. до организации конкретной клетки. В этой последовательности явно проявляется соподчинение и нелинейность взаимосвязи указанных элементов. Аналогичная организация свойственна и для сенсорного уровня. Создавая собственные репрезентации относительно реальности, человек делает их

различными по значимости, выделяя среди них первостепенные и второстепенные.

Г. Бейтсон впервые стал искать проявление иерархического устройства психики человека в процессах познания и обучения на уровне первых шагов взаимодействия с окружающим миром. Он выделил *логические уровни обучения*, на основании которых описывал соподчинение элементов опыта человека. Используя усовершенствованную Дилтсом модель логических уровней, процесс накопления жизненного опыта можно описать следующим образом.

С момента рождения человек попадает в среду предметного мира, получая информацию о вещах, людях, контекстах. Пробуя взаимодействовать с окружением, человек обучается разным вариантам поведения, которые достаточно быстро обобщаются в мыслительные и поведенческие стратегии и способности. Получая различные данные, человек начинает формировать систему веры и убеждений относительно масштабов своих возможностей и границ личного опыта, устанавливая при этом особые ценностные предпочтения. Обобщая приобретенный опыт, человек учится осознавать себя в соотношении с другими людьми, определяя свою неповторимость, т. е. собственное *Я* как целое. После этого, на определенном этапе, человек формирует свое представление о собственном назначении во взаимосвязи с семьей, обществом, Вселенной на основе представления о личностном своеобразии.

Р. Дилтс более широко распространил модель логических уровней, применяя ее к пониманию закономерностей построения субъективного мира человека, коммуникации, обучения. Он предложил следующую *пирамиду логических уровней*.

На уровне *окружения* рассматриваются исторические и географические условия жизни индивида, то есть *когда* и *где* он действует. Иными словами – это жизненное про-

странство человека, окружающая его природа, рабочее место и т. д. Микроокружение будет включать в себя конкретную обстановку, макроокружение – это общая среда, социальный контекст, события общественной жизни и т. д. В дополнении к возможному влиянию окружения на человека можно исследовать влияние и воздействие человека на его окружение и те следы или изменения, которые оставил человек в своей среде.

На другом уровне находится конкретное *поведение* и действия человека – то, *что* он сделал, находясь в своем окружении. Каковы были паттерны работы, действий и ролей? Макроуровень поведения включает общие паттерны коммуникации, работы, привязанностей и т. д. Микроуровень поведения – более детальное рассмотрение конкретных действий, например таких, как определенные характеристики голоса или движений, привычки, а также значимые особенности и черты характера.

Можно проследить мыслительные и познавательные *стратегии* и *способности*, с помощью которых данный человек выбирал и направлял свои действия в среде – то, *как* он генерировал свое поведение в данном контексте. На макроуровне способности включают в себя общие страте-

гии и навыки, такие как стратегии обучения, работы памяти, мотивации, принятия решений и творчества. На микроуровне изучение умственных способностей человека подразумевает детализированное исследование использования человеком когнитивных микропаттернов – таких, как визуализация, внутренний диалог или разговор с самим собой, а также использование своих органов чувств при определенном поведении или при выполнении конкретного задания.

Следующий уровень составляют *убеждения* и *ценности*, обусловившие мотивацию и вид мыслительных стратегий и способностей, которые индивид развил для того, чтобы достигать свои цели в среде, – то, *почему* человек в определенное время и в определенном месте делал именно то, что он делал, и именно так, как он это делал. На макроуровне глубинные убеждения определяются тем, какой смысл, причинно-следственные связи и границы человек относит к событиям или воспринимает в окружающем его мире. На микроуровне убеждения и ценности человека могут относиться к любому из уровней, которые составляют его опыт. Иными словами, человек может иметь убеждения по поводу своей среды, поведения, способностей, идентичности, функционирования и т. д., в том числе и убеждения по поводу своих убеждений – хорошие они, плохие, прогрессивные, конфликтные и т. п.

Еще выше находится восприятие индивидом самого себя или своей *идентичности*, которую он проявляет через этот набор убеждений, способностей и действий в данной среде, – это *кто*, лежащее за всеми *почему*, *как*, *кто*, *когда* и *где*. Для этого нужно исследовать характер человека, его личность и восприятие себя, то есть его Я-концепцию.

Можно подняться еще выше и проанализировать, каким образом эта идентификация проявляет себя во взаимоотношениях с семьей, коллегами, современниками, культу-

рой, социальными представлениями, т. е. ответить на вопрос «кто и что еще?». Другими словами, можно исследовать, как эти поведение, способности, убеждения, ценности и идентичность человека взаимодействуют с большими системами, частью которых он является в личном, социальном и, наконец, *духовном* смысле. На уровне *глобальных* систем, например, можно исследовать пол, расовую принадлежность, национальность, генетическое наследие человека, а также географическое положение, историческую эпоху, глобальные события и уровень социального и технического развития, определявших большую систему, в которой он действовал и существовал. Работа по созданию детальной модели, или психобиографии, конкретного человека будет включать в себя анализ каждого уровня установления связей между информацией на разных уровнях.

Применительно к пирамиде действует более общий закон, сформулированный Расселом для определения взаимоотношения между классами информации различных логических уровней, называемый «*законом пирамид*»: изменения, происходящие на более низком логическом уровне, почти никогда не затрагивают высшие логические уровни, а перемена, происходящая на более высоком логическом уровне, почти всегда вызывает целый комплекс изменений на более низких.

Таким образом, совместная работа процессов трансформации информации защищает и поддерживает стабильность сформировавшихся моделей мира. Учитывая, что построение более полных моделей ограничено фильтрами восприятия, в стабильном состоянии часто поддерживаются отнюдь не самые полные и полезные модели.

Фундаментальный принцип НЛП состоит в том, что «люди страдают не потому, что мир недостаточно богат и не способен удовлетворить их потребности, а потому, что

их представления о мире слишком бедны»¹. В случае необходимости человеку следует помочь построить более богатую модель, содержащую большее число выборов. Подразумевается, что неадекватное или неуспешное поведение не является «неправильным», – это наилучший выбор в стесненных условиях отсутствия достойных вариантов. Соответственно, осознание новых вариантов, возможное в рамках более широкой и детализированной модели проблемной ситуации, способно стимулировать человека изменить непродуктивные поведенческие/эмоциональные паттерны.

Иными словами, стабильность моделей мира далеко не всегда способствует плодотворному взаимодействию человека с окружающей средой. В случае если модели под действием генерализации, опущения и искажения утратили связь с первичным сенсорным опытом индивида, контуры обратной связи системы «человек – окружающая его реальность» начинают давать сбои, система утрачивает свойства саморегуляции и, как следствие, страдает ее адаптивность.

Все три описанных механизма имеют отражение в речи человека, т. е. с каждым из них связаны определенные речевые паттерны.

Условно в речи можно выделить два уровня:

► *глубинную структуру* – наиболее полное сенсорное словесное описание опыта человека, и

► *поверхностную структуру* – результат действия всех механизмов, выраженных в конкретных лексических формах этого опыта.

Работа всех трех механизмов в поверхностной структуре увеличивает скорость передачи информации при потере ее точности. Общаясь друг с другом, нельзя забы-

---

¹ Бэндлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. Одесса, 2001. С. 55.

вать, что слова являются лишь *кодами человеческого опыта*, а слова из поверхностного опыта – самые далекие от реальности, так как, по сути, это *коды кодов*. Слова – это якоря, которые побуждают человека опускаться в собственную модель мира для перевода их в категорию образов, звуков и чувств, причем в сенсорной речи эти якоря более однозначны (например, слова «зеленый», «громкий», «тяжелый» более сенсорны, нежели слова «философия», «физика», «когнитивный»). Внутреннее разыскание значения слова в лингвистике называют *трансдеревационным поиском* («*транс-*» – через, «*дереват*» – основание языка). Слушая любое слово, человек запускает такой поиск. Чем слова более удалено от глубинной структуры, тем дольше длится поиск. Общение между людьми можно представить как обмен якорями из слов. Один собеседник побуждает другого искать в своей реальности смысл сказанного.

Люди по-разному пользуются языком, и знание указанных механизмов помогает понять, почему одни могут быть эффективными коммуникаторами, а другие – нет. Если требуется предоставить большую свободу другому человеку для собственной интерпретации ситуации, то полезнее использовать неспецифичную речь; если же необходимо достичь большей точности в коммуникации, то полезно заботиться об употреблении более сенсорных слов, задавать специальные уточняющие вопросы с целью запуска работы механизмов обобщения, искажения и опущения в противоположном направлении.

Среди множества информационных моделей, предлагаемых НЛП (SCORE, SOAR, TOTE, ROLE, BAGEL и множества других) основополагающими являются *мета-модель* и *метапрограммы*.

Мета-модель – это такой инструмент вербального (дигитального, цифрового) сбора информации, который позволяет осознать, как отдельные речевые структуры связа-

ны тремя универсальными механизмами моделирования, и использовать специальные вопросы к конкретным лингвистическим паттернам в речи, чтобы вместо обобщения – детализировать, вместо опущения – восполнить, вместо искажения – вернуться к первоначально форме и смыслу в сообщении. Закономерности метамодели полезно использовать там, где важно достижение точности в коммуникации.

Паттерны метамодели	Необходимое действие
Сбор информации	
<i>Простое опущение</i> – ключевой элемент выпал из поверхностной структуры	Восстановить утерянный элемент в проблемном состоянии
<i>Сравнительное опущение</i> – ссылка в сравнении опущена в поверхностной структуре	Определить и уточнить критерий сравнения
<i>Неопределенный референтный индекс</i> – существительное или объект не определен	Уточнить, к чему именно относится утверждение
<i>Неопределенный глагол</i> – детали действия или отношения не определены	Определить проблемное состояние, действие или отношение
<i>Номинализации</i> – говорится о действии или процессе как об объекте или существе	Поместить искаженное действие обратно в утверждение о процессе
Ограничения индивидуальной модели мира	
<i>Модальные операторы необходимости и возможности</i> – определяются правила и ограничения поведения	Определить последовательность возникновения правила или ограничения или причину проблемного состояния
<i>Пресуппозиции</i> – что-то, что неявно требуется для того, чтобы понять утверждение	Уточнить и прояснить неявно предполагаемые в утверждении процессы и отношения
<i>Универсальные квантификаторы</i> – обобщенная генерализация	Найти примеры, противоположные ограничивающей генерализации

Паттерны метамодели	Необходимое действие
Семантическая неоформленность	
<i>Причина-следствие</i> – подразумеваемая причинно-следственная связь между конкретным стимулом и реакцией	Определить причинную связь, которая предполагается в утверждении
<i>Чтение мыслей</i> – претендовать на знание чьего-либо внутреннего опыта	Определить критерии, использованные для предположений о внутреннем состоянии другого человека
<i>Сложная эквивалентность</i> – когда о двух разных переживаниях говорится так, как если бы они значили одно и то же	Проверить достоверность отношения, которое подразумевается в сложной эквивалентности
<i>Утраченный перформатив</i> – оценочное суждение, в котором опущено сообщение о том, кто вынес это суждение и как оно было сделано	Определить источники и критерии, использованные при вынесении суждения
Недостатки процесса отображения	
<i>Идентификация</i>	Восстановление процесса идентификации или предсказания. Создание новых обобщений
<i>Статические слова</i>	Восстановление опущенных деталей
<i>Чрезмерно/недостаточно определенные термины</i>	Восстановление фактов об использованных терминах
<i>Ложные вербальные дихотомии</i>	Преодоление дихотомий, которые кто-то создал в языке
<i>Фразы «или-или»</i>	Восстановление континуума, опущенного структурой «или-или»
<i>Псевдослова</i> – слова без объекта ссылки	Вызов карте, использующей слова, не имеющие реальных объектов ссылки
<i>Многопорядковость</i>	Восстановление уровня абстракции, исходя из которого

Паттерны метамодели	Необходимое действие
	действует говорящий. Установление контекста и порядка
<i>Персонализация</i>	Вызов процессу персонализации
<i>Метафоры</i>	Восстановление изоморфных отношений между историей и понятиями человека

Язык – это репрезентация опыта, точно так же карта репрезентирует территорию. Слова имеют значение только в том смысле, что они указывают на первичный опыт, являясь кодами реальности. В процессе кодирования чувственного опыта в слова в процессе речи человека и в процессе декодирования, когда слушатель переводит слова в свою систему чувственной репрезентации, происходит потеря или искажение важной информации. Метамодель образует эксплицитный набор средств для сбора информации, предназначенных для определения вербальных паттернов в речи человека и их уточнения в тех случаях, когда нужна более точная информация.

Создание НЛП началось с метамодели. Дж. Гриндер и Р. Бэндлер интересовались разработками Н. Хомского в области генеративной лингвистики и трансформационной грамматики, исследуя взаимосвязь различных паттернов речи с внутренней структурой опыта человека. Они соотносили изменения в восприятии человеком сложной ситуации с трансформацией его способа говорить об этом. Также их интересовало, какими способами люди ведут переговоры, преодолевают конфликты, дают точные инструкции. В основу метамодели была положена идея о трех универсальных механизмах моделирования и адаптации, присущих мышлению, поведению и речи человека, – это обобщение, опущение и искажение. Но прежде чем обратиться к тем механизмам работы с информацией, которые обуславливают расхождение между «картой» и «территори-

ей», необходимо еще раз вернуться к фильтрам восприятия и остановиться на них более подробно.

Говоря о нетождественности окружающей нас реальности и образа мира, который на ее основе конструирует каждый человек, Р. Бэндлер и Дж. Гриндер, указывают на функционирование трех типов фильтров восприятия – *нейрофизиологических, социальных и индивидуальных*¹.

Нейрофизиологические фильтры (о которых мы уже говорили) ограничивают человеческие возможности в восприятии стимулов внешней среды строением рецепторов, соответствующим строению перцептивного аппарата представителей данного биологического вида. Так, что касается зрения, человек воспринимает в качестве видимого света относительно узкий диапазон электромагнитного излучения (примерно от 400 до 700 нм). Более короткие волны (например, ультрафиолет) и более длинные (например, инфракрасное излучение) человеческий глаз не фиксирует в качестве светового стимула, хотя с физической точки зрения видимый диапазон не является по какому-либо параметру выделенным: физические свойства электромагнитных волн изменяются непрерывно по всему спектру. Аналогичная ситуация в работе человеческого органа слуха: мы способны воспринимать в качестве звукового стимула механические волны только определенного диапазона (примерно от 20 Гц до 20 кГц), которые с физической точки зрения являются только частью непрерывного спектра. Подобные различия между физической реальностью и воспринимаемой человеком ее частью можно показать для всех наших органов чувств.

Необходимо также вспомнить о том, что между исходным физическим стимулом и интерпретацией соответст-

---

¹ Бэндлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. Одесса, 2001; см. также: Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Репрезентирование реальности: когнитивный подход. М., 2001.

вующего раздражения рецептора нервной системой существует большая разница: восприятие нами цветного мира является результатом сложной работы по соотнесению частоты падающей на предмет электромагнитной волны, частоты отраженной им волны и фонового светового потока с привлечением информации из памяти об обычном цвете знакомых предметов. Таким образом, сама нейрофизиология человека накладывает известные ограничения на его возможности по восприятию и интерпретации признаков окружающей среды: реальность «на самом деле» весьма далека от той «картинки», которую мы «рисует» на ее основе.

Помимо нейрофизиологических, на восприятие человеком мира оказывают существенное влияние *социальные фильтры*, под которыми понимается система социальных перцептивных стандартов, отличающих восприятие членов данного социума. Важнейшим из фильтров этой группы является язык. Объекты/явления, имеющие имя в некотором языке, с большей вероятностью могут быть представлены в опыте человека — носителя данного языка, — чем неназванные элементы среды. Наличие разных названий для некоторых двух цветовых оттенков позволяет носителю соответствующего языка, при прочих равных условиях, легче интерпретировать такие цвета как разные стимулы, чем человеку, в языке которого данные оттенки имеют общее имя. Соответственно, чем сильнее некоторый сектор реальности представлен в языке (имеет развитую номенклатуру имен), тем более детальную карту может сформировать говорящий на этом языке человек.

К социальным фильтрам можно отнести и культурные перцептивные стандарты. Объекты/явления, представленные в собственной повседневной жизни людей некоторого социума или в окружающем их информационном пространстве, с большей вероятностью будут описаны их

моделями мира, чем несвойственные данной культуре. Одно и то же поведение, жесты, эмоциональные проявления и т. д. часто существенно неодинаково интерпретируются в различных обществах. Соответственно, уместное поведение в карте одних людей может быть категорически неприемлемым для других.

Первичная информация, отфильтрованная нейрофизиологическими, а затем социальными фильтрами восприятия, помимо этого «проходит сквозь сито» *персональных (индивидуальных) фильтров*. Под персональными фильтрами понимается система ограничений, сформировавшаяся в личном опыте человека. Уникальная персональная история человека обуславливает большую готовность одних его перцептивных категорий¹ в ущерб другим, в результате чего образ реальности становится более детализированным в значимых областях.

Таким образом, функционирование фильтров восприятия приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях.

Каждая сенсорная репрезентативная система напрямую связана с операциями приобретения, преобразования, репрезентации (представления), хранения и воспроизведения информации; поэтому, используя их в той или иной последовательности, человек создает свою собственную репрезентацию реального мира, т.е. субъективную модель, карту мира.

Наряду с перцептивными фильтрами, на степень расхождения «карты» и «территории» влияет работа механизмов трансформации (искажения) информации, которые адаптируют новую информацию к уже имеющейся, — облегчают

---

¹ Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

вписывание воспринимаемого в существующий образ мира. Задача механизмов трансформации состоит в поддержании внутренней согласованности и функционального удобства образа мира человека. Выделяют три основных механизма трансформации информации – *генерализация (обобщение), опущение и искажение*.

Генерализация (обобщение) состоит в перенесении когнитивного правила на новые контексты. С одной стороны, без действия подобного механизма невозможно эффективное обучение (приходилось бы учиться решать не класс похожих задач, а каждую задачу в отдельности), а с другой – правило, справедливое в исходном контексте, отнюдь не обязательно сохраняет свою адаптивную ценность в новых. Ограничивающая роль генерализации состоит в том, что частный негативный опыт переносится на широкий контекст схожих ситуаций. Например, убедившись в неискренности одного из своих партнеров (*«Иванову нельзя верить»*), человек приходит к обобщенному выводу *«никому нельзя верить»*, то есть переносит эмпирическое правило, справедливое в конкретном случае, на неопределенно широкий круг ситуаций, что в дальнейшем может негативно повлиять на продуктивность его взаимодействия с людьми.

Иерархию структуры субъективного опыта человека можно представить как продукт обобщения знаний об окружающем мире и себе самом, выраженных в логических уровнях.

Опущение информации позволяет сократить мир до контролируемых размеров, игнорируя те области, которые на данном этапе не представляется возможным освоить. Наиболее явно это проявляется в ограниченности наших анализаторов. За счет опущения человек получает возможность лучше сфокусироваться на выделенном секторе реальности, повышая эффективность своего поведения в нем,

но при этом может пропустить нечто по-настоящему значимое в «отсекаемых» областях. Так, рассматривая кого-либо в качестве привлекательного человека, мы склонны игнорировать негативные элементы его поведения, не вписывающиеся в созданный нами образ. В какой-то момент «эксцентричные мелочи» перерастают иногда в категорически неприемлемый стиль поведения – и опущение перестает срабатывать. Иными словами, полезное в одних ситуациях опущение информации может и ограничивать возможности человека, если в силу каких-либо обстоятельств начинает затрагивать те стороны реальности, отслеживание которых существенно для его продуктивного взаимодействия с миром.

В соответствии с тем, что воспринято, человек выстраивает свою собственную реальность, не обязательно соотносящуюся с тем, каков мир на самом деле. Известно, что человеческие анализаторы и рецепторы не перестают работать даже во сне и без механизмов опущения субъект был бы вынужден постоянно осознавать весь поток информации и вряд ли смог бы заснуть. С другой стороны, нередко из имеющегося потока имеющейся информации человек может опустить наиболее значимые части, и в этом кроется основа недопонимания между людьми.

Искажение информации выражается в смещении акцентов восприятия сенсорных данных для сохранения модели реальности. В данном случае воспринятая информация интерпретируется исходя из того места, которое может ей быть отведено в рамках существующей модели, даже если такого рода объяснение не является наиболее естественным или полезным. Так, будучи уверенным, что все вокруг – конкуренты, человек видит их «происки» повсюду: в проявлении внимания коллег, в желании оказать поддержку и т. д.

Два предыдущих процесса можно рассматривать как частный случай механизма искажения. В этом смысле любая полученная информация является искаженной. Искжая реальность, человек тем самым выстраивает систему взаимоотношений с внешней средой, на основе чего создаются индивидуальные модели взаимоотношений с реальностью, что и является одной из причин человеческой субъективности. Любая модель человека основывается не на принципе правильности, а действует лишь исходя из *полезности*. Именно поэтому на определенном этапе жизни человек чаще начинает реагировать на внутренние модели больше, чем на внешние изменяющиеся события. И наоборот: чтобы передать реальность для других адекватным способом, люди вынуждены подстраивать ее под механизмы внутреннего искажения. Например, при передаче перспективы специально искажают линии на рисунке, чтобы возникла иллюзия трехмерного изображения.

Для моделирования процесса фильтрации информации в НЛП предложена модель метапрограмм, которая применима не только к дигитальному способу обработки информации, но также и к аналоговому, и позволяет избежать информационных потерь при переходе от одного вида кодирования к другому, о чем говорилось выше. Ниже мы остановимся только на основных элементах этой модели, которая фактически представляет собой набор параметров для построения индивидуальных информационных баз, которые присущи каждому человеку. При этом мы подкорректируем некоторые параметры в контексте задач настоящей работы.

Метапрограммы – встроенные в сознание программы, посредством которых человек определенным образом отфильтровывает воспринимаемую информацию. Являясь фильтрами восприятия, метапрограммы определяют те

стимулы, которые мы отличаем, на которые обращаем внимание, которые «ищем» и «видим». Они содержат в себе способы осмысления и концептуализации воспринимаемой информации, формирующиеся на основе врожденных и приобретенных когнитивных структур, а также на основе научения.

Иными словами, метапрограммы – это способы (паттерны), посредством которых человек перерабатывает и сортирует воспринимаемую информацию, наподобие ментального «программного обеспечения».

<i>Ментальные (дигитальные) метапрограммы</i>		
<i>Обработка данных (когнитивная/перцептивная)</i>	<i>Размер разбивки информации</i>	Общее/частное; глобальное/локальное; дедуктивное, индуктивное, трансдуктивное
	<i>Сортировка взаимоотношений</i>	Соответствие/несоответствие; тождество или различия/противоположности; согласие/несогласие
	<i>Стиль сбора информации</i>	Ориентация во внешний/внутренний мир
	<i>Эпистемологическая сортировка</i>	Сенсорный/интуитивный тип
	<i>Сортировка перцептивных категорий</i>	Крайние категории/континуум
	<i>Стиль использования сценариев мышления</i>	Лучший/худший сценарий мышления; оптимисты/пессимисты
	<i>Сортировка перцептивной устойчивости</i>	Проницаемое/непроницаемое; постоянный/непостоянный
	<i>Сортировка фокусировки</i>	Гибкий/ригидный тип
	<i>Методологическая направленность</i>	Почему/как; истоки/решения; процесс
	<i>Сортировка структуры реальности</i>	Аристотелевская/не-Аристотелевская; статичная/процессуальная
	<i>Предпочтение канала коммуникации</i>	Вербальный (цифровой)/невербальный (аналоговый); сбалансированный

Эмоциональные (аналоговые) метапрограммы	
<i>Паттерн эмоционально-го разрешения проблем</i>	Пассивность/агрессия/диссоциация
<i>Фреймы референции или сортировка авторитетов</i>	Внутренний/внешний; самореференция/референция на других
<i>Сортировка эмоциональных состояний</i>	Ассоциированные/диссоциированные; чувства/мышление; вход/выход
<i>Сортировка соматических реакций</i>	Активная/рефлексивная/неактивная
<i>Сортировка убедительности и правдоподобия</i>	Воспринимается на взгляд, на слух, по ощущению как правильное; имеет смысл
<i>Сортировка эмоциональной направленности</i>	Однонаправленная/многонаправленная
<i>Сортировка эмоциональной интенсивности/жизнерадостности</i>	Эмоциональность/спокойствие
Метапрограммы мотивации	
<i>Сортировка направленности</i>	Направленность на/от, подтверждение прошлого/будущие возможности; влечение/избегание
<i>Стиль принятия решений в процессе адаптации</i>	Варианты/процедуры
<i>Сортировка способов адаптации</i>	Суждение/восприятие; контроль/переключения
<i>Сортировка модальных операторов по обоснованию</i>	Необходимость/возможность/желание; положительная – отрицательная
<i>Сортировка предпочтений («врата сортировки»)</i>	Основной предмет: люди/места/вещи/виды активности/информация
<i>Сортировка целей: адаптация к ожиданиям</i>	Максимализм/оптимизация/скептицизм
<i>Сортировка по основаниям приобретения</i>	Удобство/качество/долговечность
<i>Сортировка ответственности</i>	Завышенная/заниженная ответственность
<i>Сортировка отношений к убеждению</i>	Недоверчивый/доверчивый

Метапрограммы внешнего реагирования		
Реактивность (поведение/реакции)	<i>Сортировка энергетической активности («подзарядки батареей»)</i>	Экстраверт/амбиверт/интроверт
	<i>Сортировка принадлежности и управляемости</i>	Независимый/член команды/лидер
	<i>Сортировка позиций в коммуникации</i>	Режимы коммуникации
	<i>Общая реакция</i>	Конгруэнтная/неконгруэнтная; соперничество/сотрудничество/полярность
	<i>Стиль соматических реакций</i>	Активный/рефлексивный/ и первый и второй/ неактивный
	<i>Сортировка предпочтений в работе («врата сортировки»)</i>	Вещи/система/люди/информация
	<i>Сортировка сравнения</i>	Качественная/количественная
	<i>Сортировка знаний</i>	Моделирование/концептуализирование/демонстрация/экспериментирование/апелляция к авторитетам
	<i>Сортировка дополнения/завершения</i>	Закрытая/открытая
	<i>Социальная презентация</i>	Открытость/демонстративность
	<i>Сортировка в иерархии власти</i>	Власть/принадлежность/достижения
Концептуальные метапрограммы		
Концептуализация/семантизация	<i>Сортировка ценностей</i>	Эмоциональные «потребности», «убеждения»
	<i>Сортировка реакций на приказания</i>	Принятие/сопротивление
	<i>Сортировка самооценки</i>	Обусловленная/необусловленная
	<i>Сортировка уверенности в себе</i>	Высокая/низкая
	<i>Сортировка источника индивидуального опыта</i>	Сознание/эмоции/тело/роль
	<i>Целостность личности</i>	Неконгруэнтность/интеграция
	<i>Сортировка категорий времени</i>	Прошрое/настоящее/будущее

	<i>Переживание времени</i>	Во времени/сквозь время; последовательная/ произвольная сортировка
	<i>Сортировка силы «Я»</i>	Нестабильная/стабильная
	<i>Сортировка морали</i>	Слабое/сильное супер-эго
	<i>Сортировка причинности</i>	Отсутствие причинности/линейные/множественные/личные/внешние/магические/корреляционные причинно-следственные связи

Существует огромное количество метапрограмм, которые можно идентифицировать в форме паттернов мышления и сортировки. Это позволяет распознавать фреймы в действии, управляющие нашей ориентацией на характер переработки информации.

Со структурной точки зрения, чем большей гибкостью человек обладает по отношению к самим собственным метапрограммам, тем больше реакций он может генерировать в пределах любых систем межличностной коммуникации и взаимодействия. Метапрограммы обладают контекстуальной относительностью; следовательно, необходимо принимать во внимание конкретный контекст.

В настоящей работе предпринята попытка обзора современного состояния науки информатики, выполнена систематизация основных концепций и подходов, предложены дефиниции базовых категорий и понятий, представлены связи информатики с когнитивными науками, показана эффективность их взаимовлияния друг на друга, проанализированы прикладные и практические аспекты, рассмотрены многие базовые модели. Конечно, статья носит конспективный и резольютивный характер, потому что каждый поднятый вопрос заслуживает отдельного монографического исследования. Свою же задачу авторы все-таки видели именно в постановке проблем. И если эта работа вызовет интерес у исследователей (неважно – согласие или несогласие!) и будет способствовать дальнейшим работам по обоснованию информатики, то свою цель мы можем считать достигнутой.

Подводя итог изложенному, можно задаться вопросом: почему все же столь важно обосновывать фундаменталь-

ность информатики? Есть ли тут нечто большее, чем простое уважение к той дисциплине, которой занимаешься, получая от этого интеллектуальное удовольствие? Представляется, что исчерпывающий ответ (или один из возможных вариантов ответа) на этот вопрос дал Г. Саймон в своей книге «Науки об искусственном» еще в 1968 году, когда обосновывал гипотезу: «В том, что касается принципов своего поведения, человек весьма прост. Кажущаяся сложность его поведения во времени в основном отражает сложность внешней среды, в которой он живет.

...Причина, по которой мы а priori приписываем этой гипотезе некоторую отличную от нуля вероятность, состоит в том, что мыслящий человек представляет собой адаптивную систему, и его цели определяют взаимосвязь между его внешней и внутренней средами. В той мере, в какой он действительно способен к адаптации, его поведение будет отражать в основном характеристики внешней среды (с точки зрения стоящих перед ним целей) и позволит обнаружить лишь некоторые свойства, ограничивающие его способность к приспособлению и обусловленные его внутренней средой – физиологическим аппаратом, которые и обеспечивают ему способность думать.

...Только некоторые “врожденные” характеристики внутренней среды мыслящего человека ограничивают приспособление его мышления к типу стоящей перед ним задачи. Все остальное в его мышлении и поведении при решении задач является “искусственным”, то есть приобретено путем обучения и доступно усовершенствованию посредством открытия более эффективных подходов.

...Неопровержимо доказано, что система обработки и информации человека работает в основном последовательно во времени: она способна перерабатывать одновременно лишь несколько символов, причем обрабатываемые символы должны храниться в особых, ограниченных по емкости, структурах памяти, содержимое которых может быстро меняться. Наиболее резкие ограничения на возможности использования эффективных стратегий накладываются тем

обстоятельством, что емкость кратковременной структуры памяти весьма мала (всего семь блоков), а время, необходимое для переноса одного блока информации из кратковременной памяти в долговременную, достаточно велико (порядка пяти секунд).

Когда же мы от задач, связанных в основном с загрузкой кратковременной памяти и с использованием способностей центральной нервной системы к последовательной обработке информации, переходим к задачам, требующим поиска и извлечения хранящейся информации, мы наталкиваемся на новые пределы адаптации и, исследуя эти ограничения, получаем возможность дать новую информацию об организации мышления и устройстве мозга. Изучение зрительного восприятия и задач, требующих использования естественных языков, все с большей очевидностью свидетельствует о том, что память действительно устроена по ассоциативному принципу, но “ассоциативность” в этом случае обладает такими свойствами, которые специалисты по вычислительной технике называют “списочной” структурой.

...По мере расширения наших знаний взаимосвязь между физиологическим и теоретико-информационным объяснениями станет такой же, как взаимосвязь между квантовомеханическими и физиологическими объяснениями в биологии (или между объяснениями на основе физики твердого тела и теории программирования в вычислительной технике). Они образуют два взаимосвязанных уровня объяснения, причем в нашем случае именно на пересечении этих уровней и обнаруживаются предельные возможности системы»¹.

Эта цитата, с нашей точки зрения, хорошо резюмирует изложенное и выражает нашу уверенность в том, что настоящие рассуждения авторов представляют эвристическую ценность, а не являются очередным схоластическим упражнением на актуальную тему.

---

¹ Саймон Г. Науки об искусственном, 2004. С. 36.

МЕРКУЛОВ И. П.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

Эволюционная эпистемология – направление, сформировавшееся в эпистемологии первой половины XX века, которое своим возникновением обязано, прежде всего, дарвинизму и последующим успехам эволюционной биологии, генетики человека и когнитивной науки. Главный тезис эволюционной эпистемологии (или, как ее обычно называют в германоязычных странах, эволюционной теории познания) сводится к допущению, что люди, как и другие живые существа, являются продуктом живой природы, результатом эволюционных процессов, и в силу этого их когнитивные и ментальные способности и даже познание и знание (включая его наиболее утонченные аспекты) направляются в конечном итоге механизмами органической эволюции. Классическая эволюционная эпистемология исходила из предположения, что биологическая эволюция человека не завершилась формированием *Homo sapiens sapiens* – она не только создала биологическую основу для возникновения человеческой культуры, но и оказалась непременным условием ее удивительно быстрого прогресса за последние 10 тыс. лет.

Анализ сложившейся в эволюционной эпистемологии 70–80-х годов прошлого века ситуации показывает, что ее

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-03-00006а).

дальнейшее развитие столкнулось в этот период с серьезными трудностями, обусловленными весьма ограниченными возможностями традиционных теоретических представлений о биологической эволюции. При всей своей значимости эти представления не позволяли «навести мосты» между биологической эволюцией и ее важнейшим аспектом – эволюцией когнитивной. С позиций этих представлений оставалось неясным, какие конкретно феномены требуют объяснений, если речь идет о когнитивной эволюции. В популяционной генетике и эволюционной биологии, например, традиционно рассматривается эволюция поведения живых существ, их поведенческих репертуаров. Но как эволюция поведения организмов связана, и связана ли она вообще с адаптивно ценными изменениями в их когнитивной системе? Ведь теоретическое представление о когнитивной системе живых существ (включая человека) возникло не в биологии, а в когнитивной науке, и его необходимо было адаптировать в нужной мере к биологическим структурам. Многие общепринятые в когнитивной науке модели переработки информации (и модели искусственных нейронных сетей) с точки зрения биологии представлялись нереалистичными.

Еще больше вопросов порождает когнитивная эволюция человека. Если с его биологической эволюцией все более или менее ясно – она просто не может не продолжаться, если справедлива теория хромосомной наследственности, – то в чем применительно к человеку проявляется важнейший аспект биологической эволюции – эволюция когнитивная? Эволюционная биология до последнего времени не давала ответа на эти вопросы. Трудности интеграции эволюционных представлений и информационных моделей когнитивной науки, по-видимому, были связаны с

тем, что вплоть до конца XX века практически отсутствовали экспериментальные данные, позволяющие исследователям предполагать наличие механизмов взаимодействия между генетическими изменениями и изменениями на информационном уровне в когнитивной системе живых существ, влияющих на процессы переработки когнитивной информации; – например, на создание внутренних ментальных репрезентаций, обучение, работу памяти, доминирующие мыслительные стратегии и т. д.

Благодаря изобретению новых методов, позволяющих определить участие генов в формировании и функционировании различных органов и нервных тканей, в генетике и нейробиологии за последние десятилетия были получены многочисленные экспериментальные данные, которые довольно убедительно свидетельствуют о том, что в течение 500 млн. лет эволюция организмов, обладающих нервной системой, шла преимущественно по пути совершенствования их когнитивной системы. Оказалось, что у млекопитающих, включая человека, более половины генов из генома необходимы для того, чтобы сформировать, «сконструировать» мозг, обеспечить развитие и дальнейшее функционирование взрослого мозга. На самом деле эта цифра значительно выше – 70–80%, так как необходимо учитывать также и так называемые «молчащие» гены, т. е. те гены, функции которых были ограничены созданием мозга и его развитием в эмбриональном состоянии.

Численность генов, обслуживающих мозг, удивительно высока. И это обстоятельство наводит на мысль, что темпы накоплений генетических изменений в мозге в ходе биологической эволюции были значительно выше, чем в других органах. Эволюция геномов организмов (по меньшей мере, млекопитающих), если ее рассматривать как результирую-

щую массы событий естественного отбора, видимо, была в большей мере связана не с морфологическими изменениями различных органов, а с морфологическими изменениями мозга, с эволюцией его нейроструктур, т. е. носила преимущественно характер *нейроэволюции*. Нейроэволюция обеспечивала создание своего рода обновляемой «элементной базы» («железа», если воспользоваться компьютерной метафорой) для эволюции когнитивных функций мозга — например, обучения, запоминания адаптивно ценной когнитивной информации, формирования новых стратегий мышления и т. д. В ходе нейроэволюции естественный отбор шел по когнитивным функциям мозга, поскольку соответствующие селективные преимущества в относительно большей мере способствовали адаптации и выживанию организмов. Характерно наличие избыточности, резерва в конструкции мозга: по мере роста сложности организмов биологическая эволюция нередко прибегала к удвоению (дубликации) части генетической информации. Дубликация генов, в свою очередь, открывала новые возможности для дальнейшей специализации жизненно важных функций. Поскольку мозг исключительно важен для выживания организмов, дифференциация и специализация функций более всего развиты в центральной нервной системе. Одновременно возникала необходимость в интеграции множества взаимосвязанных когнитивных программ и метапрограмм, в развитии высокоуровневого центрального контроля воспринимающего себя живого существа. Кумулятивно эволюционная история организмов, обладающих нервной системой, нашла свое выражение в тех функциях, которые гены выполняют в современном мозге (и поэтому мы ее можем «прочитать»).

Таким образом, в последние десятилетия появились экспериментальные основания предполагать, что нейроэволюция взаимосвязана с когнитивной эволюцией, т. е. с

адаптивно ценными изменениями в процессах переработки информации, с эволюционным развитием когнитивных способностей вплоть до самых высших – мышления и сознания. Однако возникает вопрос: можно ли это представление адаптировать в нужной мере к нейробиологическим структурам? Ответ на него в решающей мере зависит от того, можем ли мы принять и опираться в своих дальнейших выводах на следующие предположения. 1. *Наш мозг является органом, обрабатывающим когнитивную информацию.* 2. *Процессы обработки информации мозгом, по меньшей мере частично, управляются генами.* 3. *Существуют механизмы обратного воздействия адаптивно ценных изменений в процессах переработки информации когнитивной системой (в том числе и самопорождающихся когнитивных программ) на гены, управляющие ее работой.*

Гипотеза о том, что человеческий мозг перерабатывает когнитивную информацию, выдержала весьма тщательные экспериментальные проверки, и ее правомерность общепризнанна в когнитивной науке. С 60-х годов прошлого века модели переработки информации (естественно, совершенствуясь) остаются основным теоретическим инструментом исследований когнитивных функций человека в когнитивной психологии. Еще в предшествующие десятилетия было экспериментально установлено, что обмен информацией между нейронами головного мозга происходит посредством электрического (нервного) импульса, хотя передача ее через синапс осуществляется не электрическим, а химическим способом, который вызывает изменение электрического потенциала. Таким образом, «языком» мозга (если так можно выразиться) являются электрические сигналы. Именно поэтому стала возможна разработка новейших методов исследования человеческого мозга, – в частности, трехмерного картирования процессов его функционирования в реальном времени.

Но можем ли мы отталкиваться в своих эпистемологических выводах от аналогии между работой нашего мозга и работой компьютера – пусть даже и исключительно мощного, состоящего из искусственных нейронных сетей, включающих в себя несколько миллионов параллельно работающих вычислительных устройств, формальных нейронов? Конечно, наш мозг обладает преимуществами и цифровых, и нейронных компьютеров. Но каковы границы этой аналогии или метафоры, даже если согласиться с правомерностью предположения, что и наш мозг – этот естественным образом возникший в ходе нейроэволюции орган, обеспечивший наше выживание, – и созданный человеком компьютер действительно перерабатывают информацию? Ведь если наш мозг перерабатывает когнитивную информацию аналогично компьютеру, то это предполагает, что процессы переработки в нем генетически управляются хотя бы частично, так как невозможно представить себе компьютер, успешно выполняющий те или иные интеллектуальные задачи, работа которого вообще не управлялась бы инсталлированными программами. Но означает ли это, что (подобно тому, как это имеет место в компьютере) адаптивно ценные изменения в переработке информации когнитивной системой человека не оказывают никакого обратного воздействия на генетическую информацию, управляющую ее работой, и в силу этого вообще не влияют на эволюцию мозга, на нейроэволюцию?

Еще полвека назад многие исследователи полагали, что в силу адаптивной пластичности нервной системы организмов, обладающих способностью к обучению, эти организмы как бы «ускользают» от действия естественного отбора по когнитивным функциям на свой индивидуальный фенотип. Мозг рассматривался как орган, нуждающийся в участии генов, генетической информации только для сво-

его построения, эмбрионального развития. Оказывалось, что для его дальнейшей работы, для выполнения им когнитивных функций, генетическая информация вообще не нужна. Сформировавшись, взрослый мозг начинает функционировать подобно компьютеру, в котором происходит быстрая передача электрических сигналов, управляемые программами процессы переработки информации и т. п. Мозг может использовать лишь то, что было заложено в его развитии; он может реализовывать лишь те управляющие когнитивные программы и метапрограммы, которые были «инсталлированы» биологией в ходе его эмбрионального роста, и не способен к их обновлению, влияющему на когнитивное развитие, а уж тем более – к когнитивной эволюции.

Вплоть до последних десятилетий нейробиологи действительно не имели никаких прямых экспериментальных данных, свидетельствующих о наличии молекулярных связей между выполнением мозгом своих когнитивных функций и эволюцией. Правда, в пользу таких связей имелись весьма веские общетеоретические соображения, поскольку предположение о том, что работа центральной нервной системы человека абсолютно не контролируется генетически, многим биологам казалось неправдоподобным. К тому же, исследуя когнитивные аномалии (например, синдром Тернера, который влечет за собой когнитивные проблемы, связанные с ориентацией в пространстве), генетики обнаружили убедительные примеры того, как хромосомные aberrации (т. е. численные и структурные нарушения X- и Y-хромосом) негативно влияют на работу когнитивной системы человека.

Однако только сравнительно недавно в результате соответствующих исследований в молекулярной нейробиологии было экспериментально обнаружено, что обмен элек-

трических сигналов, электрическая активность в мозге протекает не только на поверхности нервных клеток (синапсов), но и уходит в глубь клеток. Эта активность включает молекулярные каскады передачи электрических сигналов от поверхности нейронов в цитоплазму и ядро, где локализованы хромосомы и гены. Отталкиваясь от полученных экспериментальных результатов, можно было предположить, что гены должны принимать участие в процессах переработки мозгом когнитивной информации, в выполнении мозгом когнитивных функций, в том числе в работе мышления, в механизмах обучения, запоминания и т. д.

С середины 80-х годов прошлого века нейробиологи, используя новые методы генетического маркирования, стали предпринимать систематические попытки поисков генов, которые могли влиять на когнитивные процессы. Их пристальное внимание привлекли *структурные* гены, обеспечивающие рост и дифференциацию клеток, т. е. гены, ответственные за развитие организмов. Оказалось, что некоторые из этих генов («замолкающих» после выполнения своих функций) вновь подключаются к работе мозга при столкновении организмов с когнитивными задачами и проблемами (которые требуют, например, запоминания, обучения или новых мыслительных стратегий), но уже в качестве *генов-регуляторов*. Они синхронно активизируются в миллионах нервных клеток, вовлеченных в выполнение соответствующих когнитивных функций. Конечно, в отличие от структурных генов гены-регуляторы не в состоянии *необратимым образом* изменить свойства (в том числе и логические) нервных клеток мозга, оказать необратимое влияние на передачу электрических сигналов (информации) через синапсы. Но они могут это делать *временно*, в течение довольно длительного периода, внося коррективы в репертуар работы клеток, меняя их свойства,

влияя на передачу информации и т. п. благодаря своему участию в синтезе белков, которые возвращаются к ядру клетки. Они включают и выключают десятки других генов, управляют, подобно дирижеру, фенотипическими свойствами клеток в течение довольно длительного времени, выступая в качестве триггера, запускающего эти процессы.

Таким образом, под воздействием когнитивных событий (например, требующих обучения новому навыку, запоминания, новых мыслительных стратегий и т. д.) генетические свойства клеток головного мозга могут меняться на длительный период. Но если подобного рода когнитивные ситуации часто повторяются на протяжении жизни нескольких поколений (например, в случае существенных изменений окружающей среды, при переходе отдельных популяций людей от охоты и собирательства к сельскохозяйственному производству, при массовой миграции сельского населения в города и т. п.), то постепенно за счет мутаций и рекомбинаций генов, как полагают некоторые исследователи, происходит замена программы запуска гена-регулятора (включающегося временно в ответ на возникновение когнитивной проблемы) на программу, запускающую ген развития (а эти функции – функции регулирования и развития, – как уже отмечалось, могут выполнять одни и те же структурные гены). В результате в новых нервных клетках происходит порождение необратимым образом таких же (или сходных) свойств, которые только временно возникали в старых клетках благодаря действиям генов-регуляторов. Иными словами, благодаря воздействию событий окружающей среды, требующих адаптивных изменений в когнитивной системе, возникают *эволюционные изменения в морфологии мозга* отдельных особей. Эти морфологические изменения, видимо, порождают нейробиологические и нейрофизиологические «устройства» как

потенциальную основу эволюционных изменений на информационном, когнитивном уровне. Они меняют логические свойства нейронов, групп нейронов и нейронных сетей, позволяя генерировать и запускать новые когнитивные программы (и метапрограммы), которые дают их обладателям какие-то селективные преимущества в решении соответствующих когнитивных проблем. Адаптивно ценные эволюционные изменения закрепляются естественным отбором, они могут постепенно привести к статистическому преобладанию в популяциях новых индивидуальных фенотипов, а тем самым и включаться в дальнейшую эволюцию генотипа.

Если суммировать вышеизложенное, то нетрудно прийти к выводу, что процессы эволюции мозга не прекращаются вместе с завершением его формирования. Наш мозг (разумеется, до наступления почтенного возраста) постоянно находится в состоянии «перестройки» с участием генов. Он реагирует на повторяющиеся когнитивные ситуации, создает и запускает новые когнитивные программы. И, наконец, он включает работу генов, которые раньше принимали участие в его формировании и развитии, с тем чтобы биологически закрепить достижения когнитивной эволюции. В этом принципиальное отличие человеческого мозга от современных компьютеров, которые, хотя и обладают способностью к самообучению, пока еще не могут подкрепить без помощи человека свою «когнитивную эволюцию» эволюцией собственного «железа».

Итак, если наш мозг действительно обрабатывает когнитивную информацию, если процессы обработки информации мозгом генетически контролируются, и, кроме того, существуют механизмы обратного воздействия работы когнитивной системы на гены, управляющие ее функционированием, то *современная эволюционно-информационная эпистемология вполне может отталкиваться от предпо-*

ложения, что эволюция человека, эволюция нейронных систем его мозга (нейроэволюция) продолжается, что эта эволюция сопряжена, главным образом, с адаптивно ценными изменениями в когнитивной системе человеческих популяций, с изменениями в процессах переработки когнитивной информации. Благодаря вовлеченности, непосредственному участию генов в выполнении мозгом своих когнитивных функций, обеспечивается закрепление достижений когнитивной эволюции в геноме человеческих популяций. Конечно, исследователям еще многое предстоит выяснить: каким образом молекулярно-генетические процессы в клетках (нейронах) и изменения в нейроструктурах взаимосвязаны с информационными процессами, как на основе этих взаимосвязей возникают и генетически закрепляются адаптивно ценные сдвиги в процессах переработки мозгом когнитивной информации – например, в доминирующих мыслительных стратегиях, в формах внутренних ментальных репрезентаций, в механизмах памяти, обучения и т. д. Конкретные ответы на эти и подобного рода вопросы, возможно, будут получены уже в самом ближайшем будущем. Для всех без исключения направлений современной эпистемологии, исследующей общие закономерности человеческого познания, исключительный интерес представляет *сам факт продолжающейся когнитивной эволюции человеческих популяций при участии генов*, – факт, который теперь уже не вызывает каких-либо сомнений. Признание этого факта и вытекающих из него следствий, а также трансляция соответствующих знаний в другие области духовной культуры, в перспективе приведет к радикальным изменениям в наших представлениях об эволюции познания и факторах, влияющих на когнитивный, социальный и культурный прогресс человечества.

КУЧЕР Е. Н.

ПОЗНАНИЕ ПОЗНАНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Проблемами познания и понимания человечество интересовалось с древнейших времен, поскольку повседневная жизнь людей настоятельно требовала ответов на многие вопросы из данной области. Что есть мысль? Как ускорить обучение? Почему одни люди знают больше других? Что есть истина? Где и как хранятся знания человека, его опыт? Как организованы мыслительные процессы человека? Исследования этих и множества других вопросов со временем очертили предметную область современного междисциплинарного подхода к исследованию познания – когнитивных наук.

Когнитивные науки в их современном виде – это междисциплинарный подход, объединяющий исследователей познания, главным фокусом внимания которых является проблематика закономерностей приобретения, преобразования, представления (репрезентирования), хранения и воспроизведения информации.

А. История и современность когнитивного подхода

Если говорить об истоках когнитивных наук, то к ним можно отнести работы древнейших из известных мыслителей: еще древнеегипетские ученые задавались вопросом о местонахождении знаний в человеке, полагая, что они по-

мещаются в сердце. Платон, однако, уже считал именно мозг средоточием мысли.

Дальнейшие размышления о природе познания в основном сосредоточены вокруг известной в философии дилеммы «структура–процесс». Применительно к когнитивной психологии термин «структура» означает метафорическое (условное) представление того, как организованы мыслительные механизмы. Условность структурных представлений и следующих из них рабочих моделей подчеркивается большинством современных авторов. Например, из метафоры структуры памяти (долговременная + кратковременная) следует представление о двух различных «хранилищах» информации в мозге, однако речь не идет о наличии независимых друг от друга пространственно локализованных нейронных «ячеек». К описанию когнитивных структур относятся, например, метафоры «отделений в мозге», «библиотек», «уровней переработки», «логических (а также семантических и др.) деревьев», «схем», «фреймов» и др.

Термином «процесс» обозначают наборы операций или функций, анализирующих и преобразующих мысленный опыт человека. Процессы являются более активными и гибкими по сравнению с относительно статичными структурами. Р. Солсо¹, иллюстрируя различие между процессами и структурами, приводит пример пчелиных сот: сами соты – это структура, а все, что внутри них происходит, – процессы; при этом соты, формируемые пчелами, относительно статичны, тогда как процессы сбора, переработки и хранения меда – относительно динамичны, хотя и сопряжены со структурой.

Так, Платон придерживался представления о том, что человеческое мышление основывается на информации, по-

---

¹ Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М., 1996.

лученной от каждого из видов чувствительности, и каждый орган чувств ответствен за обнаружение соответствующего вида природной энергии – световой, звуковой и т. д.

По сравнению со структурным подходом Платона, Аристотель, например, полагал, что разум человека воспринимает объекты в ходе активного воздействия: воспринимая некоторый объект, человек мысленно выделяет соответствующее понятие из многих представлений аналогичных объектов. Помимо идеи абстрагирования, современная психология обязана Аристотелю принципом ассоцианизма (представления организуются между собой по принципам сходства, контраста или смежности) и концепцией логических умозаключений (аристотелевская или классическая логика). Таким образом, Аристотель преимущественно развивал процессуальный подход к познанию.

По современным представлениям обработка информации – результат совместного, взаимосвязанного функционирования структур и соответствующих процессов. При этом структуры определенным образом управляют процессами, процессы же, в свою очередь, по мере протекания видоизменяют имеющиеся структуры и формируют новые.

Что касается средневековья и эпохи Возрождения, то для этого времени характерно стремление объяснить строение и расположение знаний в головном мозге. При этом обычно выделялись физические (известные пять чувств) и божественные источники познания.

Традиция философского познания ментальной организации знания была продолжена в XVII веке английскими эмпириками: Беркли и Юм выдвинули идею о трех видах внутренних репрезентаций:

- непосредственные сенсорные события (непосредственно воспринимаемое в данный момент);
- бледные копии сенсорных событий (содержимое памяти);

- продукты преобразования этих бледных копий (ассоциативное мышление).

Как известно, в XIX веке психология выделилась из философии в особую научную дисциплину, с собственным предметом, стремясь основываться на эмпирическом материале, а не только на рассуждениях. Уже первые психологи не остались в стороне от когнитивной проблематики, стремясь экспериментально исследовать восприятие, память, мышление человека. Достаточно указать имена Вундта, Фехнера, Гельмгольца, Эббингауза, Джеймса. Подходы этих авторов, применяемые ими методы и принципы интерпретации результатов на полвека позже легли в основу формирующейся когнитивной психологии.

Особо следует остановиться на периоде 20–50-х годов XX века, когда когнитивная проблематика была практически исключена из диапазона интересов научной психологии под влиянием доминировавшей в то время методологии бихевиоризма. Бихевиоральная модель «черного ящика» (поведение человека описывается формулой S-R, т. е. внешние реакции определяются внешними же стимулами, при этом ментальная обработка стимулов не рассматривается) надолго определила выбор предмета исследований и экспериментальных процедур: познавательные процессы человека, как «слишком сложные», были временно «оставлены за скобками».

Однако даже эксперименты по исследованию научения животных вскоре показали, что так называемые промежуточные переменные оказывают весьма существенное влияние на связь S-R. Например, в классических экспериментах Э. Толмена было показано, что крысы научаются в лабиринте не просто последовательности S-R связей, но и ориентированию. Иными словами, в процессе знакомства с лабиринтом у животных формируется его мысленная «картина», вследствие чего они могут направляться к пище не-

знакомым прямым (наикратчайшим) путем, а не одним из знакомых обходных. Такие мысленные «картины» пространства Толмен назвал когнитивными картами и предположил их наличие также и у человека как формы организации информации об окружающем мире.

Фактически, именно с работ Э. Толмена берет начало так называемый когнитивный бихевиоризм – исследование поведения животных и человека по модели S-I-R, т. е. уделяя внимание промежуточным переменным когнитивного характера.

Таким образом, с конца 50-х годов прошлого века интересы ученых снова сконцентрировались на когнитивных темах – внимании, памяти, распознавании образов, языке и мышлении, однако речь об этих процессах шла уже на новом уровне. В первую очередь, когнитивную революцию, как часто называют этот период развития психологии, можно связать с успехами параллельно прогрессировавших в то время кибернетики, лингвистики и компьютерной науки.

• Развитие *кибернетики, теории связи и теории информации* «спровоцировали» проведение специальных экспериментов по распределению и устойчивости внимания, распознаванию образов. Таким образом, появились новые модели познавательных процессов, которые быстро преодолели междисциплинарный барьер и были освоены когнитивной психологией.

• *Лингвистические исследования* Сепира, Уорфа, Н. Хомского и других привели к пониманию связи между языком, носителем которого является человек, и спецификой его восприятия и объяснения мира, а также к выявлению общей структуры языковых грамматик (глубинные и поверхностные структуры). В результате, языковые процессы и выработанные лингвистикой модели (например, семантические поля) прочно вошли в область интересов когнитивной психологии.

• Бурное развитие *компьютерных наук*, особенно области искусственного интеллекта (ИИ) не только требовали эффективных моделей человеческих познавательных механизмов, которые можно было бы превратить в соответствующие машинные программы, но и существенно расширили возможности исследователей-когнитивистов с технической точки зрения (в организации экспериментов и в обработке данных).

• В это же время психология активно изучает человеческую *память* и добивается в этой области заметных успехов: получен обширный эмпирический материал по вербальному научению и семантической организации, созданы проверяемые (и работающие в области ИИ) модели. Модели памяти во многом послужили образцом при моделировании других познавательных процессов и весьма положительно повлияли на репутацию когнитивной психологии.

Таким образом, когнитивная психология на новом витке своего развития пришла к необходимости интегрировать множество полезных моделей и результатов из других областей науки, часто весьма от нее далеких, как, например, кибернетика. При этом было совершенно понятно, что тактика игнорирования достижений «соседей» существенно обеднила бы психологию. С другой стороны, включение всех этих областей в себя по принципу «это наш частный случай» также вряд ли оказалось бы полезным.

Результатом коэволюционного развития перечисленных выше, а также ряда других дисциплин стало формирование единого междисциплинарного подхода – когнитивных наук, в рамках которого появилась возможность широкого обмена идеями, моделями и другими научными результатами исследователей, работающих разными методами над сходной проблематикой (либо использующих сходные методы в разных предметных контекстах).

Когнитивные науки представляют собой сегодня целое семейство дисциплин, объединенных единой проблемати-

кой и сходными методологическими принципами. Традиционно к ним относят философию (прежде всего, эпистемологию и методологию науки), лингвистику, антропологию, нейрофизиологию, область искусственного интеллекта (включая теорию информации, теорию принятия решений и теоретическую информатику) и психологию (в первую очередь, когнитивную – психологию познавательных процессов):

Фактически сегодня можно говорить о том, что когнитивные модели и методологические подходы широко распространились в науке вообще, стали неотъемлемыми инструментами профессионалов в различных областях, причем не только на исследовательском, но и на практическом уровне. Без них уже сложно представить современную социологию, политологию, экономику, менеджмент, теорию управления, медицину, историю и педагогику.

В. Методология когнитивных наук

Ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих

информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека.

Исторически информационный подход связан с разработками в области искусственного интеллекта и попытками описания человеческого познания с помощью моделей, эффективно работающих в данной области. Так возникла компьютерная метафора, долгие годы служившая одной из базовых моделей когнитивного подхода.

Компьютерная метафора, в самом общем смысле, описывает функционирование человеческого интеллекта аналогично компьютеру. Существуют две ее модификации.

1. Понимание человеческих когнитивных механизмов как устроенных аналогично компьютеру: устройства ввода и вывода, память, процессор – как независимые друг от друга «устройства», функционирующие в системе («hardware – модель»).

2. Понимание функционирования человеческого мозга как устройства, работающего по определенным программам, аналогично компьютерному программному обеспечению («soft-ware – модель»).

Современная психология давно отошла от жесткого варианта компьютерной метафоры, предпочитая говорить о том, что часть когнитивных процессов человека протекают близким к исполнению алгоритмов образом. С учетом свойств известных современных самокорректирующихся компьютерных программ об этом можно говорить даже в контексте человеческого развития и обучения.

Вторая волна когнитивной революции (90-е годы XX века) связана с экспансией информационного подхода в область человеческих эмоций, интуиции и креативности – то есть процессов, далеких от «строгой» рациональности. При этом когнитивный подход, как и прежде, исхо-

дит из фундаментального утверждения о том, что человек – это, в первую очередь, существо мыслящее, и соответственно, на все стороны его жизнедеятельности полезно посмотреть, учитывая субъективные представления и убеждения, предпочтения и оценки, накопленный опыт и сформировавшиеся установки конкретного человека. При этом как адаптивное, так и неадаптивное поведение человека рассматривается в контексте специфики его представлений о реальности – широты, полезности и гибкости его когнитивных карт.

С. Основные дефиниции когнитивных наук.

1. Модель. Когнитивные модели – это эвристические построения, используемые для облегчения эмпирических исследований и коммуникации ученых, а также для организации существующей литературы и стимуляции дальнейших исследований. Иными словами, модель представляет собой наиболее удобное (на данном этапе исследований) обобщение эмпирических данных и теоретических представлений относительно предмета изучения. При появлении новых гипотез или экспериментальных данных создаются новые модели, являющиеся более общими по сравнению с имевшимися ранее, либо описывающие изучаемый объект с другой стороны. Использование моделей характерно для любой современной науки, однако модельный подход в когнитивных науках обладает рядом особенностей.

1) Структурная жесткость моделей когнитивного подхода существенно ниже, чем это традиционно общепринято: модель не претендует на онтологическое описание объекта, но является только средством его представления в соответствующем контексте. Иными словами, модель вовсе не обязана описывать объект «как он есть», но должна «ра-

ботать» аналогично функционированию объекта (например, модель семантических сетей далека от представления о том, что в человеческом мозге информация «разложена по полочкам» именно таким образом, строго логически, однако данная модель позволила создать эффективно работающую по сетевому принципу систему компьютерной памяти).

2) Когнитивные модели имеют междисциплинарный характер, базируясь на метафорах и аналогиях из самых разных областей науки, искусства, практической деятельности. В качестве примера можно напомнить каталоговую модель памяти, описывающую ее устройство по аналогии с системой библиотечного каталога, или синергетическую модель научения, связанную с изменением числа параметров порядка аналогично описанию процессов самоорганизации в сложных термодинамических системах.

3) Когнитивные модели часто имеют вид условной схемы-алгоритма протекания соответствующих информационных процессов, в наглядной форме представляя последовательность «включения» процессов обработки информации и взаимосвязи между ними. В качестве примера можно привести модели распознавания образов «снизу вверх» (индуктивным путем, к узнаванию через накопление соответствующих признаков) и «сверху вниз» (дедуктивно, через сопоставление целостного образа с соответствующим прототипом и последующей поэлементной проверкой): данные модели не предполагают детального описания процесса, указывая лишь общее направление его организации и доминирующие на каждом этапе познавательные процессы.

Иными словами, когнитивные модели часто имеют характер наиболее общей схемы соответствующего объекта/процесса, полезной для его дальнейшего изучения. Что особенно важно, в силу метафорического или аналогового характера представления выявленных (или предполагае-

мых) закономерностей, когнитивные модели оказываются доступными широкому кругу специалистов и могут быть проверены и практически использоваться в разных контекстах познавательной деятельности индивидов, групп или искусственного интеллекта.

2. Информация. В самом общем смысле под информацией понимают сообщения, передаваемые между передающей и принимающей системами таким образом, что состояние последней изменяется. Когнитивный подход понимает под информацией не любые данные или сведения, существующие в мире, но только те из них, которые могут быть интерпретированы человеком. Иными словами, данные, записанные на компьютерной дискете, становятся информацией (приобретают для человека смысл) только после того, как он с помощью компьютера и специальных распознающих программ «прочтет» соответствующий файл. Аналогично из бесконечно богатого спектра постоянно воздействующих на нас физических стимулов только незначительная часть может быть распознана органами чувств человека и стать для него информацией об изменениях параметров окружающей среды.

Процесс когнитивной обработки информации можно описать в виде поэтапной модели (*модели переработки информации*), иллюстрирующей логику последовательной активизации когнитивных процессов в ходе извлечения смысла из воспринимаемых стимулов среды. Данная модель предполагает, что процесс познания можно разложить на ряд этапов, каждый из которых представляет собой некую гипотетическую единицу, включающую набор уникальных операций, выполняемых над входящей информацией. Модель переработки информации описывает процесс познания как проходящий следующие пять этапов.

1) *Приобретение информации.* На данном этапе «сырые» данные поступают в оперативную память человека для дальнейшего распознавания и оценки их значимости.

2) *Распознавание информации* состоит в проверке разного рода перцептивных гипотез относительно воспринятого материала, в результате чего человек осознает факт восприятия определенных известных ему (либо незнакомых) объектов (либо отдельных признаков). На данном этапе вновь воспринятая информация сопоставляется с имеющейся в памяти, а также происходит ее первичная смысловая обработка.

3) *Репрезентирование информации*. На данном этапе воспринятая информация структурируется и для дальнейшего хранения связывается с уже имеющейся. Человек способен воспринимать информацию с помощью пяти органов чувств и, соответственно, кодировать ее в виде визуальных, слуховых, осязательных, вкусовых и обонятельных образов. Помимо образного представления, человек способен также сохранять информацию в абстрактной форме, кодируя ее с помощью языковых средств или вербально.

4) *Хранение информации* позволяет человеку получать доступ к воспринятой ранее информации. Образное представление позволяет воспроизвести опыт идентично тому, каким он был зафиксирован в момент запечатления. Вербальное представление, позволяя «уплотнять» информацию за счет ее логической обработки (выделение главного, ассоциативные связи с уже известным, метафорическое представление и т. д.), при этом часто делает невозможным ее «дословное» воспроизведение.

5) *Воспроизведение информации* позволяет получить доступ к искомой информации в нужный момент времени. Невозможность воспроизвести нужную информацию часто не означает, что она навсегда утрачена (забыта): в более благоприятных условиях человек может восстановить связь с «потерянным кластером».

Важно подчеркнуть, что на всех этапах имеет место отсев значительной доли воспринятой информации, а также

ее искажение. «На выходе» процессов переработки в сознании человека формируется субъективное представление реальности, фиксирующее значимые признаки и отношения, но не идентичное ей. Иными словами, информация, извлекаемая человеком из окружающего мира, – это отнюдь не отражение, а, скорее, реконструкция последнего. При этом когнитивный подход исходит из эволюционной обоснованности подобного «конструирования» мира: человек способен «понимать» реальность по меньшей мере адекватно выживанию.

3. Познание. Под познанием в когнитивном подходе понимается способность человека приобретать и осваивать (перерабатывать) информацию из окружающей среды (а также внутренней среды организма) с целью адаптации к реальности. Иными словами, когнитивный подход рассматривает человека как существо, в первую очередь, познающее.

О познании можно говорить в филогенетическом аспекте – как о накоплении информации о среде в ходе видообразования. При этом новорожденный представитель определенного вида уже обладает определенным объемом информации, накопленной в ходе филогенеза соответствующего вида (онтогенетически априорной для данного организма).

В ходе онтогенеза живой организм (начиная с известной эволюционной ступени) приобретает так называемый индивидуальный опыт – приобретает и сохраняет индивидуально значимую информацию. При этом поведение животного, помимо врожденных рефлексов и инстинктивных программ, начинает складываться и из прижизненно приобретенных навыков.

Человек, помимо перечисленных выше, имеет третий тип приобретения информации – социальный опыт. В ходе общения со взрослыми, приобщаясь к культуре соответ-

вующего общества в ходе социализации, ребенок осваивает систему выработанных его историческими предками когнитивных эталонов восприятия, понимания и объяснения реальности. Таким образом, помимо видовых когнитивных особенностей и индивидуального опыта человеческое познание детерминировано также культурно закрепленными когнитивными паттернами – языком, социальными нормами, предрассудками, стереотипами и т. д.

Психология выделяет обычно следующие познавательные процессы:

- *внимание* (процесс перераспределения фокуса сознательного контроля человека);
- *восприятие* (механизм приобретения информации);
- *память* (механизм сохранения воспринятого);
- *мышление* (механизм обработки данных восприятия и памяти);
- *воображение* (процесс конструирования информации, отсутствующей в реальности).

При этом важно подчеркнуть, что в реальных познавательных актах все эти процессы функционируют в системе, и специфика каждого из них заметно влияет на остальные. Так, например, с развитием у человека логического мышления заметно изменяется и функционирование его памяти: становится возможным запоминание больших объемов информации на основе установлении логических связей между ее элементами.

В качестве результата процесса познания говорят о приобретении человеком знаний. Здесь важно подчеркнуть, что в когнитивном подходе термин «знания» трактуется весьма широко и неидентичен элементу классической триады «знания-умения-навыки» из лексикона отечественной педагогики и педагогической психологии. Когнитивный подход понимает под знанием всякую освоенную субъектом информацию – как на уровне понимания, так и на уровне возможности личного использования.

4. Репрезентация знаний. Под репрезентацией знаний понимается некоторая когнитивная схема – результат построения человеком (обществом) моделей реальности, в которых фиксируются наиболее важные, с точки зрения его приспособления к среде, факты, связи и закономерности последней. Иными словами, встречаясь с новой информацией, человек осваивает ее в форме когнитивных схем, включая в них все важное с его точки зрения.

Исторически первой формой когнитивных репрезентаций, которые были проанализированы психологами, стали мысленные представления участков пространства (сначала у крыс в опытах Э. Толмена, затем и у людей), поэтому подобные представления получили название «когнитивные карты». Сегодня область распространения данного термина существенно расширилась: он употребляется для обозначения представлений об объектах/явлениях самой разной природы, а не только пространственных структур. Поэтому в современной литературе часто можно встретить синонимическое употребление понятий «репрезентация» и «когнитивная карта».

Процесс построения когнитивных репрезентаций называют «репрезентированием» или представлением информации (знаний). Идея репрезентирования подчеркивает тот очевидный сегодня факт, что реальность внешнего мира и ее восприятие человеком, каким бы точным, полным и «правильным» оно ни было, никогда не совпадают. Восприятие и понимание разными людьми одного и того же объекта часто весьма существенно разнятся в зависимости от их прошлого опыта, настоящих установок, эмоционального состояния и т. д. При этом возникает вопрос: «Значит ли сказанное, что все наши репрезентации неистинны и не имеют ничего общего с реальностью?».

С точки зрения когнитивного подхода, говорить об истинности субъективных представлений человека целесооб-

разно лишь в контексте их полезности для реальной жизнедеятельности последнего. Иными словами, утверждается, что любая, даже самая «странная» с чьей-то точки зрения схема имеет право на жизнь, если с ее помощью человек успешно ориентируется в своем жизненном «пространстве», имеет богатые возможности осмысления реальности и адекватного поведения.

Для понимания функционирования человеческого интеллекта весьма важной является проблема структуры репрезентаций, а также механизмы их системного функционирования в процессе интерпретации человеком реальности, чему в когнитивном подходе уделяется существенное влияние.

5. Системный подход. Системный подход, понимаемый как методологический принцип рассмотрения человека в качестве сложной социобиологической системы, во всех взаимосвязях составляющих ее структур разных иерархических уровней, является одним из ключевых принципов когнитивного подхода. Соответственно, когнитивные процессы человека анализируются в их связях и взаимодействии как друг с другом, так и с другими сферами реальности человека:

- психики в целом (эмоции, поведение и т. д.);
- физиологии (гендерная специфика, нейрофизиологические особенности, соматическое состояние организма и т. д.);
- социального контекста (включенность в те или иные социальные группы со своими когнитивными нормами, социальными условиями и т. д.).

Иными словами, когнитивный подход рассматривает когнитивные процессы человека как системное свойство открытой самоорганизующейся социобиологической системы.

6. Адаптация. Под адаптацией в когнитивном подходе понимается способность живых организмов активно искать

(или создавать) благоприятные для жизни условия, используя информацию о состоянии окружающей реальности и собственного организма. Иными словами, в терминах информационного подхода, речь идет о способности организма (или биологического вида – при генетическом кодировании) учитывать обратную связь и изменяться в направлении ее давления.

Появление психики, в частности – когнитивных механизмов (средств восприятия и сохранения информации), существенно повысило шансы соответствующих видов в эволюционном процессе, значительно расширив возможности животных во взаимодействии со средой. Соответственно, когнитивные механизмы можно рассматривать как один из значимых факторов адаптации организмов к их среде обитания.

Человеческий интеллект является наиболее развитой из известных нам сегодня когнитивных систем. С точки зрения когнитивного подхода, ценность человеческого интеллекта состоит именно в том, что функционирование данной системы позволяет нам успешно (по крайней мере, адекватно выживанию) справляться с задачами адаптации к постоянно меняющимся условиям среды, в том числе техногенной и информационной.

7. Мезокосм. Когнитивный подход учитывает известное явление приспособленности познавательного аппарата человека к условиям физического мира средних размерностей, который и составляет биологическую нишу человека – мезокосм (термин Г. Фоллмера). Действительно, именно объекты и явления макромира человек способен воспринимать и интерпретировать без специальных приборов (в отличие от мегамира звездных систем и микромира элементарных частиц). Человек способен реально воспринимать размеры от миллиметров до километров, временные промежутки от секунд до годов; ни более «мелкие», ни бо-

лее «крупные» изменения параметров среды человеку недоступны: мы не можем видеть движение отдельных электронов или проследить эволюцию звезды.

Адаптация к условиям реальности мезокосма привела к формированию определенного строения человеческого познавательного аппарата. Иными словами, познавательный аппарат человека в имеющемся сегодня виде сформировался именно в ходе филогенетического приспособления к условиям окружающей его реальности – мира средних размерностей. Иными словами, часть информации нашим когнитивным аппаратом отсеивается как излишняя. Когнитивный подход выделяет три типа фильтров восприятия: нейрофизиологические, социальные и индивидуальные.

Нейрофизиологические фильтры ограничивают человеческие возможности в восприятии стимулов внешней среды строением рецепторов, соответствующим строению перцептивного аппарата представителей данного биологического вида. Так, что касается зрения, человек воспринимает в качестве видимого света относительно узкий диапазон электромагнитного излучения (примерно от 400 до 700 нм). Более короткие волны (например, ультрафиолет) и более длинные (например, инфракрасное излучение) человеческий глаз не фиксирует в качестве светового стимула, хотя с физической точки зрения видимый диапазон не является по какому-либо параметру выделенным, физические свойства электромагнитных волн изменяются непрерывно по всему спектру. Аналогичная ситуация с работой человеческого органа слуха: мы способны воспринимать в качестве звукового стимула механические волны только определенного диапазона (примерно от 20 Гц до 20 кГц), которые с физической точки зрения являются только частью непрерывного спектра. Подобные различия между физической реальностью и ее воспринимаемой человеком частью можно показать для всех наших органов чувств.

Необходимо также вспомнить о том, что между исходным физическим стимулом и интерпретацией соответствующего раздражения рецептора нервной системой существует большая разница: восприятие нами цветного мира является результатом сложной работы по соотнесению частоты падающей на предмет электромагнитной волны, частоты отраженной им волны и фонового светового потока с привлечением информации из памяти об обычном цвете знакомых предметов. Таким образом, сама нейрофизиология человека накладывает известные ограничения на его возможности по восприятию и интерпретации признаков окружающей среды: реальность на самом деле весьма далека от той «картинки», которую мы «рисует» на основе ее видения.

Помимо нейрофизиологических, на восприятие человеком мира оказывают существенное влияние *социальные фильтры*, под которыми понимается система социальных перцептивных стандартов, отличающих восприятие членов данного социума. Важнейшим из фильтров этой группы является язык. Объекты/явления, имеющие имя в некотором языке, с большей вероятностью могут быть представлены в опыте человека — носителя данного языка, — чем неназванные элементы среды. Наличие разных названий для некоторых двух цветовых оттенков позволяют носителю соответствующего языка, при прочих равных условиях, легче интерпретировать такие цвета, как разные стимулы, чем человеку, в языке которого данные оттенки имеют общее имя. Соответственно, чем сильнее некоторый сектор реальности представлен в языке (имеет развитую номенклатуру имен), тем более детальную карту может сформировать говорящий на этом языке человек.

К социальным фильтрам можно отнести и культурные перцептивные стандарты. Объекты/явления, представленные в собственной повседневной жизни людей некоторого

социума или в окружающем их информационном пространстве, с большей вероятностью будут описаны их моделями мира, чем несвойственные данной культуре. Одно и то же поведение, жесты, эмоциональные проявления и т. д. часто существенно неодинаково интерпретируются в различных обществах. Соответственно, уместное поведение в карте одних людей может быть категорически неприемлемым для других.

Первичная информация, отфильтрованная нейрофизиологическими, а затем социальными фильтрами восприятия, помимо этого «проходит сквозь сито» *персональных (индивидуальных) фильтров*. Под персональными фильтрами понимается система ограничений, сформировавшаяся в личном опыте человека. Уникальная персональная история человека обуславливает большую готовность одних его перцептивных категорий в ущерб другим, в результате чего образ реальности становится более детализированным в значимых областях.

Таким образом, функционирование фильтров восприятия приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях.

Д. Модели когнитивных наук

Сегодня когнитивные науки располагают множеством практически полезных моделей в самых разных направлениях. Так, например, когнитивная психология фокусирует свое внимание преимущественно в следующих областях:

- восприятие;
- распознавание образов;
- внимание;
- память;

- воображение;
- язык;
- мышление и решение задач;
- человеческий интеллект;
- искусственный интеллект.

В каждой из них созданы модели конкретных процессов, описывающие эмпирически проверяемые закономерности. В качестве примера, иллюстрирующего принципы построения когнитивных моделей, приведем две модели: внимания и памяти.

Целостную модель внимания, с учетом отсеивания части входящих стимулов, впервые предложил Бродбент. В его модели фильтрация сигнала возникала за счет ограниченной пропускной способности канала передачи информации (на основе теории обработки информации К. Шеннона и У. Вивера).

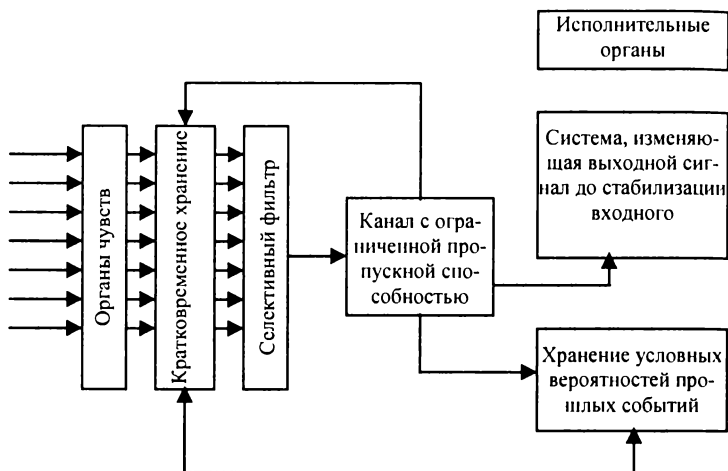
По Бродбенту, в систему входит больше информации, чем может быть обработано ею¹.

В *кратковременную память* поступает вся воспринятая органами чувств информация, однако в систему переработки *селективный фильтр* пропускает только часть данных, и именно эта часть исходных стимулов участвует в дальнейших когнитивных процессах: осознается, обрабатывается мышлением, попадает в долговременную память. Таким образом организм защищает себя от перегрузки, «отсекая» стимулы, которыми можно пренебречь.

В дальнейшем была предложена модель внимания с иначе расположенным фильтром: не до, а после распознавания стимулов. Данная модель исходила из влияния на эффективность восприятия контекстуальной уместности стимула (модель Дойча–Нормана).

---

¹ Адаптировано из: Солсо Р. Когнитивная психология.

Каждая из описанных моделей имеет свои преимущества, лучше согласуясь с той или иной частью эмпирического материала. Важно подчеркнуть, что обе модели сыграли важную роль в стимуляции исследований в области внимания и восприятия, породив целую серию экспериментальных исследований, давших ценный материал, в том числе и для практической деятельности.

Что касается памяти, приведем одну из обобщающих моделей (Шифрина–Аткинсона), иллюстрирующих взаимную работу оперативной, кратковременной и долговременной памяти¹.

В данной модели входные стимулы от рецепторов поступают в сенсорный регистр (СР) – самое кратковременное хранилище, удерживающее информацию несколько сот миллисекунд. Далее информация передается в кратковременную память (КВХ), где она проходит первичную обработку. Без повторений информация в КВХ сохраняется до 30 секунд, а затем либо стирается, либо переходит в долго-

¹ Адаптировано из: Солсо Р. Когнитивная психология.

временную память (ДВХ), где может сохраняться неограниченно долго.

Одним из центральных в теории Аткинсона–Шифрина является представление о возможностях человека частично управлять работой своей памяти. Так, повторением информации, поступившей в КВХ, можно способствовать ее перемещению в ДВХ, и наоборот: переключив внимание на новый стимул, можно стереть старые следы в КВХ.

Помимо структурных, существуют также процессуально ориентированные модели памяти, акцентирующие вни-

Выход ответной
реакции

мание не на последовательности, а на качестве обработки информации в ходе запоминания (например, модель уровней обработки Крэйка и Локхарта). В данной модели утверждается, что длительность сохранения информации в памяти прямо пропорциональна глубине ее обработки: механически заученный материал быстро забудется, в отличие от тщательно осмысленного.

Описанные модели иллюстрируют особенности моделирования в когнитивных науках, показывая общий вид и возможности этого мощного инструмента.

Мы сознательно привели здесь несколько моделей, в том числе конкурирующих между собой, с целью еще раз подчеркнуть специфику когнитивных моделей: они не претендуют на онтологию описываемых объектов. Каждая из моделей является не более чем полезным на данном этапе развития науки обобщением эмпирического материала и теоретических гипотез, не претендуя на «отражение» реальности.

Е. Основные принципы когнитивного подхода

Несмотря на разнообразие используемых моделей, концепций и методов, когнитивные науки как междисциплинарный подход к исследованиям познания базируются на ряде общих принципов. В качестве основных принципов когнитивных наук на современном этапе их развития, с нашей точки зрения, можно выделить следующие.

• ***Репрезентация знаний как центральное понятие.*** Принимается, что поведение человека определяется не столько «объективной» реальностью, сколько «реальностью-для-субъекта», т. е. системой субъективных представлений человека о реальности. В связи с этим центральной проблематикой когнитивных наук являются вопросы приобретения, преобразования, представления, хранения и воспроизведения разного рода информации.

• **Моделирование как познавательный механизм.** Для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающе полную информацию, сколько значимую в соответствующем контексте. Соответственно, познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования субъективно полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально значимые ее элементы и структуры. Моделирование мира не предполагает, однако, свободного фантазирования о нем или произвольного порождения виртуальных реальностей, поскольку оно опирается на согласованную работу фильтров восприятия (см. ниже) и контроль практической пригодности результатов.

• **Использование метафор.** Метафорическая форма часто помогает в доступной форме передать суть моделируемого объекта, коротко выразить квинтэссенцию наиболее значимых в некотором контексте его свойств. В частности, компьютерные метафоры оказываются весьма полезными для моделирования человеческого мозга.

• **Исследование объектов/явлений с точки зрения их структуры.** Исследуя информационные процессы, имеющие место в психике человека, когнитивные науки исходят из системной модели психики, и в частности – интеллекта. Когнитивная сфера представляет собой некую динамическую структуру обработки информации. В качестве когнитивных структур обычно выделяют репрезентации, конструкции, фреймы, скрипты, сценарии.

• **Исследование взаимодействия человека с реальностью с точки зрения экологической адекватности.** Поведение человека в мире рассматривается когнитивными науками не с точки зрения дихотомии «правильное – неправильное», а как полезное или вредное для него как социально-биологического организма, включенного в систе-

му контуров обратной связи. Соответственно, с точки зрения экологического приспособления, рассматривается и эволюция когнитивных механизмов человека, сформировавшихся в настоящем их виде и адекватных экологической нише вида *homo sapiens*.

• *Понимание «человеческого фактора» как познавательной и активно адаптирующейся к среде открытой системы.* Человек рассматривается когнитивными науками, в первую очередь, как существо мыслящее. Соответственно, вся гамма биологических, психологических и культурных феноменов рассматривается ими сквозь призму когнитивности человека. При этом человек понимается как сложная система контуров обратной связи, которая включена в качестве элемента в большие внешние системы. Выживание и адекватное поведение человека обеспечивается его постоянной «настройкой» своей системы в ответ на изменения параметров среды (как внешней, так и внутренней).

• *Понимание истинности знания как его адаптивной (эвристической) полезности.* Когнитивные науки исходят из представления о принципиальной гипотетичности всякого знания. «Истинное» знание – это система гипотез, наилучших из доступных нам на данном этапе историко-культурного развития. Соответственно, важнее оценить практическую полезность и перспективы некоторой теории или модели, чем углубляться в онтологические дебаты относительно ее обоснованности.

• *Привлечение данных из целого ряда конкретно-научных областей знания – игнорирование междисциплинарных барьеров.* Когнитивные науки – изначально междисциплинарная область, внутри которой свободно циркулируют подходы, теории, модели и эмпирический материал без жесткой «привязки» к соответствующим секторам науки, за счет чего удастся обеспечить системный анализ про-

блем и богатую коммуникативную среду для исследователей. Так, наряду с психологическими и кибернетическими моделями, когнитивные исследователи эффективно оперируют нейрофизиологическими, лингвистическими и синергетическими моделями и подходами.

• **Ведущая методология – информационный подход.**

Информационный подход рассматривает реальность с точки зрения информационных процессов, имеющих в ней место, – человек понимается как мыслящая система в мире информации.

Подчеркнем, что под когнитивными науками, как следует из изложенного выше, мы понимаем активно развивающуюся на Западе и пока достаточно скромно представленную в России область *cognitive sciences*. В отечественной традиции принято необоснованно сужать данное поле, сводя его к проблематике искусственного интеллекта, что аналогично термину «когнитивная психология», охватывающему во всем мире широкий спектр исследований человека, в первую очередь – как существа мыслящего. Но в нашей стране он обычно сводился к обозначению области моделей микроструктуры восприятия, внимания и кратковременной памяти (так называемые проблемы миллисекундного диапазона).

В 60-е годы прошлого века когнитивная психология, во время своего зарождения, действительно исследовала преимущественно перечисленные вопросы; но за истекшие десятилетия подход существенно развился, в том числе методологически, и сводить его достижения к примитивной, с сегодняшней точки зрения, компьютерной метафоре (*hardware*), по меньшей мере, выглядит серьезным упрощением.

Подчеркнем: подобное ограниченное понимание когнитивной психологии и когнитивных наук в целом было обусловлено в отечественной традиции скорее известными причинами социально-идеологического, чем научного ха-

рактера; поэтому отказ от такого рода упрощений, с нашей точки зрения, – вопрос времени. Кроме того, эволюция самой леонтьевской парадигмы, как убедительно показал, например, В. Ф. Петренко¹, шла в последние десятилетия в направлении сближения с когнитивным подходом по целому ряду параметров (как, впрочем, эволюция бихевиоризма в целом).

Как отмечает В. А. Лекторский, достижение современного познания состоит в утверждении коммуникационного подхода и выявлении в этой связи «фундаментальной важности факта производства и потребления знания для понимания самых разнообразных явлений. Это и «когнитивная теория» биологической эволюции, и когнитивная психология (как индивидуальная, так и социальная), и когнитивная наука в целом (включающая, наряду с психологией, определенные разделы лингвистики, логики, философии, математики)»².

Г. Когнитивный стиль мышления

Выше мы привели основные принципы когнитивных наук. Проиллюстрируем на их основе одно из следствий приложения этих принципов в философии, показывая, какие изменения претерпевает сам стиль мышления при опоре на методологию когнитивного подхода. Для нас важно подчеркнуть, что когнитивная методология не только отвечает на новые вопросы, но и преобразует традиционные, привычные трактовки «вечных» проблем.

---

¹ *Петренко В. Ф.* Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева. М., 1999.

² *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 6.

Философская рефлексия когнитивных наук традиционно происходит в части формирования и осмысления методологических принципов подхода, т. е., наряду с кибернетикой и структурной лингвистикой, является неотъемлемой частью теоретического фундамента системы. Соответствующая проблематика объединена сегодня рамками интенсивно развивающегося направления, называемого *философией когнитивных наук*.

Однако потенциальные возможности философского дискурса в условиях когнитивной экспансии не ограничиваются исследованием предмета философии когнитивных наук. Вторая волна когнитивной революции, как обычно характеризуют 90-е годы XX века (связанная с когнитивными подходами к пониманию не только рациональной деятельности человека, социальных групп и компьютерных систем, но и к объяснению его эмоциональных проявлений, интуиции и т. д.), предъявляет научной рациональности новые вызовы в самых разных направлениях, а не только связанных с эпистемологической проблематикой.

Постепенно в различных областях философии происходит зарождение и развитие новых позиций, соответствующих принципам когнитивного подхода. Фактически идет *процесс второго порядка*: сначала философия внесла свой вклад в становление когнитологии, теперь же когнитивные представления изменяют предмет самой философии. Соответственно, в философии не может не проявиться когнитивная экспансия.

Действительно, иные представления о познании и человеческом интеллекте неизбежно влекут за собой новые представления о человеке вообще, о соотношении «внешней» реальности (окружающего мира) и реальности-для-человека, о соотношении индивидуальной свободы и социальной необходимости, о смысле и природе морально-нравственных императивов и т. д.

В частности, классическая философская дилемма материализм/идеализм с позиций когнитивного подхода может быть интерпретирована в терминах структурализма (Г. Стент): реальность является набором структур, полученных путем трансформации первичных данных о мире. Иными словами, сложившаяся онтологическая дихотомия рассматривается в более широком контексте с привлечением информационной метафоры. Так, с точки зрения материализма, «реальный» внешний мир существует независимо от нашего сознания; сознание является отражением реальности и создает ее несовершенную репрезентацию. Идеализм, напротив, исходит из представления о том, что воспринимаемые события и явления не обладают иной реальностью, помимо существования в сознании человека; реальность является отражением сознания, несовершенным отражением «чистых» форм мысли. При этом обе точки зрения неявно исходят из того, что *вся информация, воспринимаемая органами чувств человека, достигает его мозга*. Материалисты полагают, что на основе этой информации формируется отражение реальности в сознании, а идеалисты считают, что именно благодаря ей сознание конструирует реальность. В обоих случаях опущения или искажения входящей информации интерпретируются как приводящие к ошибкам.

Структурализм помещает взаимодействие субъект–реальность в более широкий контекст, учитывая преобразования информации, имеющие место в ходе такого взаимодействия. Считается, что знание о мире представлено в сознании не в виде необработанных данных, но в существенно преобразованной форме, т. е. в виде некоторых структур. Уже в процессе предшествующей осознанию пошаговой переработки часть информации неизбежно теряется (распознавание паттернов, в ходе которого происходит формирование структур, предполагает избирательное

разрушение информации), а значит, сознание не имеет доступа к полной информации и, таким образом, не может ни отражать, ни конструировать реальность.

С представленных позиций изящно объясняется и факт интерпретации только определенных паттернов как осмысленных информационных блоков – объектов или элементов явлений. Процесс последовательного преобразования данных имеет иерархический характер: избирательное разрушение информации приводит к формированию более «сильных» структур из систем более «слабых». Тогда некоторый набор первичных данных приобретает для субъекта смысл только после того, когда он будет преобразован в структуру, в достаточной мере конгруэнтную «сильным» структурам, уже имеющимся в его сознании (если такое преобразование вообще возможно). Иначе набор стимулов не распознается как объект и не узнается при повторном предъявлении.

Обобщая приведенные рассуждения, можно резюмировать, что философский дискурс в контексте когнитивного подхода имеет существенно более широкие потенциальные возможности, чем разработка проблематики существующего направления – философии когнитивных наук. Имеется ряд принципиальных для философии проблем, которые с новых методологических позиций могут быть поставлены и решены иначе, чем это имело место в истории философии. Предпринимаемые в данном направлении попытки объединены сегодня термином *когнитивная философия*.

* * *

Развитие когнитивных наук идет сегодня в направлении все большего углубления в такие «внерациональные» области, как интуиция или креативность. При этом исследователи сталкиваются с необходимостью описания быстрых процессов «самопроизвольного» нахождения решения, вы-

растания осмысленных результатов из хаоса исходно бессмысленной информации, непредсказуемости хода развития через кризисы, описания упорядоченных процессов на макроуровне через беспорядок на микроуровне и т. д.

Внимательный читатель, возможно, разделит гипотезу, которая в настоящее время становится все более популярной среди исследователей когнитивной проблематики: не является ли методология синергетического подхода, столь успешно описывающего процессы самоорганизации, подобные обрисованным выше, полезной на когнитивном поле?

Такая идея представляется еще более привлекательной, если учитывать тот факт, что и сама синергетика проявляет серьезный интерес к моделированию когнитивных систем как отдельного индивида, так и коллективных когнитивных процессов, как было показано выше.

Таким образом, сегодня есть все основания говорить о формировании *когнитивно-синергетической научной программы* – подхода, строящегося на принципах современного нелинейного мышления.

МАКСИМОВ Л. В.

КОГНИТИВНЫЙ РЕДУКЦИОНИЗМ В НАУКАХ О ДУХЕ

1. Когнитивизм как сведение «духовного» к «познавательному»

Перефразируя известный афоризм Гёте, можно сказать, что «дух не делится на знание без остатка»; другими словами, «ментальное» не сводится к «когнитивному», знание и познание составляют лишь часть (хотя и существенную) той специфической реальности, которая в разных философских и научных текстах обозначается словами и словосочетаниями «дух», «субъективность», «внутренний мир», «идеальное», «психика» и др. Некогнитивный «остаток» — это те ментальные феномены, которые либо вообще по природе своей не предназначены для репрезентирующей функции, т. е. *не являются* идеальными моделями существующих или воображаемых объектов, либо *не сводятся* к указанной функции. В первом случае речь идет о так называемых *аффективно-конативных* феноменах психики — переживаниях, побуждениях, стремлениях, волевых усилиях и пр.; во втором — о более сложных духовных образованиях: интересах, целях, планах, ценностных ориентациях и других реалиях, входящих в предметную область многих философских и научных дисциплин (философии сознания, аксиологии, этики, социальной психологии, социологии, лингвистики и др.). Разумеется, без всех этих психических феноменов немислима познавательная (как и любая дру-

гая) *деятельность*, однако это не означает, будто сами они, как таковые, принадлежат корпусу знания.

Сама идея о возможности концептуального членения духовной реальности на несводимые друг к другу когнитивную и некогнитивную составляющие достаточно тривиальна; в той или иной форме она не раз высказывалась в философии и психологии (со времен Аристотеля)¹ и вполне согласуется с обыденными представлениями о структуре человеческого духа. Однако эта идея никогда не отливалась в целостную и последовательную концепцию, она не заняла сколько-нибудь заметного места в методологическом арсенале «наук о духе»²; здесь изначально утвердил-

¹ Можно вспомнить, например, аристотелевское (и позднее получившее развитие у Канта) разделение функций души на *теоретические* и *практические* и проведение разграничительной линии между *знанием* и *стремлением* (см.: *Аристотель. Сочинения*: В 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 442); различие знаний и ценностей неокантианцами, М. Вебером и др. Подобный акцентированно-дуалистический подход к психике поддерживается многими крупными психологами. По словам Жана Пиаже, «во всяком без исключения поведении заложена “энергетика”... представляющая его аффективный аспект»; когнитивный же аспект состоит в «структурировании отношения между средой и организмом». Именно на этом основании восприятие, понимание, рассуждение и т. д. «объединяются в когнитивной сфере поведения и противостоят явлениям аффективной сферы». «Аффективная и когнитивная жизнь являются, таким образом, неразделимыми, оставаясь в то же время различными. Они неразделимы... но от этого они не становятся менее различными между собой, поскольку эти два аспекта поведения никак не могут быть сведены друг к другу» (*Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические труды*: Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В. А. Лекторского, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Международная педагогическая академия, 1994. С. 58).

² Под «науками о духе» в данном контексте понимаются не только гуманитарные дисциплины, для обозначения которых (с целью отличить их от «наук о природе») как раз и был в свое время введен неокантианцами соответствующий немецкий термин – «*Geistwissenschaften*», но

ся (и продолжает доминировать) односторонний редукционистский подход, выражающийся в использовании когнитивных категорий и схем в качестве *универсальных* (и адекватных своему предмету) инструментов описания и объяснения «духовной жизни» – во всех ее бесчисленных проявлениях, включая некогнитивные феномены. Этот подход нельзя считать следствием осознанного принятия *онтологического* постулата – «все духовное есть познавательное»; здесь имеет место, скорее, стихийная *методологическая* установка, своеобразная «презумпция когнитивности» всего, что принадлежит духу; понятие «непознавательного», спорадически всплывающее (в разных словесных облачениях) в философских размышлениях о духе, интуитивно отторгается как нечто искусственное и маргинальное. В соответствии с этой установкой всякая духовная активность субъекта определяется как «познание»; идеальные продукты этой активности – как «знания»; внешне-предметные действия и их объективированные результаты – как реализация и опредмечивание знаний. Другими словами, весь широкий спектр *каузальных взаимодействий* между человеческим духом и внешним миром сужается до одного только *познавательного отношения*, для описания которого используется словарь эпистемологии:

также любые систематические – философские и научные – исследования, основными или сопутствующими объектами которых являются те или иные формы и проявления «духа» (сознания, психики, ментального и т. п.). Если принять предложенное словоупотребление, то область «наук о духе» многократно расширится; сюда войдут, помимо «чистой» гуманитарии (этики, эстетики, истории и пр.), ряд научных дисциплин: общая и социальная психология, нейрофизиология, социология, лингвистика и т. д., а также философия сознания, теория познания, философская антропология, аксиология и пр.

образ, понятие, мышление, эмпирия, теория, истина и т. д. Такой подход представляется его носителям совершенно «естественным» и само собою разумеющимся; он образует общую концептуальную схему, универсальную *парадигму*, в рамках которой вербализуется и обсуждается едва ли не вся проблематика наук о духе. Во всей классической философии, несмотря на допущение множества «модусов» духовной «субстанции», сама эта субстанция почти неизменно отождествлялась с обозначенным так или иначе «знанием» (или «мышлением» как познавательной способностью).

Указанная редукционистская интерпретация духовных феноменов, несмотря на ее широчайшую распространенность и многовековую историю (а может быть, как раз в силу этих обстоятельств), до недавнего времени не была с достаточной определенностью идентифицирована в философии и науке в качестве особой мировоззренческой и методологической позиции и, соответственно, не имела собственного имени. Впервые эта позиция – правда, пока лишь в одном из частных ее ответвлений – была зафиксирована, описана и подвергнута критике в 20–30-е годы XX века философами-эмотивистами, представлявшими одно из течений аналитической этики, или метаэтики¹. Эмотивисты утверждали, что вся классическая философия морали ошибочно трактует моральные нормы и оценки как когнитивные суждения, могущие быть истинными или ложными, тогда как на самом деле моральные высказывания выполняют не репрезентативную, а исключительно экспрессивную функцию: они выражают эмоции говорящего и заражают ими других людей. Критикуемый эмотивистами под-

---

¹ См.: Максимов Л. В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10.

ход позднее (с 40-х годов XX века) получил в метаэтической литературе название «когнитивизм»¹, а его противники, отвергающие истинностный характер моральных высказываний, стали именовать себя «нонкогнитивистами».

В последующие десятилетия термин «когнитивизм» перекочевал в другие области знания, главным образом в те дисциплины, которые полностью или частично входят в исследовательский комплекс, называемый «когнитивной наукой». Там этот термин приобрел множество новых и зачастую далеких друг от друга значений, которые будут рассмотрены далее. Все эти значения, несмотря на кажущуюся несовместимость некоторых из них, прямо или опосредствованно связаны с обрисованным выше методологическим подходом, редуцирующим «духовное» к «познавательному», «ментальное» — к «когнитивному». Поэтому имя «когнитивизм» является, на мой взгляд, наиболее релевантным именно для этого общего, фундаментального подхода как такового, тогда как названия прочих концепций и методологических установок, за которыми закрепилось это же имя, нуждаются в уточняющих добавлениях, указывающих либо на исследовательский контекст, в котором производится когнитивная редукция, либо на характер идеальных объектов, подвергшихся такой редукции.

Так, можно разграничить когнитивизм *традиционный*, или классический, характерным признаком которого является использование исторически сложившихся *эпистемологических* концептов для описания любых феноменов психики, человеческой деятельности и социальных отно-

¹ См.: Cognitivism and noncognitivism // International Encyclopedia of Ethics / Ed. John K. Roth. London; Chicago, 1995; van Roojen M. Moral Cognitivism vs. Non-Cognitivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2005 Edition) / Ed. Zalta E.N. (URL = <http://plato.stanford.edu/archives/win2005/entries/moral-cognitivism/>).

шений (поскольку в них присутствует духовное начало), и когнитивизм *современный*, применяющий для тех же целей «кибернетический», теоретико-информационный подход и расширивший область изучаемых когнитивных феноменов за счет нейрофизиологических процессов и искусственного интеллекта. Внутри каждого из этих двух типов когнитивизма можно различить *психологический* (в некоторых контекстах – *психофизиологический*) когнитивизм, интерпретирующий указанным редукционистским способом лишь структуру и механизмы человеческой психики, и *ценностный* когнитивизм, осуществляющий подобную же редукцию в отношении социально-значимой деятельности и ее регулятивов – ценностных ориентаций (целей, интересов, идеалов и пр.). Психологический когнитивизм можно выделить в особый вид также и на том основании, что он характерен для психологии как научной дисциплины; соответственно, по дисциплинарному признаку могут быть идентифицированы и другие виды когнитивизма – *социологический, лингвистический, религиоведческий, педагогический, этический, эстетический, литературоведческий* и т. д. Особняком стоит здесь когнитивизм *когнитивной науки*: во-первых, в силу ее междисциплинарного статуса и, следовательно, пересечения ее с другими дисциплинами, находящимися в сфере влияния когнитивистской парадигмы; во-вторых, из-за отмеченной уже многозначности самого термина «когнитивизм», укоренившегося в языке этой науки.

Можно провести некоторую параллель между *когнитивизмом в науках о духе* и *механицизмом в науках о природе*. В основе обоих этих подходов, отчетливо обозначившихся в философии и науке Нового времени, лежало естественное стремление исследователей строить, по возможности, про-

стые и наглядные модели изучаемых объектов, минимизировать и унифицировать понятийный инструментарий, свести его к некоторому ограниченному и фиксированному набору категорий: в одном случае – категорий классической механики, в другом – теории познания. Развитие естествознания со временем показало ошибочность или, вернее, ограниченность сферы приложения механистической методологии: как выяснилось, далеко не все природные феномены могут быть адекватно представлены в понятиях механики; для их описания и объяснения требуется принципиально иная система представлений, ибо «материальное» не редуцируемо исключительно к «механическому». Что касается когнитивизма, т. е. редукции «духовного» к «когнитивному», то его методологическая ущербность пока еще нуждается в доказательстве; она не проявила себя с такой же очевидностью, как в случае механицизма, – главным образом потому, скорее всего, что критерии познавательной эффективности/неэффективности того или иного подхода в сфере наук о духе не столь строги, как в науках о природе. Поэтому когнитивизм – вместе с базирующимися на нем исследовательскими и практическими стратегиями – сохраняет свое господствующее положение (не декларируемое, но вполне реальное) в философии сознания, в науковедении, в гуманитарных дисциплинах, а также в духовно-формирующей деятельности – воспитательной, пропагандистской, проповеднической и т. п. Противостоящий этому подходу нонкогнитивизм, причем исключительно в его (упомянутой выше) *метаэтической* версии, известен лишь узкому кругу специалистов, далеко не все из которых являются к тому же его приверженцами. Действительная методологическая значимость нонкогнитивизма как антиредукционистского принципа наук о духе может быть оце-

нена только после выяснения места и роли когнитивизма в этой области исследований.

Далее речь пойдет о психологической и ценностной модификациях когнитивизма, а также о способах реализации этого подхода в когнитивной науке. Ограничительные рамки статьи позволяют представить эти формы когнитивизма лишь в самом сжатом виде.

2. Психологический когнитивизм

Когнитивистское истолкование психических процессов и явлений (включая и такие спорные в отношении их когнитивного статуса феномены, как эмоция, воля и др.) – это господствующая тенденция не только психологической науки, но и обыденной рефлексии, и многих философских концепций, так или иначе затрагивающих вопрос о структуре и механизмах психики.

Внешне указанная тенденция выражается в том, например, что традиционные когнитивные термины – *сознание*, *мышление*, *разум* – в ряде контекстов выступают как полные синонимы *духа*, *психики* в целом, сохраняя при этом свой специфически-когнитивный смысл (подобные же бифункциональные слова имеются и в других языках; например, в английском – *mind*, *mental*, в немецком – *Geist*, *Gemüt*, и др.). В обыденном и философском языке когнитивизм подпитывается, подкрепляется также употреблением пришедших из прошлых эпох синкретических слов и выражений, обозначающих в равной мере как когнитивные, так и некогнитивные (аффективно-конативные) реалии психики. Такой синкретизм характерен для значительной части исторически сложившегося лексикона «феноменологии духа» (философии сознания и научной психологии), используемого для описания различных форм и

проявлений душевной жизни. Например, слово *чувство* применяется для обозначения как *перцепции, представления, ощущения* (т. е. когнитивных феноменов), так и *эмоции, аффекта, переживания* (т. е. некогнитивных реалий)¹. Соотносительный с чувствами *разум* понимается столь же двойственно: и как особая *познавательная* способность, и как *побудитель* к действию. Подобная размытость, амбивалентность ключевых терминов препятствует концептуализации некогнитивного, приводит к растворению его в когнитивном и – как следствие – к массивованному (и не всегда оправданному) внедрению в психологию эпистемологических понятий и подходов.

Конкретные формы психологического когнитивизма зависят от того, какие именно теоретико-познавательные идеи используются для объяснения психических процессов. Если познание понимается как репрезентация мира в сознании человека, то когнитивистский подход к психике выражается соответственно в трактовке всякого психического феномена как особого вида или способа идеального воспроизведения некоторого объекта, причем такое воспроизведение может быть «истинным» или «ложным». Так, когнитивистский крен отечественной психологии советского периода (да и постсоветского тоже) явился результатом безоговорочного принятия «теории отражения» в качестве мировоззренческого и методологического базиса психологического исследования. Практически все дефиниции психики и ее элементов, приводимые в изданных в

¹ Так, Юм относил «акты видения и слышания» вместе с «любовью и ненавистью» к одному классу психических явлений – перцепциям (см.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: Канон, 1995. Т. 2. С. 215–216); Фреге подводил эмоции, настроения, склонности, желания вместе с воображением и ощущениями под общее понятие «*Vorstellung*», т. е. «представление» (см.: Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логические исследования. Томск: Водолей, 1997. С. 34).

этот период научных трудах, словарях и учебниках, так или иначе отдавали дань этой теории; само понятие психики определялось, как правило, через «отражение» (нередко, впрочем, с корректирующим добавлением – «*активное* отражение»). Инерция такого подхода оказалась весьма значительной, он до сих пор сохраняет влияние в психологии¹. Философская критика теории отражения как ошибочной или ущербной в определенных отношениях *эпистемологической* концепции мало сказывается на ее функционировании в качестве одной из основ психологического когнитивизма. Поэтому в контексте проблемы, рассматриваемой в настоящей статье, вопрос о дефектах теории отражения можно оставить в стороне: речь здесь идет об ошибочности не самой этой теории, а ее применения (в качестве объяснительной модели) к тем идеальным объектам, которые в принципе не поддаются эпистемологической редукции.

В философии и психологии XIX–XX веков широкое распространение получил особый вид когнитивизма, связанный с *интенционалистской* трактовкой сознания. Термин «интенция» (лат. *intentio* – стремление) как обозначение особого философского понятия широко употреблялся

---

¹ Вот некоторые типичные определения психики в отечественной литературе последних двух десятилетий: психика – «свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой отражения субъектом объективной реальности» (Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 547); «Психика есть отражение (познание) внешнего мира и сама познаваема, как и другие явления» (Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд. МГУ, 1984. С. 6); психика – «форма активного отображения субъектом объективной реальности...» (Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 291); психика – «это отражение объективного мира в его связях и отношениях» (Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С. 16); и т. п.

еще в средневековой схоластике (в частности, Фомой Аквинским) и был возрожден в философии сознания новейшего времени – в трудах Brentano, Husserl и многих их последователей. Эти философы под «интенцией» понимали способность сознания *быть направленным* на предметы, *придавать смысл* предметам, формировать осмысленную картину мира; т. е. интенция ассоциировалась с особым рода *познавательной* активностью, «конструктивностью» сознания. А поскольку сознание при этом традиционно отождествлялось с человеческой психикой в целом, то все психические феномены были фактически истолкованы как интенционально-познавательные; в эту единую категорию попадали не только ощущение, восприятие, суждение и другие безусловно когнитивные реалии, но и желания, эмоции, мотивы, цели и пр. – на том общем для всех них основании, что они «направлены» на тот или иной предмет и включают в себя «образ» этого предмета.

Всякий психический феномен, писал Ф. Brentano, характеризуется «отношением к содержанию, направленностью на объект... или имманентной предметностью». «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любитесь, в ненависти – ненавидится и т. д. Это интенциональное существование свойственно исключительно психическим феноменам... Тем самым мы можем дать дефиницию психическим феноменам, сказав, что это такие феномены, которые интенционально содержат в себе какой-либо предмет»¹. Получается так, что специфику каждого психического феномена составляет только заключенное в нем особое предметное содержание, «направленность» же сама по себе

¹ Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Избранные работы / Пер. с нем. М.: ДИК, 1996. С. 33–34.

одинакова для всех феноменов. К тому же природа этой «направленности» как таковой (т. е. взятой в отвлечении от ее «предмета») остается непроясненной; само это слово употребляется феноменологами как только поясняющее, но не поясняемое, за ним сохраняется лишь некая смутная «пространственно-векторная» ассоциация. Поэтому и в понятии интенции эта составляющая не акцентирована, на первый план выходит «предметность» интенции, — т. е., по существу, ее когнитивное содержание. Из-за этого интенциональность вообще ошибочно отождествляется с когнитивностью, и такие явно некогнитивные феномены, как аффекты, переживания, эмоции и др., квалифицируются как «когнитивные» только потому, что они направлены на *что-то*; сама же *направленность* понимается как нечто побочное, не выражающее сущности этих феноменов. Но если обратить внимание на характер этой направленности, нетрудно заметить принципиальное различие между когнитивными и некогнитивными психическими феноменами: ведь одно дело — *репрезентировать* предмет в представлениях и мыслях, и другое — *любить*, *желать* и т. д. этот предмет. Конечно, любимый (или ненавидимый) предмет должен быть *представлен* в сознании, однако эта представленность является лишь *условием* заинтересованного отношения к предмету, а не самим этим «отношением».

Переживания, аффекты и пр. — это особые психические состояния, не сводимые к своему предметному содержанию; они суть проявления внутренней жизни субъекта, индивида, и для описания их «направленности» на объект более всего подходят такие термины, как «активность», «напряженность», «энергия», «самовыражение» и т. п. Когнитивные же реалии психики (перцепции, образы, мысли и пр.) суть представительства во внутреннем мире мира

внешнего – либо реально сущего, либо воображаемого, желаемого и т. п.; их «направленность» описывается в абстрактных терминах «соотнесения» с внешним объектом, например: «тождество», «соответствие», «адекватность», «осуществимость» и др. (Разумеется, и познание как особый процесс есть проявление активности духа, однако в данном случае речь идет не о познавательном *процессе*, а о его *результатах* – знаниях и вообще о «когнициях», т. е. идеальных моделях сущего.)

Поскольку в феноменологических теориях «имманентная предметность», или «интенциональный объект», признается сущностным признаком психического вообще, или, по крайней мере, многих реалий психики (включая ценностные акты), и поскольку этот интенциональный объект в любом случае понимается как когнитивный феномен (даже если его содержание есть плод фантазии или заблуждения), имеются все основания квалифицировать эти теории как когнитивистские. Этот когнитивизм становится еще более очевидным, когда на основе указанных психологических концепций строятся теории, описывающие и объясняющие ценностное сознание. Примером подобных построений может служить разработанная Brentano теория морали, в которой феномен нравственности непосредственно отождествляется с «нравственным *познанием*» (*die sittliche Erkenntnis*)¹.

Феноменологический когнитивизм порожден той же традиционной редукционистской методологией, что и другие формы когнитивизма, а именно – стремлением представить всякий духовный феномен как ту или иную форму «знания». Даже явное отличие эмотивно-оценочных актов

¹ См.: Brentano Ф. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000.

от «простых» познавательных, зафиксированное Э. Гуссерлем, не побудило его признать эмоции и оценки *непознавательными* феноменами: подспудно принятая и направляющая ход его мысли когнитивистская методология заставила его искать и конструировать особые – «не представимые попросту» – предметности, которые могли бы быть «схвачены» (т. е. познаны) посредством указанных духовных актов. Если мы «радуемся» некоторому предмету или «любим» его, то в нем, согласно когнитивистскому принципу, должно быть предположено наличие «радостного» и «любимого» как предметностей особого рода¹. Правда, философская феноменология, в отличие от наивного реализма, не приписывает подобным «предметностям» вещного существования, а рассматривает их как конструкты «опредмечивающего» интенционального сознания или же выстраивает особую онтологию идеально-объективных ценностей, постигаемых посредством «чувств» – эмоций, переживаний (М. Шелер, Н. Гартман). Трактовка эмоций как *знаний о ценностях* или как некоего *ценностного знания* характерна вообще для философско-психологических построений, идущих в русле феноменологии, философии жизни и экзистенциализма. Когда Сартр, например, определяет эмоцию как «некоторый способ познания мира»², он фактически имеет в виду познание значимых для человека (и в этом смысле «ценных») явлений и событий; при этом Сартр, как и многие другие философы, толкует *знание* столь расширительно, что под это понятие подпадают не

¹ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. Т. 1. М.: ДИК, 1999. С. 82.

² Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М.: МГУ, 1993. С. 137.

только *сенситивные и понятийные модели* мира, но и *переживания по поводу* происходящего в мире.

Сходные идеи выдвигались и в отечественной философии и психологии. Эмоции «отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций, состояний организма и внешних воздействий...»¹ — такое понимание природы этих психических феноменов в 50–80-е годы XX века было фактически общепринятым в работах советских философов и психологов. Некоторые нюансы в эту концепцию вносит «информационная теория эмоций» (П. В. Симонов, 1964), согласно которой рассматриваемый феномен каузально связан с информацией о возможности удовлетворения той или иной потребности. Следует, правда, заметить, что подобные «информационные» трактовки эмоций только внешне похожи на когнитивистские (теоретико-отражательные и феноменологические), по существу же они таковыми не являются: речь здесь идет лишь о том, что эмоция *возникает в результате знания* о чем-то, она представляет собой особую психическую *реакцию* на значимую для человека «информацию», но сама по себе вовсе не является познавательной репрезентацией чего бы то ни было.

Многие современные западные теории эмоций сами аттестуют себя как «когнитивистские» либо же получают это определение от своих оппонентов. Автор одного из обзоров этих теорий Дж. Дэй утверждает, что «когнитивизм ныне доминирует в философии эмоций. Его господство в этой области созвучно господству когнитивизма в философии сознания (mind) вообще»². Действительно ли так об-

¹ Эмоции // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 795.

² Deigh J. Cognitivism in the Theory of Emotions // Ethics. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy. V. 104. 1994. P. 824.

стоит дело? – Ответ на этот вопрос зависит от того, что именно понимается в данном случае под «когнитивизмом». В работах, на которые ссылается Дж. Дэй, «когнитивистами» называют: тех, кто признает сам факт присутствия в эмоции (или в других сложных психических феноменах) когнитивного элемента наряду с аффективным; тех, кто считает эту когнитивную составляющую «приоритетной» в том или ином смысле; тех, кто рассматривает эмоции как функцию когнитивных процессов¹; и также тех, кто описывает психические и нейрофизиологические механизмы эмоций (как и других феноменов «духа») в понятиях теории информации. Такой «когнитивизм», несомненно, связан с рассматриваемым в нашей статье редукционистским принципом, частично пересекается с ним. Поскольку, как уже упоминалось выше, термин «когнитивизм» в различных значениях – включая и названные здесь – широко употребляется в языке современной когнитивной науки (прежде всего – когнитивной психологии как составной части этой науки), попытаемся выяснить, проникает ли в эту исследовательскую область вместе с частными «когнитивизмами» также и *универсальный* когнитивистский редукционизм.

3. «Когнитивизм» когнитивной науки

Когнитивная наука (или, в другой версии, когнитивные науки) в разных литературных источниках получает несколько разные определения, хотя всякий раз речь идет о комплексном междисциплинарном *исследовании познания, познавательных процессов с помощью теоретико-инфор-*

---

¹ См. об этом: *Изард К. Э. Психология эмоций* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. С. 50–52.

мационных моделей¹; при этом предполагается, что отдельные дисциплины, входящие в указанный комплекс, исследуют – в собственном специфическом ракурсе – отдельные стороны познания, части, уровни познавательного процесса, его биологические и социальные механизмы. Когнитивная наука, таким образом, выясняет место и роль информационных процессов в различных (нейрофизиологических, психологических, языковых, межличностно-коммуникационных и пр.) проявлениях человеческого духа, стремясь тем самым объяснить природу этих феноменов, закономерности их функционирования и развития, и открыть возможности практического воздействия на них. Правомочность и плодотворность такого направления исследований вряд ли может быть оспорена: на этом пути уже получено (и, вероятно, предстоит еще получить) много нетривиальных теоретических и практически значимых результатов.

Вместе с тем когнитивная наука имеет и своих оппонентов, которые ставят под вопрос ценность ее достижений на том основании, что она в своих исследованиях отталкивается от некоторых ошибочных, по их мнению, методологических установок. Речь идет, в частности, о когнитивистском редукционизме, т. е. о неправомерном истолковании всей человеческой ментальности в категориях познания. В когнитивной науке этот старинный методологический уклон получает теоретико-информационное обоснование и подкрепление.

---

¹ См., напр.: Меркулов И. П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. II. С. 264; Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: междисциплинарный подход. М.: Альтекс, 2003. С. 23.

Общая логика движения редукционистской мысли в когнитивной науке выглядит примерно так. Информационно-вычислительные модели были представлены в качестве универсального инструмента для адекватного и исчерпывающего описания познавательных процессов; т. е. формула, выражаемая словами «получение и переработка информации» (или какой-либо расширенный ее вариант), стала рассматриваться как современный, более точный аналог традиционного «познания». А поскольку язык теории информации пригоден для моделирования, по сути, любых живых и технических систем, и уж, несомненно, нейробиологических механизмов человеческого познания, а также других ментальных феноменов, которые лишь косвенно связаны с познанием (во всяком случае, сами по себе не являются познанием), то когнитивная наука фактически приписала этим «другим» феноменам и процессам «познавательный» характер – на том именно основании, что они могут быть интерпретированы (в духе «компьютерной метафоры») как «переработка информации», или «вычисление» (*computation*)¹.

Как отмечает В. А. Лекторский, «с точки зрения современной когнитивной психологии именно познавательные процессы лежат в основе всех психических процессов»².

---

¹ Примером далеко идущей редукционистской позиции указанного типа может служить следующее программное положение известных представителей когнитивной науки Х. Матураны и Ф. Варелы: «Живые системы являются когнитивными системами, а процесс жизни является процессом познания». Цит. по: Витакер Р. Обзор основных понятий теории автопоэзиса / Пер. Р. В. Червоткина (URL = <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=articles/basic>)

² Лекторский В. А. Теория познания // Новая философская энциклопедия. Указ. изд. Т. IV. С. 51.

Это значит, что когнитивную психологию интересуют не *психические механизмы познания* как такового (в его обычном, традиционном понимании), а *познавательные (когнитивные, «информационные») механизмы психики* в целом. Подобная же редукция ментального к познавательному (понятому как «информационно-перерабатывающее») характерна вообще для всех дисциплин, составляющих когнитивную науку. Это связано, на мой взгляд, именно с тем, что «ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека»¹.

В статье В. З. Демьянкова «Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода» (Вопросы языкознания. 1994. № 4) приведена сводка встречающихся в западной литературе «типовых замечаний» в адрес когнитивной науки. Эти критические замечания прямо или косвенно направлены против подмены «познавательного» – «информационным» и против редукции «ментального» – к «информационно-познавательному». Вот некоторые выдержки из указанной сводки:

«Уход от проблем “значения” к “информации”, от “создания” значения – к обработке информации – дань моде, технократизму, т. е. огрубление, жертва человеческим для облегчения технической реализации модели. На деле же значение и информация – совершенно разные вещи... Для

---

¹ Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Указ. соч. С. 29.

системы обработки информации безразлично, обрабатывается ли сонет Шекспира или матрица чисел. Важно лишь, чтобы сообщение было информативным, т. е. контрастировало на фоне альтернативного выбора знаков, укладывалось в составленный заранее код...

Нельзя сводить человеческое к чистой информации, поскольку важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Интеллект – это когниция плюс воля (плюс еще что-то). Ограничиваясь манипулированием символами, когнитивная наука оставляет интенциональность за бортом...

Синтактика символов, которой когнитивисты чаще всего ограничиваются, не может адекватно отразить ментальность человека: люди мыслят семантическими сущностями»¹.

Следует заметить, что термин «когнитивное» (cognitive), *этимологически* равнозначный «познавательному» (knowing, studying, investigative, research) имеет в когнитивной науке очень широкий диапазон значений: помимо собственно «познавательного», он может специально обозначать и «информационно-вычислительное», и «рациональное», и «индивидуально-психологическое», «антропоцентрическое» (в противоположность социально-психологическому, социоцентрическому), и «субъективно-активное» (в противоположность «объективно детерминированному»), и «ментальное» вообще (в противоположность «поведенческому» и «телесному») ... Каждому из этих значений соответствует свое понятие «когнитивизма», имеющее хождение в пределах того или иного раздела когни-

---

¹ Демьянков В. З. Указ. соч. С. 20–21.

тивной науки¹. Кроме того, слово «когнитивизм» иногда употребляется в собирательном значении — как синоним когнитивной науки в целом; но чаще всего оно служит для обозначения когнитивного или (что является для этой науки тем же самым) информационного подхода к трактовке и исследованию человеческого духа или отдельных его компонентов.

Когнитивизм, понятый как определяющий исследовательский подход когнитивной науки, сам по себе не тождествен когнитивизму как ошибочному редукционистскому принципу; однако исследователи, работающие в этой области, как правило, не замечают границы между тем и другим «когнитивизмами» и легко ее переступают. Это объясняется тем, что в арсенале когнитивной науки нет методологического положения, формулирующего условия применимости когнитивного подхода. Ментальное, как неявно предполагается, не содержит в себе ничего «некогни-

---

¹ Вот несколько примеров подобного употребления рассматриваемого термина: Когнитивизм — это «общая доктрина о том, что поведение (behavior) может быть объяснено путем его отнесения к когнитивным или ментальным состояниям» (*Woolgar S. Reconstructing Man and Machine: A Note on Sociological Critiques of Cognitivism // The Social Construction of Technological Systems. Cambridge MA: MIT Press, 1987. P. 313*); «Когнитивизм есть рационализм плюс компьютер в качестве модели того, как в действительности работает эта рационалистическая трактовка сознания (mind)» (*Dreyfus H. The Socratic and Platonic Basis of Cognitivism. AI [Artificial Intelligence] & Society, 1988. № 2. P. 100*); «Когнитивизм рассматривает человека как символперерабатывающую систему, существенные черты поведения которой могут быть точно смоделированы путем абстрактных формализмов, реализуемых через компьютерные операциональные модели, логические модели, квантитативные модели и формальные грамматики» (*Whitaker R. Objectivism, Reductionism, and Cognitivism. 1996. URL=http://www.informatik.umu.se/~rwhit/ObjRed-Cog.html*).

тивного» (этот последний термин вообще отсутствует в словаре когнитивной науки), поэтому когнитивный подход к исследованию человеческого духа не имеет заранее заданных принципиальных ограничений. Такая установка, имплицитно принятая когнитивной наукой, как раз и представляет собою частное проявление универсальной когнитивистской парадигмы.

Историю постепенного вытеснения и замены термина «ментальное» термином «когнитивное» в процессе становления когнитивной науки детально проследил и описал канадский психолог К. Грин¹. Он показал, что за этой терминологической метаморфозой скрывается серьезная концептуальная ошибка – редукция духовного к познавательному. «Лишь немногие психологи знают философскую историю термина “когнитивный” и потому часто используют его как полный синоним *психического* или *ментального*». Первоначально слово «когнитивное» в качестве специального термина появилось в философских теориях этики и затем «перешло через логико-позитивистскую философию науки 30–40-х годов [XX века] в психологию 50–60-х годов. С этого момента данная история становится более запутанной». Дело в том, что в первоначальном «строгом», как пишет Грин, смысле когнитивное служило характеристикой тех ментальных феноменов, которые, в принципе, поддаются проверке на истину–ложь, т. е. феноменов *познавательных*; поэтому, «применяя термин “когнитивный” к проблемам сознания, философы специально намеревались разделить ментальное на две категории: “когнитивную”, к которой методы логики и компьютерной науки могли бы

---

¹ Green C. D. Where Did the Word «Cognitive» Come From Anyway? // Canadian Psychology. 1996. № 37.

быть успешно применены, и другую, к которой эти методы неприменимы. Таким образом, под “когнитивным” его философские сторонники никогда не подразумевали чего-то синонимичного “ментальному”, и, следовательно, многое из того, что сейчас в психологии (и когнитивной науке вообще. – Л. М.) идет под именем “когниции”, не является в действительности “когнитивным” в строгом смысле слова... Получилось так, что “когнитивными” стали именоваться и те части когнитивной психологии, которые не являются когнитивными в строгом смысле слова и которые показали себя менее всего поддающимися строго научному исследованию... Другими словами, разделение, которое произвели философы путем применения термина “когнитивное” к проблемам сознания, является весьма важным, и [когнитивные] психологи игнорируют его на свой собственный риск»¹.

Чем же «рискует» когнитивная наука, растворяя ментальное в когнитивном? Прежде всего, на мой взгляд, целостностью и специфичностью собственного предмета и метода исследования, поскольку в научный оборот вовлекаются (и получают неверное объяснение) такие феномены, к которым в действительности не применим когнитивный подход. Менталистский когнитивизм препятствует, в частности, правильной постановке научно-прикладной проблемы, над которой работают теоретики «искусственного интеллекта». Имплицитно они ставят задачу моделировать человеческий «дух» («ментальное»), но поскольку «ментальное» они сводят к «когнитивному», то эксплицитно формулируют свою задачу как моделирование *интеллекта* (понимая под последним совокупность всех когни-

¹ Green C. D. Where Did the Word «Cognitive» Come From Anyway? // Canadian Psychology. 1996. № 37. P. 31, 33–34, 35.

тивных процессов, происходящих в человеческом мозге). При этом упускается из виду некогнитивная составляющая «духа», а именно – «интенция», без которой «дух» перестает быть целеполагающим, стремящимся, желающим, воледелующим и т. п., а мозг перестает быть *живым*, превращается в компьютер, мертвый аппарат по переработке не «информации» даже, а физических импульсов (ибо «информация» существует только для «живого», интенционального).

В более широком плане негативным следствием рассматриваемой методологической тенденции в когнитивной науке является то, что эта современная научная дисциплина фактически подкрепляет своим авторитетом ошибочную когнитивистскую парадигму, действующую и во многих других отраслях знания.

4. Ценностный когнитивизм

Ценностный когнитивизм – это позитивный ответ на вопрос, принадлежат ли ценности (ценностные позиции, идеалы, нормы, оценки и пр.) к разряду «знаний» и, соответственно, могут ли ценностные проблемы решаться по образцу познавательных. Этот вопрос должен быть четко отделен от другого, с которым его часто смешивают и который активно обсуждается в философской и науковедческой литературе последних десятилетий: каковы место и роль ценностей в познавательном процессе. Таким образом, говоря о ценностном когнитивизме, мы не будем выходить за пределы первого из указанных вопросов – относительно познавательной или непознавательной природы ценностей.

Одним из формальных признаков ценностного когнитивизма является истинностная квалификация ценностных

предложений, т. е. применение слов «истина» и «ложь» к оценочным и (или) императивным высказываниям. Правда, говорить о действительно когнитивистской позиции можно только в том случае, если указанная квалификация носит эпистемологический характер, т. е. если «истина» и «ложь» суть констатации определенного когнитивного статуса высказывания, а не особый способ выражения соответственно «одобрения» или «неодобрения» сказанного. Однако и в качестве эпистемологического понятия «истина» (как и «ложь») имеет разные значения, поскольку это понятие входит в концептуальный аппарат многих отличных друг от друга теоретико-познавательных систем. Эти различия сказываются и на когнитивистском истолковании ценностей: та или иная форма когнитивизма во многом зависит от принятой данным философом концепции истины. Если, например, философ, мыслящий в когнитивистской парадигме, принимает концепцию объективной истины, то он автоматически распространяет эту эпистемологическую концепцию и на ценности, т. е. полагает, что ценностные позиции могут быть объективно истинными или ложными. Если же по своим эпистемологическим воззрениям он является «скептиком» или «агностиком», то это выражается, соответственно, в его сомнении по поводу достижимости (или возможности обоснования) истины не только в сфере собственно знаний, но и в сфере ценностей¹.

Следует, впрочем, заметить, что понятие истины (точнее, *объективной истины*) относится к числу ключевых лишь в *классической философии познания*; *неклассическая эпистемология* заменяет это традиционное понятие другими, например «солидарность», «общепринятость» и т. п.

¹ Указанную «скептическую» трактовку ценностей нередко отождествляют с *нонкогнитивизмом*. Такое отождествление ошибочно; прин-

Это не означает снятия самого критерия, разделяющего философские концепции на «когнитивистские» и «нонкогнитивистские»: подобно своим «классическим» предшественникам, «неклассические» философы в большинстве своем склоняются к когнитивизму, т. е. растворяют «ценности» в «знаниях». Однако эти построения вообще трудно поддаются идентификации в качестве тех или иных «точек зрения», с которыми можно было бы соглашаться или спорить, поэтому далее речь пойдет только о классической эпистемологии и ее проекциях на сферу ценностного сознания.

Мне представляется методически целесообразным использовать одну из сложившихся в теории познания классификационных схем – деление эпистемологических концепций на *корреспондентские* и *когерентные*, отличающиеся друг от друга разной трактовкой истины (в рамках общей для них классической парадигмы)¹. Согласно корреспондентской трактовке, истина есть *соответствие* мысли – действительности (частным случаем такого соответствия является *подобие, сходство*), когерентная же теория понимает истину как внутреннюю *согласованность, непротиворечивость* знаний. За этим расхождением стоят

ципиальное различие между этими подходами состоит в том, что скептицизм, распространенный на сферу ценностей, рассматривает ценностные позиции как недоказанные или недоказуемые *знания* (познавательные суждения), тогда как нонкогнитивизм ставит ценности вообще *вне познавательного контекста*, считая невозможной их квалификацию не только в качестве «истинных», но и в качестве «ложных», «неточных» и пр.

¹ См.: Порус В. Н. Когерентная теория истины // Новая философская энциклопедия. Указ. изд. Т. II. С. 264; он же. Корреспондентская теория истины // Там же. С. 313–314.

разные мировоззренческие позиции, а не просто разные употребления слова «истина». Будучи примененными к ценностному сознанию, корреспондентская и когерентная концепции порождают соответствующие формы когнитивизма.

Корреспондентская эпистемология всегда органично сочеталась с *реалистическим* мировоззрением, т. е. с признанием реального существования объектов, реферированных в истинном знании. Практически все «реалистические» картины мира, выработанные классической философской мыслью, несут на себе следы когнитивистской парадигмы. Философская пропедевтика новейшего времени, интерпретируя ход мысли Платона и средневековых «реалистов», обычно делает упор именно на том, что их онтология есть результат гипостазирования абстрактных понятий, не имеющих материального эквивалента. Но я хотел бы обратить здесь внимание еще и на другой момент: эти философы отталкивались в своих рассуждениях от понятий не просто *абстрактных*, но вместе с тем и *ценностных*, – таких как *благо, добро, прекрасное* и др.; последнее обстоятельство еще в большей степени затрудняет нахождение для них материально-предметного референта и стимулирует поиски объективного «прообраза» в умопостижаемом мире. Два мира – запредельный и посюсторонний, – сопоставленные по признаку наличия или отсутствия в них объективных ценностей, получают соответствующие этому их статусу ценностные определения: *возвышенный – низменный, горный – дольный, совершенный (или идеальный) – несовершенный (или ущербный)* и т. п.

Таким образом, ценностные онтологии, ассоциируемые с именами Платона, Фомы Аквинского, М. Шелера, Н. О. Лосского и многих других, выросли из когнитивист-

ско-корреспондентских посылок, принятых этими философами, т. е. из истолкования ценностных позиций как «знаний» (понятий, суждений и пр.) и трактовки «знаний» вообще как копий или моделей внешних объектов. По сути, те же самые методологические посылки лежат в основании многих натуралистических теорий, признающих когнитивную природу ценностных позиций (установок, оценок) и соотносящих эти позиции с реалиями внешнего мира (на предмет соответствия или несоответствия им). Отличие же этих теорий от спекулятивно-трансценденталистских состоит в том, что они стремятся найти объективные аналоги субъективных ценностных позиций в «естественном», единственно реальном мире, не прибегая к супранатуралистским построениям.

Такой подход к ценностному сознанию сопряжен со значительными трудностями, проявляющимися, в частности, при попытке дать содержательную интерпретацию ценностным терминам и высказываниям, т. е. найти их предметные значения, указать их референты: подобные процедуры, успешно применяемые в сфере познания, оказываются неэффективными в приложении к ценностям. Поэтому, когда многие философы-«натуралисты» и социологи утверждают, что политическая идеология, нормы права, моральные ценности и пр. суть «отражения» определенных природных или социальных реалий (среди которых могут фигурировать как «объективные ценности» – вроде *естественных прав* и *материальных интересов*, так и какие-либо внеценностные реалии – вроде *объективной необходимости* и *законов эволюции*), то при этом они фактически имеют в виду не *познавательное отражение*, а другие виды *каузальной зависимости* ценностных ориентаций от названных объективных факторов (реальных или воображаемых).

Когнитивистские концепции, базирующиеся на корреспондентской теории познания, подвергают эпистемологической редукции в основном те ценностные феномены духа, которые могут быть выражены в *дескриптивных* высказываниях, содержащих оценочные слова *добро – зло, хороший – плохой* и т. п. Такие высказывания синтаксически идентичны большинству *когнитивных* предложений (суждений) и потому поддаются когнитивистской интерпретации легче, нежели высказывания *прескриптивные* – побудительные, императивные. Однако императивы занимают огромное место в ценностном – особенно моральном – сознании, и вполне естественно, что новоевропейский рационализм с его гносеологизаторской интенцией, проявляющейся, среди прочего, в стремлении построить научную систему морали, не мог оставить указанные формы ценностного сознания без соответствующей когнитивистской интерпретации. Поскольку корреспондентская эпистемология мало подходила для решения этой задачи (ибо сама форма императива не поощряет его интерпретаторов к поиску для него какого-либо внешнего «аналога», хотя бы и воображаемого), рационалистическая этика обратилась к другой эпистемологической концепции – когерентной, которая не связывает истинность теоретических положений с их «соответствием» каким-либо внешним реалиям, а усматривает ее, как уже говорилось выше, во внутренней согласованности знания и вообще в его логических свойствах (истинность некоторого суждения может пониматься, например, как его «логическая необходимость»). Благодаря этой особенности когерентной эпистемологии ее схемы были использованы для когнитивистского истолкования прескриптивных моральных суждений, для доказательства «истинности» моральных принципов, выражающих не

только одобрение или осуждение, но также и долженствование или запрет. Этот «когерентный когнитивизм», наиболее ярко представленный в философии Канта, позволяет избежать многих теоретических трудностей (с которыми, как мы видели, сталкивается когнитивизм корреспондентский), поднять статус нормативной этики в глазах рационально мыслящего сообщества, освободив ее (по крайней мере частично) от метафизических спекуляций и голой назидательности, выставив ее основоположения как вполне доказуемые истины разума. Все это, правда, говорит лишь о преимуществах данного подхода перед корреспондентским в рамках общей для них когнитивистской парадигмы, а вовсе не о методологических достоинствах самой этой парадигмы.

Кант не выдвигает, не формулирует и не обосновывает когнитивистскую идею; он ее непосредственно принимает и применяет в своих рассуждениях о нравственном законе и практическом разуме; подобно другим философам нового времени, он рассматривал мораль как особую форму знания и исследовал ее именно в данном качестве. Когнитивизм для этих философов – не вывод из какой-либо системы рассуждений и не результат осмысления эмпирии, а нечто интуитивно несомненное, о чем не надо специально говорить. Внешне это выражается, главным образом, в использовании специальной теоретико-познавательной терминологии при описании и истолковании феноменов и основоположений морали, например: *a priori*, *a posteriori*, *эмпирия*, *понятие*, *истина*; *объективность* и *необходимость* суждений морали, их *категоричность* (в отличие от «*гипотетичности*») и пр. Своеобразие Кантовой этической концепции (в сравнении с другими, пребывающими в той же когнитивистской парадигме) обусловлено, прежде

всего, особенностями его эпистемологии, влияние которой на его философию морали не подлежит сомнению.

Моральная философия Канта надолго определила не только способы решения, но и саму постановку фундаментальных проблем, относящихся к этой области: даже многие его оппоненты и антагонисты так или иначе отталкиваются от тех мыслительных схем, которые были выработаны в его этическом учении. К числу этих схем принадлежит и органичный для кантовской (и кантианской) этики ценностный когнитивизм, опирающийся на когерентную эпистемологию.

5. Когнитивизм в гуманитарных дисциплинах

До сих пор речь шла о различных формах концептуального когнитивизма, т. е. об особых методологических позициях, за которыми стоят (хотя не всегда явно) те или иные теоретические – философские или научные – представления и аргументы. Однако в гуманитарно-философской литературе когнитивизм сравнительно редко обнаруживает себя в виде какой-либо концепции или «точки зрения» (пусть даже и нечетко выраженной). Обычно он вообще не является предметом экспликации и обсуждения, а просто практикуется, т. е. непосредственно вплетается в рассуждения теоретиков-гуманитариев, направляет ход их мысли, выполняет роль строительных лесов при построении различных теорий и учений (тематика которых может быть весьма далекой от тех проблем, решение которых разделяет философов на когнитивистов и некогнитивистов). Важнейший и специфический показатель действительного присутствия когнитивистской парадигмы – это своеобразный эклектицизм, неразличение и смешение двух

контекстов гуманитарной мысли – ценностного (оценочно-нормативного) и познавательного (описательно-объяснительного). Указанное методологическое смешение (обычно не замечаемое самими мыслителями) имеет множество конкретных проявлений, часть которых будет рассмотрена далее.

Скрытый когнитивизм многих гуманитариев находит внешнее выражение прежде всего в осознании и истолковании ими собственной деятельности как всецело «познавательной». Сами выражения «гуманитарная мысль» и «гуманитарные дисциплины» обычно употребляются как синонимы «гуманитарного знания» (или «познания») и «гуманитарных наук». Подавляющему большинству философов все это представляется самоочевидным; спорным видится лишь вопрос о *качестве* или *специфике* гуманитарного (по)знания: может ли оно быть научным, и если да, то в чем отличие социально-гуманитарных наук от естественных. Иначе говоря, споры по поводу *научного* статуса гуманитарии ведутся большей частью на общем для полемизирующих сторон когнитивистском фундаменте: ведь даже многие из тех, кто отрицает *научность* гуманитарных дисциплин, обычно делают это не потому, что считают суждения этих дисциплин «внепознавательными», а потому, что, по их мнению, *гуманитарное знание* либо «не дотягивает» (по определенным эпистемологическим критериям) до уровня науки, либо – в силу своей специфики – образует особую, вполне самостоятельную область *вненаучного знания*. Те особенности «гуманитарного знания», из-за которых его отделяют от науки, усматриваются соответственно либо в его недостаточной точности (строгости, доказательности и т. п.), либо в наличии в нем ценностной составляющей.

Всю обширную проблематику, связанную с выяснением чисто эпистемологических различий между гуманитарным

и естественнонаучным знанием, мы можем оставить в стороне; для нашей темы важен другой аспект рассматриваемой проблемы: отличие гуманитарных дисциплин от естественных наук по признаку ценностной «окрашенности» первых и «нейтральности» в том же отношении последних. Тот несомненный факт, что в большинстве гуманитарных текстов так или иначе выражаются «ценностные позиции» (т. е. содержатся оценки и призывы), получает разные толкования. Для неопозитивистского науковедения констатация этого факта была достаточным основанием для «отлучения» гуманитарии от науки (исключение делалось лишь для немногих социально-гуманитарных дисциплин, в целом отвечающих общенаучным критериям). Другая же науковедческая школа, основания которой были заложены неокантианцами (Виндельбандом, Риккертом и др.), узаконила «ценностную направленность» в качестве специфического признака гуманитарных наук («наук о духе», «наук о культуре»); представители гуманитарного науковедения говорили об особых методах этих наук: индивидуализирующе-ценностном, «идиографическом» (в противоположность «номотетическому», характерному для «наук о природе»), о методе «отнесения к ценностям», о «понимании» (в отличие от каузального «объяснения») и т. п.

Заслуга неокантианцев, М. Вебера и других философов, представлявших указанную методологическую линию, состоит в том, что они достаточно строго различили *оценку* и *факт* и применили это различие в качестве критерия, позволяющего специфицировать два типа духовной культуры. Однако в интерпретации этих философов такие разные рациональные процедуры – «вынесение оценки» и «констатация факта» – оказались, при всем их различии, двумя способами реализации одного и того же, а именно –

познавательного отношения человека к миру; т. е. действительная *непознавательная* специфика ценностного отношения оказалась невыявленной, а традиционная когнитивистская ошибка гуманитарно-философской мысли, соответственно, не преодоленной.

Главная трудность, с которой сталкиваются интерпретаторы гуманитарных дисциплин и которая препятствует выявлению и преодолению когнитивизма, состоит, на мой взгляд, в том, что эти формы и разделы гуманитарной мысли в своем исторически сложившемся виде не являются некими методологически однородными целостностями, они «конгломеративны», в них соединены ценности и знания: с одной стороны, они описывают и объясняют человеческий мир, с другой – провозглашают и защищают те или иные ценностные позиции, тем самым становясь частью этого описываемого и объясняемого человеческого мира. Правда, гуманитарная методология давно уже схватила эту особенность гуманитарных дисциплин, однако ошибочно трактует указанное структурное и функциональное многообразие как внешнее проявление единой сущности, в которой все эти элементы сплавлены и взаимопревращаемы. И когда философ задается вопросом, обладает ли такая-то гуманитарная дисциплина научным (или вообще познавательным) статусом, он неявно предполагает, что речь идет об этой дисциплине именно как об индивидуализируемом целом. А поскольку эта посылка неверна, заведомо неверным будет и любой категорический ответ на указанный вопрос.

Если бегло взглянуть на историю споров по поводу того, являются ли гуманитарные дисциплины «науками» (чаще всего в центре полемики оказывалась этика), то можно заметить, что любое, даже осторожно и со многими оговорками высказанное сомнение в научном статусе гу-

манитарии вызывало со стороны многих ее представителей болезненную реакцию, которую нельзя объяснить одним только теоретическим несогласием с подобными суждениями и стремлением защитить истину. За этим гуманитарным сциентизмом стоит и другой, совершенно очевидный фактор. Он заключается в том, что наука на протяжении последних столетий стала в глазах большинства интеллектуалов парадигмой знания, его нормативным образцом¹; выражение «ненаучное знание» звучит фактически как «недонаучное» и, значит, «неполноценное» знание; поэтому понятно нежелание гуманитария примириться с подобной характеристикой своего творчества и его продуктов. Однако эта борьба за научный статус гуманитарных дисциплин имеет смысл лишь постольку, поскольку они, в соответствии с когнитивистской установкой, отнесены к сфере познания; если же исходить из некогнитивистской посылки о том, что оценки и нормы некогнитивны и что, следовательно, *нормативные* гуманитарные дисциплины вообще не являются формами знания, то их «ненаучность» (прямо вытекающая из их «некогнитивности») уже не будет восприниматься как некий недостаток: речь может идти только о взаимной специфике научно-познавательных и ценностно-нормативных разделов гуманитарии.

Смешение «теоретического» и «практического» контекстов, представление о том, будто «рассуждения о ценностях» могут каким-то образом превращаться в «ценностные рассуждения», в ценностные ориентиры, оказало несомненное воздействие на педагогическую мысль: это представление послужило одним из главных оснований так на-

¹ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / Пер. с англ. М.: МФФ, 1998. С. 10.

зываемого «просветительства», принципа «воспитывающего обучения», установки на «превращение знаний в убеждения» и т. п. Просветительская педагогика, по сути, принимает когнитивистскую идею о том, что общественное сознание есть познание и что, следовательно, разные формы сознания – религия, мораль, право, наука и т. д. – отличаются друг от друга прежде всего когнитивными признаками: предметом и методами познания, уровнем проникновения в свой предмет, степенью доказательности и пр. При таком раскладе наука имеет несомненное преимущество перед прочими «формами познания», и потому овладение научными знаниями позволит вытеснить «ложное знание» (например, религию) и «поднять уровень» обыденного, опытного «знания» (например, морального). Отсюда напрямую вытекает та воспитательная интенция, которая обычно ассоциируется с просветительством: образование, получение знаний якобы всегда благотворно для личности, возвышает ее в ценностном смысле, делает людей лучше в нравственном отношении и т. д. При этом важно отметить, что благотворное влияние приписывается не только *гуманитарному* «знанию о ценностях», но и естественнонаучному знанию. Правда, сам механизм такого воздействия теоретиками просвещения не прослеживается сколько-нибудь отчетливо; им трудно спорить с теми, кто утверждает (опираясь, впрочем, на столь же неопределенные основания), будто образование вообще, как таковое, «портит» людей, делает их «хуже» в нравственном смысле. По сути, в том же «просветительском» русле идет еще одна популярная в западной педагогике установка, согласно которой усилия воспитателя должны быть направлены на развитие мыслительных способностей воспитуемого, по-

скольку, мол, только с помощью собственного разума человек может постигнуть основополагающие моральные «истины»¹.

Явная, очевидная даже для неискушенного наблюдателя практическая неэффективность подобных советов, рекомендаций и «технологий», основанных на когнитивистских посылах, дает повод для сомнений в истинности этих посылок и побуждает к поиску альтернативной методологии. Когнитивизм и, соответственно, ценностно-познавательный эклектицизм в гуманитарии вполне может быть преодолен, если противопоставить ему не *негативистский* (характерный для многих аналитиков первой половины XX века), а *конструктивный* нонкогнитивизм, ориентированный на последовательное, кропотливое распутывание многочисленных теоретических сплетений, парадоксов, алогизмов, порожденных когнитивистской ошибкой, на их экспликацию, выяснение скрытого в них действительного смысла, на переинтерпретацию старых проблем, нахождение для них новых, более адекватных и эффективных формул. Для философа, убежденного в ошибочности когнитивизма, проведение такой работы представляется необходимым предварительным условием осуществления каких-либо новых гуманитарно-философских проектов, ибо практически вся исторически сложившаяся гуманитарная проблематика, все концептуальные схемы гуманитарии выстроены на когнитивистском фундаменте.

¹ См., напр.: Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. М.: ИФРАН, 1995. С. 21.

ЛЕКТОРСКИЙ В. А.

КАНТ, РАДИКАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И КОГНИТИВНАЯ НАУКА

Тема конструктивизма в теории познания сегодня весьма популярна. Конструкция противопоставляется репрезентации. Старая теория познания критикуется за то, что она пыталась понять познание как «зеркало природы», а некоторые авторы на этом основании вообще предлагают выйти за пределы теории познания (эпистемологии), как, впрочем, и онтологии, и переосмыслить задачи и характер философии в целом.

В этой связи важно ясно представлять, что именно имеется в виду, когда сегодня говорят о конструктивизме в эпистемологии. Речь идет не просто о том, что мышление – это некая деятельность по производству знания, или же о том, что понятия можно представить как логические конструкции из чувственных данных (любимая тема Б. Рассела и ранних логических эмпиристов). Главная мысль подхода, который сегодня именуется эпистемологическим конструктивизмом, – тезис о том, что реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное) и в которой мы живем, – это не что иное, как конструкция самого субъекта – иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая. Никакой другой реальности, действительности, помимо конструируемой субъектом (включая даже то, что мы счи-

таем чувственными данными), нет и быть не может. В этой связи нередко вспоминают Канта как философа, который показал, что та реальность, которая предстает познающему субъекту как данная в его опыте, есть в действительности конструкция.

На самом деле кантовское понимание познаваемой реальности как конструкции не столь просто. Я думаю, что вряд ли можно безоговорочно отнести Канта к течению эпистемологического конструктивизма, хотя точек соприкосновения между теорией познания Канта и эпистемологическим конструктивизмом много. Ибо в теории познания Канта есть и то, что явно выходит за рамки конструктивистского понимания познания. При этом речь идет не просто о какой-то непоследовательности великого философа (как нередко утверждается), а как раз о том, что он выявил те эпистемологические проблемы, которые трудно решить с чисто конструктивистских позиций. В этом смысле основные дилеммы эпистемологического конструктивизма сформулированы Кантом предельно ясно. Лучше него никто этого не сделал. Обращение к наследию великого философа может быть весьма поучительным именно для лучшего понимания тех вопросов, которые сегодня остро дебатированы в эпистемологии, особенно в связи с развитием когнитивных наук, претендующих на новое прочтение и новое понимание той тематики, которая традиционно обсуждалась в теории познания. С другой стороны, именно в контексте современной ситуации изучения знания и когнитивных процессов можно по-новому осмыслить некоторые принципиальные кантовские идеи.

Познание как конструкция, Трансцендентальный Субъект и вещь в себе

Представление о тесной связи познания и конструктивной деятельности – относительно недавнего происхождения. С точки зрения античного понимания познания, правильное постижение того, что существует, осуществимо только в том случае, если человек не вмешивается в изучаемое явление, а описывает его таким, каково оно есть. Иными словами, эксперимент как средство изучения реальности невозможен. Ведь в эксперименте человек пытается «перехитрить» природу, поставить естественные явления в сконструированные им неестественные условия. В действительности с этой точки зрения «естественное» и «искусственное» несовместимы друг с другом. Техническая деятельность, создающая мир искусственных предметов, рассматривается как не имеющая отношения к познанию, а с точки зрения ценностной ставится не очень высоко – в отличие от деятельности теоретика.

В основе цивилизации Нового Времени лежит иная система установок, задающих отношение человека к природе, к самому себе и себе подобным; эта система является весьма специфичной и не существовала ранее в истории. Речь идет о понимании природы и вообще всего естественно данного как простого ресурса человеческой деятельности, как некоторого пластичного материала, в принципе допускающего возможность безграничного человеческого вмешательства, переделки и преобразования в интересах человека, который как бы противостоит природным процессам, регулируя и контролируя их. Снимается противопоставление «естественного» и «искусственного»: природа высту-

пает как гигантский механизм, выявить скрытые пружины которого можно только путем его разборки. Познание теперь понимается уже не как описание того, что дано в опыте, а как вмешательство в природные процессы с целью выявить «под пыткой» их тайну и как создание того, что сама природа создать не может. Факты не столько описываются с помощью эксперимента, сколько препарируются и конструируются в нем. Познание понимается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру.

Иначе, чем во времена античности, понимается и строится научная теория как высшая форма познавательного отношения к миру. Теоретическое мышление осуществляется в форме особого рода деятельности теоретика со специфическими объектами – объектами идеальными. Работа теоретика с идеальными объектами напоминает деятельность техника с материальными конструкциями: идеальные объекты соединяются, разъединяются, преобразуются, ставятся в особые, необычные условия как бы испытываться на прочность и т. д. С помощью идеальных конструкций проводятся так называемые идеальные эксперименты. При этом выясняется, что идеальный и реальный эксперименты не просто взаимосвязаны, но что последний просто невозможен без первого. Научная теория как бы содержит в потенции производство эмпирических феноменов в реальном эксперименте, а последний – не что иное, как вид технической конструктивной деятельности.

В этой связи получает распространение мысль о том, что если знание сущности вещи предполагает знание ее ближайшей причины (идея, идущая от Аристотеля), то человек имеет наиболее адекватное знание лишь о том, что он создал собственными действиями. Вико, например, считал, что нельзя хорошо знать природные процессы, так как

человек не может их создать (эти процессы – продукт деятельности Бога, который имеет о них совершенное знание). Зато все то, что является результатом человеческой деятельности, может быть адекватно познано человеком.

Кант идет гораздо дальше. На самом деле, пытается показать он, человек может адекватно познавать не только продукты своей технической деятельности, но и природные процессы: ведь то, что мы считаем природой, является продуктом деятельности субъекта; правда, деятельности не материально-технической, а идеальной.

Согласно Канту наше познание имеет дело не с независимой от субъекта реальностью, не с вещами в себе, а с теми предметами, которые произведены самим субъектом. Можно знать лишь то, предмет чего существует в опыте. Но опыт – это конструкция, это организация субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка. То, что мы называем объектом опыта, – это не что иное, как воплощение определенного правила увязывания разнообразных чувственных впечатлений. Правда, эта конструкция производится, как считает Кант, не эмпирическим индивидом, а Трансцендентальным Субъектом и осуществляется как бы «за спиной» эмпирического индивида, не сознается им.

Субъектной конструкцией оказываются оба типа опыта: как опыт внешний, относимый индивидуальным субъектом к внешнему миру, так и опыт внутренний, характеризующий индивидуальные переживания.

В этой связи я хочу обратить внимание на две мысли Канта.

Первая связана с пониманием отношения внутреннего и внешнего опыта. Внутренний опыт, по Канту, не только

лишен некоторых существенных особенностей опыта внешнего, позволяющих последнему быть основой теоретической науки (теоретическая наука о внутреннем опыте невозможна, считает Кант), но и невозможен без внешнего созерцания. Дело в том, что временное определение, являющееся формой упорядочивания внутреннего опыта, существует лишь через воплощение хода времени в тех или иных пространственных процессах, т. е. в процессах, происходящих с теми или иными материальными предметами. «Всякое временное определение мы можем воспринять только через смену во внешних отношениях (движение) к постоянному в пространстве (например, движение Солнца по отношению к предметам на Земле); более того, у нас нет ничего постоянного, что мы могли бы положить в основание понятия субстанции как созерцание, кроме только *материи*... Вот почему у этого *Я* нет ни одного предиката созерцания, который, будучи постоянным, мог бы служить коррелятом для временного определения во внутреннем чувстве, подобно тому, как *непроницаемость* есть коррелят материи как *эмпирическое созерцание*»¹.

Из этого вытекает важное следствие: «...сам внутренний опыт возможен только опосредованно и только при помощи внешнего опыта»².

Кант рассматривает это следствие как прямое опровержение «проблематического идеализма» Декарта, «который объявляет несомненно достоверным лишь одно эмпирическое утверждение (*assertio*), а именно: я существую»³. «Идеализм, — пишет Кант, — предполагает, что единственный непосредственный опыт — это внутренний опыт и что,

¹ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 288–289.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 286.

исходя из этого опыта, мы только заключаем о внешних вещах, да и то без достаточной достоверности, как это всегда бывает, когда мы заключаем от данных действий к *определенным* причинам: ведь причина представлений, которую мы, может быть ложно, приписываем внешним вещам, может находиться в нас самих. Между тем мы доказали здесь, что внешний опыт непосредствен в собственном смысле слова и что только при его посредстве возможно если не сознание нашего собственного существования, то все же его определение во времени, т. е. внутренний опыт»¹.

С кантовской точки зрения это значит, что если речь идет о конкретном индивидуальном сознании, то мы обязательно должны соотносить его с теми процессами, которые осуществляются внешними ему материальными объектами, телами. Сознание самого себя, «внутреннее чувство», должно быть опосредовано сознанием внешних объектов, реальных материальных предметов. Конечно, Кант прекрасно отдает отчет в том, что не всегда представление о внешних вещах означает их реальное существование, как доказывают факты иллюзий, галлюцинаций и т. д., т. е. те факты, от которых как раз и отталкивается критикуемый им «проблематический идеалист» Декарт. Однако, подчеркивает Кант, сами иллюзии, галлюцинации и т. п. существуют «только как воспроизведение прежних внешних восприятий, которые... возможны лишь благодаря действительности внешних предметов... Представляет ли тот или иной предполагаемый опыт не один только плод воображения – этот вопрос должен решаться согласно отдельным определениям опыта и путем сравнения с критериями всякого действительного опыта»².

---

¹ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 287–288.

² Там же. С. 289.

Таким образом, эмпирический индивид имеет дело с такой данной в опыте реальностью, которая выступает как независимая от него. Эта реальность осознается индивидом как нечто непосредственное. Что касается субъективных состояний сознания индивида, то они по своему содержанию зависят от внешнего опыта и определяются им. Это понимание опыта как имеющего дело с внешней реальностью, которое, как мы сказали бы сегодня, «встроено» в саму структуру индивидуального сознания, Кант именует «эмпирическим реализмом».

Вместе с тем, подчеркивает Кант, опыт, будучи «эмпирически реальным», в то же время «трансцендентально идеален». Это значит, что он все же конструируется; правда, не эмпирическим индивидом, а Трансцендентальным Субъектом. Делается это «за спиной» сознания отдельного индивида. Ибо опыт определен априорными формами чувственного созерцания и априорными категориями рассудка. Ни то, ни другое не принадлежит эмпирическому индивиду, а коренится в структурах трансцендентального сознания. Объективность опыта, согласно Канту, гарантирована объективным единством самосознания Трансцендентального Субъекта, трансцендентальным единством апперцепции. Конечно, Трансцендентальный Субъект – это глубинная сила самого эмпирического индивида. Вместе с тем он выходит за пределы индивидуального сознания, которое не имеет прямого доступа к Трансцендентальному Субъекту и не может иметь знания о нем.

Из кантовского понимания опыта, индивидуального сознания и Трансцендентального субъекта вытекает следующее важное следствие. Бессмысленно пытаться понять познавательную деятельность, изучая сознание индивидуального субъекта (чем стала заниматься эмпирическая пси-

хология после Канта, в том числе и тогда, когда она начала использовать психологический эксперимент) или же его нервно-мозговые процессы (чем сегодня занимаются разные нейронауки). Можно и даже нужно изучать и индивидуальную психику, и нервные процессы, исходя из той установки, которую Кант называет «эмпирическим реализмом». Но выявить трансцендентальный аппарат конструирования познаваемой реальности с помощью таких исследований, согласно Канту, невозможно. Ибо, как подчеркивает Кант, этот аппарат существует не в процессах, протекающих в пространстве и времени (а именно таковы нервные процессы, осуществляемые мозгом), а коренится в структуре трансцендентального сознания. Выявить эти структуры можно лишь с помощью методов трансцендентальной философии. Попытки изучить познавательные структуры с помощью эмпирических методов неизбежно сталкиваются с парадоксом: подобные исследования уже исходят из существования того, что они пытаются эмпирически обнаружить и изучить, ибо сами способы конструирования области их исследований неизбежно предполагают использование трансцендентального аппарата познавательных форм и категорий.

Вторая мысль Канта, на которую я хочу обратить специальное внимание (потому что в свете современных когнитологических исследований она обретает новый смысл), состоит в следующем. Для того чтобы конструирование познаваемой реальности было возможно, должен иметься материал для конструирования и тот, кто осуществляет этот процесс, т. е. субъект конструирования. Материал не может даваться миром объектов опыта, так как, хотя они и выступают как реальные для индивидуального сознания, в действительности, с точки зрения Канта, они являются кон-

струкциями. Поэтому наличие такого материала необходимо предполагает, согласно Канту, существование независимой и от познания, и от конструирования вещи в себе, воздействующей на чувственность индивидуального субъекта. Субъектом конструирования, по Канту, не может быть эмпирический индивид, которому объекты опыта предстоят как реальные, независимые от его сознания. Таким субъектом может быть только Субъект Трансцендентальный, выходящий за пределы эмпирического. Но если знать можно только то, что сконструировано субъектом, то ни знание о вещи в себе, ни знание о Трансцендентальном Субъекте оказываются невозможными. Субъективные состояния сознания эмпирического субъекта конструируются с помощью априорной формы времени. Но к Трансцендентальному Субъекту это не относится. Он необходимо предполагается познавательной деятельностью как условие его возможности, но не может быть объектом самого себя. Трансцендентальный Субъект и вещь в себе как бы выпадают из опыта, лежат по ту сторону знания. Я хочу подчеркнуть, что подобное понимание границ конструктивного подхода и границ познания – не чужеродное вкрапление в конструктивистские идеи Канта, а их органический компонент.

Парадоксы радикального эпистемологического конструктивизма

Теперь я хочу остановиться на некоторых идеях междисциплинарного движения, получившего в последние 20 лет распространение преимущественно в Германии и Австрии и называемого радикальным эпистемологическим конструктивизмом. Дело в том, что многие представители

этого движения считают, что они продолжают и радикализируют эпистемологический проект Канта. Основатели и участники движения – специалисты в области биологии, нейрокибернетики, психологии, теории систем (Э. фон Глазарсфельд, Х. фон Фёрстер, У. Матурана, Ф. Варела, Г. Рот и др.)¹. Материал для эпистемологических идей они черпают прежде всего в этих специальных дисциплинах. Я попробую обсудить некоторые идеи радикального эпистемологического конструктивизма, сравнив их с позицией Канта.

В работах представителей данного движения можно найти немало интересных наблюдений и ряд плодотворных идей, относящихся к анализу конкретных биологических и когнитивных процессов. Я не буду на них останавливаться, поскольку меня интересуют, прежде всего, их принципиальные концептуальные установки (взгляды представителей радикального эпистемологического конструктивизма не во всем совпадают между собою; я буду анализировать лишь те их идеи, которые их сближают и позволяют относить к одному направлению).

Одна из таких установок – подчеркивание связи познания и действий; при этом прежде всего – действий материальных. Представители данного движения исходят из того, что в конце XX века познание должно пониматься как продукт материальных процессов или материальных действий, а не как что-то чисто идеальное, духовное (между прочим, когда Кант говорил о конструировании опыта, он имел в виду именно идеальное конструирование, совершаемое Трансцендентальным Субъектом). Познание и есть не что иное, как действие, меняющее нечто в окружающей среде.

---

¹ См.: Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Изд-во PHREN. Мюнхен, 2000 (на русском языке).

Так называемые идеальные действия производны от действий материальных и являются лишь редуцированной формой последних. Так, например, считал выдающийся психолог и эпистемолог Ж. Пиаже, концепцию которого Э. фон Глазарсфельд относит (хотя с некоторыми оговорками) к радикальному эпистемологическому конструктивизму. Действительно, многочисленные экспериментальные и теоретические исследования Пиаже посвящены анализу конструирования реальности в сознании ребенка¹. Понятие объекта, например, как показал Пиаже, предполагает конструирование схем состояния, изменения, процесса, движения, пространства, времени, причинности, самотождественности. Это конструирование осуществляется на основе определенных структур действий и операций, которые сами преобразуются и развиваются на основе внутренней логики и посредством процессов ассимиляции и адаптации действий ребенка в отношении к окружающему миру. Э. фон Глазарсфельд считает, что Пиаже продолжает эпистемологическую линию Канта, но идет дальше последнего, поскольку то, что у Канта было априорными формами и категориями, которые являлись не результатами конструкции, а ее предпосылками, у Пиаже конструируется в процессе психологического развития².

Однако все же концепция Пиаже не может быть отождествлена с радикальным эпистемологическим конструктивизмом (хотя многие называют Пиаже «психологическим конструктивистом»). Дело в том, что Пиаже, говоря

---

¹ См.: *J. Piaget. La construction du réel chez l'enfant.* Neuchâtel. Delachaux et Niestlé. 1937.

² См.: *E. Glaserfeld von. Radical Constructivism. A way of Knowing and Learning // «Studies in Mathematics Education». Series 6. The Palmer Press. L.-Washington, 1996.* См. книгу Цоколова С.

о конструировании, все же имеет в виду конструирование реальности в сознании (хотя и осуществляемое с помощью реальных действий), а не конструирование самой реальности. А его идея адаптации действий ребенка (как необходимого компонента развития деятельностных схем), очевидно, предполагает существование того, к чему происходит эта адаптация, т. е. к реальности внешней действиям и сознанию. Если говорить о тех научных идеях, которые действительно стали отправными для радикального эпистемологического конструктивизма, то они были развиты в рамках теории аутопоэзиса и нейрокибернетики. Два чилийских биолога – У. Матурана и Ф. Варела – сформулировали получившую распространение не только у биологов, но и в нейронауке, концепцию аутопоэтической системы как способа понимания жизни во всех ее проявлениях. Особенность таких систем состоит в том, что их элементы существуют для производства определенных функций, а последние существуют для производства элементов, которые существуют для производства функций; и так далее до бесконечности. Главная особенность живых систем, с этой точки зрения, состоит в том, что они воспроизводят самих себя, замкнуты на себя, автореферентны. Внешние воздействия на эти системы играют лишь роль толчка для производства внутренних структурных изменений, служащих самоподдержанию систем. Аутопоэтические системы непосредственно имеют дело не с внешним миром, а сами с собою. Определенный тип структурных изменений таких систем выглядит с «внутренней» точки зрения как познание мира, хотя в действительности это не что иное, как конструирование реальности, – не отношение к миру, а самоотношение. С точки зрения Матураны и Варелы, в действительности познание распространено шире, чем это

обычно предполагается. Но оно должно быть понято как перестройка аутопоэтической системой самой себя в ответ на толчок извне. Поэтому жизнь вообще может быть отождествлена с познанием. Но это означает, что познание в любых его формах, в том числе и развитых, в частности человеческое познание, – это не что иное, как самореферентный процесс. То, что человек называет реальностью, объективным миром, внешней средой, на самом деле является конструкцией нервной системы. Лишь внешний наблюдатель воспринимает данный организм (аутопоэтическую систему) как существующую в окружающей среде. Но и это различие в действительности лишь конструкция внешнего наблюдателя, который сам может стать объектом другого внешнего наблюдателя, и так далее. Таким образом, пытаясь понять отношения организма и окружающей среды, мы уходим в дурную бесконечность.

Немецко-американский специалист в области нейрокибернетики Х. фон Фёрстер попытался понять процесс познания (используя также идеи Матураны и Варелы) на основе концепции «кибернетики второго порядка». Последняя, с его точки зрения, отличается от старой кибернетики («сухой теории управления») тем, что не ссылается на некий предполагаемый мир «по ту сторону» действующего агента, а исходит из принципа кругообразности: человек учится видеть себя частью того мира, который он наблюдает и который сконструирован им самим¹. То, что мы называем объективностью, реальностью – не что иное, как наша конструкция, которая в принципиальном отношении не отличается от иллюзии. Х. фон Фёрстер так же, как

---

¹ См.: *H. Foerster von. Sicht und Einsicht. Versuche zur einer operativen Erkenntnistheorie.* Braunschweig/Wiesbaden, 1985.

Э. фон Глазарсфельд, возвращаются к позиции того самого «проблематического идеализма», который критиковал Кант, ссылаются как на своего философского предшественника на Дж. Беркли и даже считают возможным называть себя эпистемологическими солипсистами¹.

Нейробиолог Г. Рот формулирует ряд парадоксов, к которым неизбежно приводит дискурс радикального конструктивизма. Вот один из них. Мой мозг расположен в моей голове, которая вместе с моим телом расположена в некоем пространстве, и все они вместе расположены снова-таки в моем мозге. Как в таком случае мозг может быть частью мира и одновременно этот мир производить?²

Г. Рот предлагает выход из этого и других парадоксов радикального эпистемологического конструктивизма. Самое интересное состоит в том, что при этом он вынужден выходить за рамки этой концепции. У. Матурана и Ф. Варела считали возможным говорить о конструировании картины того, кто конструирует (и наблюдении того, кто наблюдает), и т. д. до бесконечности, тем самым не отвечая на вопрос о том, кто же является в конечном счете носителем конструктивной деятельности. Г. Рот считает необходимым разделить понятия действительности и реальности. Действительность – это продукт конструктивной деятельности мозга. Если мозг является предметом изучения, то он тоже часть действительности и поэтому результат конструкции. Но есть и другой мозг – конструктор действитель-

---

¹ См.: E. Glasarsfeld von. Siegener Gespräche über Radikalen Konstruktivismus // In: Schmidt S. (Hrsg.) Der Discurs des Radikalen Konstruktivismus. Frankfurt am Main, 1996. Опубликовано в книге С. Цоколова.

² См.: G. Roth. Das Konstruktive Gehirn: Neurobiologische Grundlagen von Wahrnehmung und Erkenntnis // In: Schmidt S. (Hrsg.) Kognition und Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1992.

ности (и самого себя как части действительности), который сам является не конструкцией, а ее носителем. Этот реальный (а не действительный) мозг существует в трансфеноменальном мире, независимом от сознания. Действительность создается в пределах реальности реальным мозгом¹. Трансфеноменальная реальность должна быть предположена и для объяснения разнообразия и определенной упорядоченности первичного сенсорного материала, который служит основой для конструктивной деятельности нервной системы. При этом, подчеркивает Г. Рот, каждый биолог, который сталкивается с проблемой когнитивности, склонен признавать существование независимого от сознания мира, который имеет какой-то порядок, допускающий жизнь, иначе любые конструкции становятся бесполезными. Существует определенный минимум соответствия между когнитивным порядком и порядком в мире.

Для понимания концепции Г. Рота важно иметь в виду, что реальный мозг, как и в целом трансфеноменальная реальность, с его точки зрения непознаваемы, ибо мы можем знать только результаты собственных конструкций. Так Г. Рот приходит к позиции Канта и признает это: кантовской вещи в себе соответствует трансфеноменальная реальность Г. Рота, а кантовскому Трансцендентальному Субъекту – реальный мозг.

Г. Рот в самом деле гораздо ближе к Канту, чем другие представители анализируемого течения. Именно в кантовском способе рассуждения Г. Рот пытается найти выход из парадоксов радикального эпистемологического конструктивизма. Однако, на мой взгляд, такого выхода все же не получается.

---

¹ См.: *G. Roth. Das Gehirn und Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre Konsequenzen. Frankfurt am Main, 1997.*

Все дело в том, что, с точки зрения Канта, вообще невозможно претендовать на изучение глубинных оснований познания частно-научным способом. Можно изучать мозг и работу нервной системы. Можно описывать факты эмпирического сознания. Но трансцендентальная структура сознания, конструирующая деятельность Трансцендентального Субъекта, лежит вне сферы научного исследования. Ибо наука уже предполагает эти трансцендентальные условия. Это предпосылки научного познания, а не его предмет. Радикальный эпистемологический конструктивизм, с точки зрения Канта, с самого начала выглядит как нарушение установленных им принципов мышления, ибо пытается понять познание в его целостности в рамках частно-научной теории, в данном случае – в рамках теории аутопоэтических биологических систем. Теоретики этого направления начинают с того, что такие системы существуют реально, на самом деле (так же, как явления жизни и эволюции); – эта предпосылка для них чрезвычайно важна, ибо, если бы таких систем не было, не могла бы быть сформулирована сама их теория. Но, пытаясь понять познание как конструктивную деятельность, исходя из теории аутопоэзиса, представители данного течения мысли приходят к выводу о том, что сами эти системы и теория аутопоэзиса – лишь продукт конструктивной деятельности того, кто их изучает, а конструирующая деятельность исследователя – продукт конструктивной деятельности другого исследователя: того, кто изучает первого; и т. д. до бесконечности. Получается, что теория отрицает собственные предпосылки. Это, конечно, логический парадокс, который по Канту, недопустим в мышлении и который невозможен в его собственной теории. Пытаясь снять этот парадокс, Г. Рот как будто бы возвращается к кантовскому способу мышления, допуская существование трансфеноменального

непознаваемого реального мира, в том числе существование в этом мире того, кто является носителем конструктивной деятельности. Однако есть существенное отличие между Г. Ротом и Кантом в этом пункте. Дело в том, что по Канту о Трансцендентальном Субъекте невозможно иметь какое бы то ни было знание, ибо этот Субъект принадлежит к трансцендентальной сфере, к которой не применимы никакие понятия, используемые в обычном опыте. Г. Рот этого носителя конструктивной деятельности, создающего мир действительности, называет *мозгом*, т. е. допускает его сходство с тем мозгом, который нам известен по нашему опыту и является предметом научного изучения (а это сходство, по-видимому, предполагает существование в реальном мозгу соответствующих центров и нервных сетей). Получается все же парадоксальная картина: оказывается, что мы знаем нечто существенно важное о том реальном конструкторе познаваемой нами действительности – реальном мозге (таким образом, по Г. Роту существуют два мозга: мозг действительный и мозг реальный), который считается непознаваемым. Нельзя не признать, что философская позиция Канта выглядит в данном случае гораздо последовательнее.

Конструкция, коллективная деятельность и коммуникация

Но следует ли из нашего анализа радикального эпистемологического конструктивизма вывод о том, что действительно нельзя исследовать познавательную деятельность в ее глубинных основаниях теми методами, которые приняты в науке? Кант сказал бы именно это. Однако должны ли

мы сегодня соглашаться с ним в этом пункте? Я думаю, что это вовсе не обязательно.

Ведь можно исходить из других предпосылок. Можно считать, что конструируемая нами картина реальности в чем-то соответствует самой реальности, что используемые в познании понятия, категории, схемы мышления соотносятся с исследуемым миром, что познающий субъект – это не система, замкнутая на себя (как считают представители радикального эпистемологического конструктивизма), а система, открытая миру, и что именно в этом специфическая особенность познающих систем. В этом случае можно рассчитывать на то, что исследование познания научными средствами (как изучение нейропсихологических процессов познающего индивида, так и исследование коллективной познавательной деятельности) будет результативным. Ясно, что при таком понимании парадоксы, подобные тем, с которыми столкнулся радикальный эпистемологический конструктивизм, невозможны. Я называю такого рода эпистемологическую установку конструктивным реализмом.

Между прочим, последние идеи в развитии когнитивной науки связаны именно с попытками понять познающие системы как системы, открытые миру. Ряд современных исследователей, отталкиваясь от идей «экологической теории восприятия» известного психолога Дж. Гибсона¹, развивают понимание познания как деятельности в рамках «теории динамических систем» (имеются как экспериментальные исследования в рамках этой теории, так и матема-

---

¹ См.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

тические разработки этой теории)¹. Познание с этой точки зрения – это не нечто, происходящее «внутри» познающего существа, а динамический процесс, в котором психика, тело познающего существа и окружающий реальный мир – это лишь три аспекта некой единой деятельности. Граница между «внутренним» и «внешним» снимается. Таким образом, познание должно быть понято как изначально включенное в реальность, а не противостоящее ей. Реальность существует на самом деле, а не является лишь конструкцией познающего существа. И познание со всеми своими конструкциями имеет дело именно с реальностью. Вместе с тем познающее существо «вырезает» из реальности именно то, что соотносимо с его деятельностью. Именно в этом направлении ряд исследователей видят будущее когнитивной науки.

Интенсивно развивающееся сегодня изучение коллективной познавательной деятельности как социально и культурно обусловленной может быть понято в рамках концепции конструктивного реализма. Ибо это исследование исходит из реального существования исторически меняющихся систем коллективной деятельности и коммуникации, из реального существования индивидов, включенных в эти системы. Индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, – это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы

---

¹ См., например: *E. Thelen, L. Smith. A Dynamic Systems Approach to the Development of cognition and Action. Cambridge, 1994; R. Port, T. Van Gelder (eds). Mind as Motion: Dynamics, Behavior, and Cognition. Cambridge, 1995.* В этом же направлении идут поздние работы Ф. Варелы. См.: *F. Varela, E. Thompson, E. Rosh. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, 1991.*

радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего *Я*, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах. Позиция эпистемологического солипсизма, к которой приходят некоторые представители радикального эпистемологического конструктивизма, таким образом, исключается.

Согласно позиции конструктивного реализма, *Я* во всех своих ипостасях, в том числе и в качестве познающего, может быть понято как существующее исключительно в социальных коммуникациях, т. е. как продукт и одновременно условие социально-культурного конструирования. Это не означает, что субъективная реальность и *Я* – фиктивны. Нет, они вполне реальны, однако это особый тип реальности. Ведь реальность вообще неоднородна. Это не только атомы и электроны, но и деревья, скалы, столы и стулья. Это не только предметы, но и их тени; не только вещи, но и события и процессы; *Я*, субъективность и познание относятся к реальности особого типа: реальности коммуникативной.

В этой связи мне представляются интересными идеи, развиваемые современным английским философом и психологом Р. Харре, который опирается на идеи позднего Л. Витгенштейна и российского психолога Л. С. Выготского (с работами последнего Р. Харре связывает переломный момент в развитии психологии) и обобщает большой материал психологии и других наук о человеке: культурной антропологии, социологии, лингвистики¹.

---

¹ См.: R. Harre. *Personal Being*. Cambr., 1984; R. Harre, G. Gillett. *The Discursive Mind*. L., 1994.

Очень важно иметь в виду, подчеркивает Р. Харре, что субъективная реальность – это не просто нечто непосредственно данное и переживаемое, а нечто осмысленное. Именно осмысленность переживаний, приписывание им определенных значений и конституирует субъективность.

Этот факт был хорошо понят Кантом. Вопрос в том, откуда берется эта осмысленность. Р. Харре связывает эту осмысленность (вслед за Л. Витгенштейном) с овладением индивидом системой коллективных значений – как языковых, так и практических. При этом многие субъективные переживания в качестве условий своего существования предполагают не только наличие социальных значений, но также и специальную деятельность по их «обговариванию» с другими людьми, в процессе которой устанавливается, какое именно значение следует приписать данному переживанию. Именно в этом коммуникативном процессе они окончательно «доопределяются». Это относится и к познанию – как индивидуальному, так и коллективному.

Но если *Я* в качестве относящегося к эмпирическому индивиду может быть понято как результат коммуникаций и совместной деятельности, как нечто сконструированное в ходе этих процессов (современные психологи называют это «*Я*-концепцией»), то как быть с другим *Я* – тем, которое может сделать «*Я*-концепцию» предметом собственной рефлексии? То, что эмпирическое *Я* – это некая конструкция, хорошо понимал Кант. Правда, для него эта конструкция осуществляется не в процессе социальных коммуникаций и не в ходе взаимодействий индивида с другими людьми, а силами самого индивидуального сознания. Но Кант обращал внимание также на другое обстоятельство: *Я*, которое делает эмпирическое *Я* предметом своей позна-

вательной рефлексии (первое *Я* и есть по Канту Трансцендентальный Субъект), не может быть продуктом конструкции, ибо само является носителем конструктивной деятельности. Трансцендентальное *Я*, по Канту, не может быть собственным познаваемым объектом, так как это привело бы к парадоксу. Поэтому оно непознаваемо и относится к миру вещей в себе. Как быть с этим рефлектирующим *Я*? Можно ли понять его также как продукт конструктивной деятельности?

Согласно Р. Харре это можно сделать. Но и в этом случае речь должна идти о коллективной коммуникативной деятельности.

Р. Харре считает, что рефлектирующее *Я*, которое он предпочитает называть собственным, или внутренним *Я* (в отличие от эмпирической «*Я*-концепции»), может быть уподоблено своеобразному теоретическому понятию. Так же, как теоретические понятия (вроде понятия поля, или понятия кванта, или понятия энергии) не имеют эмпирических, опытно данных референтов, собственное *Я* не презентировано сознанию индивида в качестве особого объекта. Оно не может быть объектом познания, хотя каждый акт познания предполагает его. Так же, как теоретическое понятие помогает осмыслению эмпирического опыта, с которым имеет дело наука, собственное *Я* служит осмыслению мира индивидуального сознания, установлению в нем синхронического и диахронического единства. В этом отношении оно похоже на Трансцендентальное *Я* Канта. Вместе с тем это все же не Трансцендентальное *Я*. Ибо оно как особая реальность полагается культурой и является общим для всех представителей данной культуры. Но в другой культуре, в других социальных условиях собственное *Я* может не существовать вовсе. С точки зрения

р. Харре, существование собственного, или внутреннего Я характерно для западноевропейской культуры как культуры саморефлексии и культивации «внутреннего мира».

В нашей культуре, считает Р. Харре, внутреннее Я имеет три функции.

1. Оно выражает формальное единство сознания, играет роль его центра.

2. Оно характеризует единство и непрерывность индивидуальной жизни, биографии.

3. Оно, наконец, воплощает агента действий, осуществляемых на основе свободно принимаемых решений.

Каждая из этих функций (в том числе и возможность свободного выбора) может выполняться лишь в результате индивидуального усвоения определенных социальных представлений о сознании и познании, об индивиде, его возможностях, правах и обязанностях, ценностях жизни. Одновременное выполнение собственным Я всех его трех функций (что характерно для западной культуры) не является логически обязательным. Эти функции могут быть и разъединены. Например, субъект может обладать собственным Я как формальным единством сознания и вместе с тем не иметь Я в качестве непрерывности индивидуальной жизни – биографии (это возможно в случае провалов памяти). Я может иметь Я как формальное единство сознания и непрерывность индивидуальной биографии и вместе с тем не иметь Я в качестве инстанции принятия свободных и ответственных решений (это имеет место в случае некоторых видов шизофрении). Возможны и иные случаи. Все они обычно рассматриваются в качестве индивидуальной патологии. Но они могут быть и следствием изменений в обществе и культуре и тогда стать массовыми. В случае т. н. «измененных состояний сознания» Я вообще может

временно исчезать. Словом, современное собственное Я – это хрупкое образование, возможное лишь в определенных социальных, культурных и исторических условиях.

Таким образом, познание может быть понято как коллективный исторически меняющийся социально-культурный процесс. Этот процесс предполагает существование реального мира, реальной коммуникации и деятельности, реального взаимодействия людей с познаваемыми предметами и друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры», картины познаваемой реальности и сами познающие субъекты – как коллективные, так и индивидуальные.

* * *

Развитие исследований познавательной деятельности в рамках современной когнитивной науки и отдельных когнитивных дисциплин демонстрирует, как мне кажется, с одной стороны, значение кантовского понимания познания как конструктивной деятельности, а с другой – возможности нового ответа на те вопросы, которые Кант поставил.

КНЯЗЕВА Е. Н.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

1. Происхождение конструктивизма. Циклическая причинность

Конструкты сознания и конструируемая действительность

Конструктивизм в эпистемологии – это такой подход, в рамках которого считается, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его. Этот подход развивается разными авторами на базе различных дисциплинарных областей: на базе генетической эпистемологии, или психологии развития ребенка, – Жаном Пиаже, системной теории и кибернетики – Хайнцем фон Фёрстером, антропологии – Грегори Бейтсоном, психологии восприятия – Ульриком Найссером, психотерапии – Паулем Ватцлавиком, когнитивной психологии – Эрнстом фон Гласерсфельдом, нейробиологии и когнитивной науки – Умберто Матураной и Франсиско Варелой; существуют, разумеется, и иные версии.

Для понимания сути конструктивистского отношения человека к миру (его наблюдение изнутри, его обустройст-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 07-03-00254а.

во, созидание и постоянная переделка самого себя в процессе этого обустройства) весьма удачной является метафора танца, как об этом говорил Х. фон Фёрстер. Познание мира и действие человека в мире – это танец человека с миром, парный танец с различными па, в котором ведущим является то один, то другой партнер, в котором они оба беспрерывно раскрываются и развиваются.

Конструктивистский подход имеет корни и в философских концепциях, и в представлениях кибернетики.

В философии он восходит к воззрениям Вико, Беркли, Канта. Итальянский философ Джамбаттиста Вико (1668–1744) и ирландский философ Джордж Беркли (1685–1753) пришли к идеям эпистемологического конструктивизма практически одновременно и независимо друг от друга. Станным выглядит совпадение, что в 1710 году, когда Беркли опубликовал свой главный философский труд «Трактат о началах человеческого знания», Вико в Неаполе опубликовал свой труд по эпистемологии «*De Antiquissima Italorum Sapientia*», в котором он приходит к сходным заключениям. Имя Вико вошло в философию прежде всего благодаря тому, что он ввел идею историзма, исторического прогресса и циклов в истории, имел теоретико-познавательную позицию, близкую конструктивизму. Человеческому сознанию, считал Вико, доступно только то, что создано самим человеком. Поэтому и изучать следует лишь то, как создана вещь, будь то произведение искусства, идея как порождение его сознания, языковая форма. Рациональное знание не затрагивает существующее в реальном мире, но ограничивается только миром опыта, который создается человеком. Только Бог знает, что представляет собой реальность, поскольку он сам ее создал. Беркли, со своей стороны, утверждал, что субъекту доступно лишь содержание сознания – идеи, поэтому он может лишь констати-

ровать свое существование. Отсюда его известная формула «*esse est percipi*» («существовать – значит быть воспринимаемым»). Несмотря на крайний солипсизм, эта позиция имеет нечто общее со взглядами современных радикальных конструктивистов.

В качестве предтечи современного эпистемологического конструктивизма часто называют и имя Иммануила Канта (1724–1804). В. А. Лекторский рассуждает о том, насколько оправдано это причисление, и указывает здесь на явные точки соприкосновения. По Канту, «опыт – это конструкция, это организация субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка»¹. Именно конструкты сознания оформляют опыт, причем то, что не доступно индивидуальному сознанию, является предметом деятельности сознания трансцендентального, трансцендентального субъекта.

Удивительно, но конструктивизм встроен во внутреннее ядро кибернетических теоретических представлений. Кибернетика рождает конструктивизм как свое родное дитя. С самого начала своего существования, с 1940–1950-х годов (концепции Н. Винера, У. Росс Эшби, Х. фон Фёрстера), одним из центральных ее представлений было представление о циклической причинности. И в синергетике, которая является наследницей кибернетики, представление о циклической причинности выступает в качестве базисного. У Германа Хакена это – циклическая причинность между элементами системы и параметрами порядка как динамическими характеристиками системы на макроуровне: параметры порядка порождены, определены, детерминированы

---

¹ Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 13.

ны поведением элементов системы и, в свою очередь, подчиняют элементы, накладывают ограничения на их поведение, даже, если угодно, порабощают отдельные элементы. Метафорический образ циклической причинности как фундаментального кибернетического и синергетического представления – это змея, которая кусает себя за хвост.

Иной образ этой циклической организации – свойство самоотнесенности, самореферентности. Любая самоорганизующаяся система неживой или живой природы, природы или общества, организует себя, будучи отделенной от окружающего мира (поддержание своей целостности) и встроенной в него, открытой на него (открытость как условие для самоорганизации). Живое существо (живая организация) реализует себя как живая система через производство своих собственных операций. Живая система производит саму себя (автопоэзис). А равным образом и структуры неживой природы, например структуры в плазме, как показывает С. П. Курдюмов, способны к самодостраиванию, т. е. проявляют свойства, подобные свойствам живого.

Логика рассуждений ведет к соответствующему пониманию человека как наблюдающего и теоретизирующего существа. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает наблюдателя. Наблюдатель, наблюдаемый процесс и процесс наблюдения образуют неразложимое единство. Нет наблюдения без наблюдателя. Нет языка без носителя языка: язык – и продукт говорящего, и его создатель. Язык творится людьми и творит их. Язык говорит в нас и через нас, строит нас, будучи нашим порождением. Конструируя мир, человек конструирует самого себя. А конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Это – креативный цикл. Это, как говорит фон Фёрстер, *gekrümmte*

Raum, изогнутое пространство, в котором человек, удаляясь от себя, возвращается к самому себе.

Что есть в бытии – это тайна. Тайна бытия приоткрывается только сознанию познающего субъекта, который протаскивает мир через свою собственную душу, преломляя его через конструкты своего сознания. Реальность завуалирована (*le réel voilé*), как говорит Бернар д'Эспанья, а вселенная еще не разрешена, как писал Карл Поппер¹. Природа как рожденная (что этимологически отражается в самом слове «природа») пребывает в рождении, в становлении. Пытаясь проникнуть в природное бытие, человек со своим сознанием вносит в него необратимые и неизбежные изменения, как это показано в неклассической науке, в квантовой механике в первой трети XX века, а далее, в последние десятилетия XX века, – и в нелинейной динамике и синергетике. Человек становится соучастником процесса рождения природы, процесса становления в ней. Становление природного бытия и становление человека и конструктов его сознания – эти два процесса сопряжены. Человек творит самого себя через мир, через свою деятельность в мире. Человек и мир – субъект и объект познания – находятся в процессе коэволюции.

Циклическая причинность, введенная кибернетикой, изначально наложила печать и на само кибернетическое знание. С самого начала, особенно в работах фон Фёрстера, кибернетика строилась не просто как одна из областей знания, но и как знание о знании, как кибернетика кибернетики. Эта кибернетика второго порядка есть эпистемология

---

¹ См. об этом: *Le Moigne J.-L. Les épistémologie constructiviste en progrès // Entre systémique et complexité, chemin faisant... Mélanges en hommage à Jean-Louis Le Moigne. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. P. 290.*

кибернетики. А равным образом мы можем говорить не просто о синергетике, но и синергетике синергетики, об эпистемологии синергетики или об эпистемологии познания сложного в бытии, *épistémologie complexe* (сложной эпистемологии или, точнее, эпистемологии сложного), если употребить терминологию французских ученых Эдгара Морена и Жана-Луи ле Муаня.

Это замыкание кибернетики на саму себя, как и замыкание синергетики на саму себя, связано двусторонне направленным, циклическим процессом оphilософствования науки и онаучивания философии, отвечающем современной тенденции развития философского знания. Синергетика, будучи трансдисциплинарным направлением научных исследований сложного вообще в окружающем нас мире и в нас самих, выходит за пределы дисциплинарной ограниченности той или иной области естествознания и обществознания и врывается в философию. В то же время синергетика, имея в качестве жесткого ядра конкретные модели образования и эволюции сложных структур в мире, причем во многих областях даже социального знания они работают на математическом уровне, онаучивает философию, вносит свежую струю в теорию познания. Синергетика и нелинейная динамика как метод исследования когнитивных процессов сближается с современной когнитивной наукой в целом и с неклассической эпистемологией как ее философской составляющей – в частности.

Таким образом, конструктивизм становится одним из довольно влиятельных течений в современной неклассической эпистемологии. Иначе говоря, неклассическая эпистемология обретает конструктивистское лицо. А сами идеи конструктивизма укоренены в определенных философских воззрениях на мир и получают новые импульсы для развития в связи с идеей циклической причинности в кибернетике и синергетике.

2. Конструктивистские установки в современной науке, культуре и практике

Конструктивистские установки характерны для многих областей современного научного знания и практической деятельности. То, что было создано Хайнцем фон Фёрстером на базе кибернетики, Умберто Матураной и Франсиско Варелой как когнитивно-биологический конструктивизм, распространяется ныне на социальное и гуманитарное знание. Человек не столько отражает, сколько строит окружающий мир, оформляет и организует его в соответствии с конструктивистскими установками своего сознания.

В современном прогнозировании (футурологии) одним из ключевых понятий является создание желаемого будущего. Современное прогнозирование, или, как его называют в мировом научном сообществе, *futures studies* (исследование «будущего» во множественном числе, исследование перспектив, построение сценариев будущего развития), стало дисциплинарно оформляться и бурно развиваться после Второй мировой войны. В настоящее время в довольно популярной и коллективными усилиями создаваемой интернетовской энциклопедии Википедии (Wikipedia) дается следующее определение этому направлению: исследование будущего – это трансдисциплинарный, базирующийся на системной науке подход к анализу образцов изменений в прошлом, определение трендов и возможных исходов изменений в настоящем и построение альтернативных сценариев возможных будущих изменений, чтобы помочь людям создать то будущее, которое они желают»¹ (Венди Л. Шульц).

---

¹ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Futures_Studies

В качестве стержневых понятий современного прогнозирования (исследования будущего) выделяются: а) «образ будущего» (понятие, введенное в научный оборот Фредом Полаком в 1973 году); б) «альтернативное возможное будущее»; в) «создание будущего, а не предсказание его». Видение мира, ориентированное на будущее, основывается на солидарности с будущим. Мы не должны ждать подарков от будущего, но создавать желаемое, предпочитаемое будущее. Установка на создание будущего – непосредственное преломление конструктивизма в футурологии.

В современной социальной науке (социологии, политологии, социальной философии) конструктивистские установки сознания также налицо. Родилось и новое понятие – «социальный конструктивизм»¹. В содержание этого понятия входит не только сознательное конструирование социальной реальности, социального порядка и социальных организаций в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта, но и креативность социальных институтов, введение ими социальных инноваций, управление рисками социального развития, прохождение кризиса и выход на желаемые пути развития. В каком-то смысле мы все актеры, активно конструирующие локальную и более отдаленную социальную среду, в которой хотим жить, но и среда создает нас, активно на нас влияет, подстегивает наш личностный рост.

Одним из первых ученых, кто стал последовательно вводить представления теории сложных самоорганизующихся систем и теории автопоэзиса в социальную философию, был Никлас Луман (1927–1998). Он говорил об опера-

---

¹ См., например, работу: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia – Центр, Медиум, 1995.

циональной замкнутости социальных систем и об их структурном сопряжении, об их самореферентности (циклической организации) и контакте с внешним миром (ино-референции), об их трансформации через интерактивность, коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию¹. В знаменитый тезис К. Маркса «люди сами делают свою историю», современный социальный конструктивизм вносит важную поправку: человек конструирует общество, но отнюдь не волюнтаристически, не произвольно по своему желанию, а в сотрудничестве и в коэволюции со становящимся социальным целым, открывая внутренние тенденции развития сложных социальных систем.

Конструирование природной и социальной действительности порождает когерентный, взаимосогласованный мир. Конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство. Конструирование означает, что человек как субъект познания и деятельности берет на себя весь груз ответственности за получаемый результат. Принцип ответственности, о котором писал Ханс Йонас², ставится здесь во главу угла. Как подчеркивает основатель синергетики, немецкий ученый Герман Хакен, самоорганизующееся общество может устойчиво существовать и продолжительное время динамично развиваться, если каждый его член ведет себя так, как если бы он – в меру своих возможностей – был ответствен за целое³. Этот принцип ответственности близок к категорическому императиву Канта.

---

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 98–129.

² Йонас Х. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004.

³ См.: Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига, 2006. С. 207.

Новый подход к образованию с точки зрения конструктивизма и синергетики мы с С. П. Курдюмовым назвали пробуждающим обучением. Способ связи обучающего и обучаемого, учителя и ученика – это их взаимная циклическая детерминация и их взаимное конструирование, становление и развитие. Обучение – это не передача знаний, как эстафетной палочки, от одного человека к другому, но создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самим обучающимся, его активное и продуктивное творчество. Это – нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, солидаристического образовательного приключения, попадания – в результате разрешения проблемных ситуаций – в один и тот же самосогласованный темпомир. Последнее означает, что, благодаря совместной активности в ситуации такого рода, учитель и ученик начинают функционировать с одной скоростью, жить в одном темпе. Учитель не просто задает вопросы, на которые заранее знает ответ, хотя это и имеет место на начальных стадиях обучения. Он ставит проблемы так, чтобы начать совместное исследование, чтобы ученик удивился тайнам бытия, понял неисчерпаемость познания мира и приобретал не столько «знаю что», сколько «знаю как» (know how).

Обучение становится интерактивным. Не только учитель учит ученика, но и ученик учит учителя; они становятся кооперирующими друг с другом сотрудниками. Учитель должен научиться видеть, что скрывается за учеником, и научиться понимать его. В процессе обучения незнающий превращается в знающего, а при этом изменяется и сам учитель, подобно тому как в процессе психотерапии больной превращается в здорового, или хотя бы в выздоравливающего, но вместе с тем и сам доктор претерпевает изменения, испытывая свое душевное равновесие и в большинстве случаев его укрепляя.

циональной замкнутости социальных систем и об их структурном сопряжении, об их самореферентности (циклической организации) и контакте с внешним миром (ино-референции), об их трансформации через интерактивность, коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию¹. В знаменитый тезис К. Маркса «люди сами делают свою историю», современный социальный конструктивизм вносит важную поправку: человек конструирует общество, но отнюдь не волюнтаристически, не произвольно по своему желанию, а в сотрудничестве и в коэволюции со становящимся социальным целым, открывая внутренние тенденции развития сложных социальных систем.

Конструирование природной и социальной действительности порождает когерентный, взаимосогласованный мир. Конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство. Конструирование означает, что человек как субъект познания и деятельности берет на себя весь груз ответственности за получаемый результат. Принцип ответственности, о котором писал Ханс Йонас², ставится здесь во главу угла. Как подчеркивает основатель синергетики, немецкий ученый Герман Хакен, самоорганизующееся общество может устойчиво существовать и продолжительное время динамично развиваться, если каждый его член ведет себя так, как если бы он – в меру своих возможностей – был ответствен за целое³. Этот принцип ответственности близок к категорическому императиву Канта.

---

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 98–129.

² Йонас Х. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004.

³ См.: Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига, 2006. С. 207.

В современной психотерапии также успешно применяется конструктивистское мышление, как об этом неоднократно писал Хайнц фон Фёрстер и еще один представитель конструктивизма, семейный врач-психотерапевт, редактор коллективных монографий по конструктивизму Пауль Ватцлавик. Фон Фёрстер рассказывает об изобретенной им методике циклического вопрошания, которая позволяет конструировать действительность, поворачиваясь в виртуальных мирах «как если бы» и тем самым наладить отношения между членами семьи, перевести их в состояние душевного равновесия. Психотерапевт просит, например, мать сказать, что она думает о том, что думает ее дочь о ее отношении с мужем. Естественно, она никогда не задумывалась об этом. Но поскольку она сейчас сидит перед психотерапевтом, она вынуждена вступить в дискуссию и предположить, что думает ее дочь об отношениях между родителями. В этот момент нужно смотреть, как воспринимают это твои партнеры, члены твоей семьи: дочь, которая в первый раз слышит, что думает ее мать о том, что она думает об отношениях между матерью и отцом; муж, который совершенно ошеломлен тем, что узнал, что в самом деле думает его жена и как она воображает себе, что творится в голове дочери, воспринимающей их отношения своими глазами. «Для всех них внезапно возникает новая Вселенная в этом психотерапевтическом сеансе. Они конструируют новый мир. Вся идея этих психотерапевтов состоит в том, что они приглашают участников поработать совместно, чтобы изобрести для себя новый мир отношений»¹. В результате такого рода психотерапевтических процедур

---

¹ Heinz von Foerster im Gespräch mit Albert Müller und Karl H. Müller. Rück- und Vorschauen // Konstruktivismus und Kognitionswissenschaft. Kulturelle Wurzeln und Ergebnisse / Hrgb. von Müller A.; Müller K. L. und Stadler F. Wien: Springer, 1997. S. 224–225.

конструируются новые виртуальные миры, реальное воплощение которых оказывает на каждого из членов группы терапевтическое действие.

Вообще говоря, мировоззренческая позиция конструктивизма не ограничилась только областями научного и философского знания. Великий переворот в живописи был связан с переходом от реализма (от стремления точно передать воспринимаемую действительность, как это было, например, в школе передвижников в России во второй половине XIX века) к французскому импрессионизму на рубеже XIX и XX веков, в картинах которого действительность преломлялась через чувства, настроения, впечатления художников. В полотнах импрессионистов правдоподобность создается через неправдоподобие, через приглушенные акварельные краски, как у Клода Моне, или, наоборот, через преувеличенно яркие, кричащие краски, как у Винсента ван Гога, через нагромождение мазков, которые, резонируя с восприятием действительности зрителем, могут передавать действительность даже лучше, чем фотографии. Разные вариации символизма, в особенности стиль Баухауза (Василий Кандинский, Пауль Клее), можно, пожалуй, рассматривать как проявление радикального конструктивизма в живописи. «Искусство должно обращать быль в сказку, переплавлять физику в метафизику, оно, по выражению Пауля Клее, не отражает видимое, а создает его»¹.

3. Конструктивистские установки сознания в синергетике

Синергетика является наследницей кибернетики. Это – постнеклассическая парадигма научного знания. Синерге-

---

¹ *Генис А.* Вавилонская башня: искусство настоящего времени. Эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 190.

Не все, что угодно можно осуществить, но только то, что согласовано с собственными потенциями сложных систем.

Осознание множественности путей развития сложных систем, наличия альтернатив напрямую связано с осознанием возможности улучшить мир, соединить поиск истины с поиском блага. Об этом пишет И. Валлерстайн: «Мы были бы мудрее, если бы формулировали наши цели в свете постоянной неопределенности и рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия сделать мир лучше»¹.

Во-вторых, человек способен сокращать длительный и многотрудный путь эволюции к сложному путем резонансного возбуждения желаемых сложных структур. Определив параметры порядка сложных систем, он может смоделировать, рассчитать или качественно определить возможные структуры-аттракторы для этих систем и посредством малых, но топологически правильно организованных – резонансных – воздействий вывести процесс развития на желаемые структуры.

В-третьих, человек может активно вмешиваться в процесс конструирования сложных структур из относительно простых, в процесс их коэволюции, совместного и устойчивого развития. Один из принципов синергетического холизма – это принцип топологически правильного, резонансного соединения относительно простых структур в сложные устойчиво эволюционирующие целостности, с тем чтобы ускорить темп развития образовавшейся единой

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 326.

сложной структуры и приблизить желаемое будущее. В результате резонансного объединения единая структура приобретает более высокий темп развития, чем темп развития самой быстро развивающейся структуры до объединения. Выгодно развиваться вместе, ибо это приводит к экономии вещественных, энергетических, духовных затрат.

В-четвертых, сложные системы имеют не только некоторую глубину памяти, но и влияние, притяжение будущего, и человек может конструктивно использовать это влияние будущего с попаданием системы в конус определенного аттрактора. В таком случае человек должен действовать согласно установкам восточного (буддийского или даосистского) сознания: поддаться течению, чтобы победить; недеяние есть самое сильное действие.

4. Основные черты конструктивистской эпистемологии

Традиционная наука базируется на утверждении, что мы можем наблюдать мир как объективную реальность, – таким, каков он есть. Вместе с тем, уже в классической эпистемологии XX века утверждалось, что субъект познания может смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать, искать смысл, но не находить его, т. е. наше познание теоретически нагружено. То, что мы видим, слышим, понимаем, определяется нашими пред-установками и нашим предзнанием, конструктами нашего сознания. Неклассическая эпистемология добавляет к этому, что субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Нет наблюдения без наблюдателя, нет восприятия без воспринимающего, нет познания без познающего. Кроме того, познавательные способности

самого субъекта определены его телесностью и тем окружающим миром, в который он встроен. Человек – эволюционно сформированное, мезокосмическое существо, ему доступен мир средних измерений, к нему он адаптационно приспособлен.

Человек как субъект познания воспринимает мир через свои органы чувств, он понимает и осмысливает его с помощью своих эволюционно выработанных способностей ума. Поэтому приобретенное им знание несет печать личности субъекта познания как индивидуального и исторического существа (его онтогенетического и филогенетического опыта). Субъект не только и, может быть, не столько отражает, сколько конструирует реальность.

Неклассическая эпистемология, в русле которой развивается эпистемологический конструктивизм, решительно отказывается от дихотомического разделения субъекта и объекта познания, человека с его органами чувств и ментальными способностями и окружающего мира, на которые направлены его познавательные усилия.

В то время как ключевым теоретико-познавательным вопросом эпохи просвещения был «Что мы должны знать?», духовная и эпистемологическая революции XX века заменяют его иными вопросами: «Что мы можем знать?», «Где границы нашего знания?» и «Что представляю собой я сам, познающий?». Мир, в котором мы живем, находится не вне нас и не является независимым от нас; мы создаем его в процессе познания, в процессе коммуникации с помощью языка, в процессе познавательной и преобразующей социальной деятельности. Реальность мы находим не вне нас: она ежеминутно возникает в наших глазах, а вместе с нею возникаем, преобразуемся и мы сами.

Язык является системой, которая сама себя создает. Это слушатель, а не говорящий, определяет смысл высказыва-

ния. Это читатель, а не писатель, распаковывает текст, извлекая смыслы в соответствии со своими личностными смыслами. Язык также подобен танцу, в котором два человека взаимно друг друга строят, изобретают, определяют, чтобы стать единством.

Восприятие – это тоже не пассивный, а активный процесс. Известный психолог Ульрих Найссер в своих исследованиях, проведенных в 1970-х годах, показал, что воспринимаемое поступает в мозг не в чистом, первозданном виде, «как оно есть там снаружи», а ложится на предуготовленную схему, которую он назвал форматом. Сам существующий на данный момент формат задается всей суммой предыдущих актов восприятия, что свидетельствует о самоорганизации познавательного процесса и его гибкой приспособляемости исходя из предшествующего опыта. «Информация, заполняющая формат в какой-то момент циклического процесса, становится частью формата в следующий момент, определяя то, как будет приниматься дальнейшая информация»¹.

Живое существо видит не глазами, а ногами и руками. Поэтому Ж. Пиаже, Х. фон Фёрстер, Ф. Варела постоянно говорили, что если ты хочешь познать, научись действовать. Процесс восприятия и познания живым существом окружающего мира есть реализация себя как живой системы, производство своих собственных операций, освоение окружающего мира через открытость к нему и замкнутость от него (принцип операциональной замкнутости), изменение себя через мир и мира через себя, взаимное конструирование.

В рамках такого конструктивистского подхода и этические принципы человеческой деятельности претерпевают

---

¹ Neisser U. Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1976. P. 75.

изменения. Этика с этой точки зрения не имеет ничего общего с поощрением и наказанием, с указаниями, «что я должен делать?». Человек как субъект познания и конструирующей деятельности решает сам, что он может делать, что желательно осуществить, исходя из его целей и ценностей и с пониманием глубочайшей собственной ответственности за грядущий результат, за становящееся целое. Конструктивизм предполагает внутреннюю этику, собственную ответственность. Только на основе личной ответственности может строиться устойчивое самоорганизующееся целое в микросоциуме и в глобальном мире, в микроколлективе, в пределе включающем только себя как творца и критика в одном лице, или в научном сообществе.

Конструирование не является самоцелью: человек конструирует не просто потому, что он хочет конструировать, а потому, что он преследует свои цели. Цель конструирования отсылает в будущее. Это – предвосхищение опыта; конструирующий исходит из того, что созданные им конструкции окажутся полезными сознанию и в дальнейшем. Конструктивизм служит прежде всего желанию субъекта установить контроль над тем, что он воспринимает, чтобы элиминировать какие-либо отклонения или возмущения от собственного предпочитаемого целевого состояния. Контроль предполагает модель вещи, подлежащей контролю, но эта модель включает только те аспекты, которые релевантны целям субъекта и его действию. В этом смысле субъект заботится не о вещи, над которой установлен контроль, но только о компенсации отклонений на своем пути достижения цели, т. е. способен адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Немецкий философ Бернд Ваассен провел доскональное исследование конструктивизма и суммировал существо конструктивистской позиции следующим образом: «Чело-

век является существом, которое целенаправленно конструирует действительность»¹. Следовательно:

– конструировать – значит целенаправленно различать. Сингулярное, несвязное, изолированное нельзя конструировать; всякий опыт существует только как различие. Нечто сконструированное это, по словам Бейтсона, «the difference that makes a difference» («различие, которое имеет значение, которое нужно почувствовать» или «небезразличное различие»);

– конструирование порождает когерентный, относительный мир. Сконструированная действительность когерентна, поскольку она конструируется как внутренне сопряженная, связная, в которой изолированное не существует и не может существовать. Сложные структуры, потоки информации, сети коммуникации наслаиваются друг на друга, приводя к возникновению новых эмерджентных качеств на уровне систем и систем систем, ни одно из которых не является конечным, окончательным, завершающим, неоспоримым. Мы живем «в мире кажущихся бесконечными метаморфоз интерпретаций, которые сменяют друг друга» (Варела);

– конструирование есть безграничный, рекурсивный процесс. Человеческое конструирование оказывается единственным в своем роде и непрерывающимся процессом, который из настоящего отсылает в прошлое и будущее и включает в себя оба эти модуса времени. Оно ссылается на прошлое, поскольку основывается на опыте, и на будущее, поскольку опыт переконструируется как нечто повторяю-

---

¹ Vaassen B. Die narrative Gestalt(ung) der Wirklichkeit. Grundlinien einer postmodern orientierten Epistemologie der Sozialwissenschaften. Braunschweig / Wiesbaden: Vieweg, 1996. S. 63–69. Выводы Б. Ваассена передаются здесь в личной интерпретации автора статьи и с его дополнениями.

щееся и приближенное к новым экологическим условиям; – конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство. Фон Фёрстер описывает человека как «самостоятельную, автономную, организационно замкнутую сущность». Наблюдающий организм выступает не как независимая познающая инстанция по отношению к наблюдаемому объекту, а как часть и участник самого мира наблюдения. Конструирование представляет собой, стало быть, двоякий относительный процесс: конструирование генерирует действительность как сеть связей, поскольку не элементы, а различия являются первичными. На основе постоянной рекурсии конструирование создает индивидуально оформленный и не вводящий в заблуждение мир опыта, в котором познающий и познаваемое составляют неразделимое единство;

– конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность. Конструирование есть процесс, который придает действительности вид неразрывного и когерентного целого;

– конструирование – это индивидуальная, узаконивающая саму себя деятельность. Конструирование означает, что индивиды активно стремятся оформить данные своего опыта так, чтобы они были осмысленными и полезными в ходе дальнейшего восприятия, переживания, освоения мира.

Сформулируем теперь основные черты эпистемологического конструктивизма¹.

1. *Знание не отражает мир*. Конструктивисты оспаривают позицию, что в процессе познания репрезентируется мир и что эти репрезентации являются содержанием созна-

---

² См. об этом, в частности: *Neuhäuser G. Konstruktiver Realismus. Jean Piagets naturalistische Erkenntnistheorie*. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2003. S. 135–137.

ния. Знание и познание являются в высшей степени самоотносимыми, самореферентными событиями. Процесс познания с необходимостью замыкается в эпистемический круг. Поэтому конструктивисты оспаривают возможность достижения объективного знания.

2. *Конструкции создаются людьми.* С позиции конструктивизма не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта. Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Знания не должны находиться в соответствии с онтологической реальностью, но они должны встраиваться в общую структуру опыта, подходить к ней.

3. *Знания не истинны, а жизнеспособны.* Вместе с отрицанием традиционного понятия знания конструктивисты отрицают и традиционное понятие истины. Целью познания является не объективность, а приспособление. Понятие истины заменяется понятием «жизнеспособности», в содержание которого входит способность выполнять определенные функции. Жизнеспособные когнитивные структуры подходят в том смысле, что они обеспечивают приспособление организма к опытно осваиваемому жизненному миру и делают возможным его выживание.

4. *Мозг – операционно замкнутая система.* Умберто Матурана и Франсиско Варела вступили в дискуссию о конструктивизме, исходя из разработанной ими теории сложных саморегулирующихся систем – теории автопоэзиса. Они рассматривали живой организм и мозг как автопоэтические системы, т. е. как системы, способные к самопроизводству и самодостраиванию. Одно из развитых ими представлений непосредственно влилось в русло эпистемологического конструктивизма. Это – идея о том, что мозг представляет собой операционально замкнутую, информа-

ционно непроницаемую систему. Мозг есть в высокой степени самореференционная система, поэтому репрезентации окружающего мира обусловлены структурой когнитивной системы живого организма, а не объективными структурами окружающего мира. Когнитивная система автономна и определяется только своими собственными состояниями.

5. Ни одно знание не является единственным в своем роде. Конструктивизм обращает свои представления на самого себя и не считает свой путь разрешения теоретико-познавательных проблем единственно возможным. Он рассматривает свою позицию вероятным способом решения проблемы субъекта и объекта познания, познания и окружающего мира.

5. Конструктивизм и радикальный конструктивизм в эпистемологии

К сторонникам радикального конструктивизма обычно причисляют Эрнста фон Гласерсфельда (р. 1917), американского философа и когнитивного психолога австрийского происхождения и австрийского психотерапевта и автора оригинальной теории коммуникации Пауля Ватцлавика (р. 1921). Немецкая исследовательница конструктивизма Габриель Нойхойзер, например, считает, что фон Гласерсфельд представляет позицию радикального конструктивизма без всяких «если» и «но», со всеми его релятивистскими и солипсистскими следствиями, причем он чувствует себя по-настоящему признанным и польщенным, когда его теоретико-познавательный подход называют постэпистемологическим¹.

---

¹ *Neuhäuser G. Konstruktiver Realismus. Jean Piagets naturalistische Erkenntnistheorie. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2003. S. 125.*

Фон Гласерсфельд, по его собственным словам, задался целью провести «реконструкцию понятия знания»¹ и нашего представления о реальности. Радикально конструктивистски интерпретируя взгляды Ж. Пиаже, он формулирует три положения как основополагающие для своей концепции:

1. Знания приобретаются не пассивно через органы чувств или средства коммуникации. Знание активно строится познающим субъектом.

2. Познание выполняет адаптивную функцию в биологическом смысле этого слова, т. е. оно служит наилучшей подгонке к миру и поддерживает жизнеспособность. Знание служит для организации субъектом мира своего опыта, а не для открытия объективной онтологической реальности.

3. Истинным является то знание, которое поддерживает жизнеспособность организма, обеспечивает его выживание.

Эта замена понятия «истинность» понятием «жизнеспособность» является принципиальной. Меняется все традиционное представление о направленности и интенциональности познавательной деятельности субъекта. Субъект не столько изучает объект, сколько объект «позволяет себе подвергнуться изучению» (Пиаже). Не столько субъект воспринимает, осмысливает, словом – познает, объект, сколько объект «предоставляет возможности» (*principle of affordance*) быть воспринятым или невоспринятым субъектом, осмысленным или неосмысленным, познанным или непознанным (Найссер). И если наша теория оказалась истинной, то только потому, что объект позволил нам этого

---

¹ *Glassersfeld E. von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: Farmer Press, 1985.*

достичь: он содержал нечто аналогичное нашему действию. Познание как приспособление и жизнеобеспечение проистекает из внутреннего и глубинного сродства субъекта и объекта, из нелинейных связей их взаимной детерминации. Субъект и его когнитивные способности определены окружающим осваиваемым в его опыте миром как Umwelt. Субъект, а шире – живой организм вообще, есть порождение этого мира, его опыта; он встроен в него и выделен из него. Понятие окружающего мира (Umwelt) было введено еще в 1930-х годах блестящим, но практически неизвестным в России эстонским философом Якобом фон Икскулем¹.

Фон Глазерсфельд не соглашается с обвинениями в свой адрес в солипсизме, называя его абсурдным. Он поясняет, что следует принимать вводимые им конструктивистские принципы познания не как абсолютную истину, но только как рабочую гипотезу. Речь отнюдь не идет о солипсизме. Идет речь только о мире опыта познающего и действующего организма, а не о «внешней реальности»².

Живой организм – рыба, птица, собака или человек – приспособливается к окружающему миру, абстрагируя регулярности и устанавливая правила из накопленного опыта. Он ожидает, что определенные его действия дадут определенные ожидаемые результаты. Но в процессе действия возникают возмущения (ибо случайность лежит в основе бытия), и эти возмущения ведут к изменению либо сложившегося паттерна (правила, выведенного из опыта), либо конкретного действия *ad hoc*. Все это касается лишь

---

¹ Uexküll J. von. Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Frankfurt: Fischer, 1970 (Erste Auflage 1933).

² Glasersfeld E. von. An Exposition of Constructivism. Why Some Like it Radical. See personal web portal of E. von Glasersfeld.

опыта познающего и действующего организма, а не внешней реальности. Паттерны действия познающего организма могут и должны абстрагироваться из опыта, зависящего от операций различения и координации, которые может и должен выполнять организм. Радикальные конструктивисты концентрируют внимание именно на этом срезе реальности, который дает возможность познающему организму действовать именно таким образом.

Отличие конструктивизма от радикального конструктивизма состоит как раз в том, что если сторонники познания как деятельности и умеренного конструктивизма рассматривают органы чувств субъекта как «врата в мир», то радикальные конструктивисты акцентируют внимание на циклических и круговых отношениях между объектом и познающим субъектом, окружающим миром и живым организмом, который встроен в этот мир, осваивает и познает его. Оба компонента продуцируют сами себя и тем самым постоянно репродуцируют саму систему. Равновесие системы поддерживается гомеостатически, путем, прежде всего, отрицательных, но иногда и положительных, обратных связей, которые раскачивают систему, выводят ее из равновесия, чтобы вновь возвратить в него на ином уровне и с взаимно преобразованными компонентами. Перевод на иной режим функционирования через стадию большей или меньшей хаотизации и рассинхронизации процессов – путь продления «жизни» любых сложных организаций. Не отступишь назад – не выживешь. В этом суть самоподдержания, самодостраивания и саморазвития субъекта и объекта как целостной познавательной системы.

6. Конструктивизм Хайнца фон Фёрстера

Для всего течения конструктивистской эпистемологии Хайнц фон Фёрстер (1911–2002) является, пожалуй, цен-

тральной фигурой. Кроме того, он – видный представитель кибернетического движения, один из родоначальников кибернетики кибернетики, т. е. кибернетики как эпистемологии. Поэтому представляется целесообразным подробно разобрать его воззрения.

Х. фон Фёрстер родился в Вене в 1911 году, где прошли его студенческие годы и начальный этап исследовательской работы. На формирование его мировоззрения повлиял логический позитивизм, как он развивался в 1920–1930-е годы представителями Венского кружка. Лекции Р. Карнапа и Г. Рейхенбаха он слушал в университете. Л. Витгенштейн был другом его семьи и даже дальним родственником (двоюродный брат Хайнца был племянником Витгенштейна). Естественно поэтому, что ставшие впоследствии классическими положения Людвига Витгенштейна, типа «границы моего мира есть границы моего языка», глубоко западали в душу юного Хайнца. А в них был и релятивизм, и элементы солипсизма: как же так, онтологические границы определяются языковыми границами говорящего, а говорят все по-своему? и вообще, как мы описываем свои описания? как мы можем думать о своих мыслях? «Логико-философский трактат» Хайнц выучил почти наизусть.

Хайнц фон Фёрстер был разносторонней личностью, с юных лет разбиравшейся в живописи, музыке, танце. На его мировоззрение повлиял и новый стиль в живописи *Jugendstil* (*Art Nouveau*): работы Эгона Шиле, Рене Магритта, Маурица Эшера. Гравюры и литографии последнего являются излюбленными примерами художественного изображения сложных структур хаоса и фракталов, приводимых в научных трудах по теории хаоса, нелинейной динамике и синергетике.

В 1949 году фон Фёрстер эмигрировал в США, где в 1958 году основал легендарную биологическую компью-

терную лабораторию в Университете Иллинойса (Урбана), которую возглавлял вплоть до своего выхода на пенсию в 1976 году. Он сотрудничал с Уорреном МакКаллохом, У. Росс Эшби, Гордоном Паском, Умберто Матураной, Стеффордом Биром. Х. фон Фёрстер стоял у истоков создания теории самоорганизующихся систем, участвовал в конференциях по этой проблематике, начиная с самой первой, состоявшейся 5–6 мая 1959 года в Чикаго. Он ввел принцип «порядок через шум», известный нам от Ильи Пригожина как принцип «порядок из хаоса».

Исходя из идеи своего близкого коллеги, выдающегося нейрофизиолога и разработчика своего рода «экспериментальной эпистемологии» Уоррена МакКаллоха, что кибернетика представляет собой, по сути, теорию познания, Хайнц фон Фёрстер развил свою оригинальную теорию познания, основные представления которой сегодня вливаются в направление *эпистемологического конструктивизма*. Он был вовлечен МакКаллохом в движение Масийских конференций, которые организовывались под общей темой «Циклическая причинность и механизмы обратной связи». А поскольку фон Фёрстер был весьма ограничен в знаниях английского языка, с МакКаллохом он общался первоначально на языке математики.

Любопытно, что фон Фёрстер никогда не принимал этот ярлык «конструктивизм», который обычно прикрепляли к созданной им теории. Он старался избегать всякого навешивания ярлыков и опасался любой категоризации, ибо считал, что они подрывают всякую способность ясно и свободно мыслить. Он, напротив, придерживался убеждения, что кибернетика основывается на особого рода этической позиции и всемерно ее развивает: мы ответственны за наши мысли и действия, и наша подлинная свобода принимать решения проявляется тогда, когда вопрос является

«нерешаемым». Мыслить – значит не столько решать (т. е. «закрывать») вопросы, сколько, досконально обсудив, оставлять их открытыми, выводить на новые вопросы и вопросы вопросов, вполне в духе Сократа.

Фундаментальной идеей кибернетического мышления является идея цикличности, обратной связи, самоотнесенности, самоструктурирования. Ключевым словом в его трудах, судя по всему, является немецкое слово «*Eigen*», соответствующее английскому «*self*» или русскому «собственный», «само», «Я» (*eigenbehavior*, *eigenelement*, *eigenfunction*, *eigenprocess*, *eigenvalue*). Ни одна система не смогла бы выжить без способности поддерживать и воспроизводить свое собственное поведение и свою собственную организацию. В самоорганизации всегда есть момент цикличности: это, по сути, – организация организации. Сознание сознания есть самосознание, а понимание понимания есть самопонимание. Окружающий мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, является нашим изобретением. Вместо того чтобы беспокоиться о недоступной нам внешней реальности, разумнее сфокусировать внимание на мире, который мы строим в процессе взаимодействия и коммуникации с другими людьми, на мире нашего опыта.

Согласно фон Фёрстеру, всякое сказанное сказано наблюдателем (ибо нет наблюдения без наблюдателя). Описания всегда являются самоописаниями. А вопрос, который ставят, как правило уже содержит ответ, который может быть на него получен. Поэтому легитимными он признает лишь те вопросы, которые являются чистыми: для них не существует готового ответа. Фон Фёрстер перефразирует известное изречение Гераклита: «Человек не может войти в одну и ту же реку дважды», считающееся одним из первых наглядных представлений становления природного бытия. «“Человек не может видеть одно и то же лицо дважды”, –

говорит фон Фёрстер. – Однажды увиденное лицо невозможно увидеть снова, ибо оно – как и все иное – навсегда утрачено»¹. Меняется не только мир, но и человек с его когнитивными способностями; изменяя мир, человек изменяется сам.

В 1968 году один из коллег фон Фёрстера в университете Иллинойса предложил ему прочитать курс кибернетики как эвристики, стратегии решения математических проблем. Это логично привело его к разработке концепции кибернетики кибернетики, или кибернетики второго порядка, изложенной в книге «Кибернетика кибернетики», которая вышла в свет в 1974 году. Ведь кибернетика – это такая область научных исследований, которая, в отличие от традиционных дисциплинарных областей, обретает свойство самоприменимости: сама кибернетика является предметом исследований методами кибернетики. «Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир “там, вне нас”. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения»². В своем стремлении развить кибернетику второго порядка фон Фёрстер, без сомнения, был подвержен влиянию своего коллеги Гордона Паска, который первый предпринял попытку гуманитаризировать кибернетику, представить ее, скорее, как искусство, филосо-

---

¹ Foerster von H., Pörksen B. Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. S. 121.

² Foerster von H., Pörksen B. Op.cit. S. 114–115.

фию и стиль жизни, чем как науку об управлении и организации.

Согласно фон Фёрстеру, мы не отражаем, а изобретаем, конструируем мир. Мы не в состоянии узнать, какой является реальность. Мы по своей природе таковы, что постоянно вновь изобретаем, конструируем нашу реальность и наше настоящее. Поскольку мир есть наше изобретение, то каждый из нас когнитивно одинок¹ причем безнадежно. Ибо каждый из нас воспринимает и осмысливает мир в меру своих собственных когнитивных возможностей. Каждый осваивает, инактивирует для себя свой собственный мир, конструирует свою реальность. Поэтому понятие истины является настоящим хамелеоном в истории науки и философии, который окрашивается – в соответствии с позицией того, кто его использует – всегда в разные цвета. Поэтому цель познания – это сам процесс познания, подобно тому как танец возникает в процессе танца и включает в себе свою собственную цель. Правы буддисты, которые говорят, что «ты прокладываешь свой путь при движении по нему», ибо путь не есть нечто вечное и наперед заданное; путь возникает в момент движения, дорога прокладывается в ходе движения по ней. Конструктивная теория познания определяется любопытством человека к миру, она является учением о любопытстве (*Neugierologie*).

7. Конструктивизм Франсиско Варелы

Эта мировоззренческая позиция конструктивизма наложила заметный отпечаток на теоретические представления Варелы, который считал фон Фёрстера своим учителем, оказавшим на него огромное интеллектуальное влияние.

---

¹ См.: *Foerster von H., Pörksen B. Op.cit. S. 26.*

«Мое преклонение перед Хайнцом, – писал впоследствии Варела, – станет целой историей. Он был учителем, другом и вдохновителем на протяжении более чем 30 лет»¹. Стимулирующая, творческая коммуникация с фон Фёрстером продолжалась и в период создания теории аутопоэзиса – в 1970–1973 годах, – и в 1990-е годы, когда в фокусе научных интересов Варелы оказались проблемы когнитивной науки. Один из лейтмотивов его творчества – исследование биологической укорененности человеческого знания, встроенности познающего субъекта в окружение, ситуационности познания. Взять хотя бы классический пример когнитивной науки – категории цвета. Живые организмы живут фактически в разнообразных и не пересекающихся друг с другом хроматических мирах. Если голуби видят пять цветов, пчелы воспринимают мир в ультрафиолете, а мир человека полихроматичен (причем в разных языках число основных категорий цвета различно), то не имеет смысла задавать вопрос о том, каков цвет мира самого по себе.

Реальность мира не предана когнитивному агенту, и ее свойства не предзаданы; она возникает в результате поисковой активности когнитивного агента и в соответствии с его когнитивными возможностями. Это – предстоящая, грядущая реальность, *forthcoming reality*, как ее охарактеризовали Франсиско Варела и его учитель и старший коллега Умберто Матурана. Это – реальность, которая не столько открывается когнитивным субъектом, сколько изобретается, конструируется, создается им.

Позиция Франсиско Варелы такова, что мир не может быть охарактеризован посредством атрибутов, но только

---

¹ Varela F. J. The Early Days of Autopoiesis: Heinz and Chili // Systems Research. 1996. Vol. 13. № 3. P. 407–416.

посредством потенций, которые актуализируются в когнитивном действии и благодаря ему. Когнитивная активность нуждается в действии. Познание есть эпистемическое действие.

По словам Анри Бергсона, «наша мысль изначально связана с действием. Именно по форме действия был отлит наш интеллект»¹. Как один из лозунгов направления конструктивизма в теории познания часто используется тезис Жана Пиаже: «Разум организует мир, организуясь сам»². Пожалуй, стоит привести здесь также два императива, сформулированных Хайнцем фон Фёрстером: эстетический императив «Хочешь познать, научись действовать» и этический императив «Всегда действуй так, чтобы возникали новые возможности для выбора»³.

Неологизм «инактивированное познание» (*enactive cognition*) Варела ввел около 15 лет назад. Он несет в себе глубокий конструктивистский смысл и близок к употребляемым другими учеными понятиям «воплощенное/телесное/познание» (*embodied cognition*) и «ситуационное познание» (*situated cognition*), хотя сам Варела предпочитал использовать именно термин «инактивированное познание»⁴.

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С. 75.

² См. об этом: Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? / Hrsgb. von Paul Watzlawick. München: Piper, 1998. 10. Auflage. S. 23.

³ Foerster H. von. Das Konstruieren einer Wirklichkeit // Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? S. 60.

⁴ См. об этом подробнее: Князева Е. Н. Творческий путь Франсиско Варелы: от теории автопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 91–104.

Варела развивает в этой связи идеи Э. Гуссерля о «протенциях» – как бы устремленных в будущее динамических траекториях, которые задают характер когнитивной активности в настоящем. Он называет это «принципом шнурка» (*bootstrap principle*): если потянуть его за один конец, то через невидимое смещение множества петель другому концу передается приложенное натяжение. «Выражаясь метафорически, идущий и путь неразрывно и сущностно связаны друг с другом»¹. Протенции выражаются, в частности, в эмоциональной настроенности, аффективной тональности когнитивного субъекта, которая определяет векторную направленность и общую конфигурацию когнитивного акта («протенциальный ландшафт»).

Представление «познание через действие» имеет прямые следствия для обучения познающих существ, причем как человека, так и животных: «обучение через действия» (*learning by doing*). Важность движения для формирования нормального восприятия когнитивного существа показывает экспериментальные результаты исследования поведения животных. В одном из описанных Варелой опытов были выделены две группы котят: одни имели возможность активно двигаться по помещению, другие тоже передвигались вместе с ними, но в прицепленных к первым корзинках на колесиках, то есть пассивно. Через несколько недель была проведена контрольная проверка. Она показала, что котята из первой группы хорошо видели и хорошо ориентировались в ранее изученном пространстве, а котята из второй группы двигались в нем крайне неуверенно, уда-

---

¹ Varela F. J. The Specious Present: A Neurophenomenology of Time Consciousness // *Naturalizing Phenomenology. Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science* / Ed. by Jean Petitot, Francisco J. Varela et al. Stanford: Stanford University Press. 1997. P. 302.

рялись об углы и в целом вели себя почти как слепые, хотя в своих корзинках они наблюдали все то же самое, что и первые¹.

Согласно теории культурно-исторического развития психики Л. С. Выготского, разработанной им в 20–30-х годах XX века, оперирование материальными предметами, имеющее спонтанный, пробный, игровой характер, сыграло решающую роль в развитии у высших млекопитающих интеллекта как изобретательной, креативной функции мозга. Молодые собаки, кошки, как и человеческое дитя, в отличие от насекомых играют. Их «игра, сама являясь инстинктивной деятельностью, вместе с тем является упражнением других инстинктов, естественной школой молодого животного, его самовоспитанием или дрессировкой»². Играя, животные научаются находить обходные пути и устранять препятствия для реализации своих намерений.

Мир живого организма возникает вместе с его действием. Это – «инактивированный» мир. Не только познающий разум познает мир, но и процесс познания формирует разум, придает конфигурации его познавательной активности. Поэтому прав Франсиско Варела, утверждая, что «мир, который меня окружает, и то, что я делаю, чтобы обнаружить себя в этом мире, неразделимы. Познание есть активное участие, глубинная ко-детерминация того, что кажется внешним, и того, что кажется внутренним»³.

Познающий не столько отражает мир, сколько творит его. Он не просто открывает мир, срывает с него завесу та-

¹ Varela F. J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991; Cambridge: MIT Press, 1991. (7th printing 1999). P. 175.

² Выготский Л. С., Лурия А. Р. *Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок*. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 25.

³ Varela F. *Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement*. 1999. № 17. P. 8–9.

индивидуальности, проникает в его мистерию, но и отчасти изобретает его, вносит в мир что-то свое, конструирует что-то, пусть и наподобие природных устройств и форм или стихийных моторов (вихри водные или ветряные). Имеет место нелинейное взаимное действие субъекта познания и объекта его познания. Имеет место сложное сцепление прямых и обратных связей при их взаимодействии.

Сложность и нелинейность сопровождающих всякий акт познания обратных связей означает, по сути дела, то, что субъект и объект познания взаимно детерминируют друг друга, т. е. находятся в отношении ко-детерминации; они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творяются, изменяются в когнитивном действии и благодаря ему.

Наглядный образ такого рода циклической, взаимно полагающей связи дает нам известная картина Маурица Эшера «Рисующие руки» (1948). Правая рука рисует манжету с запонкой. Ее работа еще не закончена, а справа уже детально прорисована левая рука, рисующая манжету с запонкой, из которой выступает правая рисующая рука. Эти две руки взаимно рисуют друг друга, они взаимно полагают условия своего возникновения. Их взаимное определение выделяется на общем фоне рисунка и составляет некое единство, некое автономное действие, которое можно, пожалуй, назвать креативным кругом.

Подобным образом взаимно полагают и определяют друг друга субъект и объект познания, когнитивный агент и среда его активности. «Мы не можем выйти за пределы той области, которая определена возможностями нашего тела и нашей нервной системы, — отмечает Варела. — Не существует никакого иного мира кроме того, о котором мы узнаем через эти процессы, — через процессы, которые составляют нам данные и из которых мы устанавливаем, кто

мы есть. Мы находимся внутри некой когнитивной области, и мы не в состоянии выпрыгнуть из нее или установить, где она начинается и как мы ее обрели»¹. Таков замкнутый круг нашего познания. Мы крутимся в нем, как белки в колесе. Отношения субъекта и объекта познания строятся по принципу возвратности, взаимоотношенности, референтности. Это – отношения партисипации, соучастия.

Инактивация, вдействие человека в мир означает пробуждение мира в результате действий субъекта познания. А пробуждая мир, он пробуждается сам. Изменяя мир, он изменяется сам. Дорога не дана ищущему и познающему человеку *a priori*, она прокладывается в ходе продвижения по ней. Не только идущий прокладывает дорогу, но и дорога делает идущего. Пройдя этот путь, он превращается в другого человека.

8. Критика радикального конструктивизма.

**Умеренный конструктивизм
или конструктивистский реализм.
Не произвольное конструирование,
а ударение по клавишам возможного**

Критика радикального конструктивизма идет, с одной стороны, с позиции эволюционной эпистемологии, а с другой – с позиции нелинейной динамики и синергетики.

Рассмотрим сначала возражения приверженцев эволюционной эпистемологии. К. Лоренц и его ученики и после-

---

¹ Varela F. Der Kreative Zirkel. Skizzen zur Naturgeschichte der Rückbezüglichkeit // Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? München: Piper, 1998. S. 306.

дователи Р. Ридль, Э. Эзер, Г. Фолльмер и Ф. Вукетич показали, что познание и знание не есть результат произвольного конструирования мира. Это форма приспособления живого организма к окружающему миру, выработанная долгим эволюционным путем. Окружающий мир человека – так называемый мезокосм, мир средних размерностей, к которому он эволюционно приспособлен (Г. Фолльмер). Онтогенетически априорные категории являются филогенетически апостериорными, т. е. выработанными у живого организма, в том числе и у человека, в ходе его эволюции.

В самих когнитивных механизмах живых существ заложен вектор на максимально возможную очищенность результатов восприятия от привнесенных, в том числе и конкретно-телесных, факторов, а сознания – от произвольных, субъективных его конструкторов. Этот важный феномен подробно разобрал Конрад Лоренц, назвав его *объективацией*. Возможность объективации – это выход из бесконечного круга рекурсии и взаимной детерминации «субъект–объект». «Я описываю активность, обеспечивающую абстрагирование константных свойств реальности, посредством глагола “объективировать”, а ее продукты и результаты – существительного “объективация”»¹. Наглядный пример, который он приводит, касается тех же цветков с нектаром. Ведь для того чтобы высмотреть свою маленькую «посадочную площадку» при каком-нибудь чрезвычайно красочном закате или в хаосе цветных бликов под буйной сенью окружающих растений, пчеле нужно выделить исходный, нужный ей цвет, что она и делает с помощью сложного зрительного механизма.

---

¹ Лоренц К. По ту сторону зеркала // Эволюция. Язык. Познание / Под общей редакцией И. П. Меркулова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 44.

Позицию Лоренца можно суммировать следующим образом:

1. Объективация действует уже на уровне физиологических механизмов восприятия. Она имеет эволюционное происхождение и приспособительное значение, как, например, очищение от привнесенного света у пчелы, ищущей цветов с нектаром.

2. Объективация сыграла роль в эволюционном формировании понятийного мышления у человека. На это указывает Лоренц в «Обратной стороне зеркала». Механизмы объективации обеспечивают константность восприятия формы и размеров предмета, хотя угол зрения на него и расстояние до него меняются; восприятие формы и местонахождения вещи как постоянных ведет к возможности абстрагирования вещи от окружения, контекста, а последнее – к понятийному мышлению.

3. Объективация (вектор на объективированность) может пониматься как особый аттрактор (притягивающее состояние) в ходе синтетического, комплексного формирования механизмов восприятия у отдельного индивида.

Это можно пояснить на примере развития слепоглухонемых детей. Имеются, в частности, поразительные свидетельства многолетних наблюдений за развитием слепоглухонемых детей под руководством психологов школы Э. В. Ильенкова и В. В. Давыдова в Загорском интернате под Москвой. Казалось бы, одновременное отсутствие от рождения важнейших способностей восприятия и выражения вовне – зрения, слуха и речи – должно было бы приводить к формированию совершенно искаженной схемы восприятия и неадекватной картины мира. Грубо говоря, слепоглухонемые дети должны были бы развиваться в некие червеподобные существа, воспринимающие мир лишь че-

рез осязание, т. е. через трение о поверхность, вкусовые ощущения и обоняние.

Но опыт свидетельствует прямо о противоположном. У них, при соответствующей помощи воспитателя, закономерно формируется практически столь же полноценная и многогранная картина мира и способность понятийного мышления, как и у обычных людей. Это означает, что даже если формирование схем восприятия начинается у индивида с резкого отклонения и крайней скудости притока впечатлений, то вектор развития все равно переориентируется на максимально развернутую схему, созданную в ходе эволюции вида, подобно тому как росток из любых положений тянется к свету.

Равнозначны ли схемы восприятия различных животных, или среди них можно выделить низшие и высшие – синтезирующие, усваивающие на более высокой ступени другие? По всей видимости, такая эволюционная иерархия существует. Однако надо учитывать, что в схеме восприятия менее развитого животного вида остается все же нечто своеобразное, некий «экзотический» участок диапазона, который может быть утрачен на более развитой стадии.

Лоренц показал, что свойственное человеку объективированное восприятие пространства не дано ему а priori, как считал Кант, но и не является само собой разумеющимся для любых животных видов. Оно вырабатывалось долгим эволюционным путем. «Большинство рептилий, птиц и низших млекопитающих решает свои пространственные проблемы не так, как делаем это мы (т. е. не благодаря мгновенному учету чувственных данных), а посредством “заучивания наизусть”»¹, – писал Лоренц.

¹ Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание / Под ред. И. П. Меркулова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 32–33.

Лоренц приводит пример землеройки – похожего на мышь животного, поведение которого он специально изучал. Землеройка прорывает ходы в незнакомой подземной среде наугад, во всех возможных направлениях, и таким образом постепенно запоминает «устройство» своей среды. Но у землеройки нет ни стремления, ни способности найти кратчайший путь между двумя точками и, соответственно, нет представления о пространстве как о «пустой емкости», которую можно воспринимать вне зависимости от прежних передвижений и проделанных в ней ходов. Такое восприятие появляется уже у крыс и становится вполне развитым у обезьян.

Опыт показал, что стоит обезьяну всего один раз провезти мимо связки бананов, как, будучи потом выпущенной из клетки, она сразу по кратчайшему пути, и уже не видя связки, бросается к ней через заросли.

Однажды у Лоренца с любимым гусем (из числа тех, которых он во множестве держал у себя в сельском доме-лаборатории в Австрии) произошел такой случай. Гусь обычно получал корм на веранде третьего этажа, а потом ковылял на четвертый в свое постоянное обиталище. Таким образом, путь вверх у него прочно связался с непременным заходом на третий этаж. Потом Лоренц стал давать корм прямо на четвертом. Но гусь продолжал делать обязательный крюк на третий. Как-то Лоренц очень спешил и сверху торопил гуся: «Цип-цип-цип!» На площадке третьего этажа гусь пришел в страшное замешательство, не зная: то ли, как всегда, сделать крюк, без которого, как он считал, нет и пути вверх, то ли, нарушив все законы логики, сразу броситься на четвертый. Т. е. то ли сохранить неизблемыми прежние представления о пространстве, то ли покусать. Он выбрал второе. Так гусь сразу вырос над собой, скакнув по эволюционной когнитивной лестнице.

Пространство может и даже должно – в плане полноценного формирования психики – осваиваться двигательно, «наощупь». Но конечным и единообразным результатом такого освоения у развитых животных и у человека станет представление о пространстве как о среде, собственная топология которой не зависит от конкретных путей ее былого освоения.

Но и это лишь эмпирический, а не в полной мере объективированный результат познания пространства. Дальше путь способна указать только математика, вводящая представления о возможности более чем трех измерений, положительной или отрицательной кривизны, неравномерной топологии пространства и др. Эти свойства могут быть физически реальны, но для наших обычных живых тел они совершенно не ощутимы. Поэтому конечной остановкой, подобно лифту на самом верхнем жилом этаже, дальше которого идут только всякие запертые и недоступные технические закутки, можно условно признать ньютоновское представление о пространстве как о трехмерной, как бы прозрачной, пустой и равномерно распределенной среде.

В рамках концепции объективации можно предложить идею синтеза всех реально существующих у различных видов животных когнитивных схем освоения мира. Сам Лоренц говорил лишь о том, что ни одна из когнитивных схем не противоречит другой, а это доказывает реальность существования и онтологическое единство мира, единство «смотрящего», несмотря на огромное многообразие смотрящих. Но в этом направлении можно пойти и дальше. Как смесь всех возможных цветов видимого спектра дает белый цвет, так и подобный синтез дал бы искусственную, но предельно объективированную картину мира.

Речь идет об устремлении к некоему состоянию максимально очищенного, безличного восприятия, снимающего

в себе все возможные восприятия живых существ, – хотя реально «глаза Будды», зрящего на мир таким очищенным взглядом, и не существует, как не существует общечеловеческого лица, синтезированного из тысяч фотографий реальных человеческих лиц (и оказывающегося на поверку эталоном красоты).

Можно поставить задачу создания виртуальной познаваемой картины мира и в более частном виде: смоделировать на компьютере многочисленные точки зрения живых существ с их специфическими картинками мира и изучить поле пересечения или непересечения даваемых ими реальностей. В итоге можно будет, например, обнаружить, что одно существо просто не замечает другое, поскольку слишком велико или мало, слишком замедленно или быстро для физического контакта, глухо к издаваемым другим существом звукам или совсем слепо в пике его светового диапазона.

Конрад Лоренц говорил и об «обдуманной рациональной объективации», которая продолжает нерелективную физиологическую объективацию. Она, по нашему мнению, может выражаться в трех основных формах.

Во-первых, как сознательное стремление элиминировать привходящие в процесс восприятия факторы. Это есть как бы помощь не до конца срабатывающим физиологическим механизмам.

Во-вторых, как стремление к научной объективности; наука представляется как бы функцией коллективной, общечеловеческой тяги к объективированности.

В-третьих, как порыв духовного самосовершенствования. Здесь мы выходим на религиозный аспект проблемы, который, по нашему мнению, заслуживает интегрирования в общий свод поднятой проблематики. Телесной облеченности (embodiement) в этом отношении противостоит тяга

к «обестелесниванию» (disembodiment) как избавлению от замутняющих, отвлекающих и губительных влияний тела. Религиозный аскетизм, на наш взгляд, не есть какая-то блажь или экспериментирование с собственным телом, а отражение глубокой духовной и телесной потребности человека, вписывающейся в общий ряд феномена объективации и заслуживающей серьезного рассмотрения в этих рамках. Телесному подходу, взявшему установку (и справедливо) именно на введение тела в фокус анализа, надо учитывать данную потребность как весомый контрфактор.

С точки зрения философии синергетики конструктивистская, творческая деятельность человека имеет естественные ограничения в виде собственных путей эволюции сложных систем, спектров их структур-аттракторов, которые определяются внутренними свойствами самих сложных систем, самого окружающего мира. Не все, что угодно, можно осуществить, сконструировать, построить, а только то, что согласовано с внутренними тенденциями.

Синергетическое видение связи субъект–объект таково, что субъект познания с определенными установками и конструктами сознания конструирует окружающий природный и социальных мир отнюдь не наобум, а «ударяет по клавишам возможного». Игра не по клавишам – это либо хаотизация мира, либо оставление его нечувствительным, «равнодушным» к воздействиям, ибо они ниже его порога чувствительности или нерезонансны. Удары по клавишам – высечение новых форм, пробуждение мира к новой и его собственной жизни, спусковой механизм для начала процессов самоорганизации.

С позиции синергетики, теории автопоэзиса и концепции инактивированного познания может быть подвергнуто критике широко используемое и конструктивистами, и эво-

люционными эпистемологами представление об адаптации. Адаптация – это представление, занимающее центральное место в биологической теории эволюции и эволюционной эпистемологии, основанной преимущественно на использовании моделей биологической эволюции для понимания когнитивных способностей и функций человеческого существа. Считается, что в ходе эволюции организмы оптимально приспособились к окружающему миру, а одни биологические виды – к другим, так что каждый вид занял определенную, подходящую ему экологическую нишу, а все экологические ниши подогнаны друг к другу в царстве живой природы. Таким образом, имеет место не предустановленная гармония природы, о которой писал Лейбниц, а гармония природы, пост-установленная в ходе биологической эволюции.

Франсиско Варела внес в это представление важное дополнение. Логика эволюции является *не прескриптивной*, а *проскриптивной*. Тогда как основной тезис прескриптивной логики – «все, что не разрешено, запрещено», тезис проскриптивной логики иной: «разрешено все, что не запрещено». «В проскриптивном контексте естественный отбор можно считать действующим, но в ином смысле: отбор устраняет то, что несовместимо с выживанием и воспроизведением. Организмы и популяция предоставляют разнообразие; естественный отбор гарантирует только то, что все происходящее удовлетворяет двум основным требованиям: выживания и воспроизведения. Эта проскриптивная ориентация обращает наше внимание на потрясающее разнообразие биологических структур на всех уровнях»¹.

---

¹ Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cambridge: MIT Press, 1999. P. 195

«Плоть мира – это кладезь возможностей» (М. Мерло-Понти). Каждый живой организм черпает из огромного резервуара возможностей мира все то, что ему доступно, что отвечает его когнитивным способностям (способностям восприятия и мышления). Это соответствует духу новой концепции инактивированного познания: организм как когнитивный агент активно осваивает окружающую среду, он познает действуя. К тому же это вполне в духе синергетики: обусловленные внутренними свойствами открытых нелинейных сред наборы структур-аттракторов эволюции – это гигантский резервуар возможностей мира, скрытый, неявный мир, из которого реализуется, актуализируется всякий раз лишь одна определенная, резонансно возбужденная структура.

Когнитивные функции живого организма – это инструменты, которые служат для того, чтобы не просто приспособиться к миру, но попробовать этот мир, вдействовавшись в него: испытывая мир, он испытывает и самого себя. Живой организм как самоорганизующаяся система является дизайнером себя и своей среды (окружающего мира как *Umwelt*, по Иксюлю), но только в согласии и в сотрудничестве с актуализациями и потенциями окружающей среды.

ВАСЮКОВ В. Л.

ФОРМАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Онтологические обязательства языка научных теорий и теория предметной области

Научная теория полагает некоторые объекты своего внимания существующими; универсум подобных объектов образует онтологию этой теории. Обычно в этой связи говорят об онтологических допущениях языка теории. Такая ситуация кажется настолько естественной, что многие исследователи считают онтологические допущения обязательной функцией семантики языка научной теории, избавляющей их от анализа аспектов существования используемых объектов.

Однако в стандартной семантике какой-либо определенный модус существования вообще не фиксируется. Один из создателей логической семантики Альфред Тарский даже утверждал, что онтология как общая теория предметов вряд ли как-либо связана с семантикой. Действительно, семантика имеет дело с отношением наших утверждений к действительности, а онтология есть теория представления этой действительности. Поэтому, например, в семантической теории Тарского не предполагается, что в качестве объектов предметной области в логической семантике должны рассматриваться обязательно реально существующие предметы.

Таким образом, вопрос о взаимоотношениях структуры языка и онтологических допущений отнюдь не так прост и ясен, как это представляется с позиции «наивного реализма». Следует иметь в виду, что и структура мышления связана с допущениями о познаваемом. Это справедливо не только для естественных языков, но также и для искусственных; в частности, для языков логики, несмотря на то что они более просты, что их структура более прозрачна, и, принимая их, мы заведомо абстрагируемся от ряда моментов.

В этой связи В. А. Смирнов пишет, что еще Кант «...показал, что онтология как самостоятельная наука о бытии невозможна. Философия не может делать обоснованные утверждения о внешнем мире самом по себе. Означает ли это, что вся философия сводится к теории познания и логике, что все онтологические проблемы философии являются псевдопроблемами. На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Онтологические проблемы, несомненно, являются правомерными. Однако решаются они не в рамках натурфилософии и не методами, подобными естественно-научным, а путем анализа познавательных процедур и категориальной структуры мышления» [4, с. 132].

Принятие того или иного языка, той или иной логики вынуждает нас сделать определенные допущения об объектах, являющихся предметом нашего внимания и исследования. Необходимо установить связь между принимаемыми средствами выражения и рассуждения, с одной стороны, и допущениями об объектах рассуждения – с другой. Эта связь должна быть не просто описана, она должна быть четко сформулирована и обоснована. Отсюда становится очевидным, что конструирование искусственных языков и выяснение содержащихся в них онтологических допущений

ний является одним из главных средств изучения проблем онтологии.

Теоретическое освоение новых областей научной практики, расширение диапазона выразительных средств научной теории делает актуальным развитие концепции предметной области теории. Это влечет за собой обогащение последней новыми видами объектов и приводит к новому их структурированию; например, предметная область теории может включать в себя действительные, возможные и виртуальные индивиды. «Возможный» здесь означает «возможный относительно некоторой априорной теории», «мыслимый». «Виртуальный» же можно понимать как идеальный (абстрактный) объект типа бесконечности в обычной теории действительных чисел, бесконечно удаленной точки в проективной геометрии, виртуальных классов в теории множеств и т. п.

«Мыслимость» возможных объектов предметной области может означать истолкование возможных объектов как объектов нашего внимания – *интенциональных* объектов, на которые направлено наше сознание. В этом случае действительные объекты составляют подмножество интенциональных объектов; а с другой стороны, различные собрания индивидов, с дополнительной структурой или без нее, можно рассматривать как источник интенциональных состояний нашего сознания.

2. Формальная онтология

Для выяснения вопросов подобного рода приходится разрабатывать специальную теорию предметной области – *формальную онтологию*, в которой исследуются формальные структуры объектов и возможные отношения между ними.

Термином (и идеей) формальной онтологии мы обязаны Эдмунду Гуссерлю, который в своих «Логических исследованиях» (1900–1901) различает *формальную логику*, с одной стороны, и *формальную онтологию*, с другой. В то время как формальная логика имеет дело с взаимосвязями истинных утверждений теории, формальная онтология, по его мнению, должна иметь дело с взаимосвязями вещей, с объектами и свойствами, частями и целым, отношениями и совокупностями. Как формальная логика имеет дело с отношениями выводимости, которые применимы к выводам в силу лишь одной своей формы, так и формальная онтология имеет дело со структурами и отношениями, которые формальны в том смысле, что они экземплифицированы объектами всех материальных сфер или областей реальности.

Гуссерлевская формальная онтология восходит к дескриптивной психологии его учителя Франца Brentano, которая является, в сущности, дескриптивной онтологией сознания – онтологией ментальных структур. Дескриптивная онтология, согласно Brentano, должна дать точное знание структур и категорий ментальной жизни, а также обеспечить эпистемологически достоверные основания других разделов философии. Отсюда следует необходимость трехчленного деления дескриптивной онтологии на онтологию вещей, онтологию состояний дел и онтологию оценок.

Следующий шаг, сделанный учениками и последователями Brentano – в частности, Штумпфом, Марти, Твардовским, Мейнонгом, Эренфельсом и Гуссерлем, – заключался в перенесении подобной установки в иные области философии. Это позволило выйти за пределы чистой ментальности и иметь дело уже с некоторым видом дескриптивной *общей* онтологии. Как следствие, изменяется понятие

предмета; среди предметов теперь различают реальные и нереальные, возможные и невозможные. Так, например, у К. Твардовского предметом является «все, что представлено посредством представления, признано либо отброшено суждением, желаемо либо отвергаемо эмоциональной деятельностью» [5, с. 78].

Возвращаясь к Гуссерлю, следует обратить внимание на то обстоятельство, что сам основатель формальной онтологии в своих работах не использует какой-либо формальный аппарат в современном понимании смысла этого слова. Его исследования представляют собой, скорее, концептуальный анализ с целью выяснения интуитивных оснований и понятий для разработки систем формальной онтологии. Это позволяет современным исследователям развивать онтологическую типологию, не прибегая при этом к какому-либо формальному аппарату.

Так, например, Роберто Поли в монографии «Формальная онтология» [9, р. 42–43] приводит следующий перечень разновидностей формальной онтологии:

- онтология объектов и свойств (основывается на номинальной предикации);
- стратифицированная онтология (описывает мир в категориях зависимости);
- онтология событий;
- комбинаторная онтология (описывает универсум как композицию элементов и комбинацию элементов);
- трансформационная онтология (внешние и внутренние трансформации объектов);
- онтология ментальных конструкций (описывает ментальную активность непосредственного созерцания, не рассматривает «факты» внешнего мира).

Это, несомненно, пример далеко не исчерпывающей типологии, поскольку сам Р. Поли говорит о том, что возможны и другие типологии на основе иных принципов.

В то же время гуссерлевская формальная онтология основывается на мереологии, на теории зависимости и топологии. Его Третьи Логические Исследования озаглавлены «О теории целого и частей» и состоят из двух глав: «Разница между независимыми и зависимыми объектами» и «Мысли в отношении теории чистых форм целого и частей». Гуссерлевская теория не затрагивает того, что мы могли бы назвать вертикальными отношениями между частями и целым, когда первые охватывают, включают в себя второе. Скорее, гуссерлевская теория касается горизонтальных отношений между сосуществующими частями – отношений, которые придают единство или интегральность рассматриваемым целостностям. Имеется огромное разнообразие подобных побочных отношений зависимости, порождающих огромное многообразие типов целостности, которые неразличимы при стандартном подходе экстенсionalной мереологии.

Однако существует и не-гуссерлевская традиция в формальной онтологии, не основывающаяся на мереологии. В этом случае формальная онтология определяется как теория бытия с точки зрения формальной логики, т. е. теория бытия в рамках и на языке элементарных логических теорий. Главным сторонником данной позиции может считаться Нино Коккьярелла. Если считать, что каждая наука рассматривает свой специфический «способ существования», то не-гуссерлевская формальная онтология изучает различные формализации, относящиеся к систематической классификации всех «способов» или категорий существования в самом общем виде. Поскольку, согласно Куайну,

существовать – значит быть значением квантифицируемой переменной, то каждый «способ существования» определяет некоторый тип переменных, для которых синтаксическое правило их применения отражает онтологическое правило для данного «способа» существования [7, р. 29–30]. Тем самым формальная онтология изучает логические характеристики предикации, квантификации по переменным и различные теории универсалий.

Как это ни удивительно, обе разновидности формальной онтологии по большинству вопросов занимают сходные позиции. Само по себе это следует из того факта, что и теория множеств, и мереология, используемые для характеристики онтологических понятий, представляют собой конкурирующие системы в основаниях математики, решающие одни и те же вопросы.

Однако не следует переоценивать роль математических построений в формальной онтологии. В сущности, у формального онтолога всегда существуют три возможности:

1) воспользоваться классической первопорядковой логикой, описывая связи между предметами с помощью отношений и функций, т. е. использовать язык классической логики, согласуя его онтологические допущения с рассматриваемой онтологией, для описания онтологических построений;

2) разработать свою неклассическую логику, используя ее язык (со своими онтологическими допущениями, совпадающими с рассматриваемой онтологией) для описания онтологических построений;

3) отказаться от использования логических языков (и основанных на них математических структур) и разрабатывать свой чисто «формально-онтологический» язык.

Первая возможность эксплуатируется не только негуссерлевскими версиями формальной онтологии, но и гус-

серлевскими тоже, поскольку в этом случае вопрос заключается в том, как исследователь понимает различие между теорией множеств и мереологией. Поскольку существуют версии мереологии, основанные, как и теория множеств, на первопорядковой классической логике, то специфические оттенки соответствующей онтологии зависят от того, что положено в основу рассмотрения: соотношение «часть-целое» или «элемент-множество».

Третья возможность вначале была использована для построения языков онтологических диаграмм [см., например: 10], а в настоящее время используется при разработке языков программирования для систем искусственного интеллекта, когда приходится уделять внимание онтологическим допущениям разрабатываемого языка [8]. В этом случае приходится разделять специфические онтологические конструкции (онтология нижнего уровня) и общие онтологические построения, связанные с адаптацией искусственного языка к «человеческой природе» (онтология высшего уровня). Иными словами, системы искусственного интеллекта нуждаются в онтологии окружающего мира, в которой они встроены.

Классическим примером использования второй возможности является онтология Станислава Лесьневского, представляющая собой как логическую систему, так и систему формальной онтологии. Уникальность ситуации здесь связана с онтологическим смыслом связки «есть», подразумеваемым Лесьневским. По сути дела, теоремы онтологии Лесьневского – это некоторые онтологические положения, но в то же время это и чисто логические утверждения. Онтологию Лесьневского можно рассматривать как некий вид систем формальной онтологии, в которой характеристика онтологических понятий предполагает не теоре-

тико-множественные и не мереологические термины, но лишь термины исчисления имен (в терминологии Е. Слупецкого). Преимущество такой точки зрения, незаметное на первый взгляд, сказывается при расширении диапазона понятий онтологических объектов и отношений между ними.

3. Формальная феноменология

С провалами в парадигме формальной онтологии сталкиваются в том случае, когда уделяется внимание проблеме *представления* и его объекта, понятию *интенционального объекта* и подобным проблемам, связанным с расширением диапазона предметной области той или иной теории (особенно философской). И здесь вопрос стоит не об объектах сознания и объектах реальности, как это может показаться при поверхностном рассмотрении. Термины типа «формальная онтология ментальных конструкций» способны в этом случае дезориентировать в выборе направления исследования.

Следует принять во внимание то обстоятельство, что понятие *интенциональности*, необходимое для выяснения различия между возможными и мыслимыми объектами, ведет свое начало из феноменологии, так же как и понятие *представления* и связанный с ним ряд других понятий. Обращение к феноменологии в этом контексте носит не случайный характер: «независимый» анализ способен обернуться «изобретением велосипеда», если исследователь не отдает себе отчета в том, что принимаемый им понятийный аппарат давно уже (и гораздо лучше) разработан в рамках того или иного философского течения.

Требуемое в данном случае расширение парадигмы формальной онтологии можно более точно охарактеризовать термином Ж.-П. Сартра *«феноменологическая онтология»* в соответствии с подзаголовком *«Эссе о феноменологической онтологии»*, который он дал своему фундаментальному труду *«Бытие и ничто»*. Отсюда представляется более естественным говорить о *«формальной феноменологии»*, принимая во внимание, что такое название с самого начала побуждает действовать с учетом вклада феноменологических идей в проводимые формально-онтологические исследования.

Формальная феноменология не призвана заменить собой, подменить или устранить «традиционную» феноменологию. Задача здесь совершенно иная. Формальная феноменология имеет своей целью создание нового раздела онтологических исследований, посвященного построению новых систем формальной онтологии, использующих идеи феноменологии. Это, скорее, отображение логической структуры феноменологических конструкций в новом для них языке – языке формальной онтологии.

Особенность такого отображения заключается в том, что фактически оно является переводом, который носит двухступенчатый характер: логическая структура (содержание) феноменологических концепций переводится вначале на неформальный язык содержательной семантики разрабатываемых исчислений. Последующая строгая синтаксическая передача этих концепций представляет собой некоторую «кодификацию» связей данной структуры с помощью формального языка. Ясно, что в подобной синтаксической формулировке система этих связей детерминирована законами нового языка и не всегда совпадает с исходной системой. Следует только принять во внимание, что

построенные таким образом системы имеют и свое чисто онтологическое (и логическое) значение, совершенно не объяснимое в первоначальных феноменологических рамках.

В книге В. Л. Васюкова «Формальная феноменология» [1] автором было показано, что система онтологии Лесьневского может быть расширена таким образом, чтобы включить в свою предметную область интенциональные объекты, превращаясь тем самым в систему формальной феноменологии. Подобное расширение предметной области позволяет, с одной стороны, рассматривать полученные системы как формальные языки с «феноменологическими» обязательствами, а с другой стороны, в силу особого места, занимаемого онтологией Лесьневского среди систем формальной онтологии, – как представляющие собой феноменологическую теорию, утверждения которой описывают некоторые положения феноменологии. Очевидным образом интуитивное содержание используемых при этом объектных операторов определяется принимаемыми положениями той или иной феноменологической теории, позволяя говорить о некоторой формальной экспликации содержащихся в них идей.

Возникающая здесь коллизия связана с известной точкой зрения, согласно которой проект феноменологии рассматривался Гуссерлем как иной тип знания, принципиально не формализуемый. Часто в этой связи напоминают высказывание Гуссерля: «...дедуктивная теоретизация в феноменологии исключена» [2, с. 157]. Однако продолжение цитируемой фразы у Гуссерля выглядит следующим образом: «Но *косвенные* заключения в ней прямо не запрещены; поскольку, однако, выводы феноменологии должны быть дескриптивными, чисто приспособленными к имма-

нентной сфере, то умозаключения и всякого рода лишённые наглядной зримости приёмы обладают в феноменологии лишь методическим значением, то есть они должны вести нас навстречу тому, что движущееся следом прямое созерцание сущности должно превратить в данность». Как видим, сам Гуссерль далеко не считал императивом свое утверждение относительно природы метода феноменологии; скорее всего – это попытка обоснования параллельности двух методов. На связь логики и феноменологии у Гуссерля указывал ещё его ученик, русский философ Г. Г. Шпет, по мнению которого «феноменология должна не только следовать логике, она постоянно имеет дело с теми же предметами, что и логика, она постоянно образует понятия, суждения, выводы...» [6, с. 70].

4. Интерсубъективная формальная феноменология: концептуальный анализ

Среди различных феноменологических расширений онтологии Лесьневского имеется и система интерсубъективной формальной феноменологии, эксплицирующая некоторые интерсубъективные аспекты философии Гуссерля. Как известно, последний в своих «Картезианских размышлениях» вводит понятие ориентированного конституирования, начинающегося с некоторого субъекта как «нулевого элемента». При этом Гуссерль редуцирует проблему интерсубъективного взаимодействия к доказательству параллельного существования многих трансцендентальных субъектов. Гуссерль принимает как само собой разумеющееся, что первичные субъекты, будучи связанными друг с другом, образуют некоторую трансцендентальную очевид-

ность. Он отождествляет связи между трансцендентальными субъектами с когнитивными отношениями, упраздняя бытие конкретно существующих объектов, имеющее место в мире идеальных сущностей.

Попытка Гуссерля доказать, что присутствие *других* является необходимым и достаточным значением объективности вещей, была подвергнута критике Ж.-П. Сартром в его книге «Эссе о трансцендентальности Эго» [11], который, в частности, подвергает сомнению неаприорный характер подобного присутствия. Сартр пишет, что при всех ее достоинствах теория Гуссерля не кажется сильно отличающейся от теории Канта. Когда Гуссерль утверждает, что сообщество монад конституирует один и тот же самый мир, он, в сущности, всего лишь повторяет то, что осуществляет кантовский «чистый разум», наделенный априорной одаренностью и проявляющий себя в трансцендентных объектах и, фактически, в конституировании имманентного мира.

По мнению Сартра, все дело в недостаточной радикальности Гуссерля, находящегося в плену обычного, кажущегося очевидным взгляда, что *Я* (Эго) живет в сознании, как в собственном доме. Все, что здесь требовалось, – это демонстрация того, что Эго ни формально, ни материально не находится внутри сознания, но существует в окружающем мире лишь вместе с другими Эго.

Более радикальную и существенную перестройку структуры онтологии Ж.-П. Сартр предлагает в «Бытии и Ничто» (1943) – его главном философском труде. Ключевым здесь является противопоставление категорий бытия-для-себя (*pour-soi*) и бытия-в-себе (*en-soi*), и введение категории бытие-для-другого (*pour autrui*). Бытие-для-другого обнаруживает себя, когда бытие-для-себя сталкивается с

другим субъектом, другой свободой. Сартровская главная идея заключается в том, что появление Другого просто вносит иной аспект в само собственное бытие бытия-для-себя. С возникновением Другого, другого бытия-для-себя, характеризуемого свободой, я обнаруживаю новое и до сих пор скрытое измерение меня самого: *бытие объектом для другого*.

Для Сартра традиционная проблема существования других сознаний не возникает, поскольку бытие-для-себя несет свое объективированное бытие-для-себя в его собственном бытии, что, в свою очередь, предполагает существование Другого. Таким образом, вопрос «откуда мы знаем о существовании Другого?» в лучшем случае имеет второстепенную важность, поскольку мое собственное бытие несет Другого в самой своей конституции.

Чтобы описать круговой характер отношения бытия-для-себя к Другому, Сартр прибегает к языку объяснений в терминах любви, желания и ненависти. На первый взгляд кажется, что этот язык невозможно адаптировать для целей формальной феноменологии. Однако напомним, что формальная феноменология и не ставит перед собой такую задачу: ее интересует лишь отображение логической структуры феноменологических конструкций в новом для них языке – языке формальной онтологии. Необходимо построить модель общей логической структуры аргументации, используемой Сартром при построении своей философской концепции, поэтому в качестве первого шага можно попробовать описать отношение бытия-для-себя к Другому с точки зрения его логической (формальной) структуры. Попытаемся с этой целью передать отношения между бытием-для-себя и бытием-для-другого в терминах отношения «теория-метатеория».

С этой точки зрения, история отношения бытия-для-себя к Другому подобна этапам эволюции некой теории: чем более разработана теория, тем сильнее она терпит неудачу при попытке определить истинность сложных теоретических высказываний. Хорошо известная схема метатеоретического определения истинности Тарского вводит понятие метатеории (Другого) как метода обоснования нашей теории, но, к сожалению, возникает неясность: должна ли метатеория полностью быть подобна теории? Теперь теория постоянно находится под следящим взглядом метатеории и все проекты, имеющие дело с теорией, должны иметь дело и с метатеорией. Отсюда свобода метатеории, ее самодостаточность, полностью детерминируется обоснованием теории, ее бытием.

Ситуация становится обратной: свобода метатеории подвергает угрозе бытие теории, теория в некотором смысле становится пассивной. Проект сохранения независимости и активности теории теперь может быть реализован только при условии ограничения возможностей метатеории и более тесной связи между ними обеими. Парадоксальность ситуации немедленно побуждает теорию предлагать на обозрение метатеории все более сложные и глобальные теоретические утверждения. Теории требуется предложить саму себя как принципиально непревосходимую.

В этом смысле мы бесконечно переходим от Другого-субъекта к Другому-объекту, и наоборот. А это детерминирует отношение к Другому. Эта странная нестабильность ситуации порождает специфическое понятие описательной неполноты, которую мы ощущаем как недостаток теории. Чтобы преодолеть подобное положение дел, можно попытаться осуществить другой проект, сводящийся к тому, что, придерживаясь осторожной позиции по данному вопросу, мы тем не менее допускаем некоторую независимость ме-

татеории. Последняя, в свою очередь, теперь становится просто все более и более независимой теорией и, как следствие, нуждается в некоторой метатеории как в методе определения истинности теоретических предложений.

Но подобное решение означает признание неудачи, ибо, в сущности, проект был нацелен на отмену статуса метатеории как другой теории («Сознания»). И даже если бы он преуспел, т. е. если бы метатеория превратилась бы в просто теорию, то он потерпел бы неудачу, пытаясь уничтожить подобное положение в прошлом. История повторяется вновь как иллюстрация кругового характера отношения бытия-для-себя к Другому.

Если суммировать наиболее интересные для формальной феноменологии построения моменты в вышеприведенном изложении, то результат выглядит следующим образом:

1) согласно Сартру, существуют другие сознания в форме бытия-для-другого;

2) Другой смотрит на меня, он знает, кто я такой;

3) мой проект моего воссоздания меня самого является проектом обладания Другим;

4) отношение бытия-для-себя к другому носит круговой характер, в частности постоянно повторяющийся (в терминах Сартра оно может быть описано с помощью понятий любви, желания и ненависти; согласно вышеприведенной экспликации, мы говорим об отношениях теория-метатеория-другие-теории).

5. Интерсубъективность и распределенные представления

Следующий очевидный шаг заключается в еще более формальном и абстрактном описании взаимодействия меня

и Других, исходя из рассмотренных аспектов «сартреанской» феноменологической онтологии. Именно сартреанской, а не сартровской, поскольку диапазон описания гораздо уже сартровского: это, скорее, феноменологическая онтология в стиле Сартра. Поэтому, принимая пункты 1–4 в качестве исходных онтологических постулатов для дальнейшего исследования, следует учитывать их явную недостаточность, вызванную чрезмерной глобальностью. И, скорее всего, метафора «теория-метатеория-другие-теории» тоже является далеко не лучшим способом описания взаимодействия между сознаниями.

На помощь приходит то обстоятельство, что еще в «Эссе о трансцендентности Эго» Сартр говорил об интуитивном приближении через другие сознания, интуитивном «усвоении» с помощью других сознаний. Следовательно, стоит попытаться дополнить интерпретацию взаимоотношения между сознаниями путем использования другой точки зрения, которая была бы более близка к сартровскому пониманию феноменологической интерсубъективности. Иными словами, не сосредоточиваясь на проблеме возникновения других сознаний (считая этот вопрос в определенной степени проясненным), следует уделить главное внимание проблеме взаимодействия этих других сознаний между собой.

В книге «Формальная феноменология» [1] автором было предложено для решения подобных вопросов прибегнуть к аналогии с так называемой зависимостью полаганий в распределенных окружениях [12], где агент может принимать чужие полагания в качестве своих. Понятие зависимости полагания может рассматриваться как интуитивное расширение понятия осознания, которое в общем слу-

чае вводится в системах знания и полаганий. Что касается распределенного окружения, то распределенные системы обычно состоят из совокупности агентов, которые связаны между собой коммуникационной сетью.

Все пределы аналогии также очевидны: агентами в распределенных системах могут быть процессы, люди или роботы, в то время как нам следует говорить строго о сознаниях (разумах). Более того, теперь вместо полаганий мы должны говорить о нозмах и интенциональных объектах, об объектах в некотором субъективном мире, т. е. в некотором сознании (разуме), потому что целью остается сартреанская интерсубъективность, позволяющая описать взаимодействие сознаний в единых рамках. И здесь, несомненно, потребуется гораздо более содержательное и семантическое рассмотрение, для того чтобы полностью довести до конца предлагаемую аналогию.

Начнем с понятия «объект» коммуникации. В распределенном окружении агенты передают свои знания, или полагания, другим агентам, и это означает, что в подобном распределенном окружении некоторые агенты могут принимать другие знания, или полагания, как свои собственные знания, или полагания. В нашем случае сартреанское «распределенное окружение», по-видимому, будет конституировано «Другими-бытиями» вместе с бытием-для-себя, и отсюда немедленно возникает проблема интерсубъективной коммуникации. Лучшим способом разрешения затруднения было бы допустить *представления*, играющие роль полаганий, ибо они подразумевают равноценную картину зависимости представлений. Подобное положение дел кажется находящимся в согласии с сартровским интуитивным приближением через другие сознания, особенно если

напомнить, что Мой проект воссоздания себя-во-мне-самом является проектом обладания Другим, одновременно сохраняющим Другого как Другого. Отсюда следует говорить об обладании другими представлениями по отношению к зависимости представлений при условии зависимости представлений в сартровском распределенном окружении, и это будет именно тот смысл, который приобретает понятие коммуникации.

Предположим, что мы рассматриваем распределенную систему, которая состоит из некоторого количества субъектов, и имеется некоторое множество объектов (представлений), о которых мы хотели бы порассуждать. Скорее всего, следует предположить, что каждому субъекту доступно лишь некоторое количество (а не все множество) представлений, что и будет определять их интенциональные состояния сознания. Поэтому можно принять, что каждый объект воспринимается в некотором интенциональном состоянии сознания некоторого субъекта, если мы находим его в данном множестве представлений об объектах, принадлежащих сознанию некоторого субъекта. При этом следует ожидать, что некоторые представления будут существовать во всех состояниях сознания (значимые представления) и во всех состояниях сознания всех субъектов. Более того, следует ожидать, что интенциональные состояния одного и того же субъекта связаны между собой некоторыми отношениями достижимости, и у субъекта в данном состоянии есть лишь нозма некоторого объекта, если у него не возникает представление об этом объекте ни в одном из состояний сознания, достижимом из данного.

Однако сразу же приходится принимать во внимание проблему «феноменологического всепредставления». Дело

в том, что молчаливо принимается, будто для субъектов допускается такой диапазон понимания (воображения), при котором они имеют в сознании представление о всех значимых объектах и всех их булевых комбинациях (если субъект воспринимает x и воспринимает y , то он воспринимает « x и y » и т. д.). Но трудно поверить, что наши субъекты обладают настолько мощным воображением.

Чтобы обеспечить более реалистическую картину, следует предложить такое решение, когда на метауровне можно решить, какой из объектов предполагается воспринимаемым субъектом. Тогда следует рассматривать формальную феноменологию общего «восприятия» и ввести различие между эксплицитным и обыкновенным восприятием, употребляя соответствующие операторы для описания этой разницы.

В распределенных системах с n агентами (процессами или персонами), если агент i принимает формулу ϕ , которую полагает агент j как свое собственное полагание, то это, по-видимому, означает, что агент i думает, будто агент j является его советчиком по поводу ϕ [12, р. 7]. Соответственно в сартреанских системах с n субъектами, если субъект i имеет представление объекта x , который воспринимается субъектом j как его собственное представление, то это означает, что субъект i думает, будто субъект j является его реципиентом, информатором о x . К несчастью, существует ситуация, когда субъект может иметь два или более заслуживающих доверия реципиента специального объекта, но эти представления заслуживающих доверия реципиентов могут конфликтовать между собой.

Чтобы разобраться в том, кто из наиболее заслуживающих доверия реципиентов прав по поводу объекта x , до-

пускаем, что проблема уже решена на метауровне, и это приводит к значительному упрощению структур зависимости. Тогда можно ввести в рассмотрение функцию, определяющую для каждого субъекта, какой субъект будет наиболее заслуживать доверие реципиента и станет консультировать исходного субъекта о некотором объекте в определенном интенциональном состоянии сознания. В частности, такие субъекты могут совпадать, а это означает, что исходный субъект сам воспринимает рассматриваемый объект. Ясно, что для большинства объектов исходный субъект не знает, кто должен быть наиболее заслуживающим доверия реципиентом (включая его самого). Поэтому следует оговорить случай, когда никто не может быть реципиентом, т. е. в этом случае исходный субъект не имеет достоверных реципиентов рассматриваемого объекта, и даже сам не воспринимает этот объект. Интуитивно также ясно: следует учитывать, что порой исходный субъект зависит от представления рассматриваемого объекта некоторым другим субъектом в определенном интенциональном состоянии сознания, или, иначе, что некоторый субъект является заслуживающим доверия реципиентом рассматриваемого объекта для исходного субъекта в определенном интенциональном состоянии сознания.

Осознание представления объектов может быть интуитивно основано на некоторой функции зависимости. В этом случае исходный субъект осознает существование рассматриваемого объекта тогда и только тогда, когда исходный субъект сам воспринимает этот объект, или исходный субъект мог бы получить представление о данном объекте путем консультации у своего заслуживающего доверия реципиента о представлении этого объекта. По-видимому,

здесь не должно возникать никаких проблем с тем, что все это может иметь место, если исходный субъект может воспринимать объект сам. Помимо этого исходный субъект также может быть информированным, чтобы осознавать присутствие рассматриваемого объекта.

Далее, можно определить функцию осознания, основанную на функции о представлении. Мы можем также определить эксплицитное восприятие и можем расширить определение зависимости представлений на опосредованные представления, если представления могут быть транзитивными по субъектам. Когда возникает цепь зависимости по представлениям, то последний субъект в цепи зависимости представлений является тем, кто сам непосредственно воспринимает искомый объект.

Собственно говоря, вся эта картина и есть описание перевода на неформальный язык семантики построенной системы сартреанской формальной феноменологии. Дальнейший этап, согласно нашей схеме, носит более технический характер, заключающийся в построении синтаксической формулировки исчисления сартреанской формальной феноменологии. Детали этого проекта изложены в [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюков В. Л. Формальная феноменология. М.: Наука, 1999.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. М., 1999.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. М., 2000.
4. Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. М.: Наука, 1987.
5. Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997.

6. *Шнек Г. Г.*, Явление и смысл. М.: Гермес, 1914.

7. *Cocchiarella N.* Formal Ontology and the Foundations of Mathematics // *Bertran Russell. Philosophy* / G. Nakhikian (ed.). Duckworth. London, 1974. P. 29–46.

8. *Degen W., Heller B., Herre H., Smith B.* GOL: A General Ontological Language // <http://www.ontology.uni-leipzig.de>. 9. *Poli R.* Ontologia Formale. Genova: Marietti, 1992.

10. *Smith B. and Mulligan K.* Framework for Formal Ontology // *Topoi*. V. 2. 1983. P. 73–85.

11. *Sartre J.-P.* Essai sur la Transcendence de L'Ego. Paris, 1936.

12. *Zhisheng Huang.* Dependency of belief in distributed systems. ITLI Publication Series for Logic, Semantics and Philosophy of Language. LP-89-09. University of Amsterdam, 1989.

СМИРНОВА Н. М.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ¹

Устремленность к анализу социально-конструирующих свойств естественного языка – отличительная черта современной эпистемологии. Свойственные неклассической парадигме методологической рефлексии социальных наук представления о социально-конструирующих функциях языка восходят к концепции В. Гумбольдта. Согласно его представлениям, язык выступает подлинной субстанцией социальной жизни. Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми, грамматические и лексические формы которого задают определенный способ видения мира и модели социальных отношений. Взвалив на себя земные обязанности Абсолютного духа, язык обретает свойства социального конструктора, становясь активным участником «сотворения социального мира». Придание языку креативных свойств означало, что структура языка определяет предметное расчленение мира, а структурные и лексические характеристики языков отражают национальные различия в миросозерцании.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 2006–2008 № 06-06-80425а.

Но если естественные языки генерируют различные типы обыденного мирозерцания, а представление о структуре универсума детерминировано родным языком, то креативная роль в социальном конституировании реальности принадлежит языку, а не использующему язык человеку. Подобное гипостазирование языка свойственно основателю лингвистического позитивизма Б. Уорфу (B. Whorf) и его последователям. По их мнению, мы расчленяем, рассекаем мир по линиям, предписанным нашим родным языком: например, существительным соответствуют предметы, прилагательным – их свойства, глаголам – типы действия и т. д. И если в языке культурного сообщества отсутствуют, например, существительные (подобный случай описан в одном из рассказов Х. Борхеса), то в их картине мира предметы – это не более чем «сгущение» свойств и отношений («луна – небесное, ночное, круглое, светящееся...»).

Действительно, «опредмечивающая» (типизирующая) функция языка дана в самом факте языковой объективации. Будучи объективированным в языке, действие и его смысл могут быть постигнуты независимо от их индивидуального исполнения, а грамматические формы языка играют важную роль в онтогенетическом развитии человеческого мышления. Однако языковые формы все же не определяют этих представлений всецело. Лингвистический позитивизм в лице Б. Уорфа конституирует интенциональность без субъекта, т. е. фактически элиминирует творца и носителя языка. Социально-феноменологическая интерпретация языка, которая и будет предметом нашего дальнейшего анализа, исходит из противоположной, социально-антропологической презумпции. *Она исследует язык как опыт интерсубъективности, персональной идентификации и как*

средство трансляции социальных значений. И в исследовании языка социальная феноменология выходит на более глубокий, чем лингвистика, уровень анализа и задается вопросом, выходящим за пределы противостояния различных лингвистических концепций (например, структурной лингвистики, концепции «порождающих грамматик» или теории речевых актов). Предметом ее анализа является фундаментальный вопрос генезиса смыслов и роли смыслообразующей деятельности в персональной и социальной идентификации человека.

Язык как опыт интерсубъективности и персональной идентификации

Исходя из общих представлений, заданных феноменологической традицией, социальная феноменология рассматривает использование языка (*vernacular*) как особый пласт человеческого опыта. А. Шюц до определенных пределов разделяет основную идею В. Гумбольдта о социально-конструирующей природе естественного языка как опыта первичного структурирования мира, задающего тип пред-интерпретации реальности в грамматических и лексических формах. Но на этом сходство заканчивается. В отличие от субстанциалистских представлений В. Гумбольдта, полагавшего, что не человек овладевает языком, а «язык овладевает человеком», А. Шюц исходит из радикально индивидуалистической перспективы. Исходным пунктом его анализа языка становится уровень языковой практики отдельного индивида (как члена лингвистического сообщества) в повседневной жизни. При этом, в отличие от М. Вебера, полагавшего, что собственно социальное

действие всегда предполагает ориентацию на другого (а потому сочинение стихов и прочтение в одиночестве молитвы таковым и не являются), социальные феноменологи убеждены в том, что «трансцендирующая и интегрирующая сила языка сохраняется и тогда, когда я говорю сам с собою, а не с другим»¹. Именно в языке происходит «осаждение» (sedimentation) первичных социальных значений (Я, Другой, труд, семья и т. д.). В языковых же формах зафиксированы и исходные легитимации социального порядка (свое, чужое, можно, нельзя и т. д.). Язык конститутивен в отношении *символического универсума* (П. Бергер, Т. Лукман), который человек со времен Средневековья обжил едва ли не лучше природного. Именно в этом смысле язык есть «фабрика социальных значений», объединяющих людей в определенное культурное сообщество.

Действительно, естественный язык – неиссякаемый кладезь обыденных типизаций. Типизация, лежащая в основе опыта повседневной жизни, – это идентификация с тем, что «уже было», срывание покровов новизны и узнавание тождественности феномена с тем типом, к которому он «приписан». То, что однажды воспринято в его типичности, несет в себе открытый горизонт «опыта в возможности». Оно апеллирует к серии типичных характеристик, актуально не воспринимаемых, но антиципируемых. Актуальный опыт подтверждает или не подтверждает подобных ожиданий. Если подтверждает, содержание типа расширяется. Если нет, тип может быть разбит на подтипы. Но в любом случае он очерчивает горизонт ранее неизвестных типических характеристик, а каждое понятие обыденного языка содержит

---

¹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Anchor Books. N. Y., 1966. P. 39.

открытый горизонт неисследованного типического содержания. Подобные типизирующие структуры позволяют преодолевать своеобразие личного опыта и наводят мосты взаимопонимания в повседневной жизни.

Но язык не только позволяет превзойти уникальность личного опыта, но и закрепляет, стабилизирует его. Социально-феноменологический анализ языка как опыта персональной идентификации исходит из представления о нем как о фундаментальном средстве первичной рационализации рефлекслируемых переживаний. Язык очерчивает сферу доступного для осмысления и человеческой памяти. Чем ближе опыт переживаний к интимному ядру личности, тем труднее выразить его в языке. Наиболее интимные чувства (материнские, любовные), по М. Шелеру, и вовсе не выразимы в языке; они конституируют неподвластную самопостижению область «абсолютно личной собственности»¹. А. Шюц солидарен с М. Шелером в том, что пределы осмысленности человеческих переживаний совпадают с границами их вербализации: то, что не выразимо в языке, может быть прожито, пережито, но не наделено значением. Воплощая опыт рационального самопостижения, язык выступает важнейшим конститутивным средством обретения субъективной реальности.

Если объективная реальность поддерживается институционально, то субъективная реальность нуждается в ком-

---

¹ Понятие «абсолютно личной собственности» М. Шелера как сферы невербализируемых переживаний, без сомнения, отсылает к более фундаментальному понятию Э. Гуссерля «примордиальная сфера». Это та сфера сознания трансцендентального Его, из которой – посредством «редукции к сфере принадлежности» – элиминированы все атрибуты чужой субъективности, а собственное Его дано непосредственно. Примордиальная сфера выступает когнитивным основанием аналоговой апперцепции, т. е. феноменологического конституирования *Ater Ego*.

муникативной поддержке. В социально-феноменологической интерпретации естественный язык является не только средством обретения, но и инструментом поддержания субъективной реальности, – в той мере, в какой последняя имеет коммуникативную природу. Важнейшим средством коммуникативной поддержки субъективной реальности считаются повседневные беседы. Значение, которым наделяют человека значимые другие, постоянно убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает. Если же между ними нет согласия, возникает асимметрия между социально-идентифицирующим предписанием и субъективно-реальной идентичностью. Необходимую симметричность можно восстановить путем модификации поддерживающих субъективную реальность отношений (расширить круг друзей, уволить секретаршу, развестись с женой и т. д.). В высокомобильном и роледифференцированном обществе, убеждены П. Бергер и Т. Лукман, существует множество способов реорганизовать коммуникативную поддержку субъективной реальности¹.

Социально-феноменологическая концепция языка заимствует классическую (корреспондентскую) концепцию значений языковых знаков (конструкцию соответствия), но вводит в нее дополнительные идеализирующие допущения. Понятие соответствия в социально-феноменологической интерпретации опирается на гуссерлеву концепцию аналогизирующей апперцепции. Последняя постулирует способность сознания к интуитивному схватыванию смыслового сходства. Аналоговая апперцепция конституирует два различных по природе явления как смысловые единства, связаны они природными узами или нет. Когда же аппрезен-

---

¹ *Berger P. Luckmann T. The Social Construction of Reality. P. 151.*

тативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. Но на этом сходство с Э. Гуссерлем и заканчивается. Ибо все возможные формы социальности, по Э. Гуссерлю, в зародышевой форме коренятся в формах конститутивной активности трансцендентально чистого сознания Его, а конкретные формы такого «бытия в возможности» не представляют для него интереса. Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуационно-интеракционистский подход к значению. С этой точки зрения, устойчивое ядро референтных значений, зафиксированное в словарях, воплощает лишь *типизированный* опыт использования слова и не исчерпывает собою всей полноты его значения. Для адекватного понимания слова необходимо принять во внимание его ситуативные коннотации, выражающие личный опыт использующего его человека применительно к конкретной ситуации речевого общения¹. В отечественной литературе подобный взгляд на природу значения развивал А. Р. Лурия. «Значение» есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное «ядро» – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор вводит и другое понятие, обозначаемое терми-

¹ Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге: *Выготский Л. С. Мышление и речь*. 1934. В ней автор придает большее внимание объективному аспекту значения, свидетельствующему, по его мнению, о глубине отражения объективного мира.

ном «*смысл*». В отличие от «*значения*», под «*смыслом*» он понимает «*индивидуальное значение слова, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если “значение” слова является объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации*»¹. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего культурного сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека и к конкретной ситуации его использования. В социальной феноменологии этому различению соответствуют понятия объективного и субъективного аспектов значения. Последний коренится в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ситуативно обусловленными ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Эти «добавочные», маргинальные смыслы являются чем-то вроде ауры, окружающей ядро устоявшегося, «словарного» значения. Подобные эмерджентные смыслы содержат следы прошлого опыта человека, использующего слово, и нагружены лексически не выразимыми иррациональными импликациями. Эмерджентные смыслы можно выразить с помощью невербальных коммуникаций (взгляда, жеста, танца), положить на

---

¹ Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53. Подобную же двойственность отмечают и современные исследователи речевых практик. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – полагают Н. Н. Козлова и И. И. Сандомирская. В основе же этой антиномии, убеждены названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа». См.: Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.

музыку. На ауре маргинальных смыслов построена вся мировая поэзия. Но их нельзя деконтекстуализировать. Не существует установленных правил их выбора для всех ситуаций речевого взаимодействия, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»¹, – убежден Г. Гарфинкель. Использование любого слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его определением наличной ситуации. А. Шюц убежден в том, что язык каждый раз рождается заново в процессе его использования. Это значит, что устоявшееся словарное значение слова всегда испытывает определенные модификации в практике его употребления применительно к определенной ситуации речевого взаимодействия. Почерпнутые из коммуникативного опыта, эмерджентные смыслы обретают дополнительную «ситуативную» окраску применительно к каждому отдельному случаю их употребления. «Каждое слово значит ровно столько, сколько я хочу», – уверял Шалтай-Болтай, и в этом, как ни парадоксально, изрядная доля истины. Постулируя ситуационно-интеракционистский подход к значению языковых знаков, социальные феноменологи констатируют принципиальную множественность – «открытый горизонт» – их потенциально возможных интерпретаций.

Эмерджентные, «ситуативные» смыслы необходимо принять во внимание, чтобы достичь правильного понима-

---

¹ Garfinkel H. Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. L., 1986. P. 114.

ния речи. Ибо посредством ситуативных нюансов речи («игры слов») говорящий может донести до слушателя совсем иные смыслы, чем те, что составляют прямое (словарное) значение используемых им слов. Подобная ситуация с гениальной психологической тонкостью описана М. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». Римский прокуратор Понтий Пилат в беседе с начальником тайной стражи на словах предупреждает его о готовящемся покушении на Иуду и приказывает предотвратить его. Но с помощью тонких словесных ухищрений, намеков и ассоциаций прокуратор доносит до Афрания совсем иной приказ: убить Иуду. Рыцарь плаща и кинжала не сразу схватывает потаенный смысл Пилатова замысла. Чтобы донести до него подлинный смысл запретного приказа, Пилат осыпает его милостями. «Так убьют, игемон?» – восклицает прозревший, наконец, Афраний и отправляется исполнять тайное поручение. В своем отчете о содеянном он продолжает начатую прокуратором словесную игру. Прибегнув к помощи возлюбленной Иуды для того, чтобы заманить того в западню, он категорически отвергает предложенную Пилатом официальную версию убийства из ревности и с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как дерзости наемных убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника.

«Добавочные» смыслы необходимо принять во внимание не только для адекватного понимания повседневной разговорной речи, но и в научно-социологических исследованиях. Практика прикладных социологических исследований свидетельствует, что вербализация подразумеваемых смыслов существенно повышает репрезентативность со-

циологических опросов. Анализ, проведенный отечественными учеными, показывает, что если к вопросу «Предпочли бы Вы иметь работу, если бы это было возможным?» добавить «Или Вы предпочитаете заниматься своим домашним хозяйством?», разница в ответах достигает 50%. При этом, в случае введения уточняющей (подразумеваемой) альтернативы, количество неопределенных ответов резко падает (в данном случае – с 26% до 8%). Подобные исследования дают основание полагать, что мнение, согласно которому подразумеваемые (имплицитные) смыслы настолько очевидны, что не нуждаются в вербализации, ошибочно. Столь существенный разброс в статистических данных социологических опросов свидетельствует о необходимости упоминания в вопросе всех подразумеваемых смыслов¹.

Коннотации смыслов, сведенных воедино, образуют специфическую *схему выражения*. Ею овладевают лишь в процессе общения. Предполагается, что она может носить персональный характер, если «непроговоренные смыслы» имеют характер личностного знания; может определять культурное лицо членов определенной группы; наконец, она может быть присуща лингвистическому сообществу в целом. Но даже и в последнем случае схема выражения не может быть усвоена лишь из словаря и грамматики – приписывание «прямого» смысла словам идиоматического выражения ведет к бессмыслице. «Для того чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А. Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выру-

---

¹ См: Мосичев А. В. Влияние формулировки вопроса на результаты эмпирических социологических исследований // Методология и методы социологических исследований (Итоги работы поисковых проектов 1992–1996 гг.) М., 1996. С. 22–23.

гаться»¹. Экспрессивная и интерпретативная схемы языковых знаков постигаются лишь в живом опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

На уровне макроструктуры ситуативная детерминация значений означает необходимость специального исследования интерпретативных процедур как способов приписывания интересубъективных значений. Нормативные правила сами по себе не содержат инструкций по приписыванию значений окружающим объектам или событиям. Поэтому, «чтобы решить проблему формулировки всеобщих правил в определенном социальном контексте, – рассуждает А. Сикурел, – я использую понятие интерпретативных процедур как инвариантных свойств или принципов, которые позволяют приписать субъективное значение правилам, называемым социальными нормами»². Когнитивной психологии, убежден он, недостаточно для понимания процесса генерирования смысла социальной структуры. Она не раскрывает, как формулируются отдельные социально структурированные мысли, воспринимаются образы событий и объектов на основе более общих социальных правил и норм, т. е. не исследует *ситуативный базис значений*. Усвоение же языковых правил сходно с усвоением норм: и то, и другое предполагает умение интерпретировать. Ребенок должен учиться артикулировать общее правило или норму вместе с отдельным случаем их употребления. «Члены общества, – убежден А. Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение их окруже-

---

¹ Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. The Univ. Of Chicago Press, 1979. P. 98.

² Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973. P. 85.

нию, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»¹. В методологическом плане это означает, что универалистские претензии классического обществознания на открытие «всеобщих и необходимых законов» социальной жизни замещаются описанием «правил интерпретации». При этом любые интерпретации суть временные конвенции и могут быть приняты лишь до тех пор, пока не опровергнуты последующими интерпретациями. Социальная феноменология, таким образом, вносит свой вклад в разработку проблемы значения естественных языков, однако перспективы создания общей теории значения естественных языков и на сегодняшний день остаются неопределенными.

Язык как средство трансляции социальных значений

Неявной презумпцией классической науки была абсолютная смысловая прозрачность языка – непроблематизируемого посредника социальных взаимодействий. При этом полагалось само собой разумеющимся, что «идолов языка», способных вводить в заблуждение, легко растопить в лучах критики и просвещения. Методология неклассической науки обязывает учитывать воздействие средств и операций познания на познавательный образ объекта, колеблющее, в свою очередь, классический идеал объективности знания как «очищения» от операционально-ценностных контекстов человеческой деятельности. В ней нет места и абсолютному наблюдателю, взвешивающему на

---

¹ *Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973. P. 51.*

мир с позиции вневходимости. Рассматривая парадоксы самоописаний современных обществ, Н. Луман, например, подчеркивает, что в обществе нет социальной инстанции, гарантирующей достоверность социологического описания. «В обществе нет независимой позиции наблюдателя, единой инстанции наблюдения, – убежден он. – Ни классический “субъект”, ни “прогрессивный класс”, ни “научная объективность” уже не могут считаться гарантами достоверности высказываний»¹.

Социально-феноменологический анализ коммуникативной функции языка состоит в исследовании его способности транслировать социальные значения. При этом социальная феноменология отвергает неоправданно сильную идеализацию классического обществознания в репрезентации языка как неискажающего переносчика социальных значений – подобия светоносного эфира классического естествознания. Социальная феноменология настаивает на том, что *непрерывным условием адекватного восприятия речи является совпадение, по меньшей мере частичное, упомянутых выше схем выражения*. Совпадение схем выражения в просторечье означает, что оба «говорят об одном и том же» («на одном языке»). В ситуации лицом-к-лицу, где симптомы чужой субъективности максимально открыты, в этом, как правило, можно убедиться, наблюдая за выражением лица коммуникативного партнера. Говорящий интерпретирует реакцию партнера как гнев, отчаяние, безразличие *аппрезентативно*, т. е. на основании «эмпирически сходной манеры собственной телесной экспрессии». Однако для того, чтобы подобная интерпретация стала

---

¹ Луман Н. Наблюдения современности // Социологический журнал. 1991. № 1. С. 185.

возможной, использующий коммуникативные знаки должен ранее испытать сходные реакции на собственном опыте. Ибо наличие гуссерлевского «первого творения» (в данном случае – опыта собственного переживания) – неперемненное условие феноменологически понятой аппрезентации.

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации непрямых социальных взаимодействий. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру, использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением его лица и телесной экспрессией. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных контекстов значений в самом процессе языкового взаимодействия. Поэтому, чтобы быть правильно понятым, говорящий должен осуществить воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. осуществить антиципацию аппрезентативной и референциальной схем восприятия своего адресата – предугадать, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом, то использующий языковые знаки должен, по возможности, строго придерживаться их референтного, т. е. социально санкционированного, «словарного ядра» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, убеждены социальные феноменологи, тем более «объективно» следует использовать знаки.

Благодаря способности преодолевать ситуативную ограниченность, естественный язык в состоянии наводить мосты между различными пластами человеческого опыта – конечными областями значений (*finite province of meaning*). При этом естественный язык служит проводником из од-

ной конечной области значений в другую; например, из области грез, научного исследования или религиозного экстаза в сферу повседневной жизни. Можно, допустим, интерпретировать значение сна, выразив его содержание в обыденном языке повседневной жизни. С помощью языка можно связать эстетический и религиозный опыт, введя его образы в строй повседневного мышления. Наконец, формализованный язык науки основан на повседневном обыденном языке, и, как показывают безуспешные попытки логических позитивистов, создание особого «объектного» языка науки, не зависящего от естественного (т. е. решение проблемы демаркации), невозможно.

Исследование языковых ресурсов объективации личного опыта приобретает особую важность и в свете важнейшего методологического требования социальной феноменологии: постоянной экспликации предпосылок социального теоретика, почерпнутых из обыденного мышления. Презумпция погруженности социального теоретика в различные ансамбли языковых практик и, следовательно, не-свободы от социального опыта, обусловленного его социально-групповым положением, – отличительная черта методологической рефлексии неклассической науки. Сформулированный в рамках социальной феноменологии *постулат чистоты метода* предписывает трактовать как аналитически проблемную не только языковую деятельность как таковую, но и свою собственную практику использования языка как члена языкового сообщества¹. Это означает тре-

---

¹ Но процесс экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления, потенциально бесконечен, поскольку, как только такие значения обнаружены, допущения, сделанные в их анализе, также должны быть прояснены. В свою очередь, их экспликация заставляет делать дополнительные допущения, и так *ad infinitum* («парадокс беско-

бование достижения *практически достаточного* уровня рефлексии неявных предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления.

Исследования А. Шюца о практике речевого взаимодействия в повседневной жизни развивает представитель «поздней» социальной феноменологии А. Сикурел, также опирающийся на ситуационно-интеракционистский подход к значению¹. А. Сикурел подвергает критике нормативную установку, ориентирующую исследователя на то, чтобы ограничиться формулировкой всеобщих правил и оставить без внимания способы, посредством которых они «живут» в мыслях и действиях конкретных людей. Ведь правило зафиксировано в словесных предписаниях. В отличие от него, действие, в том числе речевое, носит спонтанный характер и детерминировано множеством жизненных обстоятельств, отсутствующих в формулировке правила. Действие лишь отчасти следует правилу. Между ними – неустранимый зазор, преодолеваемый личным усилием говорящего-действующего. А. Сикурел² обращает внимание на тот факт, что сами по себе всеобщие правила,

---

нечной триангуляции»). Чтобы избежать редукции в бесконечность, ученый должен удовлетвориться если не исчерпывающим, то *практически достаточным* объяснением. И до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми интерпретациями, пайденное объяснение должно быть временно принято. Экспликация собственных предпосылок, таким образом, является бесконечным процессом, поэтому социальный ученый должен осознавать, что его научные открытия являются временными, «предпосылочными» истинами, зависящими от путей познания и способов интерпретации.

¹ Из недавно опубликованных работ следует отметить: *Romaine S. Language in Society: Introduction to Sociolinguistics*. Oxford University Press, 1994.

² *Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction*. Penguin, 1973.

функционирующие в виде ценностей и норм, не содержат сведений о том, как их использовать на практике, т. е. применять в каждом отдельном случае. Подобное знание всегда контекстуально. Оно возникает в процессе социальных коммуникаций и содержит невербализируемые моменты, определяемые жестами, мимикой, телесной экспрессией говорящего. Словарные же значения, несмотря на их контекстуально-сенситивное происхождение, должны быть специально отобраны для решения определенной задачи речевого взаимодействия. В каждом конкретном случае они имеют значения *ad hoc*. Поэтому значения, содержащиеся в словарях, пригодны для решения конкретных практических задач лишь постольку, поскольку тот, кто их использует, руководствуется не логическими критериями выбора значений, но сам решает, какие именно черты коммуникативной ситуации оправдывают его лексический выбор.

Социальные феноменологи не были первыми, кто сформулировал подобные вопросы. Но они в полной мере осознали огромную важность этих проблем для современной эпистемологии. Практически в то же время подобные вопросы активно исследовал американский ученый и философ М. Полани¹. Изучая генезис личностного знания, он убедительно показал, что усвоение «максим» (правил) искусного действия само по себе не приводит к умению их использовать на практике. Ибо знания, зафиксированного

---

¹ Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. The University of Chicago Press. 1958. Corrected edition 1962; Сокр. пер. с англ.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985; Polanyi M. Tacit Knowing: Its Bearing on Some Problems of Philosophy // Reviews of Modern Physics. Vol. 34. № 4. October, 1962.

в норме, недостаточно для успешного исполнения действия. Между знанием нормы и знанием того, как использовать ее на практике, всегда существует «эпистемологический разрыв» (epistemological gap), преодолеваемый (в случае успешного действия) или не преодолеваемый личным усилием действующего, будь его действие телесным или вербальным. Ибо знать слова иностранного языка вовсе не означает знать, как их использовать в речевой практике. При этом знание того, как преодолеть подобный эпистемологический разрыв, в принципе не формализуемо. Оно является *личностным* в подлинном смысле слова, т. е. обретаемым в личном опыте индивида.

С другой стороны, проведенный М. Полани скрупулезный анализ личностного знания показывает, что и успешное действие отнюдь не всегда сопровождается знанием правил (максим) его осуществления. Например, пловцы и велосипедисты зачастую не могут внятно объяснить, за счет чего они сохраняют равновесие или держатся на плаву. Но даже если это и удастся, объективированного в языке знания недостаточно для не имеющего подобных навыков новичка, поскольку есть множество таких нюансов, отсутствующих в формулировках правила, которые необходимо учесть на практике. Так что, хотя знакомство с подобными правилами может оказаться полезным и облегчает обретение навыка, заключает М. Полани, само по себе знание максим не научает их использованию на практике. Личностное знание, основанное на индивидуальном опыте, не поддается прямой трансляции.

В научной практике сложность неартикулируемого перехода от общих установок к тому, как действовать в конкретной исследовательской ситуации, определяет значимость «невидимых колледжей» и научных школ. Именно в

них молодой ученый учится практически преодолевать подобный разрыв. Подражая своим учителям, он может обрести собственное личностное знание, но не может воспринять его в готовом виде. Приводимый М. Полани пример из истории науки свидетельствует о том, что в период освоения Нового Света щедро финансируемые американские университеты в области фундаментальных исследований сильно уступали обедневшим европейским – средоточию признанных научных школ.

Анализ личностного знания приобретает особую значимость для понимания искусного действия – виртуозного исполнения навыка. Горько смотреть, сокрушается автор «Личностного знания», как вооруженные новейшей техникой специалисты тщетно пытаются достичь такого звучания скрипок, которого полуграмотные Страдивари и Гварнери добивались с помощью весьма примитивных инструментов. То, как использовать методики для осуществления виртуозного действия, заключает М. Полани, не выразимо и всегда остается предметом искусства – умения личностным усилием преодолеть разрыв между ограниченным набором правил и бесконечным множеством нюансов конкретной ситуации, которые отсутствуют в описании данного правила, но которые необходимо учесть на практике.

М. Полани убежден в том, что сказанное об использовании ручных инструментов справедливо и в отношении интеллектуальных орудий – человеческих понятий. Их формальное содержание, как правило, характеризуется сравнительно небольшим набором признаков в сравнении с неисчерпаемостью характеристик конкретного объекта. Преодоление подобного разрыва достигается исключительно практикой использования этого понятия в различных контекстах, поскольку значение любого слова является

скорее контекстуально-ситуационным, чем конвенциональным. Невозможно освоить чужой язык лишь путем заучивания словарей. Невозможно научиться следовать социальным нормам, ограничившись знакомством лишь с их содержанием.

Расхождение же социальных феноменологов с М. Полани касается проблемы экспликации предпосылок научной деятельности. Автор «Личностного знания» убежден в том, что попытки эксплицировать предпосылки науки столь бессодержательны потому, что ученые «вживаются» в них, как в собственное тело. Знание предпосылок науки является неявным (*tacit*), периферическим, не выразимым в языке. Социальные же феноменологи, напротив, настаивают на том, что исследователь обязан сформулировать собственную систему допущений, которая позволяет достичь практически достаточной степени «чистоты метода» как условия методологической корректности научного исследования.

Этнометодологическая программа исследования речевых коммуникаций

В теоретической форме проблема ситуативного базиса значения в социальной феноменологии формулируется как проблема индексных выражений (указателей). Возникнув в истории логики, она притягивала к себе внимание всех крупных философов, так или иначе касавшихся проблем языка. Э. Гуссерль говорил о выражениях, чей смысл не мог быть постигнут слушателем без необходимого знания биографии и целей того, кто говорит, обстоятельств их произнесения, того, что говорилось ранее, специфики от-

ношений между говорящим и слушающим¹. Бертран Рассел указывал на описания, содержащие индексные выражения, употреблявшиеся в одном случае для указания на одну вещь, но в других случаях – на другие². Каждое исследование отсылает к определенной ситуации и персоне, времени, месту и указывает на нечто, не названное в словах. Их значение относительно к каждому отдельному случаю их употребления, которое, как заметил Нельсон Гудман, зависит от отношения говорящего к объекту, от времени и места их произнесения. «Время релевантно темпоральным индексным выражениям... Пространственные индексные выражения релевантны тому месту, где они произносятся»³. Индексные выражения содержат указатели либо эгологического характера (как правило, личные местоимения), либо указатели конкретной ситуации, понятной лишь для вовлеченного в нее («тот», «этот», «там», «здесь», «сейчас», «скоро», «завтра» и т. д.). Осмысленность таких выражений строго ограничена рамками ситуации их употребления, т. к. используемые в них указатели являются носителями эмерджентных смыслов *ad hoc*.

Индексные выражения – головная боль логиков и лингвистов. Их бесконечные методологические усилия направлены на исключение неопределенности индексных выражений, на устранение альтернативных смыслов. Ибо все, что может быть сказано, убежден Л. Витгенштейн, может быть сказано ясно. О том, что не может быть сказано ясно, следует молчать. Однако упорные методологические по-

¹ Mohanty C. N. Edmund Husserl's Theory of Meaning. The Hague. 1964. P. 77–80.

² Russell B. Inquiry into Meaning and Truth. L., 1940. P. 102–109.

³ Goodman N. The Structure of Appearance. Harvard Univ. Press, 1951. P. 290.

пытки заменить индексные выражения на объективные не имели успеха. Программное изучение формальных свойств естественных языков показало, что такое средство найти невозможно. Индексные выражения не устранимы не только из разговорного, но и из научного языка. Но социальная феноменология вносит свой вклад в исследование проблемы прояснения смыслов индексных выражений.

Исследование индексных выражений составляет особую ветвь «поздней» социальной феноменологии – этнометодологии. Фундаментальным основанием этнометодологии является метод участвующего наблюдения, методологические императивы которого детально разработаны А. Шюцем. Но термин «участие» относится здесь не к персоне, осуществляющей наблюдения, а к разговорному языку. Предполагается, что те, кто используют разговорный язык, вовлечены в объективное производство повседневного знания как наблюдаемого и подлежащего сообщению феномена. Но для получения объективного знания социальный ученый как член языкового сообщества обязан проблематизировать сам факт использования языка. Подобная проблематизация складывается из следующих вопросов: что позволяет говорящему и воспринимающему «слышать» естественный язык? что делает его наблюдаемым и подлежащим сообщению феноменом? наконец, что представляет собою сам феномен естественного языка?

Этнометодологическая программа родилась в 1972 году под влиянием идей Гарвея Сакса (Harvey Sacks) и Гарольда Гарфинкеля (Harold Garfinkel). Г. Сакс исходил из того, что та или иная форма социальных коммуникаций («социального порядка») продуцируется в процессе повседневного общения. Подобное общение осуществляется с помощью естественного языка. Поэтому практика интерпретации по-

вседневных бесед и является ключом к пониманию механизмов социальных коммуникаций. «Продуцирование локального социального порядка существует как линейный порядок практик беседы (conversational practieces), на котором основывались все предыдущие изучения, но упускавшие это из виду»¹. Г. Гарфинкель формулирует сходную задачу как необходимость исследовать «формальную структуру повседневной деятельности»². К числу сторонников этнометодологической программы, кроме упомянутых выше Г. Сакса и Г. Гарфинкеля, причисляют себя А. Сикурел (Cicourel Aaron), Мак-Эндрю (Mac-Andrew Crag), М. Поллнер (Pollner Melvin), Э. Роуз (Rose Edvard), Д. Циммерман (Zimmerman Don).

Перечисленных выше авторов объединяет убеждение в том, что для уяснения формальных структур повседневной деятельности необходимо знание индексных свойств естественного языка. Их интересуют, прежде всего, механизмы конституирования эмерджентных смыслов. Именно индексные свойства естественного языка способны прояснить связи между заведенным порядком повседневной рутины и рациональностью в повседневных практиках. Иными словами, исследование индексных выражений позволяет заглянуть в «плавильный тигель рациональности» (Б. Вальденфельдс). Но сам по себе индекс не обеспечивает рефлексивного конституирования. Например, приводимое Г. Гарфинкелем высказывание «Я в курсе дела» справедливо в отношении одной персоны, но может не быть таковым для другой. Его справедливость обусловлена временем

---

¹ Garfinkel H. Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. L., 1986. Introduction. P. VII.

² Ibid. P. 160.

высказывания, статусом персоны, а также кругом проблем, которыми он занимается. Чтобы уменьшить неопределенность этого выражения, можно заменить местоимение «Я» на имя, понятное всем, следует добавить дату, а также уточнить круг дел, которыми занимается «посвященный». Но ситуативная неопределенность, «относительность к случаю» полностью не устраняется. Ибо беседа носит чувственный характер. Она является частью отдельного взаимодействия, имеющего свои случайности, круг которых расширяется по мере ее продолжения.

Какой же шаг в исследовании индексных выражений предлагают сделать сторонники этнометодологической программы? Посредством анализа и сравнения повседневных разговоров они стремятся к реконструкции имплицитных смыслов – «фоновому знанию», продуцируемого в процессе повседневных взаимодействий. Задачей этнометодологии провозглашается *выговаривать умолчания*, – т. е. то содержание, которое принимается участниками речевого взаимодействия как «само собой разумеющееся». Без схватывания непроговоренных смыслов взаимное понимание немислимо. Но если факт взаимопонимания налицо, этнометодологу надлежит сформулировать содержание того неявного знания, которое делает его возможным. «Мы полагаем, – убежден Г. Гарфинкель, – что такого рода формулировки не только всегда присутствуют, но и осознаются как существенный конститутивный элемент беседы, в которой они продуцируются. Мы также предполагаем, что они поддаются трансляции и комментарию»¹.

Комментируя повседневные речевые взаимодействия, социальные феноменологи заключают такие формулировки

---

¹ Garfinkel H. Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. L., 1986. Introduction. P. 171.

в скобки. Использование скобок призвано напомнить, что практика истолкования является неотъемлемой частью процесса речевого взаимодействия. Содержание формулировки носит существенно контекстуальный характер. Неявное знание, неизбежно входящее в беседу, – контекстуальный феномен. Он не устраним. От него нет моратория, тайм-аута. Каков же механизм «формулировки»?

Идеалом этнометодологов, стремящихся эксплицировать «фоновое знание», является нахождение «простых речевых правил» (plain spoken rules) для обеспечения адекватного описания, адекватного объяснения, адекватной идентификации и анализа повседневных практических взаимодействий. И задачей «практической логики» является найти простое правило обеспечить дополнительной контекстуальной информацией каждое индексное выражение. Идеал подобного рода, равно как и любой идеал, не достижим. И сознавая неразрешимость проблемы индексов в общем виде, этнометодологи предлагают ограничиться «практически достаточным» для осуществления эмпирических описаний решением. Таким образом, «формулировки» предлагаются как способ, посредством которого социальные науки могли бы осуществлять более строгий анализ практических действий, адекватных всем практическим целям.

А. Сикурел убежден в том, что любое социальное взаимодействие можно понять, исходя из процесса лингвистической коммуникации. Поэтому для выявления структуры социальных взаимодействий он использует аппарат всеобщей семантики. Базисным социальным взаимодействием для него является определенная А. Шюцем в качестве фундаментальной ситуация лицом-к-лицу, но в ее лингвистическом измерении, а базовой моделью социальной комму-

никации – отношение «говорящий–слушающий» (speaker-hearer). Исходя из нее он определяет всеобщие принципы интерпретативных процедур, используемых в обыденной жизни. Подобные принципы включают в себя:

1. Взаимность перспектив (reciprocity of perspectives). Этот принцип постулирует, что ребенок должен учиться ориентироваться на партнера по коммуникации так, чтобы можно было предположить, что они разделяют одно и то же социальное окружение. Это предполагает, что каждый из участников взаимодействия будет обладать тем же опытом, если их поменять местами. Если не оговорено иначе, они могут не обращать внимания ни на какие различия в индивидуальном приписывании значений вещам и событиям. Фонетические, синтаксические и словарные знаки, которые используют участники социального взаимодействия, должны быть замкнуты на ограниченные контексты. Таким образом, участники полагают, что занимают стандартизованную ориентацию, воспринимают одну и ту же информацию и имеют одно и то же «самоочевидное» знание для обоих. Иными словами, оба участника принимают идеализацию взаимности разделяемого опыта и один и тот же принцип для приписывания значений и придания релевантности непосредственному окружению.

2. Нормативные формы (Normal Forms). Интерпретативная процедура, называемая «нормативные формы», основана на описанном выше принципе взаимности перспектив. Этот принцип учит ожидать (и требовать), чтобы каждый участник коммуникативной ситуации принуждал другого произносить узнаваемые и осмысленные звуки независимо от возможных разногласий. Взаимное понимание предполагает, что оба участника обладают сходными нормативными формами, принятыми в их культуре. Если

принцип взаимности перспектив учит участников речевого взаимодействия навязывать друг другу идеализированную взаимозаменяемость точек зрения и следовать одинаковым процедурам приписывания значений и принятию сходных систем релевантности, то принцип нормативных форм помогает устранять препятствия к общению: говорящий и слушающий будут пытаться *нормализовать* (т. е. свести к одной норме) возникающие несоответствия. Используя этот принцип снабжены общей и стандартизированной системой сигналов и кодов. Без них повседневное общение было бы невозможным, поскольку ничто не могло бы считаться известным и очевидным, и весь диалог приобрел бы черты бесконечного регресса в сомнениях.

3. Принцип «и так далее...» (*et cetera*). Он требует неразмышляющего следования изложенным выше принципам, не обращаясь к вопросу, какой консенсус по их поводу существует или необходим. Использование имплицитных правил невозможно до тех пор, пока эти принципы не становятся сами собой разумеющимися (*taken for granted*). Презумпция того, что участники повседневных взаимодействий оперируют одними и теми же принципами, «играют в одну и ту же игру», является решающей¹. Подобные процедуры, убежден А. Сикурел, достаточны для достижения понимания в повседневной жизни. Этнометоды, таким образом, воплощают «повседневную рациональность» – социально санкционированные способы поддержания привычных структур взаимодействия. Выговаривая «фоновое знание», этнометодология выявляет когнитивный фундамент любого социального взаимодействия, обеспечивающий принципиальную возможность взаимопонимания и коммуникации.

---

¹ *Cicourel A. Cognitive Sociology. P. 85–87.*

ШУЛЬГА Е. Н.

КОГНИТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Термин «герменевтика» – (*hermeneutikē*) – греческого происхождения и в буквальном смысле означает: *высказывать, излагать, переводить, разъяснять, истолковывать, объяснять*, т. е. доводить до понимания, делать понятными любые сообщения, наделенные смыслом. На первый взгляд кажется, что герменевтика имеет отношение непосредственно к языку, к речи, к коммуникации; она связана с умением правильно (грамотно) говорить и ясно излагать свои мысли, с умением понимать и избегать недоразумений. Действительно, герменевтика имеет отношение к разного рода сообщениям и коммуникативным актам, однако к таким, сложное содержание которых не всегда может быть понято однозначно. Сложные или неоднозначные сообщения часто нуждаются в дополнительном их истолковании и разъяснении. Эти сообщения могут быть переданы текстуально: выражены в устной речи, в словах, или изложены каким-то иным способом, но так, чтобы содержание и смысл «текста» – будь то простое изъяснение чьей-то воли, разъяснение какой-то сложной идеи, передача конкретной мысли или словесного символа – были понятными. Не случайно, по-видимому, и то, что первоначально под герменевтикой как «*hermeneutikē technē*» понимали искусство передачи и толкования скрытого содержания, заключенного в послании, в тексте или даже в иносказании.

Зародившись в Древней Греции как искусство истолкования устного (прежде всего, священного) слова, герменев-

тика формировала свой понятийный аппарат вместе с развитием всего греческого миропонимания, освященного такой формой философствования, которая объединяла в себе мифологическое и религиозное объяснение. При этом важно подчеркнуть, что первоначально античная герменевтика опиралась на так называемое жреческое знание, т. е. на знание, которое содержалось в высказываниях оракулов и пророков. Буквальный или иносказательный смысл этих высказываний часто нуждался в комментировании, поскольку сами оракулы и пророки никогда не использовали дополнительную аргументацию для того, чтобы объяснить смысл или разъяснить значение своих высказываний. Комментированием священных слов оракулов и их интерпретацией занимались *профеты* – особая группа жрецов, интеллектуальная элита храмового сообщества.

Другая особенность развития философской мысли в Древней Греции, также непосредственно связанная с выражением и донесением до понимания истинного смысла устного слова, – это устойчивая традиция философствования в форме диалога. Как следствие – особые требования ясности выражения мысли, последовательности развертывания идеи и, в конечном итоге, становление и развитие искусства аргументации, непосредственно связанное с опытом истолковательной деятельности.

Момент понимания, который сопутствует той или иной форме освоения действительности и любому уровню познания – через соотнесенность с языком, речью или, напротив, через умолчание или любую внеречевую форму передачи информации (жест, поза, звук, знак, символ), – этот момент понимания-озарения наличествует повсеместно, подтверждая тем самым универсальность процесса человеческого понимания. Это обстоятельство позволяет рассматривать герменевтику как некую универсальную дисциплину, нацеленную, в конечном итоге, на изучение про-

цесса понимания, а также всего того, что способствует преодолению любых форм непонимания. Конечно, надо учитывать, что предметная сфера применения герменевтики изменялась исторически в зависимости от контекста, традиции и области применения ее методологического аппарата. Философский смысл эволюции герменевтики можно выразить буквально несколькими словами: от искусства истолкования устного слова – к интерпретации текста, и от вспомогательной дисциплины, облегчающей понимание, – к теории понимания, рассматриваемой философской герменевтикой и развиваемой современной эпистемологией.

Истолкованию могут подлежать все творения и все проявления человеческой духовной деятельности – общественный, исторический и психический мир. В самом общем смысле речь идет о понимании творений человека – текста, культуры, а косвенно – и его самого. Многоаспектность выражения понимания, стремление к взаимопониманию и к правильной, адекватной оценке человеческой речи, текста, книги, социального поведения и т. д., требует герменевтической рефлексии над всем тем, что может быть понято и объяснено. В связи с этим возникает проблема: если понимание так повсеместно, а когнитивные перспективы герменевтического подхода кажутся бесконечными, то какие задачи не берет на себя герменевтика?

Действительно, герменевтика имеет отношение к пониманию и смыслу. Однако, во-первых, герменевтика не восполняет отсутствие у кого бы то ни было естественной способности понимать нечто.

Герменевтика не исправляет ложные философские принципы или превратные пристрастия; она даже не прибавляет нужной филологической, исторической или философской эрудиции.

Во-вторых, сама по себе герменевтика не исследует объективную истину писательских смыслов, которые

были установлены по ее канонам, – она не исследует, что истинно или ложно в этих текстах или этих концепциях, но лишь выявляет то, что писатель (историк, философ) намеревался сказать. Следовательно, герменевтическая истина может быть объективной ложью, если только написанное, подчиненное герменевтическим правилам, не было наделено прерогативой безошибочности.

Эти ограничения герменевтики примиряют ее с другими областями знания. Тем не менее мы не должны изначально относиться к герменевтике исключительно с точки зрения того, что выходит за границы ее эпистемологических возможностей, или заведомо принижать ее когнитивное значение. Никто, ведь, не станет порицать грамматику за то, что она не наделяет никого специальными лингвистическими способностями, или критиковать теорию музыки за то, что она не улучшает мелодию, которую сочиняет композитор.

После того как мы увидели, какие задачи не берет на себя герменевтика, следует уточнить ее предмет более определенным образом. Итак, герменевтика имеет соприкосновение со смыслом; она, так сказать, ищет смысл. Но не всякий смысл. Не просто смысл слов, содержащийся в языке, в обыденной речи или в предложении (например, буквальный смысл), но через понимание возвращает языку тот отчужденный смысл, о котором идет речь, и возвращает его, в частности, в форме иного текста, абсолютно понятного читателю и разъясняющего все внутренние неясности.

Осмысление текста с позиции герменевтического подхода никогда не начинается с нуля и не замыкается на бесконечность, – этот герменевтический опыт осмысления непрестанно продолжает выражать себя средствами языка и может быть понят как первооснова всей философской мысли. Поэтому предмет герменевтики касается понимания

смысла, выраженного автором рассматриваемой книги или текста, и тогда она (герменевтика) имеет дело со **множеством правил для нахождения и выражения истинного смысла** рассматриваемых (или интерпретируемых) текстов.

Универсальность герменевтического подхода (на которой я настаиваю) я вижу в том, что герменевтический аспект рассмотрения не ограничивается исключительно сферой соприкосновения с писательскими смыслами. Универсальность герменевтического подхода состоит в возможности методами герменевтики рассматривать и изучать проблематику, относящуюся к совокупности всего разумного. А это значит, что **сам разум, а также когнитивные особенности разумной мыслительной деятельности, могут находиться в центре внимания герменевтики, и такую герменевтику я называю когнитивной герменевтикой.**

Задача когнитивной герменевтики состоит в постижении внутренней (когнитивной) сущности познания, а значит – **в выявлении конкретных средств познания, в познании (распознавании) его скрытой методологии.** Поэтому когнитивная цель герменевтического подхода состоит в том, чтобы приблизиться к пониманию структуры знания, а также выявить внутренние механизмы процесса познания, соответствующие тому или иному уровню знания.

Следует еще раз подчеркнуть, что герменевтика (классическая) устанавливает правила истолкования всевозможного рода текстов и словесных символов. Цель герменевтики как вспомогательной дисциплины состоит в опознании достоверного содержания и смысла письменных источников (особенно, древних). Практическое приложение принципов и правил классической герменевтики по отношению к текстам, т. е. само их истолкование, называется *экзегезисом*. Первый, но еще слабо выраженный сис-

тематический вид герменевтики зарождается в недрах античности. Для древних греков она была истолкованием того, что говорят боги (например, для Платона и его школы); для стоиков – первой попыткой рационального изложения мифов; для Аристотеля герменевтика была наукой, развивающей различные способы истолкования. В иудаистской традиции науку истолкования развивали авторы книг Халлаха и Агады, а в христианской традиции – отцы Церкви.

Рассматривая текст в большей мере как органическое и когерентное целое, нежели как собрание непересекающихся частей, греческие мыслители строили свою аргументацию, основываясь на том, что текст будет непротиворечивым в грамматике, стиле и идеях, которые они использовали для верификации и изменения текстуальных пассажей. Расширяя логику части-целого на окончательный продукт писателя или целой философской школы, греки были в состоянии атрибутировать произведения с неизвестным происхождением.

Толкователи Библии и Торы, еврейские раввины, а также ранние отцы Церкви, использовали подобный филологический инструментарий. Однако их библейский экзегезис был наилучшим образом приспособлен к разработке аллегорических прочтений зачастую за счет текстуального, буквального значения. Их истолкования искали в видимом знаке скрытый смысл в соответствии с намерением, которое они заблаговременно приписывали всему тексту или тому или иному фрагменту. Примеры подобного истолкования мы обнаруживаем у Гомера, Гесиода и Эсхила, а также в Ведах, в Коране и других священных книгах. Такой герменевтический (экзегетический) подход является типичной стратегией также в тех случаях, когда требуется согласование просветительского и морального мировоззрения по отношению к фрагментам или пассажам, банальность и приземленность которых оказывалась ниже достоинства прославляемых богов.

Средневековые знаменательно тем, что оставило большое количество литературы, посвященной истолкованию Библии. Христианские комментаторы «читали» историю Ветхого Завета как предтечу аналогичных эпизодов в Новом Завете. При этом весь пафос их истолкований был направлен на то, чтобы учить основам христианской морали и нравственности. Более того, весь истолковательный базис этих комментариев был таков, что каждому аллегорически выраженному знаку или символу приписывался строго определенный смысл, скорее, нравственно-религиозного, чем текстуального значения. Поэтому, когда Мартин Лютер провозгласил свободное, самостоятельное постижение смысла текстов Библии, утверждая, что христиане могут самостоятельно переоткрывать свою веру посредством чтения Библии, католическая Церковь, со своей стороны, стала настаивать на том, что Библия слишком сложна и туманна, чтобы читать, понимать и интерпретировать ее без их руководства.

Протестантская экзегетика (которая появилась вскоре после лютеровского перевода Библии) тяготела к использованию ее текстов для поиска ответов, преимущественно на исторические и социальные ситуации, и в меньшей степени концентрировалась на выражении собственно теологических принципов. Противоречивые и трудные места в Новом Завете прояснялись посредством сравнения их возможных значений с современной христианской практикой. Такие параллели подразумевали, что истолкование может основываться на *эмфатическом понимании* – самопроекции истолкователя на авторское пространство. Это была как раз такая эмпатия, которую Ф. Шлейермахер и В. Дильтей возвысили затем до уровня методологического философского принципа в своей попытке создать *общую герменевтику*.

Развитие библеистики (или библейской герменевтики) дает огромный материал для рассмотрения герменевтики как науки исследования библейских текстов. Библеистика узаконивает принципы истолкования Священного Писания, используя экзегезис и опираясь на филологию, историю и традицию. Поскольку помимо исторических фактов в тексте Библии содержатся фольклорные элементы, притчи, легенды и даже вымысел, то исследователи пытаются выделить факты из всего этого обилия сведений самыми разными методами.

Метод анализа библейских текстов с научно-критической позиции восходит к протестантской традиции в Европе. Этот метод ставит своей целью прочтение (выяснение) истинного смысла слов пророков, скрытое под пластами искажений, возникших в результате редактирования более поздних времен. Начальный период историко-научного изучения библейских текстов характеризуется тем, что устанавливает этапы их формирования и редактирования, основываясь на филологическом и стилистическом анализе. Создателем этого метода считается протестантский священник (немецкий протестантский богослов) Виттер, который в 1711 году опубликовал «Комментарий к Книге Бытия», где он высказал гипотезу «четырех источников», согласно которой Священное Писание составлено из более ранних произведений нескольких авторов, живших в разные времена.

Этот новый метод (филологического и стилистического анализа) дал толчок для развития филологии; он применялся также и правоведением, которое широко использовало принципы герменевтического анализа в своих доказательствах. Совокупность всех этих причин, в конечном итоге, преобразовало герменевтику из искусства истолкования в науку – в дисциплину, занимающуюся «прочтением» письменных источников и установлением их подлинного текста

и истинного смысла. Заметную роль в решении этой задачи сыграли Ф. Шлегель и Ф. Шлейермахер.

Итак, зрелый методологический вид герменевтика начала принимать уже в XVI веке как результат полемики между протестантами и католиками на тему роли традиции в переводах Священного Писания. С этого момента герменевтика как теория истолкования постепенно трансформировалась в герменевтику философскую. Из вспомогательной дисциплины, облегчающей понимание сообщения, не подлежащего по каким-то причинам простому истолкованию, она возросла до уровня фундаментальной науки, имплицитно и эксплицитно вобрав в себя предшествующий опыт философствования.

Дальнейший философско-методологический и практический опыт обобщения в области герменевтики получил во второй половине XIX века реализацию в виде концепции гуманитарных наук, выдвинутой Вильгельмом Дильтейем¹. Концепция понимания в гуманитарных науках в качестве метода истолкования «объективизации духа» (Дильтей), или человеческих творений, появляющихся вне психики и общедоступных, образует объективное исходное основание гуманитарных наук. *Герменевтика человеческой действительности*, которая также требует истолкования и понимания, противопоставляется объективному анализу явлений в мире природы. Таким образом, герменевтика старается всегда извлечь смысл (философский смысл) посредством истолкования смысла высказывания, трактованного сразу (моментально схваченного в сознании) как событие, и от события переходить к смыслу, который его (это событие) «бесконечно превосходит» (П. Рикер).

---

¹ См.: Вильгельм Дильтей. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Собр. соч. Т. IV. М., 2001. С. 13–254.

Предлагаемый вывод, касающийся уточнения развивающейся предметной области герменевтики, учитывает теоретические и философские основания тех концептуальных положений в отношении смысла и способов (методов) его получения, которые сформировались в конце XIX–начале XX веков. Поэтому герменевтику мы рассматриваем уже не как **вспомогательную дисциплину** (первое определение), но также и как **методологию понимания** (второе определение). Тем самым концепция (или проблема) понимания оказывается центральной проблемой философской герменевтики. При этом **философская рефлексия**, касающаяся **любых форм-выражений**, например религиозных символов, мифов или произведений искусства также оказывается в поле зрения герменевтического подхода (третье определение предмета герменевтики).

Анализ понимания как своеобразного **способа бытия**, т. е. **онтология понимания**, принадлежит М. Хайдеггеру, который рассматривает понимание как проявление человеческой сущности, по отношению к которой ситуационная обусловленность, историчность и фактичность бытия человека рассматривается не как ограничение, а как совокупность условий всякого понимания. Таким образом, **герменевтика предстает как онтология понимания** (четвертое определение).

Синтез и обобщение многообразного наследия герменевтики осуществил П. Рикер. У него герменевтика становится не только родом философской рефлексии над всеми формами понимания, но тем методом, благодаря которому удастся развивать саму философскую рефлексия; а также **одним из методов**, от которого зависит правильность **всякого философствования**. Таким образом, **герменевтика** становится философской дисциплиной, а ее метод рассматривается как важное (если не единственное) условие **правильного философствования** (пятое определение).

Следующий этап развития философской герменевтики связан с появлением когнитивной герменевтики, учитывающей современные и более глубинные представления о процессах понимания и познания. Специфика предметной области когнитивной герменевтики заключается в том, что она переносит акцент с онтологии понимания на его эпистемологические, когнитивные аспекты. В этом случае происходит смена контекста исследования. Вместо хайдеггеровского понимания как проявления человеческой сущности, историчности и фактичности бытия, главным становится контекст обусловленности понимания сложившимися межличностными отношениями, интерсубъективное взаимодействие в процессе понимания и его социокультурная детерминированность, способность создания, воссоздания и передачи смысла в коммуникативном дискурсе. Понимание теперь становится, прежде всего, пониманием *«другого»*. И здесь главную роль начинает играть **феномен предпонимания**, детерминированность понимания некими скрытыми установками, обусловленными традицией, личной историей и социальным контекстом.

Почему концепция предпонимания так важна для теории понимания, развиваемой когнитивной герменевтикой?

Дело в том, что объективно существующая «понимающая действительность», прежде чем мы сами начинаем осознавать себя в саморефлексии, обнаруживает нас в семье, обществе и, наконец, в государстве. «Понимающая действительность» обнаруживает нас затем в общественных институтах в качестве социальных норм и культурных образцов, благодаря которым формируется определенная модель социального поведения. Способность понимания, индивидуально присущая субъекту, предполагает также существование феномена предпонимания, на которое явно указывают такие особенности душевной организации личности, как умение «вчувствоваться», «войти в положение»

другого, «вжиться» в круг его жизненных проблем и т. п. Например, о человеке, который нас не понимает или по какой-то причине не хочет «войти в наше положение», т. е., проще говоря, «не контактен», мы говорим, что он «плохо социализируется».

Такой социальный контекст, привнесенный в освещение проблемы понимания (а также и проблемы предпонимания), в котором понимание приобретает новый смысл и рассматривается как результат социальной коммуникации (например, умение общаться с людьми, адаптироваться к группе и жить в обществе), является результатом действия многих причин, но также и следствием внутренне развитого понимания.

Философская герменевтика широко использует аналогичные понятия для объяснения конкретной идеи, отдельного фрагмента или всего текста в целом. Однако в герменевтике понятия «вживание», «сопереживание» или «вчувствование», «вхождение в контекст» адекватны феномену предпонимания в теории понимания, соотносенной с интерпретацией текстов.

Напомню, что герменевтическому пониманию свойственна неразрывность интерпретации смыслов и их конструирования. Поэтому здесь предпонимание выступает одновременно и как категория описания, выяснения, и как элемент воссоздания смысла. Термин «предпонимание» указывает также на возникновение смысла в индивидуальном переживании в последовательных фазах *символической интерактивности* (или межличностной коммуникации), которую изучает современная социология.

Адаптация предпонимания в социологии представляется уместной и вполне закономерной, поскольку субъективный акт предпонимания присутствует в момент процесса интерактивной интерпретации, когда происходит переложение субъективно переживаемого (восприятия) на пони-

мание интерсубъективного смысла. Возникает коммуникация (в ее субъективном восприятии и осознании). Однако этот же акт предпонимания в смысле внутренне переживаемого, понятого и осознаваемого смысла (содержание того, что понято) может препятствовать коммуникации. В любом случае, с точки зрения субъективного происхождения, возможность интерактивности в коммуникации является результатом открытости субъекта к интерактивному восприятию контекста акта коммуникации.

Рассуждая дальше, можно предположить, что **предпонимание и как данность, и как акт сознания наиболее отчетливо осознается в тех случаях, когда требуется полнота понимания так называемого совокупного знания.** Речь идет, в частности, о знании, которое скрыто за наблюдаемыми знаками внешнего мира или более сложными символами. Скорость истолкования (моментальность «схватывания») и понимание смысла наиболее простых и узнаваемых знаков и символов как проявлений внешнего мира определяет и часто направляет поведение человека, опосредуя тем самым ту или иную его реакцию на воспринятый и адекватно понятый им знак. И хотя мы не можем детально описать весь механизм специфического проявления различных ментальных состояний в качестве реакций на моментально схваченный смысл воспринятого знака (назовем его *событием понимания*), едва ли можно сомневаться в том, что следующее за ним физическое поведение является следствием такого рода реакции. Поэтому вместо постулирования специфических ментальных состояний, стоящих за физическим поведением, уместнее будет постулировать их как *события предпонимания*, используя для этого простейший аргумент – неоспоримость факта предпонимания в деятельности нашего мышления и теоретического познания.

Предпонимание как явление можно рассматривать двояко. Во-первых, как психологический феномен, относящийся к области так называемых умственных сущностей. Однако «умственные сущности» не являются необходимыми для обоснования той или иной теории, поэтому я их рассматривать здесь не буду. Исследование их может быть делом психологов. Во-вторых, предпонимание можно рассматривать как промежуточное звено сложного акта понимания или его «первое основание». Но и в этом случае перед нами оказывается категория, относительно которой, в конце концов, все равно ничего нельзя установить окончательно. Встает вопрос: как соблюсти необходимый уровень фундаментальности исследуемой проблемы предпонимания и при этом не потерять из виду цель исследования – обобщение и систематизацию характеристик предпонимания в самых разных его аспектах.

Проблема предпонимания традиционно связывается с обоснованием методологии истолкования и интерпретации, развиваемой, как нам уже известно, философской герменевтикой, но также и феноменологией. Последняя использует категорию «предпонимание» применительно к деятельности рассудка – осознания или осмысления; и здесь мы вторгаемся в область **скрытых предпосылок** самого **философского мышления**, для которого предпонимание должно рассматриваться как одно из основополагающих и фундаментальных понятий теории познания.

С другой стороны, рассматривая предпонимание как некую методологическую составляющую процедуры интерпретации, мы невольно попадаем в тот герменевтический круг, из которого, условно говоря, как раз и вышла рассматриваемая категория.

Предваряя этот философско-герменевтический аспект рассмотрения феномена предпонимания, следует подчеркнуть, что, в зависимости от уровня анализа, на котором

осуществляется адаптация понятия к исследовательскому процессу, предпонимание будет означать:

- 1) предельную точку между некоммуникативным восприятием и диалогически конструируемым смыслом;
- 2) предрасположенность субъекта к принятию ориентации на интерсубъективные смыслы;
- 3) отличительную особенность в создаваемом интерактивном процессе дискурса.

Начну, однако, с признания, что на появление предлагаемой линейной троичности подхода к изучению предпонимания накладывается второе измерение – круга. Эта особенная «круговая» концептуализация предпонимания возникает вследствие герменевтического происхождения самой проблематики понимания, а значит, и проблемы предпонимания.

Философско-герменевтический смысл предпонимания таков, что позволяет рассматривать предпонимание не только как некий феномен или первоэлемент процесса индивидуальной мыслительной деятельности, но и в более широком контексте – как движение смысла в процессе человеческого общения. Поэтому я убеждена в том, что «круговая» концептуализация предпонимания дает надежду на поднятие степени адекватности описаний интерактивной деятельности до той же самой деятельности, но понимаемой в терминах смыслов, которые используют ее участники. Такое использование термина предпонимание может, в свою очередь, быть полезным в формулировании ответа на вопрос о процедуре конструирования, подтверждения и согласования чувства существования (сопричастности жизни) в действительности определенного порядка (ощущение некой социальной упорядоченности событий), что в конечном итоге приводит к самому общему вопросу в ин-

терактивной теории общества: *как возможно предпонимание?* Вокруг этого последнего вопроса пылают самые жаркие споры и контroversии в среде социологов – теоретиков интеракционизма. Дискуссии на эту тему приводят к убеждению в необходимости расширения понятийного аппарата теории понимания за счет включения в нее категории предпонимания.

Рассматривая категорию предпонимания на конкретных уровнях, в частности в выделенной мной троичной структуре, а также сопоставляя тот или иной элемент структурной характеристики предпонимания в интересующем нас контексте (например, в герменевтическом, феноменологическом или социальном ключе), важно иметь в виду, что сложность и трудоемкость такого анализа может быть преодолена на основании использования в исследовании важного методологического подхода. Суть его состоит в том, чтобы рассматривать выделенные элементы структуры предпонимания в качестве проблемы, соотнесенной с вышеназванными контекстами. Иначе говоря, следует рассматривать предпонимание в герменевтическом, феноменологическом и социальном контекстах. Простота решения проблемы предпонимания тем самым получит совершенно конкретный вид и определенную завершенность.

Итак, в круг вопросов, касающихся предпонимания, входят совершенно конкретные проблемы, последовательное рассмотрение которых показывает диапазон обозначенных контекстов исследования. Такого рода исследование предполагает:

1) рассмотрение философской традиции, связанной с понятием «предпонимание»;

2) рассмотрение особенностей предпонимания как понятия, предназначенного на роль теоретической категории символического интеракционизма;

3) анализ категории рациональности, коммуникативного символа и дискурса в сопоставлении с проблематикой интерактивного процесса. К слову замечу, что результатом подобного сопоставления является выделение фундаментальных ограничений, которые структурируют дискурс интерактивного процесса;

4) построение дефиниции постулированной категории предпонимания и согласование упомянутых символических понятий интеракционизма с перспективой развития «интерактивной герменевтики».

Конечно, мы должны учитывать то обстоятельство, что наши представления об эффективности использования категории предпонимания в освоении смысла или в построении новейшей теории понимания всякий раз должны иметь свои реальные ограничения. Ограничения использования категории предпонимания будут касаться тех форм воплощения самой проблематики понимания и познания, которую мы обнаруживаем при сопоставлении результатов, полученных феноменологией и философской герменевтикой, с тем новым теоретически множественным смыслом, который ей приписывают современные социологи. Такого рода исследование следует квалифицировать как специальную философскую проблему, обращенную не только к эпистемологии, но и к социологии, при условии, что в поле исследовательских задач социологии будет включена проблематика понимания.

Следует подчеркнуть, что герменевтика в поисках собственных первоначал поставила вопрос о возможности понимания и истолкования вообще. Точнее говоря – о возможности познания и понимания того, *что есть само понимание*. С этого момента проблема понимания и по-

знания остается центральной для философии, которая не удовлетворяется текущим смыслом выдвигаемых ею теоретических положений и стремится перейти на фундаментальный уровень исследования.

Напомним, что герменевтику мы квалифицируем и как методологию понимания, и как учение о способах получения смысла. Обосновывая сущностные характеристики понимания и выявляя его феноменологические основания, мы невольно выходим на такой уровень рассуждений, когда вынуждены производить так называемую «феноменологическую редукцию», отвлекаясь от субъективных характеристик осуществления акта понимания, от всех побочных явлений, не имеющих отношения к смыслу, и от всех свойств его носителя. При этом *реальность* понимания и его *сущность* остаются в центре внимания исследования понимания, часто выступая в качестве подтекста того или иного герменевтического исследования.

Но что является подлинным объектом: *сущность понимания* или *метод*, с которым понимание демонстрирует себя, например, в символической интерактивности, в реальном акте коммуникации или во внутреннем акте познания?

Метод, с помощью которого подлинная сущность понимания может быть раскрыта и предъявлена, состоит в следующем. Если возникает вопрос, является ли «нечто данное» подлинной сущностью, то следует признать, что если это «нечто данное» действительно – сущность, то любая попытка наблюдать это «нечто» – невозможна. И вот почему. Для того чтобы сообщать наблюдению определенную направленность на объект и его содержание (в нашем контексте – это может быть также и содержание предпо-

нимания), у нас уже должно существовать в качестве предпосылки нашего понимания сущности предпонимания восприятие этой данности в объекте. Т. е. мы уже имеем некоторое представление о предмете нашего размышления – у нас есть предпонимание того, на что направлен наш познавательный поиск и по поводу чего мы строим (или выдвигаем) предположения. Другими словами, мы обладаем определенной долей знания о предмете или *пред-знанием* сущности предмета нашего размышления. Поэтому правомочны вопросы типа: *что есть предпонимание – нечто в пространстве сознания?* или *«нечто понятое нечетко»*, зыбкое и не получившее пока еще смысловую завершенность в виде конкретного образа, мысли, артикулируемого суждения или идеи? или, наконец, предпонимание – это нечто, выступающее как *некое предчувствие* чего-то, что вот-вот обретет в сознании определенные, завершенные черты образа, мысли, идеи и т. д.?

Характер всех этих вопросов показывает, что они так или иначе связаны с сущностными характеристиками феномена предпонимания, которое само по себе (как сущность) – ненаблюдаемое. Сущность как таковую мы наблюдать не можем. Сущность как таковая не является ни индивидуальной, ни всеобщей. Поэтому о сущности предпонимания как о данности, явленной в сознании, мы можем рассуждать только в терминах адекватности нашему сознанию того содержательного элемента акта познания, вектор которого направлен на понимание истинного смысла предмета нашего размышления и которым завершается сама процедура (или сам процесс) познания. В этом случае мы вправе утверждать, что это «нечто» нами понято, и это понятое является одновременно нашим знанием о предмете нашего размышления.

Предпонимание всегда содержательно наполнено и эмоционально окрашено, поэтому в феноменологическом смысле оно всегда индивидуально. Более того, если допустить, что индивидуальная способность человека к предпониманию не является всеобщей, то взаимопонимание людей в обществе и в реальной жизни было бы невозможно. Однако этого не происходит. Следовательно, **предпонимание** в его субъективном смысле – личностно субъективно и **индивидуально**, но в социальном смысле оно **всеобще**.

Мы можем размышлять о предпонимании на феноменологическом уровне. Сущность предпонимания в индивидуальном акте познания раскрывается через наблюдение «нечто такого», что уже усмотрено сознанием, «схвачено» им в моментальном акте *пред*-знания. Таким образом, феноменологическая характеристика предпонимания – это отражение некой «стабильной очевидности» реального мира и его объектов. Поэтому суть предпонимания в акте познания мы можем понять, раскрывая смысл его и применяя к акту познания определенные, простые и/или синонимичные понятия, которые приобретают смысл только в отношении отдельных содержательных характеристик предметов размышления, отдельных актов восприятия.

Итак, при попытке дать сущностную характеристику категории предпонимания, мы впадаем в круг, объясняя сущность предпонимания, исходя из него самого. Преодоление этого фундаментального препятствия возможно, по видимому, в том случае, если мы уделим больше внимания месту предпонимания в восприятии и в процессе формирования смыслов, происходящих в актах понимания.

Специфика предпонимания обусловлена его детерминирующей ролью в субъективном акте восприятия, где оно

играет роль некоторого основания, сцены, на которой разыгрывается «драма» понимания и законы которой субъекту приходится постоянно учитывать (как приходится птице в полете учитывать законы гравитации). Структура и система предпонимания в этом случае не обязательно идентична структуре понимания, а смыслы «текста» или диалога образуют свою собственную систему, вызванную потребностями акта восприятия и функционирующую по своим внутренним законам. В этом случае предпонимание оказывается внешним явлением по отношению к пониманию. Таким образом, о теории понимания мы можем говорить следующее: теория понимания – это дисциплина, которая не предшествует феноменологии предпонимания и не служит для нее основой, но следует за ней.

В своем полном объеме эта теория не может мыслиться как ограниченная исследованием предпонимания в смысле «теории предпонимания»; **теория понимания – это учение о постижении смысла и об обработке объективного содержания ценностных суждений, которые раскрывает познание.**

По мере познания сущности предпонимания проясняется смысл тех сопутствующих ему категорий и понятий, которые отвечают концептуальному содержанию теории понимания. При этом выявление концептуального слоя данной проблемы выводит саму когнитивную герменевтику на фундаментальный уровень исследования.

Близость понимания и познания – очевидна. И понимание, и познание занимаются *осознанием* того, что дано в мыслях. Поэтому предпонимание как осознание – это всегда индивидуальный феноменологический акт данного (или проявленного) в мыслях «*сознания о*». Опыт познава-

тельной деятельности мышления приводит к знанию. Как нет познания без знания, так нет понимания *без* предшествующего ему *предпонимания*. И если понимание – это результат упорядоченного содержания предшествующего ему знания, то предпонимание – это определенная (нерасчлененная) целостность, не поддающаяся структурированию. Поэтому предпонимание следует рассматривать как важный элемент в структуре теории понимания, которая сама является элементом структуры процесса познания в его завершающей фазе.

Вопрос **теории понимания** на его сущностном уровне влечет за собой вопрос о том, в какой степени смыслы, создаваемые в процессе понимания, являются автономными и самодостаточными. Обусловлены ли они актуальными потребностями интерпретации, и в какой степени они предстают зависимыми от определенных теоретических и мировоззренческих установок, навязываемых нашему сознанию постулатами веры, знания, предрассудками, идолами разума и т. п.? Каковы корни этой глубинной зависимости и каково происхождение нашего понимания (обоснованности нашей теории понимания) понятиями и концепциями предпонимания? Поиски ответов на эти вопросы неизбежно влекут за собой обращение к философским теориям и учениям, так или иначе затрагивающим многоаспектный феномен предпонимания.

Конечно, философы разных эпох не могли обойти вниманием такой важный аспект исследования проблемы понимания, о котором мы сегодня размышляем как особо актуальном для развития когнитивистики. Отыскивая в философской герменевтике (а еще раньше – в феноменологии) фундаментальные предпосылки идеи предпонимания,

следует обратить внимание на предшествующие философские концепции. Мы находим категорию «предпонимание» (хотя и в разных ее обликах) в трудах Макса Шелера, Фридриха Давида Шлейермахера и Мартина Хайдеггера. Эти философы вводят в свой научный аппарат такие, казалось бы, различные понятия, как *предубеждение*, *предрассудок*, *предсуждения*, *предпонимание*, *предпроект*. И хотя эти концепции предпонимания далеки от современного понимания самого этого термина, например в том их смысле, какой придают предпониманию Гадамер или Рикёр, тем не менее именно у названных авторов мы обнаруживаем предвидения, существенные, например, с точки зрения символической интерактивности.

Символическая интерактивность как важный элемент концепции диалоговой рациональности переносит исследование фундаментальных оснований теории понимания на новый теоретический уровень. Это закономерным образом расширяет проблемное поле теории понимания, развиваемое когнитивной герменевтикой. Теперь не только сама когнитивная герменевтика, но развиваемая герменевтикой, а также феноменологией, проблематика предпонимания получает новое теоретическое оснащение и всестороннее рассмотрение за счет введения социологического контекста исследования. И это не случайно. Дело в том, что идея адаптации философского понятия «предпонимание» к интерактивной интерпретативной социологии возникла в результате обнаружения самой герменевтической философией проблематического зазора, который наблюдается между очевидностью понимания человеком *самого себя* в организованных формах социальной жизни и социологическим объяснением возникновения и существования социального мира в целом.

Символический интеракционизм ищет источники созидательных социальных связей между индивидуумами в интенциональной, взаимно создаваемой коммуникации. Границы социального мира перекрываются тогда границами возможного **интерактивного понимания**, которое приобретает статус центральной социологической проблемы. Таким образом, поиск герменевтического вдохновения в социологии приводит к смещению акцентов с исследования сферы субъективных смыслов на познание логики процесса наделения смыслами, возникающими из интересубъективного взаимовлияния в процессе коммуникативной деятельности.

Социология, исходящая из герменевтики, не ищет источник социальных смыслов ни в индивидуальном сознании, ни в объективных, внешних по отношению к индивидууму идеях или сводах правил и норм, – в центре ее интересов находится сфера интересубъективности, лежащая вне оппозиции субъективизм-объективизм. При таком понимании смысл предстает как результат процесса интерактивной интерпретации, осуществляемой участниками диалога. Тем самым социальный смысл не может оставаться субъективным, так как его статус зависит от диалогового согласования. Но он также не является и объективным (социальным смыслом), поскольку не существует независимо от участников диалога и вне объединяющего их отношения взаимопонимания.

Конечно, надо учитывать то обстоятельство, что каждая социологическая теория имеет свои философские основания. Они складываются из онтологических и эпистемологических принципов и вытекающих из них методологических установок и директив. Онтологические принципы

герменевтической теории в социологии являются следствием положения, согласно которому интерсубъективность общественных смыслов вытекает из практики коммуникативной деятельности. Теоретическое мышление, являясь практикой того же самого рода, одновременно стремится к формулировке, описанию и выяснению законов подобной практики. Если бы философская герменевтика была настолько всеобъемлющей, чтобы быть в состоянии последовательно описать принципы конструирования социальной теории, то это была бы редукция последней к практике коммуникативной деятельности. Такое расширение поля герменевтического исследования означает допустимость (возможность) использования герменевтики как метода выявления смысла, создающегося и функционирующего в границах социального мира, не только объясняя, но сохраняя следствие объяснения после понимания. Наиболее перспективным, с точки зрения развития теории понимания когнитивной герменевтикой, представляется включение проблематики предпонимания, анализируемой в контексте структуры и динамики социальных взаимодействий, которые мы обнаруживаем в интеракции как форме социального взаимодействия.

АНДРЕЕВА Г. М.

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Развитие когнитивного подхода в социальной психологии обладает глубокой спецификой. Не говоря о временных рубежах его возникновения – а его «начало» можно датировать концом 40-х годов XX столетия, т. е. задолго до возникновения «когнитивной психологии» как таковой, – в самом содержании парадигмы легко просматриваются достаточно не традиционные постулаты. Естественно, что все они вписываются в общую концепцию когнитивизма, а именно в утверждение о том, что доминирующим принципом поведения человека являются познавательные процессы. В более широком плане теоретические источники такого подхода легко обнаружить в различных вариантах философских концепций (преимущественно в области *теории познания*), в соответствующих разделах социологии (*социология знания*) и, естественно, в общей психологии (*познавательные процессы*)¹. Но нас в данном случае интересуют более непосредственные истоки когнитивного подхода именно в *социальной психологии*, а потому целесообразно апеллировать прежде всего к *когнитивной психологии*, ибо ее окончательное структурирование явилось важ-

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005.

ным фактором становления специфической области социальной психологии, обозначающей себя сегодня как *психология социального познания* (Social Cognition). Впрочем, с самого начала основные аргументы социально-психологического когнитивизма строились в полемике с когнитивной психологией, и психология социального познания почти с самых первых шагов заявила себя в оппозиции к «общим» когнитивным принципам. Основная идея в этой полемике – акцент на неизбежной специфике подхода, порожденной спецификой объекта познания, коль скоро им является *социальная действительность*.

Принципиальные посылки, обозначающие эту специфику, сводятся к следующему: 1) апелляция не к познанию вообще, а исключительно к *социальному* познанию (откуда центральный термин – «Social Cognition»); 2) внимание к процессу социального познания, осуществляемого не исследователем, а *рядовым* человеком (выступающим в качестве «наивного психолога», опирающегося на личный опыт); 3) интерпретация этого процесса как процесса *конструирования* социальной реальности (в частности, построения «образа социального мира»). Очевидно, что все три заявленные позиции тесно смыкаются с разработкой аналогичных проблем и в системе социологического знания. Наиболее очевидна близость предложенного подхода к подходу П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности. В самом деле, в их анализе по существу фигурируют те же самые посылки: социальный мир трактуется здесь как «мир повседневной жизни», как «повседневная реальность»; его познание рассматривается как познание, осуществляемое «рядовыми членами общества»; с первых шагов социализации начинается «конструирование первого мира индивида», что продолжается «поддер-

жанием и трансформацией субъективной реальности»¹. Эти соображения, в свою очередь, были, по мнению Л. Г. Ионина, спровоцированы идеями А. Шюца, концепцию которого «можно рассматривать как систематическое описание структур социального мира, каким его видит действующий индивид, каким он представляется ему в ходе его деятельности, т. е. по существу она представляет собой систематическое описание созидания этого мира путем его познания»².

Сходство позиций в значительной степени связано с тем, что проблемы социального познания разрабатываются преимущественно в *социологической* ветви социальной психологии, но тем не менее в ее рамках они обладают определенной спецификой. Доказательством этого является тот факт, что каждому из заявленных в психологии социального познания принципов соответствует определенный этап становления различных социально-психологических теорий и экспериментальной практики, поэтому логично представить себе, что новая ветвь науки была подготовлена именно в «недрах» социальной психологии, последовательно завоевывая позиции в ее традиционных областях.

«Social Cognition»

Можно назвать, как минимум, три такие области. Так, идея специфики *социального* познания заложена в разработках New Look Дж. Брунера; рассмотрение в качестве субъекта познавательной деятельности *рядового* человека во многом представлено в рамках когнитивистского на-

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. М: Аспект Пресс, 1995. С. 221

² Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998. С. 73.

правления в социальной психологии (в частности, в теориях когнитивного соответствия, где сформулирована идея *психо-логики*); момент *конструирования* социальной реальности достаточно очевиден в атрибутивных теориях Ф. Хайдера, Г. Келли и др.

Известно, что сам термин «социальная перцепция», предложенный Дж. Брунером, трактовался в более широком смысле, чем просто «восприятие социального объекта», поскольку при этом предполагался выход за пределы строго перцептивного процесса. Уже при восприятии другого человека в процесс включалось и размышление по поводу воспринятого, и эмоциональное оценивание его, и мотивация дальнейшего взаимодействия с объектом восприятия. Специфическая роль принадлежала и «образу» как результату социально-перцептивного процесса: он приобретал самостоятельное значение и продолжал функционировать в системе взаимоотношений людей¹. Можно заключить, что дальнейшая «судьба» образа социального восприятия получила перспективу ее исследования в психологии социального познания.

Второй блок социально-психологических проблем, получивший свое развитие в новой становящейся дисциплине, связан с разработкой *теорий когнитивного соответствия*. Опираясь на основные положения гештальтпсихологии и на теорию поля К. Левина, авторы этих теорий²

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005.

² Ф. Хайдер – теория сбалансированных и несбалансированных структур; Т. Ньюком – теория коммуникативных актов; Л. Фестингер – теория когнитивного диссонанса; Ч. Осгуд и П. Танненбаум – теория конгруэнтности [см. подробнее: Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М: Аспект Пресс, 2002.].

базируются на основной посылке о том, что когнитивная структура человека не может быть несбалансированной, дисгармоничной, поскольку это переживается психологически как дискомфорт. Если же это имеет место, то немедленно возникает тенденция изменить подобное состояние: человек ведет себя таким образом, чтобы максимизировать внутреннее соответствие его когнитивной системы, «реорганизовать» ее с целью восстановления соответствия.

В теориях когнитивного соответствия всегда рассматривается именно «рядовой» человек, который предпринимает усилия для преодоления когнитивного несоответствия при помощи специфических приемов. Они по-разному представлены в различных теориях, но обладают общей характеристикой, а именно используют *психологику* [см. подробнее: 2] – логику, по выражению Р. Абельсона, «серьезного, но не слишком блестящего мыслителя», который рассуждает вопреки *собственно* логике, руководствуясь исключительно практическими соображениями, но так, чтобы обеспечить себе комфортное решение. Именно поэтому поиск когнитивного соответствия можно интерпретировать как поиск «субъективной рациональности»¹, что позже и будет воспринято в положениях психологии социального познания.

Наконец, раздел социальной психологии «Атрибутивные процессы» целиком можно рассмотреть как предпосылку большинства положений психологии социального познания. Сама исходная идея *каузальной атрибуции*, предполагающая приписывание причин поведения другого человека, опирается на целый ряд сугубо *когнитивных* (а не просто перцептивных в точном значении этого слова)

---

¹ Там же С. 154.

действий. Это нашло свое проявление в предложенной Г. Келли «модели анализа вариаций» (ANOVA), когда выбор наиболее адекватной причины (личностной, стимульной или обстоятельственной) осуществляется путем комбинации так называемых «критериев валидности»¹, т. е. довольно сложного рационального выбора. Другой важный фрагмент атрибутивных теорий – ошибки атрибуции (фундаментальная и мотивационные) – также целиком построен на описании когнитивных действий индивида. Так, фундаментальная ошибка атрибуции, состоящая в том, что субъекту свойственно приписывать причину наблюдаемого поступка прежде всего *действующему лицу*, а не обстоятельствам, в значительной мере обусловлена избирательным отбором информации, ее «селекцией». Сама же ситуация такого отбора есть опять-таки «чисто» когнитивное действие.

Таким образом, три содержательных блока социально-психологического знания напрямую подготовили всестороннюю разработку проблем психологии социального познания. Именно на базе этих трех традиционных предметных областей социальной психологии и родилась современная концепция Social Cognition, которая в качестве особой дисциплины в системе психологических наук существует с конца 70-х годов прошлого века. С этого времени начинается разработка содержания и структуры дисциплины, формулируются более детально теперь уже ее «самостоятельные» подходы и принципы, как равным образом и обозначаются соответствующие теории.

Для выявления сущности предложенного подхода достаточно обозначить несколько основополагающих положений.

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005. С. 78.

ний, а именно: а) выявление особых характеристик процесса категоризации *социальных* объектов; б) идея *разделенности* социального познания и соответственно необходимости включения *коммуникации* в этот процесс; в) специфическая разработка вопроса о роли *эмоций* в освоении человеком реалий повседневной социальной практики¹.

Идея категоризации социальных объектов (или, как ее часто называют на специфическом слэнге, – «социальной категоризации») представлена достаточно широко в соответствующих публикациях, прежде всего – в основополагающем руководстве «Social Cognition» под ред. С. Фиск и Ш. Тэйлор², а также в популярном европейском учебнике «Введение в социальную психологию» под ред. М. Хьюстона, В. Штребе и Дж. Стефенсона³. Апеллируя к сложности социальных объектов, авторы отмечают соответствующую им сложность социальных категорий; в частности – размытость и неопределенность их границ, зависимость их употребления от мотивации познающего субъекта, наконец от двух возможных видов оценки, используемой при категоризации: «моментальной» и «хронической». Последняя присутствует в случае необходимости более длительного и основательного процесса отнесения объекта к категории, когда приходится учитывать не только «сиюминутный», но и более широкий социальный контекст.

Самым же существенным дополнением к традиционно описываемому процессу категоризации следует считать

---

¹ Андреева Г. М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. 1999. № 3.

² Fiske S., Taylor Sh. Social Cognition. McGraw-Hill Series in Social Psychology. (Second Edition). 1994.

³ Introduction to Social Psychology. Ed. by M. Hewstone, W. Stroebe and G. M. Stephenson. Oxford, Blackwell Rublishers, 1996.

использование в процессе социальной категоризации так называемых *эвристик*. Термин употребляется в данном случае не в его традиционном значении, а как своеобразное сокращение или правило произвола, применяемое рядовым человеком для высказывания суждения при отсутствии достаточной или определенной информации, т. е. «упрощенное правило принятия решения»¹. Эвристики не претендуют на получение знания, опирающегося на нормы логики, и обеспечивают лишь компромисс между рациональным и когнитивно «экономным» выводом. Трактующиеся таким образом эвристики очень близки к «психологии», т. е. логике обычного человека, рассуждающего по принципу: «Я знаю, что это должно быть *так*, но мне кажется, что это – *не так*, и хотя я испытываю некоторый дискомфорт, размышляю все же подобным образом»². Существуют несколько разновидностей эвристик: *репрезентативности*, *доступности* и пр.³, каждая из которых «облегчает» процесс социальной категоризации, поскольку при использовании любой из них значительная часть информации просто теряется. Применение эвристек в обыденном социальном познании не является абсолютно обязательной нормой. Лишь определенные обстоятельства провоцируют их использование: дефицит времени на обдумывание, недостаточность или иногда перегруженность информацией, относительно невысокая значимость воспринимаемого объекта, произвольность быстрого реше-

---

¹ Introduction to Social Psychology. Ed. by M. Hewstone, W. Stroebe and G. M. Stephenson. Oxford, Blackwell Rublishers, 1996. P. 253.

² Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М: Аспект Пресс, 2002.

³ Judd C., Kulik J. Schematic Effects of Social Attitudes on Information Processing Recall // J. of Personality and Social Psychology. 1980. № 38.

ния. Тем не менее сам факт использования эвристик эмпирически установлен так же, как и то, что он действительно отражает существенную особенность социальной категоризации.

Вторая особенность заключается в констатации обязательной *разделенности* процесса социального познания: его результаты неизбежно должны быть «разделяемы» членами некоторой группы или сообщества, ибо в противном случае никакое взаимодействие между ними было бы невозможно¹. Идея «разделяемости» базируется на двух соображениях: 1) в поведении всех людей существует предсказуемый ряд сходств, основанных на более или менее общих представлениях о человеческой природе, приобретенных в опыте; 2) существует также ряд несомненных различий в поведении индивидов и групп, из чего следует, что никогда не может быть двух одинаковых мнений о любом социальном явлении. Тем не менее в ходе взаимодействия люди должны определенным образом понимать друг друга, понимать хотя бы, о чем идет речь. «Разделяемость» результатов познания означает, что, несмотря на различия индивидуальных или групповых представлений, люди существуют в общем познавательном пространстве и потому вынуждены «разделять» значения тех или иных познаваемых объектов.

Средством выработки таких разделяемых представлений является *коммуникация*. Только при ее включении в сам социально-познавательный процесс можно ответить на сакраментальный вопрос, как некоторая группа людей может познать одну и ту же вещь, если каждый конструи-

---

¹ Fiske S., Taylor Sh. Social Cognition. McGraw-Hill Series in Social Psychology. (Second Edition). 1994.

рует ее образ индивидуально и его знание о мире абсолютно «автономно». Отсюда рождается требование обязательного включения в социальное познание постоянного обмена информацией, т. е. *коммуникативного процесса*, способствующего тому, что образ социального мира конструируется *сообща*, несмотря на наличие индивидуальных стилей познания. Таким образом, и в данном случае подчеркивается неизбежность преодоления *индивидуальной* природы социально-познавательного процесса.

Впрочем, в первоначальном развитии новой области внимание было сосредоточено на детальном описании основных этапов когнитивной работы *индивида* с социальной информацией. Традиционные положения когнитивной психологии на этом этапе были использованы достаточно широко: анализировались возможные варианты сбора, кодирования, хранения и восстановления информации с теми лишь добавлениями, что речь идет о *социальной* информации. Именно за издержки этого первоначального этапа психология социального познания неоднократно подвергалась критике за излишнюю «подверженность» традиционному когнитивизму. Все это послужило основанием внести существенные коррективы в структуру дисциплины, обеспечить себе известное *алиби* и доказать наличие в этой дисциплине действительно специфического содержания.

«За пределами когниций»

Обоснование этой специфики и своеобразного размежевания с «традиционным когнитивизмом» предполагает такое существенное дополнение к последнему, как анализ

факторов, лежащих за рамками «чисто» познавательного процесса, по остроумному выражению С. Фиск и Ш. Тейлор, «за пределами когний»¹. Имеется в виду обязательное включение в анализ *эмоционального* сопровождения когнитивных действий (что предполагает также выявление мотивации) и *социальных* факторов, обуславливающих познавательный процесс.

Достаточно амбициозным является вызов, бросааемый традиционной когнитивной психологии: поскольку исходной формой познания социального мира является *межличностное познание*, постольку внеэмоциональный аспект познания в данном случае исключается по определению; эмоциональные реакции, характерные при межличностном восприятии, возникают раньше «холодного знания», так как уже при самой первой встрече с социальным объектом (в данном случае с другим человеком) осуществляется не просто его восприятие, но и немедленное его *оценивание* (т. е. выражение или отсутствие предпочтения).

Что касается соотношения эмоций и когний в процессе социального познания, то предлагаются два различных подхода. С одной стороны, определяется принципиальное место эмоций при работе человека с социальной информацией: они трактуются как *более высокий* уровень познания, как минимум – как специфическая форма *значения*, поскольку эмоции нечто тоже «говорят» человеку, в частности – о нем самом и его окружении². Именно эта

---

¹ Fiske S., Taylor Sh. Social Cognition. McGraw-Hill Series in Social Psychology. (Second Edition). 1994.

² Leventhal H. The Integration and Cognition: A View From Perceptual-Motor Theory of Emotion // The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition. N. Y., 1982. P. 121.

специфическая функция эмоций позволяет человеку не просто осваивать полученную информацию, но «становиться архитектором собственного социального окружения». В этом смысле эмоции обеспечивают взаимодействие между перцептивным уровнем и абстрактным мышлением, что может быть интерпретировано как наличие *разных типов* когнитивных процессов, т. е. эмоции выступают как формы *знания* в не меньшей степени, чем сами «когниции».

С другой стороны, в исследованиях присутствует разработка некоторых специальных фрагментов проблемы, к которым прежде всего относится роль *настроения* в социальном познании, занимающая одно из ведущих мест в современных публикациях. Основная идея подробно обоснована А. Айзенем и Г. Боуэром, предложившими принцип «конгруэнтности настроения», суть которого сводится к следующему: человек, находящийся в хорошем настроении, более эффективно воспринимает, кодирует и воспроизводит позитивную информацию, в то время как человек, находящийся в плохом настроении, отдает предпочтение информации негативной. Графически это изображается при помощи так называемой «ассоциативно-сетевой модели воздействия настроения»¹, когда вычерчиваются два ассоциативных ряда: «хорошее» настроение стимулирует ассоциации с такими явлениями, как «дружба», «любовь», «успех», «благополучие» и пр., в то время как «плохое» настроение соответственно ассоциируется с «ненавистью», «предательством», «поражением» и т. п. Настроение в та-

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005. С. 148.

ком контексте как бы определяет направление поиска информации¹.

При опоре на указанный принцип вводится понятие «депрессогенный стиль»², который может оказывать *информационное влияние* на познание, в частности – на атрибутивные процессы. Экспериментально доказано, что люди в хорошем настроении чаще совершают «фундаментальную ошибку атрибуции» (ФОА) – склонность приписывать причину деятелю, а не обстоятельствам, в то время как находящиеся в плохом настроении более тщательно анализируют внешние обстоятельства, что ведет к значительно меньшему числу ФОА. В первом случае субъект выступает как «счастливый, но беспечный», допускающий известный дефицит когнитивных усилий, а во втором – как «печальный, но мудрый». Каждый из этих типов избирает различную стратегию работы с информацией: в первом случае – стратегию «сверху-вниз» (top-down), когда **вначале** в схеме или скрипте принимается в расчет нечто исходное («ярлык»), а лишь **потом** обращается внимание на детали; во втором же случае применяется стратегия «снизу-вверх» (bottom-up), когда озабоченность человека в плохом настроении заставляет его более «бдительно» относиться к деталям ситуации и начинать именно с **их** анализа и лишь **затем** подниматься к осмыслению общего³. Интересно,

---

¹ Leventhal H. The Integration and Cognition: A View From Perceptual-Motor Theory of Emotion // The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition. N. Y., 1982.

² Forgas J. On being Happy and Mistaken: Mood Effects on the Fundamental Attribution // J. of Personality and Soc. Psych. 1998. Vol. 5. № 2.

³ Introduction to Social Psychology. Ed. by M. Hewstone, W. Stroebe and G. M. Stephenson. Oxford, Blackwell Rublishers, 1996. P. 114.

что в практическом плане эти результаты были использованы при анализе восприятия информации через СМИ¹.

Значение таких исследований трудно переоценить: влияние настроения на когнитивную переработку информации позволяет более точно подбирать класс задач, оптимального решения которых следует ожидать от субъектов, находящихся в различном настроении. Было установлено, например, что рутинные задачи, требующие большей внимательности и тщательности, более успешно решаются людьми в плохом настроении, а решению задач творческих способствует позитивно-аффективное состояние².

Эмоциональное сопровождение когнитивной работы находит свое проявление и через включение в процесс познания аттитюдов, учитывая наличие в их структуре аффективного компонента, а также возможности их воздействия на поведение. Аттитюды играют большую роль при поиске социальной информации, ее подборе и воспроизведении. В самом общем виде это обусловлено предложенной Д. Фреем и М. Рошем гипотезой «селективной экспозиции информации»³, когда субъект демонстрирует избирательный отбор информации: либо точно соответствующей аттитюду, либо точно ему противоречащей. Иными словами, информация подбирается *биполярным способом*: принимается про- и контрааттитюдная информация и оставляется без внимания нейтральная по отношению к аттитюду⁴. Логика обращения к проблеме аттитюдов продикто-

---

¹ Leyens J.-Ph., Yzerbyt V., Schadron G. Stereotypes and Social Cognition. SAGE Publications. London, 1994.

² Introduction to Social Psychology. Ed. by M. Hewstone, W. Stroebe and G. M. Stephenson. Oxford, Blackwell Rublishers, 1996.

³ Ibid. С. 220.

⁴ Judd C., Kulik J. Schematic Effects of Social Attitudes on Information Processing Recall // J. of Personality and Social Psychology. 1980. № 38.

вана, таким образом, возможностью последних, с одной стороны, еще раз подчеркнуть роль эмоционального компонента в познании (ибо он участвует в когнитивной работе с информацией), а с другой стороны, соотнести познание и *поведение*, что существенно важно для характеристики социально-познавательного процесса.

Наконец, своеобразным способом включения эмоционального компонента в социальное познание является своеобразная интерпретация принципа *перцептивной защиты*, что в психологии социального познания рассматривается как изменение порога осознания социально значимого материала. В частности, это находит свое проявление в открытом М. Лернером феномене «вера в справедливый мир»: *защита* в данном случае проявляется в том, что индивид отказывается принимать информацию, подрывающую эту веру¹.

Таким образом, широкий фронт исследований эмоционального сопровождения когнитивной работы с социальной информацией позволяет существенно вывести предлагаемый подход из плена строгих принципов когнитивизма.

Еще больше когнитивный «пуризм» преодолевается другим блоком проблем, лежащих «за пределами когний», а именно – детальным анализом социальных факторов, не просто детерминирующих социально-познавательный процесс, но непосредственно в него включающихся. Наиболее подробно исследованы два таких фактора: «социальный консенсус» и «социальные ценности».

Под «социальным консенсусом» понимается в данном случае совокупность *конвенциональных значений*, существ-

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005.

вующих в обществе «договоренностей» относительно того, как будут интерпретироваться те или иные данные о социальных явлениях. Наличие конвенциональных значений, свойственных определенной культуре, приводит к тому, что получаемая индивидом информация часто не проверяется, так как слишком велика опора на сложившийся социальный консенсус, на укоренившиеся в культуре «ходячие представления». Однако их роль не может быть абсолютизирована: несмотря на значимость «общепринятого», всегда сохраняется определенное *пространство несогласия*, что грозит сменой существующего консенсуса¹, или его «сломом». Механизм такого слома включает в себя возникновение инакомыслящих, их объединение в несогласное меньшинство и – как результат – в превращение меньшинства в большинство, т. е. установление нового консенсуса (в терминологии психологии социального познания – происходит «переключение гештальта»). Возникает «новое видение мира», что в значительной степени находит свое выражение в системе употребляемого языка: по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, изменившийся образ мира «рисуетя всякий раз при помощи другого набора слов и значений»². Ориентация в этих новых условиях зависит от того, насколько адекватно будут истолкованы новые значения, насколько они будут «разделяемы» различными социальными группами. Особенность механизма слома социального консенсуса как раз в том и состоит, что немедлен-

---

¹ Пример подобного «слома консенсуса» применительно к истории науки, как известно, описан Т. Куном, предложившим термин «смена парадигм» См.: Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М., 1975.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. М: Аспект Пресс, 1995.

но возникает новый консенсус, утверждается как бы новая очевидность фактов и, следовательно, нужна новая договоренность относительно того, как они будут истолкованы.

Столь же велика в познании социального мира и роль ценностей, коль скоро они интерпретируются как своеобразные «призмы», через которые рядовой человек рассматривает окружающий его социальный мир и строит на основании полученного образа стратегию своего поведения. Хотя в общем плане роль ценностей как регулятора поведения и деятельности личности достаточно подробно исследована в психологической традиции, здесь она высвечена в новом плане. Сама категоризация явлений социального мира в значительной степени может быть модифицирована, когда индивид оперирует «ценностно-нагруженными категориями». Проявлением этого являются два вида возможных ошибок: «сверхвключение» и «сверхисключение».

В случае «сверхвключения» к категории относят объекты, которые на самом деле к ней не относятся: логика в том, чтобы «не забыть» включить в негативно-нагруженную категорию кого-либо, кто, по мнению субъекта познания, «заслуживает» этого, так как обладает негативными качествами¹. Соответственно «сверхисключение» имеет место тогда, когда есть опасение зачислить недостаточно достойного в позитивно-нагруженную категорию (примеров этого много в обыденной жизни, когда усложнен доступ в различные закрытые группировки в связи с опасностью попадания туда «не своих»). И в том, и в дру-

---

¹ В известном эксперименте А. Тэшфела антисемиты включали в группу «евреи» всех, кто обладал (по фотографии) малейшим сходством с национально выраженными чертами. См.: Андреева Г. М. Психология социального познания.

гом случае очевидно «вторжение» ценностей непосредственно в процесс познания социальной реальности.

Особенно значимым это становится в условиях быстрых социальных изменений, когда категориальные решения приходится принимать в условиях дефицита информации и изменения самих ценностей: ценностно-нагруженные категории вообще имеют свойство сопротивляться противоречивой информации и преобразовывать ее в непротиворечивую¹. Тем самым модифицируется построенный образ того или иного объекта, и «чисто» когнитивная работа вновь оказывается не просто под прессом социального фактора, но вообще не мыслима вне его.

«Вирус постмодернизма»

Приведенные выше позиции составляют лишь некоторые постулируемые особенности социального познания. Легко убедиться, что во всех случаях присутствует определенная полемика с традиционным когнитивизмом, что не

случайно. Результатом такой полемики является определенный «сдвиг» психологии социального познания в сторону популярной сегодня парадигмы *социального конструкционизма*, сформулированной К. Гергеном². Создание концепции относится к 70-м годам прошлого столетия и

---

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005. С. 183.

² Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995. *Gergen K. Realities and Relationships. Sounding in Social Construction. Harvard University Press, 1994. Gergen K. An Invitation to Social Construction. SAGE Publication. London, 2003.*

выразилось, по мнению П. Н. Шихирева, «в падении авторитета жестко сциентистской парадигмы психологической социальной психологии и в оживлении социологической ветви американской социальной психологии – символического интеракционизма»¹. Разработка парадигмы социального конструкционизма дает иллюстрацию весьма специфической трактовки постмодернизма в социальной психологии.

Опираясь на общую постмодернистскую критику позитивистски ориентированной эмпирической науки, Герген предлагает «новую эпистемологию» при анализе социального познания. Она содержит несколько принципиальных гипотез: а) поскольку исходным пунктом всякого знания является сомнение в том, что окружающий мир есть нечто само собой разумеющееся, объяснение его может быть только *конвенцией*; б) в этом случае слова, употребляемые для обозначения социальных процессов, имеют смысл лишь в контексте исторических и культурных *воздействий*; в) поэтому правила «что чем считать» не являются чем-то застывшим, а зависят от характера *социальных изменений*; г) отсюда – описания и объяснения мира сами конструируют определенные формы социального действия и тем самым включаются в социальную деятельность².

Очевидно, что заявленные Гергеном постулаты сами по себе весьма продуктивны и вряд ли могут служить основанием для компрометации постмодернизма. Более того, они

---

¹ Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Академический Проект, 1999. С. 189.

² Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.

имеют непосредственное отношение к анализу процесса познания социального мира рядовым человеком. Поэтому варианты социального конструкционизма (без опасения авторов быть обвиненными в крайностях постмодернизма!) нашли специфическое проявление в ряде теорий, имеющих непосредственное отношение к психологии социального познания.

Вообще, проблема соотношения когнитивизма и социального конструкционизма – одна из остро дискутируемых проблем в современной социальной психологии¹. Это сопряжено с тем, что исходные посылки подхода Гергена совершенно точно направлены на *критику* когнитивизма, и социальный конструкционизм предложен как *альтернатива* последнему, «когда под сомнение ставится теория знания как ментального представления»². Герген полагает, что когнитивизм – это «ложная революция», которая ведет социальную психологию в тупик³. Вместе с тем, конкретные «гипотезы», предлагаемые Гергеном в развитие идей конструкционизма, не просто легко уживаются с важнейшими положениями социального когнитивизма, но именно в них находят свое воплощение. Причина же спора коренится

---

¹ Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М: ИНИОН РАН, 1999. Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Академический Проект, 1999.

² Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 63.

³ Цит. по: Харе Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 25.

в том, что Герген критикует посылки «общего» когнитивизма¹ (т. е. традиции *когнитивной психологии* как таковой), не анализируя их трансформации в *социальной психологии*, воплощенные в психологии социального познания. Трансформации же эти легко просматриваются в целом ряде современных подходов, которые в определенном смысле имеют отношение и к когнитивистской традиции, хотя значительно модифицируют ее, как раз отвечая на многие призывы Горгена. Как минимум, можно указать на три из них: *теория социальных представлений* С. Московичи, *теория социальной идентичности* А. Тэшфела и *этогеническая теория* Р. Харре. Характерно, что все они – продукт европейской социальной психологии и все предлагают более «взвешенный» вариант конструкционизма, включающий в себя, в том числе, более или менее явную оппозицию когнитивистскому подходу. Содержание каждой из этих теорий значительно шире, чем анализ процесса познания социального мира рядовым человеком, но каждая вместе с тем содержит ряд принципиальных положений для этого анализа, причем с разной степенью «учета» как чисто когнитивистских, так и конструкционистских принципов.

Теория социальных представлений явилась логическим завершением неоднократно высказанных автором идей

---

¹ Характерно, что «традиционный когнитивизм» имел достаточно прочные позиции именно в американской социальной психологии. Так, классическая в известном смысле работа Э. Стогланда и Л. Кенона «Социальная психология. Когнитивный подход», ссылаясь на работы С. Аша, давала достаточно узкое понимание сути этого подхода, делая упор лишь на индивидуальную когнитивную работу субъекта и весьма скупое упоминание об «окружении». *Stotland E., Cannon L. Social Psychology: A Cognitive Approach. Philadelphia. W. B. Saunders Company, 1972. P. 65.*

о необходимости «социологизации» социальной психологии¹ и преодоления ею кризиса, проявляющегося в том числе и в устоявшемся взгляде на «раздельность» социальных и психологических феноменов². Центральный тезис С. Московичи заключается в том, что специфической формой познания социального мира обычным человеком является *социальное представление* – разновидность знания здравого смысла³, рожденного повседневным мышлением и выработанного не только индивидуальным опытом, но опытом группы. Социальное представление способствует превращению нового и необычного в знакомое и привычное и возникает в ответ на потребность как-то осмыслить окружающий мир и ориентироваться в нем; оно обладает, как сказал бы А. Н. Леонтьев, «пристрастной» природой, поскольку факты окружающего мира подвергаются трансформации и оценке, апеллирующим к реальному социальному опыту.

При этом четко просматривается одна из основных идей концепции: каждый индивид интегрирует и модифицирует в каждый данный момент социальные формы, созданные культурой и отдельными группами. В отличие от традиционного когнитивизма с его асоциальностью, здесь – акцент на социальный контекст познания: социальные представления выступают «как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но

---

¹ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М: Аспект Пресс, 2002.

² Московичи С. Машина, творящая богов / Пер. с франц. М.: Изд-во «КСП+», 1998.

³ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М: Аспект Пресс, 2002.

и для целой группы»¹, они вписываются в «идентификационную матрицу» – уже существующую систему значений². Возникает как бы двойная социальная зависимость индивидуального акта познания: с одной стороны, социальное представление *порождается* группой, с другой – оно *включается* в систему социальных коммуникаций. В этом смысле теория социальных представлений оказывается на рубеже и когнитивистской, и конструкционистской парадигм.

Впрочем, именно это качество теории социальных представлений вызывает особенно яростную дискуссию о ее «доминирующей» принадлежности, когда вопрос ставится «ребром»: «Теория социальных представлений С. Московичи: конструкционизм или когнитивизм?»³. Единого ответа на этот вопрос нет, и доводы представляются с двух разных позиций. Так, Т. П. Емельянова справедливо отмечает, что некоторые представители конструкционизма воспринимают теорию социальных представлений как типичную социально-когнитивную схему, в то время как когнитивисты – «как методологически вторичный когнитивный подход»⁴. Полемика эта, как очевидно, есть продолжение все той же общей дискуссии о специфике преломле-

---

¹ Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39.

² Augoustinos M., Walker I. Social Cognition. An Integrated Introduction. SAGE Publication. London, 1995.

³ Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социальные-психологические подходы. М: ИНИОН РАН, 1999. С. 76.

⁴ Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 41.

ний когнитивистских принципов в системе социально-психологического знания. В качестве разрешения спорного вопроса предлагается трактовать теорию социальных представлений как *интегрирование* элементов традиционных когнитивистских построений и требований, сформулированных в конструкционистской парадигме [19].

Второй пример – теория социальной идентичности А. Тэшфела. Как и в первом случае, здесь представлена разработка одной из глобальных проблем социальной психологии, и ее отдельные фрагменты демонстрируют приверженность к когнитивистской традиции, но вновь в весьма специфической форме. Социальная идентичность трактуется как отнесение индивидом себя к определенной социальной группе и как эмоциональная значимость для него этой группы². Тем самым факт этого осознания рассматривается как способ *познания* социального мира и, как минимум, своего места в этом мире. Акт познания в данном случае распадается на три «шага»: *социальная категоризация* (осмысление социального окружения как состоящего из различных групп), *социальной идентификации* (сделанный на основе сравнения выбор «своей» группы), *социальная идентичность* (полное осознание своей принадлежности к выбранной группе).

Отсюда важнейшие следствия: люди стремятся сохранить всегда *позитивную* идентичность, ибо это способствует восприятию мира как более стабильного; при формировании позитивной идентичности люди постоянно осуществляют *сравнение* своей группы с другими «позитивными», а также «негативными», группами, что расширяет представления о мире; в свою очередь, сравнение предполагает

---

¹ Augoustinos M., Walker I. Social Cognition. An Integrated Introduction. SAGE Publication. London, 1995.

² Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986.

более внимательную оценку свойств различных групп, что приводит к более дифференцированному анализу социальной структуры общества; наконец, при негативной оценке группы принадлежности индивид покидает данную группу и примыкает к «новой», т. е. стимулируется *поведенческая активность*¹. Таким образом, реализуется еще одна посылка психологии социального познания – объединение познания и поведения. При этом «изживается» чисто когнитивная парадигма, и в объяснение имплицитно встраиваются некоторые принципы конструкционизма².

Наконец, третий пример – этогеническая теория Р. Харре. Не касаясь всех аспектов широкой панорамы построения «чертежа новой науки», относящейся к жанру *дискурсивной психологии*³, отметим лишь ее моменты, непосредственно связанные со своеобразной трактовкой связи принципов когнитивизма и конструкционизма в социальном познании. Прежде всего это относится к разработке идей *дискурс-анализа*. Его исходная ориентация на конструкционистские принципы известна: Харре вместе с Гергеном стоял у истоков «альтернативной психологии»⁴. Но любопытно проследить, как Харре последовательно описывает основные «шаги» развития дискурса.

¹ Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М: Прометей, 2005.

² Эвристичность теории социальных представлений убедительно раскрыта И. Марковой в работе «Диалогичность и социальные представления», где прослеживаются возможности этой теории обеспечить продуктивный диалог между проблемой «стабильности» и проблемой «социальных изменений», как наиболее животрепещущего противостояния двух тенденций развития современных обществ. См.: Markova I. Dialogicality and Social Representations. The Dynamics of Mind. Cambridge, University Press, 2003.

³ Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour. SAGE Publications. London, 1991.

⁴ Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М: ИНИОН РАН, 1999.

Утверждая коммуникацию в качестве ключевого пункта объяснения социальной жизни, Харре полагает, что именно в ходе дискурса его участники обсуждают содержание категорий, при помощи которых обозначены предметы и явления социального мира и тем самым разрабатывают *единые системы значений*. При этом обеспечивается такая трактовка категорий, при которой только и возможно *действие*: категория предстает как реальный элемент социальной жизни, и тем самым осуществляется *конструирование мира* и одновременно обеспечивается направление определенных действий внутри этого мира. Можно, конечно, утверждать, что это – альтернатива традиционному когнитивизму, но ведь речь как раз и идет о «нетрадиционном» когнитивизме, т. е. о таком, который утверждает в психологии социального познания (вспомним включение в работу субъекта с социальной информацией того, что «за пределами когниций»). В этой версии когнитивный подход легко «воссоединяется» с идеями социального конструкционизма. Не случайно сам Харре говорит о «второй когнитивной революции»¹, которая как раз и должна «исправить» традиционный когнитивизм, что, очевидно, и возможно сделать, соединив его с находками конструкционизма.

В развитие этих идей Харре исследует некоторые специальные проблемы социальной психологии, в частности «Я-концепцию». Хотя рассмотрение этих идей выходит за пределы дискуссии о природе когнитивизма в социальном познании, некоторые комментарии все же необходимы. Так, представляет интерес предложение Харре переключить внимание «с поиска Я как сущности» на методы «конструирования Я», что концентрирует внимание не столько на «заданности Я», сколько на «творении Я». Это реализуется в замене традиционных способов описания «Образа-

---

¹ Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.

Я» предложенными Харре «повествованиями о себе», которые неизбежно связаны с контекстом взаимодействия и могут выглядеть различно в различных профессиональных средах. Этим, по мнению многих исследователей, «Я-концепция» извлекается из головы индивида и переносится в сферу социального дискурса¹. При всей своеобразности концепция Харре демонстрирует все тот же настойчивый поиск интеграции рациональных элементов как конструкционизма, так и когнитивизма, что придает последнему нетрадиционное звучание.

Тот факт, что все три рассмотренные концепции есть продукт европейской социальной психологии, лишний раз свидетельствует о некотором противостоянии американской и европейской традиций в социальной психологии. Любопытно, что исходные идеи социального конструкционизма разработаны в основном американцем К. Гергеном – критиком «чистого» когнитивизма, но устранение «издержек» этого подхода предложено в Европе. Если отказаться от «географического» принципа противопоставления двух подходов, то можно просто принять как действительный шаг в становлении новой парадигмы их объединение².

Предложенный анализ иллюстрирует ту истину, что современный когнитивизм в социальной психологии приобрел, действительно, такие специфические черты, что позволяет говорить о становлении принципиально новой парадигмы в этой области психологии³. Возможно, это и представляет собой вызов науке, сформулированный на рубеже столетия и тысячелетия.

---

¹ Augoustinos M., Walker I. Social Cognition. An Integrated Introduction. SAGE Publication. London, 1995.

² Андреева Г. М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г. М. Андреевой и А. И. Донцова. М: Аспект Пресс, 2002.

³ Там же.

ЗИНЧЕНКО В. П.

ГЕТЕРОГЕНЕЗ ТВОРЧЕСКОГО АКТА: СЛОВО, ОБРАЗ И ДЕЙСТВИЕ В «КОТЛЕ COGITO»¹

Cogito ergo sum нужно дополнить ago ergo sum. Они означают не только *я живу*, но и *я могу*, т. е. содержат помимо констатации еще и оценку. Последнюю шутливо выразил А. С. Пушкин: «Ай да Пушкин... ай да молодец!»

Начну с критической самоидентификации и самооценки. Я должен извиниться за свою самонадеянность, без изрядной доли которой невозможно обратиться к тайне творчества. Меня оправдывают два обстоятельства. Во-первых, в моем возрасте нужно спешить, иначе я не успею поделиться мыслями о творчестве. Во-вторых, понимание того, что творческий акт есть чудо и тайна, и я не претендую на его раскрытие. Я лишь, следуя мудрому совету И. Канта, попробую прикоснуться к ней, чтобы сделать тайну более осязаемой. Сам Кант при соприкосновении с ней сказал, что «бессознательное – это акушерка мыслей», т. е. рождения нового. Эта характеристика бессознательного двусмысленна, ведь работа акушерки вполне сознательна. Рождение нового по своей природе есть акт и бессознательный и сознательный, и непосредственный и опосредствованный, и естественный и искусственный, и природный и культурный. А. Н. Уайтхед укорял классическую

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 05-06-80509.

науку в неспособности представить креативность как основное свойство природы, в силу которого реальный мир приобретает присущий ему характер временного перехода к инновации.

Строго говоря, любой жизненный акт, в том числе и любая форма активности, независимо от того, бессознательна она или сознательна, должны характеризоваться как творческие. Даже самое элементарное живое движение неповторимо, как отпечаток пальца (Н. А. Бернштейн), неповторимо и произнесение любого слова (А. А. Потебня). Это означает, что в самой организации живого (вещества, существа) имеются природные, если угодно – онтологические, основания создания нового. Интуитивно ясно, что построить собственные функциональные органы-орудия, к числу которых относятся движение, действие, образ, представление, понятие, с их помощью найти решение той или иной задачи – вовсе не проще, чем создать предмет. Поэтому творимое и творящее человеческое действие следует равноправно рассматривать в ряду таких культурных медиаторов (артефактов, артеактов), как знак, слово, символ, миф и т. д. Действие не только их порождает, но и само становится знаком, текстом, символом. В определенном смысле действие представляет собой важнейший источник и суперпозицию перечисленных и не перечисленных медиаторов. Например, поступок, помимо его собственной ценности, – важнейший медиатор личностного роста.

Далее творческий акт будет рассматриваться в контексте культуры, а не в более широком контексте жизни. И здесь еще раз с благодарностью нужно вспомнить И. Канта, который писал о культурном творчестве, в частности – о возникновении понятий. В этом процессе решающую роль он отводил продуктивному воображению, осуществляющему творческий синтез. М. К. Петров выде-

лил два основных узла кантовской теории познания: «вещь в себе» и произвол способности воображения, т. е. его свободу и спонтанность. Следует заметить, что эти выделенные Кантом свойства воображения входят в противоречие с возведением им же универсального причинного детерминизма в ранг необходимого условия всего научного знания. Так или иначе, но воображение вводит человека в «мир открытий». Благодаря продуктивному воображению принципиально неформализуемая «вещь в себе» переходит в бесконечную возможность новых «вещей для нас», становится неисчерпаемым метаформальным основанием человеческого познания [44, с. 6–7]. У Б. Пастернака: «...фантазер / Стал пятою стихией».

Инструментом (медиатором) продуктивного воображения является «трансцендентальная схема», в которой еще не потеряна чувственная наглядность, но уже приобретена доля абстрактной всеобщности. В подобной трактовке схемы заключена идея ее гетерогенности и гетерономности. Это ключевые для дальнейшего изложения понятия. Эпиграфом к настоящему тексту могло бы послужить следующее высказывание Г. Г. Шпета: «Слова-понятия “вещь” и “знак” – принципиально и изначально гетерогенны, и только точный интерпретативный метод мог бы установить пределы и смысл каждого. Это – проблема не менее трудная, чем проблема отличия действительности от иллюзии, и составляет часть общей проблемы действительности» [54, с. 381]. Она составляет даже не часть, а сердцевину проблемы творчества, человеческую действительность создающего.

Существенно для дальнейшего, что Кант рассматривал трансцендентальную схему как метод, как общий способ, которым воображение доставляет понятию образ [34, т. 3,

с. 222–223]. Р. М. Рильке сказал: *«Нам вовсе не так уж уютно в мире значений и знаков»*. Образ нужен не только понятию. В первую очередь, он необходим действию. Чтобы усилить ощущение тайны, добавим к понятиям «трансцендентальной схемы» и «трансцендентальной апперцепции», не самым ясным в учении Канта, еще два. Первое – принадлежащее А. Бергсону понятие «жизненного порыва» (*élan vital*), второе – не столько понятие, сколько живую метафору О. Мандельштама – «трансцендентальный привод», переводящий силу жизненного порыва в качества трансцендентальных схем. Начнем разбираться в этом странном переплетении реального, концептуального и метафорического.

После Канта указания на тайну стали постоянным рефреном в описаниях творческого акта (А. Пуанкаре, А. Бергсон, Э. Клапаред, М. Вергеймер, А. Кёстлер, Б. М. Кедров, Я. А. Пономарев и др.). С каждой новой попыткой (гипотезой) прикосновения к ней тайна меняла свои очертания, и сегодня понимание творчества (и мышления) уже несколько (не будем преувеличивать) отличается от провозглашенной Платоном «божественной способности души» (хотя при встречах с великими произведениями по-прежнему не покидает ощущение, что без божьего промысла не обошлось). Скрамность успехов в познании творчества не должна удивлять, особенно если учесть, что для раскрытия строения атома понадобилось 2,5 тысячи лет.

Указания на тайну встречаются и в частных экспериментальных исследованиях воображения и продуктивного мышления. Характеристики и определения мышления фиксируют в нем наличие моментов интуиции, инсайта, озарения, природа которых остается загадочной. Примечательно давнее определение К. Дункера: «Мышление – это процесс, который посредством инсайта (понимания) приходит к

адекватным ответным действиям» [21, с. 79]. Разумеется, помимо воображения, в создании нового – от утвари... до памятников духа – участвуют все силы души; соответственно, внимание исследователей всегда привлекала творческая деятельность в целом. В ней выделялись и описывались различные фазы, этапы. Описания оказывались достаточно правдоподобными, пока не подходили к некоторому кульминационному пункту, к барьеру, где эпические описания прерывались, как, впрочем, и описываемый в них процесс. (Замечу в скобках, что и в действительной жизни успешное завершение процесса творчества – вещь исключительная, во всяком случае – не частая.) Далее фиксировались муки творчества, которые неожиданно, порой случайно, разрешались новой «ассоциацией», кёлеровской «ага-реакцией», «гештальтом», «инсайтом», «бисоциацией», «синестезией», «озарением» и т. п. Все это несомненно отражает преимущественно внешнюю картину творчества, но наука слишком медленно приближается к раскрытию его внутренней картины. В последнюю входят как аффективная и когнитивная подготовка завершающего творческого акта, так и содержательные черты его самого.

Примем для простоты изложения, что сердцевиной, ядром творческого акта является мысль, выраженная либо в слове, либо в образе, либо в действии, либо в чувстве. По словам Хосе Ортеги-и-Гассета, за мыслью стоит живая страсть понимания, благодаря которой может возникнуть молниеносное озарение, получение продуктивного результата [42]. Согласно Л. С. Выготскому, за мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. В этом он видел единство аффекта и интеллекта. Такое утверждение можно рассматривать как намек на то, что для понимания продуктивного мышления недостаточно классической формы научной рациональности: необходимо ее расширение. Так или

иначе, но известно, что озарение слишком часто сопровождается не имеющим рациональных оснований чувством несомненной достоверности полученного результата. Оно даже может приобретать силу предрассудка, мании, галлюцинации и т. п. Приведу яркий пример, который не нуждается в пространном описании и может служить отправной точкой дальнейших размышлений. В. Б. Малкин (устное сообщение) показал шахматному гроссмейстеру Т. на одну секунду сложную позицию с инструкцией запомнить фигуры и их расположение. И услышал в ответ: «Я не помню, какие были фигуры и на каких местах они стояли, но я твердо знаю, что позиция белых слабее». Привычный способ объяснения множества подобных фактов состоит в том, что человек производит большую и таинственную «внутреннюю работу».

Второй пример, который также может служить точкой отсчета, – это наблюдение П. Валери над своим поэтическим творчеством: «Поэта пробуждает в человеке какая-то внезапность, какое-то внешнее или внутреннее обстоятельство: дерево, лицо, некий образ, эмоция, слово. Иногда все начинается с желания выразить себя, с потребности передать свое чувство; иногда же, напротив, – с элемента формального, со звукового рисунка, который ищет себе опору, отыскивает нужный смысл в недрах нашей души... Моя поэма “Морское кладбище” началась во мне с определенного ритма – французского десятисложника, разбитого на четыре и шесть слогов. У меня еще не было никакой идеи, которая могла бы эту форму заполнить. Мало-помалу в ней разместились отрывочные слова; они исподволь определили тему, после чего дело стало за работой (она оказалась довольно продолжительной). Другая поэма, “Пифия”, возникла сперва в образе восьмисложной строки, чей звуковой строй обозначился сам по себе. Но эта строка подразумева-

ла какую-то фразу, в которую входила частью, а эта фраза, если только она существовала, подразумевала множество других фраз. Подобного рода проблемы допускают массу всевозможных решений. Но метрические и мелодические обусловленности значительно суживают в поэзии сферу неопределенности. Произошло следующее: этот фрагмент повел себя, как живой организм; погруженный в среду (несомненно, питательную), которую создавали ему влечение и направленность моей мысли, он размножился и произвел на свет все, в чем испытывал недостаток, – несколько строк после себя и много строк выше» [7, с. 432–433]. Наиболее существенно для дальнейшего ощущение поэта то, что возникший внутри него фрагмент повел себя, как живой организм, создающий недостающие ему органы.

А теперь обратимся к академическим (с позволения сказать) характеристикам «внутренней работы». Начнем с того, что происходит на подготовительных стадиях творческого акта. Они часто напоминают указательные жесты на то, что находится «внутри», но не раскрывают того, что «внутри» происходит. Согласно Аристотелю, «внутри» находится «внутренний (платоновский) эйдос» или «внутренняя форма». «Внутренняя форма» – это центральное понятие дальнейшего изложения. Интересны возникшие в античности органические метафоры: «*logos spermaticus*», «телесный эйдос», «семенной эйдос», которые подразумевают, что слово и образ обладают порождающими силами, т. е. силами развития и саморазвития.

Приведенные продуктивные метафоры не были забыты. Более того, их число увеличивается. А. Бергсон писал о «внутреннем зародыше динамической схемы» и «ожидании образов». Согласно Э. Кречмеру на высоких ступенях развития «пробование» переносится извне внутрь, из зоны движения в зону *зародышей движения*. Есть основания го-

ворить о «семенном движении», о «семенном акте», обладающим силами развития и саморазвития, так как движение по определению сукцессивно разворачивается в пространстве и времени и, выражаясь словами А. А. Ухтомского, представляет собой активный хронотоп, имеющий, помимо пространственного и временного, смысловое измерение. Живое движение порождает симультанный образ, схему или программу движения, сохраняющие накопленную при их формировании энергию движения и хронотопические черты. Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдер [40], рассматривавшие значение как внутренний образ текста, говорили не просто о невербальном образе, а об образе-ростке, который при некоторых условиях играет роль «организатора» (это понятие авторы взяли из генетики), инициирующего порождение текста. В психологии также имеются понятия «оперативный образ», «образ-манипулятор» и т. п.

Имеются и другие версии того, что «внутри». В. В. Кандинский находит «внутри» «душевную необходимость» или «внутренний голос души»; А. А. Ухтомский – «доминанту души»; К. Юнг – «автономный комплекс» как «обособившуюся часть души», напоминающий «духовную беременность» Платона; Н. Ах – «детерминирующую тенденцию». Все перечисленное уподобляется живому существу, которое живет, созревает, растет, развивается «внутри», а затем объективируется, выражается, рождается вовне. Кандинский утверждает, что внешнее, не рожденное внутренним, мертворожденно, т. е. не является творческим достижением. С ним согласен М. Волошин: *«Все прорастающее в мире / Давно завершено внутри»*.

Рождение, как ему и полагается, происходит в муках (думать трудно!). Это подчеркивается другими метафорами творчества. Ж. Деррида (не без кокетства) использовал ме-

тафору колеса, круга, в том числе герменевтического; уподоблял муки поиска казни колесованием, а собственное творчество – работе на гончарном круге: «В этом самом механизме я, вероятно, и вращаюсь, выставя связанные руки и ноги, чтобы быть исколесованным. Четвертованным» [19, с. 4]. Ж. Деррида рассматривал вращение, поворот, колесо оборотов как возвращение истока к себе, в себя и на себя, к своему собственному закону, т. е. к своей самости, понимаемой в самом общем смысле [там же].

В. В. Биbihин уподоблял мысль А. Ф. Лосева *инструменту*, «который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры это будут, ему, может быть, даже неважно. Нет системы. Есть какой-то *внутренний кремень*» [5, с. 19]. Едва ли случайно О. Мандельштам и Т. Элиот называли сборники своих стихов словом «Камень». Есть и более «мягкие», но не менее «жаркие» метафоры; например, «горнило суждения», «припадок душевного урагана» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский).

В русской культуре хорошо известны пушкинские огонь, жар, горенье, кипенье, волнение, даже пламенное волнение, относящиеся к воображению, уму, разуму, думам, к сердцу, любви, желаниям, к крови, душе, духу... Знаток творчества А. С. Пушкина М. О. Гершензон писал, что «в созерцании Пушкина образ огня, жара, горения нераздельно слит с представлением о движении. По крайней мере, в двадцати местах на протяжении двадцати лет терминам горения неизменно сопутствуют у него слова «кипение» или «волнение» [10, с. 146]. Автору важен заключенный в этих словах образ движения. Этот же образ заключен в метафорах творчества В. Гумбольдта («плавильный тигль») и М. К. Мамардашвили («котел cogito»). Последний говорил: без огня нет формы. Мы ведь глине придаем форму только огнем. Что же представляет собой

реальность или «материя», находящаяся в этом *громокипящем кубке* (И. Северянин), в недрах или в огненном ядре духа, где творится внешняя или наружная жизнь? (Впрочем, не забудем, что, согласно Пушкину, это не испепеляющий огонь, а «огонь под мерой».)

Б. Л. Пастернак верно заметил, что метафора – это скоропись духа, стенография большой личности. Наше дело расшифровать живые метафоры. В случае метафор творчества их расшифровке мешает давняя абсолютизация дихотомии или антиномии внешнего–внутреннего. В цитированной выше статье Ж. Деррида писал, что эта антиномия не имеет диалектического разрешения, и она угрожает параличом и призывает к событию решения. Решение требует, чтобы при выделении в некоем целом внешнего и внутреннего само это целое сохранялось нераздельным. И события подобных решений происходили в философии, в эстетике, в науке о языке, в психологии. Но эти события не замечались, забывались, не принимались во внимание, вытеснялись укоренившейся традицией разделять внешнее и внутреннее, абсолютизировать различия между ними, а затем предпринимать многочисленные хитроумные, и по большей части бесплодные, усилия, чтобы устанавливать между ними те или иные связи и отношения. Абсолютизация различий между внешним и внутренним, равно как и их отождествление, на языке описаний творчества называются «смысловыми барьерами», которые не так просто преодолеваются.

Наиболее плодотворным было предложение В. Гумбольдта использовать понятия внешней и внутренней форм для описания произведений искусства, человека и языка. При таком подходе названные феномены не утрачивают целостности, в них для дальнейшего анализа выделяются внешние и внутренние формы, которые не просто взаимо-

действуют, а взаимопроникают одна в другую. Например, не внешний и внутренний человек, а человек единый. Другое дело, что его внешность слишком часто бывает обманчивой, а внутреннее содержание – таинственным или полым. Несовпадение внешней и внутренней формы порождает не только психологию, но и все гуманитарное знание. Если бы они совпадали, в таком знании не было бы нужды. Шанс на успех в познании дает именно то, что в обеих формах выступает один и тот же феномен (человека) или одна и та же сущность, что в данном случае все равно. Каждая внешне-внутренняя форма является одновременно целостной, самой собой и другими формами, поскольку содержит их в своей ткани.

Вернемся к главным средствам продуктивного мышления и творческой деятельности, к слову, образу и действию. Все они также имеют свои внешние и внутренние формы. В свою очередь, каждая из внутренних форм гетерогенна. Это означает, что внутреннюю форму любого из указанных феноменов (при всей их относительной автономности) невозможно понять, не привлекая к анализу двух других. Формы слова, действия, образа не только обратимы (разумеется, не полностью), но и побратимы.

Г. Г. Шпет, детально исследовавший внутреннюю форму слова, обнаружил в ней пласты динамических, логических и смысловых форм, а в поэтическом слове, вслед за А. А. Потебней, – наличие образов. Во внутренней форме слова присутствует и действие. Дж. Остин рассматривал целый ряд условий, при которых слово выступает как перформатив, т. е. само является действием [43]. Категоричен и П. Я. Гальперин: *«Речь есть форма предметного действия, а не только сообщение о нем»* [8, с. 456]. Таким образом, внутренняя форма слова замечательна своей гете-

рогенностью. В нее входят не только вербальные, но также предметные, операциональные и перцептивные значения.

Из работ Н. А. Бернштейна и А. В. Запорожца следует, что во внутреннюю картину, во внутреннюю форму двигательного действия входит образ ситуации и образ действий, которые должны быть выполнены. Запорожец даже утверждал, что живое предметное движение само представляет собой динамический осмысленный образ, а не только осуществление намерения. Собственно, при построении движения мало знать, как оно выглядит снаружи, нужно знать, как оно выглядит изнутри (Н. А. Бернштейн). Движение выучено с того момента, когда оно понято телом, писал А. Бергсон. Он даже ввел термины «понимание тела», «разум тела», «логика тела» [см.: 6, с. 170]. Разуму и логике тело учится у действия (ср.: Вяч. И. Иванов – «логизм действия»). Во внутреннюю форму действия входит и слово, обеспечивающее, например, его актуализацию и выполнение по словесной инструкции. Внутренняя форма действия содержит в себе также операциональные и предметные значения и смыслы, даже «моторные идеи», «действенные суждения», «доречевые практические обобщения», «ручные понятия». Все они в той или иной мере представляют «функциональные значения предметов» (А. В. Запорожец). Поэтому действие воспринимается как текст. Не только воспринимается, но таковым и является, и мы постепенно учимся его читать.

Внутренняя форма образа не менее богата. В нее входят исполнительные и перцептивные действия, которые привели к его формированию, входят не только конкретные, но и общие представления и даже абстрактные понятия, выражаемые в слове. Это обеспечивает вербальную категоризацию образа. Посредством слова можно вызывать образы и представления. К счастью, посредством слова их нельзя

запретить, как можно запретить слово и действие. Мы приходим к заключению, что и во внутренней форме слова, действия и образа присутствует богатство значений: перцептивные, операциональные, предметные и вербальные. Разумеется, степень их представленности, так сказать, количественно, а видимо и качественно, различна, о чем разговор будет далее.

Каждая из рассмотренных форм может быть представлена как имеющая пространственную структуру органическая молекула, в которой образ, слово и дело связаны друг с другом. Нужно только учесть, что образ, слово и действие входят в свои внутренние формы не названиями, а своими же собственными и, как показывает экспериментальная психология, сложнейшими структурами. Установление связи между словом и делом восходит к Гераклиту. Позднее к ним прибавили смысл. Собственно, все они слиты и в Логосе, и в Глаголе. Такое соединение устанавливается (открывается!) в индивидуальном развитии ребенка (да и взрослого) далеко не автоматически, и психология кое-что знает о том, как оно происходит. Для такого акта «открытия» подходит термин А. Кёстлера «бисоциация», а если воспользоваться термином М. К. Петрова, то – «мультисоциация», который, впрочем, он сам признал не слишком удачным. Ближе к нашему контексту представление Петровым бисоциации как «гетерономного синтеза», поскольку в ней синтезируются «слова» из разных языков: образного, знако-символического, вербального, действительного (деятельностного). В отличие от горизонтальных ассоциаций, бисоциация имеет и вертикальное измерение. Поэтому, например, чтобы понять письменный текст, мы вынуждены заглядывать «в глубь строки», погружаться в подтекст или затекст. Учитывая смысловое измерение бисоциации в целом и ее структурных компонентов, можно

предположить, что формы слова, образа, действия вообще многомерны. Подобная трактовка бисоциаций не противоречит аргументации Кёстлера [57]. Языки образов, слов, действий вполне можно рассматривать как «матрицы кодов», из которых посредством бисоциаций создаются новые матрицы. Иное дело, что мы рассматриваем бисоциации не глобально, а как бы на молекулярном уровне, применительно к отдельному слову (высказыванию), образу, действию.

Слово, действие и образ не бесстрастны. Р. Декарт образы действия называл страстями и говорил, что действие и страсть – одно. Имеются категории аффективных образов и слов. Взаимное наполнение, а порой и переполнение внутренних форм движений, действий, образов, слов, эмоций следует рассматривать в контексте интеллектуализации психических функций (Л. С. Выготский), благодаря которой они только и могут стать высшими. В культуре издавна существуют свидетельствующие об этом выражения и метафоры: умное действие, умные эмоции, живописное соображение, визуальное мышление, разумный глаз, глазастый разум, осмысленный образ, разумная мысль или мысль о смысле. Да и слово не должно быть пустым или полым: поэты ведь и образ мира являют в слове. Выражаясь словами А. Бергсона, мы имеем дело с «множественностью взаимопроникновения» внешних и внутренних форм, отличной от «нумеричной множественности». Эти термины философ использовал для характеристики длительности – «длительности гетерогенной, качественной, творческой» [см.: 6, с. 108]. Гетерогенность форм, становление и множественное взаимопроникновение которых происходит во времени, вполне корреспондирует с представлением о гетерогенности длительности. Хотя изолированное участие действия, слова, образа в их внешних и внутренних формах

едва ли сколько-нибудь определенно можно локализовать во времени (длении) творческого процесса.

При подобной трактовке строения действия, слова, образа и их существования во времени совсем не просто характеризовать эти функциональные органы – орудия деятельности индивида (и соответствующие и сопутствующие им феномены) посредством категорий внешнего–внутреннего. Эта дихотомия вообще утрачивает смысл; во всяком случае, она должна рассматриваться как весьма и весьма условная.

Имеются основания, позволяющие заключить, что слово, действие и образ, рассматриваемые как внешние формы, имеют глубинное сходство между собой. Это не только переплетение, бахрома их внутренних форм, но и неявное единство смыслов. А смысл, хотя и укоренен в бытии (в поведении, в деятельности, в сознании), далеко не всегда поддается нашему конструированию и выражению в слове. Тем не менее, как внешние формы взаимодействующих между собой слова, действия и образа опутаны паутиной смысла (метафора М. Вебера), так и их внутренние формы пронизаны общей кровеносной системой смысла (метафора Г. Г. Шпета). А. Бергсон называл смысл *«проводником» в процессе узнавания*. Благодаря общности смыслов возможно взаимозамещение одного знака другим, равно как и взаимозамещение образов, метафор, действий [35]. Авторы называют происходящее *«симметричной семиотикой»*. Когда речь идет о замещениях *«по горизонтали»*, такое обозначение, возможно, адекватно. Но когда речь идет о взаимодействии *«в глубину»*, например: знака – с образом, образа – со словом и т. п., симметрия нарушается, и мы имеем дело с потерями, приращениями и трансформациями смыслов.

Смысловые диссонансы между словом, действием, образом, независимо от того, возникают ли они между их внешними или, простите за тавтологию, внутри их внутренних форм, – это живые противоречия. Соответственно, благодаря им живыми являются и формы. Противоречия не позволяют им застыть и окаменеть.

Если метафоры Вебера и Шпета правдоподобны, то взаимодействие внутренних форм слова, образа действия может происходить и по типу пригожинских диссипативных структур, находящихся в некоем слабо дифференцированном пространстве, представляющем собой образно-концептуальную модель реальности (внешней и внутренней), модель не индифферентную, а пристрастную, беспокойную, энергичную, как душа.

Речь идет о том, что возможная полнота смысла достигается лишь во взаимодействии прагматических (действенных), образных, вербальных и эмоциональных смыслов. Эта полнота потенциально достижима, но чрезвычайно трудно выражима. Поэтому-то лингвисты, психологи, философы пытаются найти разные средства или языки, с помощью которых производится внутренняя работа сознания, размышления и создания нового. Один из таких языков называют языком глубинных семантических структур. Выше были отмечены попытки опредметить порождающие способности человека, найти в слове, в образе, в действии, в чувстве, в душе наконец, семена духовного глагола – глагола, понимаемого в самом широком смысле: и как слова и как действия, рождающего в союзе с душой произведение (М. К. Мамардашвили сказал бы – *про-изведение*). В случаях семенного образа, слова, схемы действия, их развитие и саморазвитие осуществляется как бы само собой – спонтанно и свободно. С этим трудно спорить: спонтанность и свобода, конечно, непеременные атрибуты творчества. Од-

нако признание их не снимает интересующей нас проблемы: какими средствами, языками, активностями оно осуществляется? В качестве таковых называют «зрительные образы и мышечные ощущения» (А. Эйнштейн), «чувства усилия» (У. Джеймс), «ощущения порождающей активности» (М. М. Бахтин), «эмбрионы словесности» (Г. Г. Шпет), «невербальное внутреннее слово» (М. К. Мамардашвили); упомянутые выше «зародыши динамических схем» (А. Бергсон), «сенсомоторные схемы», «схемное видение», «перцептивные схемы», «мнемические схемы», «концептуальные схемы», «операторные схемы», (Р. Декарт, Ф. Бартлет, Ж. Пиаже и др.), «оперативные единицы восприятия» (В. П. Зинченко) и т. д. Все авторы подчеркивают чрезвычайную динамичность называемых ими средств (или языков), служащих для осуществления внутренней работы. Ведь все они искали нечто более глубокое по сравнению с доступными самонаблюдению эффектами внутренней речи, осознаваемого комбинирования образов или проигрывания действия до действия. И в этих поисках выходили за пределы сознания в сферы бессознательного, интуиции, апеллировали к откровению.

Остановимся на самом трудном вопросе: в каком виде в некоем гипотетическом пространстве, обозначенном выше как образно-концептуальная модель, представлено переплетение (бахрома) внутренних форм? Что это за семена, зародыши, эмбрионы, схемы, образы, невербальные внутренние слова, автономные комплексы, ощущения порождающей активности? Г. Хант (2004) добавляет кинестетические потоки, зрительные мандалы, синестетически формирующиеся *состояния ощущаемого смысла* [50]. Судя по отчетам самонаблюдения, на которые он ссылается, все это, возможно, присутствует. П. Валери называл подобное живым ощущением, которое содержит в себе побуждение к

действию, призванному это ощущение изменить или способному его выразить [7, с. 424]. Иногда это – «Прелесть недоназванного мира» (В. Набоков). Слово «ощущение» не должно смущать. И. Кант писал, что метафизика и философия – это *чувство идей, духовное ощущение*, а М. К. Мамардашвили успокаивал: нет ничего страшного, если мы останемся на уровне ощущения. Иное дело, наполнится ли ощущение смысла, или духовное ощущение формы, значащим содержанием; приобретет ли оно структурный вид, станет ли произведением? Для этого оно само должно превратиться в порыв. О таком ощущении красочно говорил Мамардашвили: «...все, что я говорю, я говорю безъязыким открытым ртом, который требует, чтобы там появился язык. Рот раскрыт, и ему надо кричать, крик готов – до языка. Вспомните Мандельштама: раньше губ родился шепот. Это и есть язык, который возникает у Канта – язык *трансцендентального аппарата*, или язык понятий *трансцендентальной апперцепции*. С его помощью Кант сможет со временем показать, что мы можем, чего не можем, почему можем, почему не можем» [36, с. 42]. Именно такие духовные ощущения формы Мамардашвили позднее назовет «невербальным внутренним словом». При всем богатстве таких описаний и разнообразии «схем», хотелось бы опереться на что-то более определенное. Иначе создается впечатление, что психологи вместе с философами и методологами схематизировали понятие «схемы»: оно стало чем-то вроде объяснительного принципа, «схематизма исследовательского сознания», хотя само нуждается в объяснении и конкретизации. Попробуем нащупать такое определенное, опираясь на опыт экспериментальных исследований когнитивных процессов (актов), а также – движений и действий.

* * *

Решение этой задачи совсем не просто. В психологии слишком медленно преодолевается разрыв между рассудком и чувственностью, сознанием и поведением, познанием и действием, между когнитивными и исполнительными актами. До настоящего времени когнитивная психология недостаточно действенна, а психология деятельности (действия) недостаточно когнитивна. (Я уже не говорю о том, что обе – недостаточно аффективны.) Разрыв значительно меньше ощутим в теории, чем в эксперименте. Сказанное справедливо даже для психологической теории деятельности (в обоих ее вариантах – С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева). Ее несомненным достижением является трактовка (в этом случае добротнo экспериментально обоснованная) восприятия, внимания, памяти, мышления, чувств, переживаний – не только как результатов деятельности и действия, но и в качестве особых форм деятельности; например, перцептивных, мнемических, умственных и т. п. С. Л. Рубинштейн предложил рассматривать действие как клеточку (тот же зародыш), неразвитое начало развитого целого, единицу анализа всей психики. Даже когда речь идет о структуре сознания, то в качестве его образующих выступают биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образа (бытийный слой), значение и смысл (рефлексивный слой), взаимодействующие *я–ты* (духовный слой) [24, 28]. Об укорененности сознания в бытии, в мире за счет первичных «телесных» способов деятельности, двигательной активности, дающей сознанию ориентацию, писал и А. Бергсон.

Представление о нераздельности когнитивных и исполнительных актов имеет корни в истории философии (правда, в ней содержатся все корни, как и все камни преткнове-

ния). У Аристотеля мы находим, что «чистое действие» есть жизнь. У Г. Ф. Гегеля – что истинное бытие человека есть человеческое действие, в котором индивидуальность действительна. У А. Шопенгауэра – отождествление воли и действия. Он понимает волевой акт не традиционно, как отдельное решение совершить движение, а как само это движение. «Действие тела есть не что иное, как объективирование, т. е. вступивший в созерцание акт воли... Только в рефлексии желание и действие различны: на самом деле они суть одно и то же. Каждый истинный, настоящий, непосредственный акт воли есть в то же время и непосредственно проявляющийся акт тела...» [52, т. 1, с. 132–133]. Это, казалось бы, слишком смелое даже не решение, а отрицание поставленной И. Ньютоном проблемы «Как движение управляется волей», имеет свои резоны и экспериментальные доказательства. Однако и без них хорошо известно, что точность свободного действия и обеспечивающих его структур превосходит и точность инстинкта, и точность мышления. Сегодня наука начала их анализировать, строить предположения, как и где возникают свободные действия, в каком пространстве и времени, в «настоящем моменте» воздействия стимула или в повторении таких моментов. Иное дело, что так же нелепо отрицать наличие зазора между волевым решением и действием, как нелепо отрицать возможность свободного и спонтанного действия, при осуществлении которого видимый зазор между стимулом и действием отсутствует, и значит нет места сколько-нибудь осознанной рефлексии и волевому решению.

Точно так же, как в импульсивных или свободных действиях не находится места (и времени) для когнитивных актов, так и в последних не находится места для действий исполнительных (двигательных, ориентировочных). В этом

пункте помехой для исследования и объяснения выступает абсолютизация различий между внешним и внутренним и игнорирование гетерогенности внешних и внутренних форм. Все это еще усугубляется отождествлением внешнего (предметного действия) с материальным, а внутреннего (умственного действия) – с идеальным. Рассмотрим способы преодоления (или углубления?) этих искусственно воздвигнутых препятствий, которые предпринимались П. Я. Гальпериным и В. В. Давыдовым.

Для того чтобы подчеркнуть связь психического с материальным, идеальные, когнитивные акты стали называть не слишком удачным словосочетанием – «сокращенные действия». «Сокращенные формы психической деятельности, – писал П. Я. Гальперин, – совсем не похожи на свои начальные формы, и, взятые сами по себе, они по своей молниеносности, производительности и неувимости представляют собой для непосредственного наблюдения нечто поистине удивительное и малопонятное. Их расшифровка в качестве сокращенных форм таких действий, предметное содержание которых совершенно очевидно, бросает свет на происхождение многих психических процессов и на их истинное содержание и природу. Процесс сокращения позволяет перекинуть мост от совершенно раскрытых форм психической деятельности к ее наиболее скрытым формам и этим содействует одной из линий советской психологии – линии на принципиальное сближение идеальной и материальной деятельности» [8, с. 445]. Обращу внимание на то, что автор совершенно определенно характеризует развернутые (не сокращенные!) формы предметной деятельности как «раскрытые формы психической деятельности». Однако в дальнейшем, развивая теорию поэтапного формирования умственных действий, П. Я. Гальперин приходит к совершенно другим выводам, воздвигая классиче-

ский, многократно наблюдавшийся в процессах творчества смысловой барьер между материальной и идеальной, предметной и психической деятельностью.

Действительно, в многочисленных исследованиях формирования исполнительных, перцептивных и умственных действий систематически выявлялся один и тот же эффект – сокращения и редукции моторных компонентов соответствующих действий. Естественно, о *полной* редукции движений можно говорить (если можно?) лишь применительно к перцептивным и умственным действиям, где наблюдаются эффекты симультанного (одноактного) восприятия и «мгновенного» усмотрения решения. П. Я. Гальперин следующим образом описывал заключительный этап формирования умственных действий: «Сокращенные операции не просто исключаются, а переводятся на положение того, что как бы сделано и “имеется в виду”. Благодаря этому действие приобретает очень своеобразный вид. Так, например, в поле восприятия взор уже не следует по тому пути, которое проходило физическое действие и который он тщательно воспроизводил. Теперь, невзирая на препятствия, взор идет прямо к конечной точке этого пути... Когда в умственном плане действие сокращается до формулы, последовательные преобразования исходных данных тоже уже не производятся, а лишь “имеются в виду”... Таким образом и в плане восприятия, и в умственном плане предметное содержание действия уже не выполняется, а только “имеется в виду” за пределами того, что фактически делается. А это фактическое действие везде представлено движением “точки внимания” (во внешнем или внутреннем плане), движением, которое идет напрямик от исходной точки к заключительной вопреки объективным отношениям задачи, как бы демонстрируя этим свое отличие от предметного действия и свое пренебрежение к его объек-

тивной логике и к его трудностям. Внимание выступает как “чистая” активность духа, “чистая” направленность на свои объекты – *как психическая деятельность во всем ее отличии от деятельности предметной* (курсив мой. – В. З.). И никакая аппаратура не может открыть в нем чего-нибудь большего» [9, с. 291–292]. Я привел эту длинную выписку из статьи замечательного психолога и одного из самых любимых моих учителей, чтобы показать, насколько глубоко и стойко укоренилась дихотомия внешнего и внутреннего. П. Я. Гальперин даже отказывает внутреннему, психическому действию не только, так сказать, в «материальности», но и в предметности. Его заботила проблема преобразования предметного действия в мысль, предметного явления – в явление психологическое. И важнейшим условием такого превращения предметных процессов в психологические является переход «извне – внутрь». Если в работе 1959 года П. Я. Гальперин включал предметное действие в круг психологических явлений, то в только что процитированной статье 1966 года он исключил его из этого круга. В последнем может остаться не само предметное действие, а лишь мысль о нем [9, с. 289–290]. Продолжая эту логику, можно прийти к заключению, что в сферу психологических явлений должна входить лишь мысль о мысли. Но если последняя имеет укорененный в бытии смысл, то и она будет неминуемо предметной, в том числе и связанной с предметным действием. Соответственно, его печать будет лежать и на мысли о мысли. Категоричен М. К. Мамардашвили: мысль есть мысль, только соединенная с плотью [37, с. 311].

Кроме того, читатель остается в недоумении: в каком отношении находятся «чистая» активность духа и сокращенные идеальные действия, которые «открывают для мышления поистине грандиозные возможности» [37,

с. 314–315]? Ведь сокращается действие предметное. Если оно сократилось до нуля, став идеальным, почему последнее называется сокращенным? Может быть, «грандиозные возможности мышления» открываются как раз благодаря развернутым идеальным действиям?

И все же П. Я. Гальперин, как бы забывая об идеологическом задании решить задачу превращения материального в идеальное, преодолевает не им воздвигнутый смысловой барьер, корректирует навязанную ему антиципирующую схему и открывает перспективу изучения превращений самого предметного действия, в ткани которого обязательно присутствуют (согласно описаниям самого П. Я. Гальперина) психологические, но, видимо, еще не идеальные компоненты в виде ориентировки и других когнитивных компонентов (предвидения, памяти, интеллекта, аффекта и т. п.). Возвращаясь в конце цитируемой статьи к теме сокращения, автор пишет: «Но если учитывать не то, чем действие было, а то, чем оно становится, было бы правильнее сказать, что сокращение ведет к образованию нового действия, связанного с прежним лишь происхождением и назначением» [37, с. 314]. Между прочим, не так мало! И на очередь П. Я. Гальперин выдвигает задачу изучения самого сокращения. В качестве примера он приводит изящное исследование Н. И. Непомнящей [41], посвященное формированию умственного действия счета. В нем, как и в выполненном позднее аналогичном исследовании В. В. Давыдова и В. П. Андропова [18], наблюдалось, как реальные действия перемещения пересчитываемых предметов заменялись прикосанием к ним, и затем скользящим, сквозным движением руки вдоль пересчитываемого ряда и растянутым произнесением соответствующего числительного.

В. В. Давыдов, как и ранее его учитель П. Я. Гальперин, ставил задачу изучения сокращенных, редуцированных

действий и сохранял границу (смысловой барьер) между первичными материальными действиями и действиями идеальными, умственными [17, с. 180]. При этом он сохранял и весьма противоречивый термин «редуцированное движение»: «Изучение возникновения и превращения этого движения как базального компонента идеального действия может стать важной задачей современной психофизиологии при исследовании процессов интериоризации (в частности, интересный вопрос касается дальнейшей «судьбы» этого редуцированного движения)» [17, с. 199].

Замечу, что ни П. Я. Гальперин, ни В. В. Давыдов между духовным и практическим не воздвигали барьера, подобного тому, который они воздвигли между материальным и идеальным. Оба, вслед за К. Марксом, признавали наличие духовно-практической деятельности.

Не оспаривая значимости экспериментальных исследований процессов интериоризации, выполненных П. Я. Гальпериным, Н. И. Непомнящей, В. П. Андроновым и В. В. Давыдовым, следует заметить, что человеческое действие может лишь преследовать «материальные цели», но даже такое никогда не бывает чисто материальным. Последнее ничего ни достичь, ни породить не может. К тому, что уже говорилось о гетерогенности действия, нужно добавить: над живым движением всегда витает смысл двигательной задачи. До Н. А. Бернштейна об этом в 1895 году писал А. Бергсон: «Современная философия... отчетливо прочерчивает пограничную линию между интеллектом и волей, знанием и моралью, мыслью и действием... Но я полагаю, что действие и мысль имеют общий источник, не в чистой воле и не в чистом интеллекте, и источник этот — здравый смысл» [см.: 6, с. 140]. Можно, конечно, подобно К. Дункеру, шутить, что здравый смысл имеет превосходный нюх, но гнилые зубы. Однако значение здорового

смысла для творчества полезнее любой идеологии и любой системы, в преодолении которых он, кстати, играет весьма существенную роль.

Далее Бергсон пишет, что именно здравый смысл придает действию разумный характер, а мысли – характер практический. И. И. Блауберг, комментируя это, говорит, что интеллект понимается Бергсоном как преодолевающий сам себя, свое несовершенство, проявляющий недоверие к себе с целью исключить уже созданные, готовые идеи и освободить место идеям, находящимся в процессе формирования [6]. Преодолевают самое себя и жизненное (у Н. А. Бернштейна – живое) движение: «Во всяком жизненном движении всегда есть возможность продолжить это движение за пределы актуального состояния. Вот что я хотел выразить “образом”, и я выбрал образ “жизненного порыва”... Этот образ... освещает неясный момент факта жизни и дает почувствовать, что движение продолжается в самом себе» [6, с. 311].

Такое продолжающееся в самом себе движение, в терминологии А. А. Ухтомского, есть «активный покой», который он уподоблял вихревому движению Декарта. Поклонник А. Бергсона О. Мандельштам, рассматривавший покой, остановку как накопленное движение, как бы расшифровал состояние активного покоя:

*«В закрытых глаз, в покое рук –
Тайник движенья непочатый».*

Поэта волновала проблема виталистического порыва, для характеристики которого он использовал и другие названия: «порывообразующий толчок», «намагниченный порыв», «исполнительский порыв» и др. В «Разговоре о Данте» он пишет: «Каллиграфическая композиция, осуществляемая средствами импровизации, – такова приблизи-

тельная формула дантовского порыва, взятого одновременно и как полет, и как нечто готовое. Сравнения суть членораздельные порывы» [38, с. 150]. Это описание поразительно близко к концепциям чувства усилия, предложенным У. Джеймсом и А. Бергсоном. Первый выделял участки покоя (resting places) и участки полета (places of flight); второй увидел в самих участках покоя участки полета, которым пристальный взгляд сознания придает видимую неподвижность. Покой – это, конечно, фон для актуальных фаз движения, но едва ли этот фон может быть гомогенным. Он характеризуется различиями в уровнях активации, что хорошо изучено на примере сенсорных, перцептивных и моторных установок, имеющих тоническую природу. Режиссеры хорошо знают, как трудно сделать паузу напряженной, как трудно из состояния покоя извлечь действие. Столь же трудно превратить движение в действие. Впрочем, об этом на собственном опыте знают и простые смертные. Завершая «Разговор...», Мандельштам различает порыв и текст и выражает надежду, что предметом науки о Данте станет изучение соподчиненности порыва и текста [38, с. 152].

Мне представляется, что активный покой – это место (и время) зарождения порывов и открытия новых смыслов [см.: 27]. Последние редко возникают в моменты ожесточенного действия и накала чувств:

*«Прошла любовь, явилась Муза.
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум...»*

Близкую тему занятно выразил Б. Пастернак:

*«И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносятся...»*

В приведенных поэтических строках можно увидеть «отрешение» (Г. Г. Шпет), «остранение» (В. Б. Шкловский), «вненаходимость» (М. М. Бахтин) и даже гегелевское «отчуждение», которое Шпет переводил как «отрешение». В них есть и всеобъемлющая «спокойная точка» Т. Элиота, за которой следует фаза актуального движения – опробывание и воплощение смысла. Аналогами активного покоя у М. М. Бахтина и М. К. Мамардашвили являются понятия «отвеса», «отрыва», «ззора длящегося опыта». Активный покой интересен тем, что он дважды занимает промежуточное положение «между». Во-первых, физически – между соседними активными фазами актуального движения. Во-вторых, методологически – между механизмом и целесообразностью. А. Бергсона не устраивала ни идея «чистого движения», ни идея «направленности». Он, по его словам, искал глубже. Порыв – это преодоление и того и другого, его следовало бы назвать прорывом к свободе, подчиняющимся психологической причинности и требующим усилия. Казалось бы, ясно. За исключением одной малости: непредсказуемости возникновения порывов во времени, что прекрасно выразил Т. Элиот:

«Безвидность и пустота.

Бездвижность и пустота.

И тьма над бездною.

Тогда в предназначенный миг настал

миг времени и во времени.

*Миг не из времени, этим мигом сотворено время то,
что зовут историей; ибо без смысла нет времени,
а этот миг времени придал ему смысл».*

Здесь мы встречаемся с явным противоречием: с одной стороны, поэт говорит о предназначенности мига, с другой, – о том, что этот миг не из времени, т. е. его наступление не предсказуемо во времени, к нему нельзя подгото-

виться. Это может быть и *«Глубокий час души и ночи, не числящийся на часах»* (М. Цветаева). Независимо от предсказуемости–непредсказуемости мига, он характеризуется невероятной насыщенностью содержанием (значением) смыслом и ценностью: *«...ради мига / И год, и два, и жизнь отдам»* (В. Ходасевич). Это *«мгновения, становящиеся откровением»* (Р. М. Рильке). *«Мгновенье длился этот миг, но он и вечность бы затмил»* (Б. Пастернак). Такие мгновенья формируют душу: *«Моя душа – мгновенный след»* (М. Цветаева). Это *«моментальное навек»* (Б. Пастернак). *«Мгновенья полные, как годы»* (М. Волошин). Несмотря на призывы, прекрасные и неповторимые мгновения не желают останавливаться. Видимо, не случайно, ибо: *«Продленный миг / Есть ложь»* (М. Волошин). Если измерять жизнь такими мгновениями, то *«время жизни с час»* (Б. Пастернак). Мгновения, *«выдерживающие напор столетий»* (О. Мандельштам), существуют как бы над временем, или, прав Т. Элиот, они не из времени и тем не менее крепко привязывают человека к себе, дают силы сопротивляться времени: *«Быть заключенным в темнице мгновенья / Мчаться в потоке струящихся дней»* (М. Волошин). Мгновения хранятся в памяти: *«Всю цепь промчавшихся мгновений / Я мог бы снова воссоздать»* (М. Волошин), а струящиеся дни вымываются из нее: *«Память – неверная нить Ариадны – / Рвется в дрожащих руках»* (М. Волошин).

Поверим поэтам, испытавшим, пережившим, сохранившим и сумевшим выразить и передать свои ощущения и впечатления от настигших их мгновений. Мгновений-мегамигов (В. Л. Рабинович). Они не раскрыли тайну мгновений-откровений, но, несомненно, сделали ее более осязаемой, показав их неповторимость, непредсказуемость, невероятную насыщенность содержанием и исполненность смысла [см. также: 25; 27].

М. К. Мамардашвили называл подобные явления фиксированной точкой интенсивности и *Punctum Cartesianum*. «Мы говорим об атоме вечности, как сказал Киркегор, то есть о том, что вертикально по отношению ко времени как длительности» [37, с. 246]. Именно такими вертикальными измерениями бытия являют себя высшие формы активности сознания и духа.

Несмотря на наличие тайны, нужно продолжать. Итак, жизненное или живое движение (внешнее и внутреннее – в пределе включающее и поток сознания) – это ищущий себя смысл, опробующий и воплощающий его. (Такая характеристика живого движения похожа на положение Б. Спинозы о том, что память – это ищущий себя интеллект.) Благодаря своей исходной гетерогенности, живое движение приобретает (порождает) знаковые, символические и другие функции. Механическому движению символическую функцию можно лишь приписать. Ее приобретает сотворенная вещь. Становясь символом, она оказывается столь же идеальной, сколь и материальной. Это сюжет П. А. Флоренского и Г. Г. Шпета. Последний писал: «...во всяком символе *внешним* символизируется *внутреннее*. Через символ внутреннее есть внешнее, идеальное – реальное, мысль – вещь. Через символ идеальная мертвая пустота превращается в живые вещи – вот эти – пахнущие, красочные, звонкие, жизнерадостные вещи.

Питайся ими и молчи» [54, с. 412].

Проделанный экскурс в недавнюю историю советской психологии, как и реминисценции, связанные с А. Бергсоном, А. А. Ухтомским и с поэтическими характеристиками прозрений, имеют двойное назначение. Во-первых, показать, насколько трудно в ходе исследования преодолевается сковывающая воображение предвзятая схема. Во-

вторых, как наличие такой схемы мешает авторам увидеть именно то, что они ищут, если это искомое найдено не ими самими. Впрочем, в науке это не такой уж редкий случай. С начала 50-х годов коллега и друг П. Я. Гальперина А. В. Запорожец в контексте исследования развития произвольных движений и навыков наблюдал редукцию ориентировочных и исполнительных движений и действий. В конце 50-х годов В. П. Зинченко [23] и М. С. Шехтер [51] начали изучение трансформации сукцессивных перцептивных процессов, направленных на формирование образа в опознавательные, симультанные акты. В этих исследованиях П. Я. Гальперин и В. В. Давыдов выделяли лишь факты сокращения и редукции перцептивных действий, но оставляли в стороне гипотезы о механизмах симультанизации восприятия и узнавания. Конечно, симультанизация перцептивных актов и умственных действий – лишь бледная тень мгновений-озарений, которые описывались поэтами и учеными. Но это все же лучше, чем ничего. Поэтому остановимся на этом подробнее.

* * *

Идея о связи восприятия с действием очень давняя. Кажется, Пифагор уподобил глаз палке, с помощью которой слепой ощупывает пространство. Удивление психологов тем, что человек может мгновенно воспринимать сложные зрительные сцены, стало стимулом для изобретения тахистоскопа. Усовершенствование техник регистрации движений глаз позволило обнаружить, что они наблюдаются после тахистоскопических предъявлений, при представлении, во время сновидений, при мысленном решении многих, прежде всего пространственных, задач и т. п. Новые данные принесло использование цветовой модуляции изображений, стабилизированных относительно сетчатки.

Благодаря модуляции изображение не исчезало и испытуемым можно было предъявлять сложные зрительные и интеллектуальные задачи. Оказалось, что они не испытывают трудностей при решении задач на построение образов, на опознание, поиск, манипулирование фигурами и т. п. Удивило то, что при решении перечисленных задач обязательны малоамплитудные движения глаз, хотя они не приводят ни к смещению изображения относительно сетчатки, ни к смещению глаза относительно изображения, как в условиях свободного рассматривания. Если такие движения запрещались, и испытуемый выполнял инструкцию, то задачи не решались. Была выдвинута гипотеза, что такие движения глаз индуцируют изменения чувствительности различных участков сетчатки, находящихся под релевантными задачам участкам изображения. Этот механизм был назван механизмом функциональной *fovea centralis*, а движения глаза названы *викарными*, замещающими движениями глаз в условиях свободного рассматривания [см. более подробно: 30–32]. Помимо того, что этот факт интересен сам по себе, он еще иллюстрирует возможность быстрого, так сказать «на ходу», образования нового функционального органа.

Я не стал бы отрицать, что обнаруженный новый механизм внимания (функциональная фовеа) представляет собой «чистую» активность духа, «чистую» направленность на свои объекты, но не могу согласиться с тем, что такое внимание не является предметной деятельностью. Просто для осуществления этой деятельности внимания используются другие средства, другой алфавит моторных операций.

В упомянутом цикле исследований восприятия в условиях стабилизации изображений относительно сетчатки значительно более рельефно, по сравнению с условиями свободного рассматривания, выступила способность зри-

тельной системы к оперированию, манипулированию и трансформациям зрительных образов. При предъявлении двойных изображений и изображений, провоцирующих иллюзии, испытуемые видели одно и то же изображение то как плоское, то как объемное, то как неподвижное, то как движущееся; ординарные фигуры воспринимались как невозможные (в духе фигур Л. Пенроуза и Р. Пенроуза); мелькающие светлые полосы воспринимались не просто как кажущееся движение, а как объемный, вращающийся вокруг своей оси прямоугольник. Последнее происходило потому, что в зрительном поле испытуемого, наряду с кажущимся движением, возникал его послеобраз, идущий в противоположном направлении. И то и другое движение объединялись в целую фигуру, вращающуюся в пространстве. Таким образом, был обнаружен феномен не только visual или mental rotation, а mental generation. (Когда мы с Н. Ю. Вергилесом в 1967 году, публикуя эти результаты в «Вопросах философии», назвали глаз демиургом, adeпты фантомной теории отражения упрекали нас в отступничестве от этой теории.) Причиной всех приведенных «фокусов сотворения мира» была работа функциональной фовеа, индуцируемая викарными движениями глаз. Мы с Н. Ю. Вергилесом и Е. А. Ретановой [32] воочию наблюдали (будучи сами испытуемыми) процедуры и операции визуального мышления, неотъемлемым свойством которого является порождение новых образов, новых форм, несущих смысловую нагрузку и делающих значение видимым. В опытах наглядно проявилось наличие избыточного числа степеней свободы образа по отношению к оригиналу. Новые формы рождались на глазах и сменяли одна другую, как бы выжимались одна из другой. Испытуемые были поражены, им казалось, что в маленькой присоске, прикрепленной к глазу (ее вес был около 1 г) помещен проектор, с

помощью которого предъявляются все новые картинки. Появление новых форм стимулировалось невозможностью соотнесения предъявленного с помощью присоски воспринимаемого поля с более широким контекстом видимого мира. В такой ситуации воспринимаемое поле было подобно описанному Дж. Гибсоном феномену динамичного «видимого поля», возникающему при отстройке от видимого мира. Напрашивается аналогия с поэтическими образами, о которых О. Мандельштам сказал, что они «так же, как и химические формулы, пользуются знаками неподвижности, но выражают бесконечное движение» [38, с. 160]. Подчеркнем еще раз, что такое движение образов связано с особым алфавитом глазной моторики, имеющим некоторое сходство с регистрируемыми во время сновидений быстрыми движениями глаз (REM).

Резюмируя изложенный цикл исследований, следует сказать, что в психологии имеется достаточно оснований для того, чтобы дифференцировать исполнительные, перцептивные, опознавательные, умственные действия и их, так сказать, моторное обеспечение или алфавит. С этой точки зрения, так называемые идеальные, психические, умственные действия, вопреки прогнозу П. Я. Гальперина, оказываются доступными для инструментальных экспериментальных исследований. Последние свидетельствуют о том, что сокращения и редукция движений при формировании тех или иных действий на деле представляют собой не более чем смену моторного алфавита их выполнения. Именно за этот счет происходит повышение скорости, эффективности когнитивных актов.

Обратимся к когнитивной психологии, где на материале исследований кратковременной зрительной и слуховой памяти обнаружена широчайшая номенклатура преобразований входной информации и приведения ее к виду, пригод-

ному для решения тех или иных перцептивных, опознавательных, поисковых, мнемических и интеллектуальных задач. Назовем лишь некоторые из них: сенсорный регистр, иконическая память, сканирование, фильтрация, селекция, опознание, манипулирование элементами и целыми образами, семантическая обработка, внутренняя вербализация, повторение, хранение, воспроизведение и т. п. Как видно из перечня, среди блоков («ящиков в голове») имеются консервативные и динамические. Первые отличаются объемом и длительностью хранения, вторые – характером и скоростью производимых преобразований. Решение каждой отдельной задачи требует различной комбинации того или иного набора функциональных блоков, осуществляющих соответствующие данной задаче преобразования. В настоящем контексте нас интересует, возможно ли оперирование и манипулирование символической информацией, предъявляемой в таких режимах, когда участие вербализации в форме громкой или внутренней речи невозможно? Ответ был получен в исследованиях В. П. Зинченко, Г. Г. Вучетич [33] и Е. И. Шлягиной [53]. Испытуемым ставилась задача определить отсутствующий элемент в заранее известном наборе случайно предъявляемых цифр, которые показывались последовательно, «в затылок» друг другу. Интервалы между предъявлением соседних цифр были таковы, что не могло быть и речи о любой форме их вербализации. В самом предельном режиме испытуемым предъявлялось 9 цифр за 850 мс, а десятую он должен был определить. Даже в этом режиме испытуемые давали довольно высокий и статистически достоверный процент правильных ответов. Подтвердилась гипотеза о том, что человек способен оперировать и манипулировать (преобразовывать случайный ряд в натуральный, просканировать его, определить отсутствующую цифру и т. п.) построенными,

но еще не реализованными вовне (в данном случае – невербализованными) моторными схемами-программами. Для когнитивной психологии такие результаты не являются ни неожиданными, ни уникальными. То же относится к возможности оперирования и манипулирования невизуализированными схемами возможных образов [3]. Б. И. Беспалову удалось определить скорость мысленного вращения фигур (mental rotation). Оказалось, что она зависит от направления и требуемого угла поворота.

Значит, человек может работать с образом, но без образа, со словом, но без слова. Это похоже на мандельштамовский «шепот раньше губ». Он *раньше* внутренней речи, которая хорошо регистрируется с помощью электродов, приклеенных к нижней губе. И здесь я должен сказать, что возможность такой ситуации в свое время обсуждалась А. А. Потембной [46], а недавно – В. В. Бибихиным [см.: 27]. Подобные формы оперирования схемами, давая вполне достоверные результаты, чаще всего не осознаются испытуемыми, оставляя, в лучшем случае, ощущения порождающей активности, которые не поддаются расшифровке. Оперирование схемами несводимо к простой комбинаторике. Часто это – извлечение или придание нового смысла. Когда речь идет об оперировании в пространстве внешних или внутренних форм, то между ними возможно образование ассоциаций или бисоциаций в том смысле, в котором о них говорилось выше. В этом же пространстве возможны и превращения форм, и рождение новых форм, приобретающих новые смыслы и делающих значения видимыми. Еще раз подчеркну: я далек от мысли отождествлять, так сказать, мгновенные изученные в лабораторных условиях продуктивные преобразования образов и символов, происходящие в перцепции и в кратковременной памяти, с мгновениями-откровениями. Однако не следует и преуменьшать

значения первых, которое состоит в том, что они помогают демистифицировать творческий акт, приоткрыть «темницу мгновения» и дают надежду на его более рациональное понимание. Перейдем от когнитивной психологии к психологии действия.

Мы на собственном опыте знаем, что возможно проигрывание действия до действия (семь раз отмерь...), хотя это не гарантирует от ошибок. Предложенные к настоящему времени модели построения движений и действий включают в свой состав большое число когнитивных компонентов: образ ситуации, образ действия, схемы памяти, блоки сравнения, коррекции, контроля, интегральные и дифференциальные программы реализации действия и т. п. [см.: 11]. Подтвердилось давнее высказывание Ч. Шеррингтона, локализовавшего элементы памяти и предвидения на завершающих участках действия, равно как и положение С. Л. Рубинштейна, что в действии можно найти зачатки всех элементов психологии. И Шеррингтон и Рубинштейн под действием понимали больше, чем моторную реакцию. Хотя они не использовали понятия внутренней формы, но понимали действие как нечто целостное и сложное. Со временем оказалось, что живое движение (действие) – не просто «клеточка» развития, а «живое существо», как характеризовал его Н. А. Бернштейн. Это «существо» не только реактивно, эволюционирует, инволюционирует. Биодинамическая ткань живого движения не только связана с чувственной тканью регулирующего его образа, но и обладает собственной чувствительностью. Вместе они образуют то, что А. В. Запорожец назвал чувствительностью движения. Последняя неоднородна: имеется чувствительность к ситуации и чувствительность к осуществляющемуся или потенциальному движению. Обе формы чувствительности регистрируются со сдвигом по

фазе. Их чередование во времени осуществления даже простого движения руки происходит 3–4 раза в секунду. Такое чередование обеспечивает основу элементарных рефлексивных актов, содержание которых составляет сопоставление ситуации с промежуточными результатами действия и возможностями его продолжения; т. е. ситуация дана, а далее – оценка: могу/не могу. Подобные акты названы фоновой рефлексией, которая, разумеется, неосознаваема [13]. Такая рефлексия не является чисто познавательной, отрешенной от действия. Она обладает самостоятельной силой и оперативной функцией. В ее силах остановить, продолжить, изменить направление действия. Фоновая рефлексия – это своего рода когнитивное основание воли.

Таким образом, число парадоксов увеличивается: слово без слова, образ без образа, действие без действия и рефлексия без отчетливого осознания. Точнее, рефлексия осуществляющаяся на бытийном уровне сознания, образующими которого являются биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образа. Если позволить себе немного фантазии, то можно предположить, что обнаруженный феномен фоновой рефлексии есть некое бытийное основание хайдеггеровского *Dasein*, находящегося в состоянии «Я». *Dasein* постоянно следит за переживанием состояний «Я-есть» и «Ты-есть», или – лучше – «*Mir*-есть». Если фоновая рефлексия и не основание, то она – главная функция *Dasein*, обеспечивающая постоянное чередование актов объективации субъективного и субъективации объективного. При найденных частотах чередования реципрокных актов чувствительности для мыслящего и осознающего «Я» субъективное и объективное неразличимы. Но субъектное и объектное вполне различимы для «Я» сравнивающего и действующего. Сравнение – более универсальный признак живого. О. Мандельштам характеризовал сравнение как

членораздельный порыв: «Я сравниваю – значит, я живу, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо само бытие есть – сравнение» [38, с. 161]. Это более сильное утверждение, чем формула Н. Кузанского: «Познание есть сравнение». А декартово *cogito* ведь может и не случиться.

Наличие фоновой рефлексии в структуре действия свидетельствует о том, что оперирование, манипулирование и преобразования – превращения моторных схем не являются механическими. Чувствительность к возможностям выполнения моторного акта есть основание начальных форм становления самости и более поздних форм самоидентификации индивида. Чередование, кружение двух видов чувствительности к ситуации, к себе, к ситуации, к себе... есть препятствие для полной автоматизации и механического выполнения действия и залог его постоянного совершенствования. Совершенствование действия по сути представляет собой порождение нового действия. В свое время Н. А. Бернштейн проницательно заметил, что «упражнение есть своего рода повторение без повторения» [2, с. 387].

Можно предположить, что подобные моторные схемы до поры до времени остаются амодальными, неспецифическими, хотя по своему происхождению они гетерогенны, а по своему потенциальному функционированию – гетерономны, полимодальны. Как и функциональные органы, о которых писал А. А. Ухтомский, моторные схемы существуют виртуально и наблюдаемы лишь в исполнении. Их количество, равно как и количество слов и образов, которыми обладает индивид, едва ли поддается исчислению. Н. А. Бернштейн назвал «словарь» двигательных блоков (схем) «фонотекой», при этом он предложил понимать ко-

рень слова «фон» не как звук, а в буквальном смысле слова «фон». В зависимости от задач моторные схемы могут реализовываться, порождая то слово, то образ, то действие. Применительно к слову, перефразируя неологизм В. Л. Рабиновича «звукобуквовид», можно сказать, что имеются схемы, порождающие «звукослововид», – «вид» не только для слуха, чтения, но и написания. В этом смысле их можно даже назвать потенциально синестетическими. Используя в этом контексте термин «синестезия», мы имеем в виду нечто большее, чем «образные состояния» или внутреннюю способность к межмодальному взаимодействию, слиянию, трансляции в сфере восприятия (Г. Хант). Ближе к нашему пониманию, например, слияние кинестетики, артикуляции и жеста при порождении речевого высказывания, которое также является своего рода синестезией. Имеются данные, позволяющие представить себе синестезию или возможное внутреннее слияние моторики (в нашем случае моторных схем) с другими сенсорными модальностями. Г. Хант приводит данные о синестетичности языка и о связи синестезии с мышечным тонусом [50, с. 241]. Хотя пока еще неясно, как моторные схемы, предназначенные, например, для экстериоризации пространственного образа (его каркаса), соединяются с сенсорной чувственной тканью, облекаются в нее? Причем облекаются тканью не кинестетической или биодинамической, а именно сенсорной. Как пространственный образ «одевается светом молнии»? Ведь свет и цвет являются строительным материалом не только живописных, но и литературных произведений, например прозы М. Булгакова. Для ответа на такие и подобные вопросы необходимы более детальные знания о живом движении. Неудача А. Бергсона, давшего блистательное описание интуиции, сопряжена не в последнюю очередь, как показал ее анализ, с его

постулатом о неделимости движений, с недооценкой конструктивных функций движения в построении внутреннего мира индивида. Этот постулат был опровергнут благодаря созданию Н. А. Бернштейном методов циклограммометрии живого движения, которые А. А. Ухтомский назвал «микроскопией хронотопа». Развитие этих методов позволило изучать микроструктуру и микродинамику живого движения. В нем выделены волны и кванты, показано наличие чувственной ткани, фоновой рефлексии. Однако все еще не преодолен предрассудок, что живое движение несет лишь утилитарные функции исполнения. Конечно, предстоит еще большая работа по выявлению возможных соответствий когнитивных алфавитов и алфавитов моторных схем (или – приведения их к общему знаменателю). Пока исследования «когнитивистов» и «мотористов» редко пересекаются. Уроки Н. А. Бернштейна и А. В. Запорожца все еще недостаточно усвоены.

Наконец, упомянем еще один цикл экспериментальных исследований, в которых были сделаны первые попытки объединения когнитивного и деятельностного подходов к изучению информационной подготовки принятия решений [14; 15]. В. М. Гордон интересовало сравнительное участие зрительной и вербальной систем в процессах решения различных задач (поиск, построение образа, опознание, оперирование и манипулирование образами и т. п.). Регистрация движений глаз (ЭОГ) и внутренней речи (ЭМГ), а также ЭЭГ (затылочная и височная области мозга) показали, что различные функциональные системы включаются в процессы решения со сдвигом по фазе и в решении занимают разный удельный вес. Интерпретируя полученные результаты, мы с В. М. Гордон констатировали, что разрешающая способность методов регистрации психофизиологических функциональных систем явно недостаточна для

предметно-содержательной характеристики «языков», участвующих в построении образно-концептуальной модели проблемной ситуации. Такая характеристика становится еще сложнее в свете размышлений о гетерогенности внутренних форм каждого из языков (кстати, эта же проблема должна была бы встать перед исследователями асимметрии и доминантности левого и правого полушарий мозга). В то же время психометрическая и эвристическая ценность исследований, проведенных В. М. Гордон, не вызывает сомнений.

На этом оборвем краткий экскурс в сферу образных явлений, когнитивной психологии памяти, психологии действия. Хотя при их изучении не преследовались «в лоб» задачи анализа творчества как такового, но довольно выпукло выступали акты порождения нового: образа, воспоминания, действия. Я уверен, что накопленные в экспериментальной психологии данные, относящиеся к микрогенезу, микроструктуре, микродинамике, наконец – к функциональной структуре самых разнообразных психологических процессов и феноменов, должны учитываться при попытках анализа творческого акта, к которому давно пора вернуться.

* * *

Выше говорилось, что даже живое движение – это ищущий себя смысл (к счастью, нередко вполне бескорыстный), и только благодаря найденному смыслу оно может осуществлять свои внешние и внутренние конструктивные функции. Создаваемые внешние формы или новообразования будут тем совершеннее, чем богаче их внутренние формы, неотъемлемым компонентом которых является осмысленное слово. И не только. Моторные схемы еще до своей реализации омываются «кровеносной системой смы-

слов». А смысл есть со-мысль, замысел соответствующей перцептивной, двигательной или умственной задачи.

Мы приходим к тому, что путь к образу, к действию, к слову начинается со смысла, замысла, мысли, в основе которых лежит все то же слово, будь оно внутренним, безмолвным или даже невербальным. И путь этот весьма труден. В свое время А. Бергсон говорил, что самое трудное – перейти от схемы к образу, в том числе и к художественному, поэтическому, музыкальному... Если такой переход осуществляется, то порожденный образ сам становится мыслью и текстом. То же относится и к действию. Можно согласиться с Э. Клапаредом, что размышление стремится запретить речь. Но оно не запрещает, а предполагает слово, пусть и содержащееся во внутренней форме образа или действия. Имеются авторитетные свидетельства художников и музыкантов, что в основе замысла их произведений лежит слово. Г. Г. Шпет категорически утверждал, что слово не «третий» источник познания после чувственности и рассудка, опыта и разума: «Речь идет всюду об одном единственном источнике как *познавательном* целом. Конечно, мыслимо и совершается переживание (опыт), которое не есть познание, и мыслимы также в многообразных функциях слово и разум. Но их единство – познание: в нем переживание обнаруживает свое разумное основание в логической форме слова. Слово, *как язык*, следовательно, обнимает в себе все три момента познания, как свое значение, и служит в то же время символом их тесного единства» [55].

Обратимся вновь к метафоре тигля В. Гумбольдта, которая была представлена как некоторое пространство (образно-концептаульная модель), в котором переплавляются, смешиваются, разъединяются и приобретают новые очертания внутренние формы слова, действия и образа. В нем «внутренний огонь, пламенея то больше, то меньше,

то ярче, то приглушенной, то живее, то медленней, переливается в выражение каждой мысли и каждой рвущейся во вне череды образов» [16, с. 105]. Л. Витгенштейн, более чем 100 лет спустя после Гумбольдта, писал Б. Расселу: «Моя логика вся в плавильном тигле (in the melting-pot)». Позже он комментирует ее: «Через полмесяца из расплавленной неопределенности выделяются очертания, совсем не похожие на то, что понимал под логикой Рассел» [см.: 4, с. 29]. Замечу, что в плавильном тигле Витгенштейна переплавились в неопределенность, в некий, видимо, *плодотворный хаос* именно *логические формы*. Аналогичны наблюдения поэтов. Например, Б. Пастернак: «...дыханьем сплава в слово сплочены слова». Или: «Слитки рифм, как воск гадальный...». В плавильном тигле «рой превращается в строй» (метафора Андрея Белого). Расплавленная неопределенность до превращения ее в строй, в образ, в действие, в слово является немой, работа с ней не оставляет «говорящих следов» (Н. Н. Волков). А молчаливые – необратимо утрачены. Но именно:

*«Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья
Слово».*

(М. Волошин.)

Появилась новая определенность, основание творчества, озарение... Значит, «внутренний голос души» порождает произведение, которое, в свою очередь, обретает собственный голос (иногда – становящийся воплем), голос искусства, разума, смысла, участвующий в созидании духовной атмосферы [см.: 26].

Здесь открывается простор для гипотез (новых метафор и фантазий) относительно того, что происходит в плавильном тигле. О гипотезе «волшебной алхимии» говорилось

выше, когда живые внутренние формы, понимаемые либо как бисоциации, либо как моторные схемы, уподоблялись взаимодействующим структурным органическим молекулам. Во внутренних формах представлены операциональные, перцептивные (предметные) и концептуальные значения, а омывающий их смысл выполняет функцию катализатора и фермента. Они помогают преодолевать инертность, а иногда и косность внутренних форм, ускоряют и усугубляют их взаимодействия, превращения форм, распад, образование новых, своего рода «межвидовое скрещивание». Дело облегчается тем, что не только образ и действие, но и слово выполняет наряду со значащими также и *оперативные функции*; играет роль *орудия*, в своем служебном значении выходит за сферу *чистого сообщения*. Шпет очень интересно развивает свою мысль: «Слово действует сообразно своему значению, но его форма есть своеобразное отношение к самим значениям, обладающее самостоятельной силой, в которой и сказывается специфичность функции наименования» [55, с. 283]. Значит, в слове присутствует потенциальная возможность рефлексии, пусть и фоновой, подобной той, которая обнаружена в действии. Сказанное означает, что переплавка в тигле идет совсем не бессознательно. Как писал Гумбольдт, в нем процессы идут то живее, то медленнее (иногда – годами!). Их направляет «детерминирующая тенденция», «стремление к хорошей форме», стремление к «внешнему совершенству и внутреннему оправданию», «доминанта души» и т. п.

Возможна и физическая метафора. Физик В. И. Кошкин сделал к этой части текста следующее примечание: «В физике фазовых переходов (плавление – в частности) есть такой феномен. Прежде чем жидкость закристаллизуется, еще при температуре чуть-чуть меньшей, чем температура кристаллизации, в жидкости возникают некие “рои”, внут-

ренная структура которых очень близка к структуре кристалла. Эти рои возникают и распадаются, пока, наконец, не образуется т. н. “кристаллический зародыш”, который уже является новой, твердой формой. В творчестве – очень похоже. В плавильном котле постоянно возникают и распадаются разные комбинации “фрагментов смыслов”. Динамику этих виртуальных образований мы и фиксируем как творческий процесс, а момент инсайта, когда все вдруг **представляется** решенным, закристаллизовавшимся – это результат творческого процесса».

Так или иначе, в процессах творчества внутренние формы после переплавки *переливаются* во внешние формы, во внешнее выражение мысли, в том числе, и в создание произведений искусства. Б. Л. Пастернак говорил, что самое сложное – это хаос. Искусство – это преодоление хаоса. Его современница Анна Ахматова выражала это менее академично. Она говорила о соре, из которого *«растут стихи, не ведая стыда»*. Похоже у О. Мандельштама: *«...из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам»*.

Как бы ни называть это – хаосом или сором, – он состоит из *внутренних форм*, каждая из которых не просто содержит схему-программу потенциальной актуализации, а сама является такой программой. Более точен был Шпет, рассматривавший внутреннюю форму как путь. В слове, как и в образе, неистребима недосказанность. Например: «Слово, следовательно, есть то, что влечет за предел, за границу переживания» [55, с. 250]. Если таково слово, то что же говорить о символе, который влечет в бесконечность? При условии, что он не выпотрошен или не завладел человеком (страной) полностью, лишив его всех степеней свободы, кроме одной... символической. Конечно, моторная схема – это не кантовская трансцендентальная схема, но она обладает свойством превращаться в иное, например

в перцептивную, мнемическую, интеллектуальную. Шпет говорил о схемах, например, образной речи, не как о чувственных формах, а как о формах, предметно коррелятивных воображению, как об актах не чувственных, а умственных. Моторные, перцептивные и др. схемы должны рассматриваться как способы и методы соответствующих действий. Так же следует рассматривать и существенные (по выражению Б. Спинозы), живые, а не номинативные понятия, задающие способ воспроизведения вещи. Поэтому-то постоянно подчеркивается динамический характер внутренних форм; их называют живыми, энергийными, резонансными формами, формами силы. Еще раз подчеркну: творчество – это преодоление стихии сознания и бытия, преодоление хаоса, но хаоса не первобытного, а плодотворного, производного от чего-то ранее оформленного и находящегося в некотором осмысленном функциональном пространстве. Шпет называл внутреннюю форму формой форм, поэтому будет точнее говорить не об исходном хаотическом, а о хаосоподобном, хаотичном состоянии, которое преодолевается творцом. В нем отдельные смыслы суть капли. Радуга возникает из них; это – Смысл, но уже с большой буквы (метафора А. Белого).

Перековка в тигле, или кипение в котле *cogito*, – это, конечно, яркие метафоры. Более адекватным для описания творчества является понятие «форма превращенная». Это понятие подразумевает не просто новую комбинацию уже имеющихся форм, а их декомпозицию, или, если угодно, – деконструкцию и композицию – конструирование новых. Ведь, в конце концов, все наши психические или культурные акты – действие, образ, слово, аффект – представляют собой превращенные формы. Их деконструкция есть средство освобождения от заученных орудийных действий, от шаблонной практики, культурных штампов, ограничиваю-

щих степени свободы человеческой моторики, перцепции, внимания, памяти, интеллекта и аффектов. Избыток степеней свободы, которым обладает каждая из перечисленных систем, питает создание нового. А. Бергсон называл подобное плюрализмом «центров индетерминизма». Не точнее ли говорить о множественности центров свободы? М. М. Бахтин говорил, что художник делится с нами избытком своего видения. Он видит не лучше нас, а иначе. Именно этот полезный избыток часто называют хаосом; например, перепроизводство лишних движений при формировании навыков. На самом деле они являются пробующими, поисковыми. То же «перепроизводство» наблюдается при сукцессивном, многоактном формировании образа в отличие от симультанного одноактного опознания. В конце концов, даже беби-хаос всего лишь хаоиден. Хаос шевелится не только под уснувшими чувствами, но и под усвоенными действиями, понятиями, сложившимися образами.

Культура, конечно, упорядочивает, организует стихию и хаос (А. Белый сказал бы – заклинает хаос), но не уничтожает его. С. Л. Франк, в контексте размышлений о душе, характеризовал разумные волевые действия человека как нечто *механическое*, т. е. орудийное, сфабрикованное, и определял их как инстинкт «приличия». Вместе с тем он писал: «Под тонким слоем затвердевших форм рассудочной, культурной жизни тлеет незаметный, но неустанно действующий жар великих страстей – темных и светлых, который и в жизни личности и целых народов при благоприятных условиях может перейти во всепожирающее пламя» [49, с. 459]. Сказанное соответствует высказыванию Ф. Ницше: «Культура – это тонкая яблочная кожура над раскаленным хаосом». В общем верно, как верно и то, что она может быть и панцирем. Тонкая кожура проницаема для стихии и хаоса. Закрытые культуры защищаются от

хаоса и от других культур роговым панцирем или железным занавесом. Важно понять, что освобождение от культурных штампов и табу есть в то же время обращение к природным, стихийным силам, за которым необходимо следует их новое укрощение и преодоление. Сказанное относится и к широко использовавшемуся в тексте понятию «схема» (во всех его разновидностях). Формирование схем столь же необходимо, как и их преодоление. Последнее не менее, а часто и более, трудно, чем формирование. Схемы действительно должны быть хотя бы потенциально трансцендентальными, допускающими выход за свои пределы. Иначе они, как и символы, могут закабалить человека. А. Бергсон не случайно говорил о динамических схемах, а И. П. Павлов – о динамических стереотипах. Душевно об этом же сказал Б. Пастернак:

*«Ни разу властью схем
Я близких не обидел».*

На языке психологии проблема культуры и хаоса выступает в обличье проблемы опосредствованного и непосредственного. Демонстрация опосредствованности высших психических функций и сознания справедливо считается важнейшим достижением культурно-исторической психологии. Но мне кажется, что обращение Л. С. Выготского, а затем А. В. Запорожца, к проблематике эмоций свидетельствует об их понимании значения непосредственного, стихийного, спонтанного в жизни человека. Овладение этими силами, конечно, важно, но столь же необходимо их раскрепощение. Мы интуитивно понимаем, что непосредственность человеческих реакций, поведения, мышления есть ценность. Ее не так легко достичь и, как заметил А. Бергсон, не так легко заметить. И. И. Блауберг приводит оценку концепции Бергсона, принадлежащую

Е. Брейе: «К “непосредственным данным сознания” потому и нужно пробиваться “мощным усилием анализа”, что прежде всего необходимо сломать мощную корку общих понятий, обыденных представлений, языковых стереотипов. То, что для человека наиболее привычно и в этом смысле “дано”, – это именно опосредованность социально-политическими потребностями и языком. К непосредственному путь долог, его можно достичь лишь в конечном итоге, после устранения разного рода посредников, устранения пространственных форм, искажающих познание человеком самого себя. Вот почему требуется очищение и углубление внутреннего опыта, душевная работа, к которой призывает Бергсон. Рефрен его сочинений – идея о необходимости “снять наглазники”, отодвинуть экран, снять завесу, заслоняющую человека от него самого, не дающую ему увидеть главное, что в нем есть» [6, с. 134–135]. Невольно вспоминается «неслыханная простота» Б. Пастернака. Но в нее «впадают» лишь к концу. Отсылаю читателя к книгам В. В. Петухова [45] и А. А. Пузыря [47], где обсуждается вечная проблема: «природа и культура». В последней читатель найдет и «тигль души»! Важнейшей функцией тигля души, равно как и тиглей Гумбольдта, Витгенштейна, котла *cogito* Мамардашвили, является переплавка опосредствованного в непосредственное, построение своей высшей непосредственности. Лишь на ее основе возможно порождение нового, создание подлинного произведения.

Для характеристики подобной душевной работы или духовно-практической деятельности в психологии используются термины: интроспекция, рефлексия, интериоризация и экстериоризация, идентификация, Я-концепция и т. п., которые не столько раскрывают, сколько скрывают ее сущность. Настоящий текст начался с упоминания И. Кан-

та. Вспомним его и в конце. М. К. Мамардашвили в качестве эпиграфа к своим «Кантианским вариациям» взял выражение Канта «вяжущая сила самопознания» и следующим образом прокомментировал его: «Мне в этой связи сразу представляется образ какой-то массы энергетически напряженных элементов, которые, если они не приведены в связь, разорвут тебя или окружающий мир на части. То, что их соединяет в одну могучую единицу, излучающую энергию, и есть вяжущая сила самопознания. Когда она выполнила работу – текст излучает когерированный луч» [36, с. 15]. Мы можем поместить эту массу в тот же котел *cogito*, о котором Мамардашвили писал в другом месте, но в котле плавится не внешний мир, пусть трижды превращенный, а мое собственное *Я*, построенный мною микрокосм. И я произвожу из себя не чужой, а свой собственный мир. Иное дело, что, отчуждаясь от меня, он становится миром объективным. Поэтому-то М. К. Мамардашвили характеризовал мышление Канта как «очень натуральное, как биение сердца или дыхание. Кант мыслил именно так, мышление было естественной функцией его организма... в случае Канта это не просто мышление, а *опыт бытия* – слава богу – записанный» [36, с. 7–8].

Приведенные размышления философов заставляют задуматься над тем, что речь идет о творчестве человека не искусственного, а естественного, что непосредственность творчества столь же значима, как и его опосредствованность. Культурно-историческая психология не всесильна в анализе творчества. И не только. Природа человеческая еще будет преподносить ей свои таинственные сюрпризы. Прекрасно сказал об этом Т. Элиот: «*Но природный человек затмевает / Человека придуманного*». Не всесильна и идеология. Homo sovieticus затмил придуманного «торговцами смыслом жизни» «нового человека». На сегодняшнем

идеологическом рынке опять появляются скудоумные проекты нового и новейшего человека. Как бы вновь не получить вместо человека гармонического человека гормонального. Возрождение былых смыслов может быть не только праздником (как хотел того М. М. Бахтин), но и фарсом (в лучшем случае). Возвращаясь от квазитворчества к творчеству настоящему, скажу, что переосмысление соотношения непосредственного и опосредствованного в человеке – не столь уж дорогая плата за живость творимых произведений, за их способность к внутренней пульсации, лежащей в основе их влекущей и приглашающей силы.

Как следует из изложенного, внутренние формы гетерогенны, т. е. каждая из них не является «чистой культурой». Парадокс и загадка состоят в том, как подобный гетерогенез, опирающийся на множественные гетерогенные формы, в итоге, так сказать, на выходе дает «чистейшие культуры» – внешние формы, порождает, «выплавляет» стиль. Стиль слова, живописи, скульптуры, музыки, танца, мышления и мысли, стиль поведения, наконец. Да и человек – это стиль! За каждым произведением угадывается (или не угадывается) богатое внутреннее содержание, богатство скрытых за ним внутренних форм. Не случайно Леонардо да Винчи сказал о живописи, что она есть «*cosa mentale*» – ментальная вещь, т. е. она по определению гетерогенна.

Сумеем ли мы увидеть в произведении искусства его волшебную алхимию, сумеем ли проникнуть, увидеть за чистейшими формами бахрому их внутренних форм, их смысл и значение? Это уже проблема нашей эстетической культуры, вкуса, богатства или бедности (иногда – дикости) нашей собственной внутренней формы. Интересны и поучительны соображения М. О. Гершензона: «Пленительность искусства – та гладкая, блестящая переливающая ра-

дугой ледяная кора, которою как бы остывает огненная лава художнической души, соприкасаясь с наружным воздухом, с явью... Но вместе с тем блестящая ледяная кора скрывает от людей глубину, делает ее недоступной; в этом – мудрая хитрость природы. Красота – приманка, но красота – и преграда... Для слабого глаза она непрозрачна: он осужден тешиться ею одной, – и разве это малая награда? Лишь взор напряженный и острый проникает в нее и видит глубины тем глубже, чем он острее. Природа оберегает малых детей своих, как щенят, благодетельной слепотою. Искусство дает каждому вкушать по силам его: одному всю свою истину, потому что он созрел, другому часть, а третьему показывает лишь блеск ее, прелесть формы для того, чтобы огнепалящая истина, войдя в неокрепшую душу, не обожгла ее смертельно и не разрушила ее молодых тканей» [10, с. 228–229].

Сильный глаз может растопить блестящую ледяную кору и ему за ее поверхностью откроется внутренняя глубина творения. Оно станет для него прозрачным, т. е. таким, каким оно создано художником. Выше творческий акт уподоблялся кристаллизации. Продолжим эту метафору. Э. Юнгер пишет: «Прозрачностью обладает кристалл, каковой можно назвать некой сущностью, способной образовывать внутреннюю поверхность и в то же время обращать свою глубину вовне». Далее Юнгер высказывает предположение, не создан ли вообще мир, вплоть до мельчайших деталей, по типу кристаллов, но так, что наш взор способен лишь изредка их различать? «На это отвечают таинственные знаки: каждый человек, пожалуй, хотя бы раз испытывал, как в какой-то важный момент просветляются все люди и вещи, как вдруг начинает кружиться голова и охватывает трепет» [56, с. 192]. Ключевые слова для Юнгера «прозрачность» и «просветление». Он по-своему говорит о

внешних и внутренних форм языка, называя их поверхностью и глубиной: «То, что в мире зримо, – таинственное созвучие. В фигурах речи, прежде всего в сравнении, есть то, что способно преодолеть иллюзию противоположностей. Но без сноровки не обойтись – если в первом случае, желая увидеть красоту низших, используют отшлифованное стекло, то во втором случае нужно смело насаживать червя на крючок, если желаешь поймать что-то из удивительной жизни, обитающей в темных водах. В любом случае вещи не должны являться автору по одиночке, возникая по воле случая, ведь ему дано слово, чтобы говорить о всеедином» [там же]. Приведенные соображения Э. Юнгера – еще один повод, чтобы подчеркнуть стереоскопичность, осязаемость внутренних форм слова. Основанием этих свойств является все та же гетерогенность.

Наша собственная внутренняя форма строится, расширяется и углубляется по мере активного, деятельного или созерцательного (напомню И. Г. Фихте: созерцание – синоним деятельности), медитативного проникновения во внутренние формы слова, символа, произведения искусства, другого человека, природы; наконец, своей собственной внутренней формы. Результатом такого проникновения – проникновения-диалога, слиянного общения, содействия, сомыслия, сочувствия, сопереживания, сотворчества понимающих – является создание своего собственного интеллектуального, эмоционального, наконец духовного, тигля, котла *cogito*. Другими словами, речь идет о построении пространства (желательно избыточного) собственной (и чужой) души и духа. Такое проникновение представляет собой важнейшее средство (и критерий) идентификации личности. Это совершенно особый тип работы, требующий уединения и медитации (*служенье муз не терпит суеты*). Бывает также, что познание или угадывание себя происхо-

дит в «мгновение ока», как озарение. Еще раз вспомним Марину Цветаеву: «Моя душа – мгновений след».

* * *

В заключение выскажу некоторые методологические соображения. Многие исследователи творчества рассматривали его как форму деятельности и вольно или невольно свое понимание последней делали средством изучения и объяснения творчества. Редко принималось во внимание, что понимание творчества является условием понимания деятельности. Это в свое время отчетливо сформулировал П. А. Флоренский: «Победа над законом тождества – вот что поднимает личность над безжизненной **вещью** и что делает ее живым центром **деятельности**. Но понятно, что деятельность, по самому существу ее, для рационализма непостижима, ибо деятельность есть **творчество**, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества» [48, т. 1, с. 80]. Далее П. А. Флоренский пишет, что возможность преодоления закона тождества имеется лишь у философии духовной, которая является философией идеи и разума, а не философией понятия и рассудка. Не будем спорить с Флоренским, тем более что почти за 100 лет после написания этих слов и та и другая философия не слишком далеко продвинулись в анализе творчества. Однако к соображениям философа о недостаточности рационализма для познания деятельности давно следовало бы прислушаться. Аналогичные идеи высказывал и Н. А. Бердяев: «И всякий творческий акт по существу своему есть творчество из ничего, т. е. создание новой силы, а не изменение и перераспределение старой. *Во всяком творческом акте есть абсолютная прибыль, прирост*» [1, с. 355], т. е. то же прибавление к данно-

сти того, что не есть данность. Близкие мотивы мы находим у О. Мандельштама: «Чисто рационалистическая, машинная, электромеханическая, радиоактивная и вообще технологическая поэзия невозможна по одной причине, которая должна быть близка и поэту и механику: рационалистическая, машинная поэзия не накапливает энергию, не дает ее приращения, как естественная иррациональная поэзия, а только тратит, только расходует ее... Машина живет глубокой одухотворенной жизнью, но семени от машины не существует» [38, с. 197]. И снова – семя, о котором говорилось в начале этого текста. Дальнейшее – молчание... Затем – жизненные порывы, наступление фиксированных точек интенсивности (*Punktum Cartesianum*) или мгновений-озарений, которым сопутствуют выбросы энергии и ее концентрация на произведении.

Результатом творчества является произведение, рассматриваемое М. К. Мамардашвили как феномен, обладающий вполне определенным онтологическим статусом. Таким же статусом обладает и символ. Вместе с тем Мамардашвили говорит о «квазипредметном» и «феноменологическом характере сознания». Вообще феномены сознания он называл «духовно-телесными образованиями», «третьими вещами» и считал их органами деятельности, которые ею же самой и порождаются. Будучи порождены деятельностью, они становятся относительно независимыми от нее и сами приобретают порождающие способности: действие рождает новое действие, образ, мысль, слово; образ рождает новый образ, действие, слово, мысль; мысль, как говорил А. С. Пушкин, думой думу развивает, т. е. рождает новую мысль, слово, действие; сознание рождает, замысливает новую деятельность; свобода рождает желание еще большей свободы и т. д. Все это опутано не рефлексорными кольцами механических связей и взаимодей-

ствий, а рефлексивными связями взаимного порождения. Психология давно имеет дело с подобными феноменами, например, в сфере перцепции, памяти, внимания, но изучает их по большей части вне контекста философской феноменологии, диалектической герменевтики и вне контекста исследований творчества. Психологи, сделавшие своей профессией творчество, или, как они предпочитают говорить, – креативность, редко связывают феномены озарения, инсайта и т. п. с изученными феноменами внимания, памяти, которым нет числа [см., например: 20; 39], а также с феноменами, изучаемыми в психологии действия (см.: 2; 11; 12; 22].

Для лучшего понимания проблематики творчества необходимо привлечение, наряду с когнитивной психологией и психологией деятельности и действия, других подходов; прежде всего – герменевтики и феноменологии.

Итак, творчество как до, так и после настоящего текста осталось тайной. Я не претендовал на ее разоблачение, а лишь пытался расширить рациональные аспекты его рассмотрения и не мистифицировать внерациональные. Нам вполне достаточно мистификаций в нашей собственной практике идентификации, о которой предупреждал Леонардо да Винчи: «Самый большой обман, который претерпевают люди, происходит из их собственных мнений». Леонид Андреев сказал об этом более категорично: «Человек рождается без зубов, без волос и без иллюзий. И сходит в могилу без зубов, без волос и без иллюзий». Последнее не относится к механизмам творчества. Уверен, что здесь новые иллюзии и фантазии не заставят себя долго ждать. На этой оптимистической ноте я закончу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1983.
2. Бернштейн Н. А. Физиология движения и активности. М.: Наука, 1990.
3. Беспалов Б. И. Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М.: МГУ, 1984.
4. Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
5. Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
6. Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Валери Поль. Об искусстве. М.: Искусство, 1976.
8. Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М: АПН РСФСР, 1959.
9. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. Москва–Воронеж: Моск. психолого-соц. ин-т, 1998.
10. Гершензон М. О. Гольфстрем. Ключ веры. Мудрость Пушкина. М.: АГРАФ, 2001.
11. Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995.
12. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М.: МГУ, 1982.
13. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.
14. Гордон В. М. Изучение особенностей процессов опознания и оперирования образом // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 11. М., 1976.
15. Гордон В. М., Зинченко В. П. Структурно-функциональный анализ психической деятельности // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М.: Наука, 1978.
16. Гумбольдт В. ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
17. Давыдов В. В. Деятельностная теория мышления. М.: Научный мир, 2005.
18. Давыдов В. В., Андронов В. П. Психологические условия происхождения идеальных действий // Вопросы психологии. 1979. № 5.
19. Деррида Ж. Разбойники // Журнальный зал / НЛО. 2005. № 72. Р. 1–29.
20. Дормашев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. М.: Тривола, 1995.

21. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование мышления // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965.
22. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. М.: Педагогика, 1986.
23. Зинченко В. П. Перцептивные и мнемические элементы творческой деятельности // Вопросы психологии. 1968. № 4.
24. Зинченко В. П. Миры и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
25. Зинченко В. П. Принцип активного покоя в мышлении и действии // Культурно-историческая психология. 2005. № 1.
26. Зинченко В. П. Таинство творческого акта // Бонифатий Михайлович Кедров. Избр. труды. Воспоминания. М.: Наука, 2005а.
27. Зинченко В. П. Живое время (и пространство) в течении философско-поэтической мысли // Вопросы философии. 2005. № 5.
28. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. № 1.
29. Зинченко В. П. Мысль и слово: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современные проблемы гуманитарного знания. М.: Языки русской культуры, 2006а.
30. Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Проблема адекватности образа // Вопросы философии. 1967. № 4.
31. Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М.: МГУ, 1969.
32. Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю., Ретанова Е. А. Исследование перцептивных действий в связи с проблемой инсайта // Вопросы психологии. 1968. № 4.
33. Зинченко В. П., Вучетич Г. Г. Сканирование последовательно фиксируемых следов в кратковременной зрительной памяти // Вопросы психологии. 1970. № 1.
34. Кант И. Сочинения: В 6-и т. М.: Мысль, 1966.
35. Коваль А. Н., Мухелишвили Н. Л., Сергеев В. М., Спивак Д. Л. От проблемы истолкования в психоанализе – к проблеме истолкования религиозного текста // Религиоведение. 2005. № 2.
36. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: АГРАФ, 1997.
37. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
38. Мандельштам О. Слово и Культура. М.: Сов. писатель, 1987.
39. Мецгеряков Б. Г. Память человека: эффекты и феномены. М.: ООО «Вопросы психологии», 2004.

40. *Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.* Значение текста как внутреннего образ // Вопросы психологии. 1997. № 3.
41. *Непомнящая Н. И.* К вопросу о психологических механизмах формирования умственного действия // Вестник МГУ. 1956. № 2.
42. *Ортега-и-Гасет Х.* Размышления о «Дон Кихоте». М.: Политиздат, 1977.
43. *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999.
44. *Петров М. К.* Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006.
45. *Петухов В. В.* Природа и культура. М.: Тривола, 1996.
46. *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
47. *Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
48. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990.
49. *Франк С. Л.* Предмет знания. Душа человека. М.: Наука, 1995.
50. *Хант Г. Т.* О природе сознания. М.: АСТ, 2004.
51. *Шехтер М. С.* Зрительное опознание: закономерности и механизмы. М.: Педагогика, 1981.
52. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 5-и т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.
53. *Шлягина Е. И.* Исследование семантических преобразований в кратковременной памяти: Дис. ... канд. психолог. наук. М., 1975.
54. *Шпет Г. Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.
55. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. Иваново: ИГУ, 1999.
56. *Юнгер Э.* Сердце искателя приключений (1938) // Точки-Punkta. 2003. № 3–4.
57. *Köestler A.* The Act of Creation. London, 1965.

ПЕТРЕНКО В. Ф.

ПСИХОСЕМАНТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

«Нет ничего нового под луной», и соглашусь с мнением В. П. Зинченко о том, что новомодные направления в психологической науке представляют собой, скорее, перелицовку старых идей и теорий, помимо новых названий, включающих более современный математический аппарат и более совершенный методический инструментарий. Но это, так сказать, экстенсивный рост, движение в рамках уже сложившихся методологических парадигм. Не то чтобы психологическая наука топчется на месте, – бесспорно, она развивается достаточно экстенсивно, и налицо множество новых исследований, особенно в области так называемой нейронауки, томографических исследований мозга и поиска психофизических коррелятов между морфофизиологическими структурами мозга и выполнением тех или иных психических функций и процессов. На стыке лингвистики и психологии появилась новая интересная область психологии – нарративная психология [18], рассматривающая личность через призму ее рассказа, а через него – рефлексии самое себя, и осуществляющая психотерапевтическую трансформацию личности путем изменения, нового прочтения этой летописи собственной жизни [см. также проблемы автобиографической памяти: 3; 4; 22].

---

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ.

Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (де-персонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциальных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или решением творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна.

Свою статью я хочу посвятить одному из направлений когнитивной психологии сознания и личности – психосемантике [8; 9; 16].

Междисциплинарный подход к исследованию сознания и личности: экспериментальная психосемантика

Экспериментальная психосемантика, использующая методологию построения субъективных семантических про-

странств, как операциональных моделей категориальных структур индивидуального и общественного сознания, является областью пересечения интересов психологической науки, языкознания и семиотики, что следует из самого названия подхода и особенностей его методологии. К проблемам реконструкции картины мира индивидуального или коллективного субъекта причастны социология, экономика и правоведение, ибо любые социально-экономические формации не могут функционировать без особых социальных репрезентаций, принятых в обществе (термин Московичи); история, связанная с необходимостью реконструкции менталитета людей прошедших эпох (в духе школы Анналов или работ А. П. Гуревича); культурология, эмпирическая эстетика и теория массовых коммуникаций, как науки, широко использующие структурные методы анализа и связанные с оценкой эффективности коммуникативного воздействия.

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика, реализуя базовую пространственную метафору, позволяет применять различные методы семантического анализа и дает формы представления (репрезентации) семантических связей; позволяет определять сходство/различие лексических единиц и фрагментов текста, касающихся описания различных форм психической жизни и деятельности, т. е. раскрывать парадигматические отношения анализируемых объектов (значений) через их метрические расстояния в семантических пространствах.

Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы,

символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия).

Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) [см.: 19; 4; 15] и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Отечественная психосемантика базируется на методологических позициях школы Выготского, Леонтьева, Лурии и близкой ей школы Рубинштейна. Как пишет хорошо известный в России американский психолог Майкл Коул: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л. С. Выготского» [17].

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, переключаясь с философией и культурологией (см. работы: В. С. Стёпина о категориальной структуре сознания; А. Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), с языкознанием (модель Смысл–Текст И. А. Мельчука, лексическая семантика Ю. Д. Апресяна, представления Ю. Н. Караулова о «языковой личности», Ю. С. Степанова о «трехмерном пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё о социальном пространстве), информатикой (работы Д. А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

В гносеологическом плане психосемантика стоит на позициях конструктивизма:

- трактующего психическое отражение как моделиро-

вание, включающее в образ мира аксиологические, ценностные компоненты (пристрастность позиции наблюдателя и в силу этого «плюрализм истинности»);

- полагającego множественность возможных моделей мира («принцип дополнительности Бора» применительно, например, к этническим картинам мира или картинам мира «политических партий»);

- принимающего ценность разнообразия и, как следствие этого, полагającego многоальтернативность путей развития, как для отдельного индивида, так и применительно к некой социальной или этнической общности, государству или цивилизации. Отсюда вытекает интерес психосемантики к теории динамических систем и синергетике.

Основным методом и одновременно модельной формой репрезентации содержания сознания субъекта в экспериментальной психосемантике является построение субъективных семантических пространств, которые образованы объединением (с помощью методов многомерной статистики) неких характеристик исходного языка описания (дескрипторов – в терминах лингвистики, или конструкторов – в терминах языка психологии) в более емкие категории-факторы и позволяют разложить любое значение (понятие, содержание образа, символа, выразительного движения, жеста и т. п.) на некий набор базисных смысловых единиц (сем, семантических множителей, «атомов смысла» т. п.), осуществить семантический анализ.

Программа описания любого содержания через ограниченный набор смысловых элементов была выдвинута еще в XVII веке в трудах Декарта, Паскаля, Арно, Лейбница, Локка. Алфавит человеческих мыслей есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают основные наши идеи [2]. В качестве примера, характеризующего это

направление, можно привести попытку Спинозы описать область человеческих эмоций с помощью ограниченного числа категорий и фактически построившего тем самым первое семантическое пространство (см рис. 1). Анализируя содержание значений слов, обозначающих эмоциональные состояния, – «надежда», «страх», «уверенность», «отчаяние», он использует для их описания сочетание двух категорий: оценочной (хорошие ↔ плохие вещи) и той, которую мы сейчас назвали бы вероятностью события (случайные ↔ необходимые вещи). Это позволило ему дать следующую трактовку рассматриваемых эмоциональных состояний: «Если мы знаем о будущем вещи, что она хороша и что́ может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой. ... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом.

Рис. 1. Семантическое пространство эмоциональных состояний (по Б. Спинозе)

Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе наступает покой, называемый нами уверенностью. Когда мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» [14, с. 128].

В конце пятидесятих годов прошлого века появилась методика семантического дифференциала Ч. Осгуда как одна из наиболее ранних и простых техник построения семантического пространства. Возникла она как побочный продукт в ходе исследования психологических механизмов синестезии как кроссмодального перекодирования переживаний из одной чувственной формы в другую. Отражением синестетических связей является, в частности, цветомузыка Скрябина, музыкально-художественные сюиты Чюрлениса. По мнению А. Р. Лурии, нейропсихологические механизмы синестезии обусловлены коллатеральными нейрональными связями проекционных зон мозга, и отражение этих связей в языке мы можем найти в таких выражениях, как «бархатный голос», «скука зеленая», «кислая физиономия». Механизмы синестезии осуществляют обобщение и категоризацию, так сказать, на уровне организма. Мозг как бы стремится по восприятию одной модальности реконструировать целостный интермодальный образ мира.

Метод семантического дифференциала построен на основе шкалирования разного рода понятий и зрительных, слуховых, тактильных стимулов с помощью шкал-антонимов естественного языка. Так, испытуемому предъявлялись понятия «ураган», «хлеб», «мать»; имена собственные (например, «президент Стивенсон»); цветные карточки (например, красного или синего цвета); поверхности различной текстуры (например, гладкие или шероховатые), звук горна, падающего в воду камешка или скрежета по стеклу и т. п. При этом его просили оценить по антонимичным

шкалам типа: хороший – плохой, большой – маленький, быстрый – медленный, активный – пассивный, долговременный – краткий и т. п., насколько каждый объект соответствует левому или правому полюсу биполярной шкалы. Шкалы использовались градуальные (семибалльные) и испытуемый мог поставить цифры 3, 2, 1, 0, –1, –2, –3 в зависимости от того, к какому полюсу шкалы (левому или правому) и в какой степени у объекта выражено оцениваемое качество. Полученные таким образом матрицы данных суммировались по испытуемым, и уже групповая матрица данных подвергалась процедуре факторного анализа, позволяющего сгруппировать исходные шкалы (дескрипторы) в более емкие категории – факторы. Используя для оценки объекты самого разного рода и большое количество шкал – антонимов английского языка, – Ч. Осгуд выделил три базисных фактора, названных им факторами «Оценки», «Силы» и «Активности». По содержанию эти факторы очень близки базисным категориям «Трехкомпонентной теории эмоций» Вундта, полагавшего, что все богатство эмоциональной жизни можно описать на языке трех базисных категорий. Действительно, что общего между понятиями «мать», «стул», «президент», «Стивенсон»? Только сходство или несходство эмоционального тона, вызываемого этими объектами (фактор Оценки), силой переживания (фактор Силы) и его длительностью (фактор Активности). Представим себе примитивный организм, передвигающийся по земле и наткнувшийся на преграду. На языке своих простейших чувств он способен только «ощутить» боль или приятное переживание (пищу), которые приносит ему соприкосновение с этим препятствием; ощутить, насколько активна или пассивна эта преграда (движется она или неподвижна) и насколько интенсивно переживаемое от этого контакта ощущение. Т. е., по-видимому, действи-

тельно простейшей формой отражения является переживание, которое может быть выражено тремя категориями. В дальнейшем построение семантических пространств на материале различных национальных языков показало инвариантность и присутствие во всех языках этих трех категорий; правда, добавив к ним еще два измерения, суммарно именуемых как «Большая пятерка» [1].

Однако при оценке объектов узкого семантического класса размерность пространства (число независимых категорий-факторов) оказалась производным от знания субъектом этой области. Например, при построении Ч. Осгудом пространства восприятия абстрактной живописи, художниками было выделено порядка 6–7 независимых факторов, в то время как оценочные суждения (дескрипторы) непрофессионалов высоко коррелировали друг с другом и сводились всего к одному оценочному измерению – к фактору «нравится – не нравится». Т. е. семантическое пространство не интересующихся живописью людей (как говорят американцы, «людей с улицы») сводилось к одному фактору, было одномерным. В то время как при оценке так называемых «экзистенциальных понятий» «я – сам», «мое сокровенное Я», «мой отец», «мой друг», «мой враг» и т. д. по оценкам тех же респондентов были построены 7–9-мерные пространства. Т. е. для различных составляющих содержательной области – например, семантического пространства политических партий [8]; семантического пространства этнических стереотипов [9; 8; 20]; семантического пространства русских фразеологизмов [7], семантического пространства грузинских фразеологизмов [9], семантического пространства профессиональных стереотипов и т. п., – размерность пространства (число независимых факторов) определяется знанием субъекта (субъектов) этой области. Поэтому наряду с универсальными (трехфак-

торными или пятифакторными) семантическими дифференциалами, построенными для самых разных понятийных классов, я использую понятие «частных семантических дифференциалов», построенных для конкретных содержательных областей. Применительно к этим частным семантическим пространствам, при факторизации индивидуальных протоколов можно говорить о когнитивной сложности сознания испытуемых, относительно конкретной содержательной области. В одной из разработанных нами психосемантических методик «Сказочном семантическом дифференциале», на основе шкалирования детьми сказочных персонажей, определяется когнитивная сложность этих детей в сфере межличностного восприятия. И этот параметр оказался зависимым не только и не столько от возраста ребенка, сколько определялся его индивидуальными особенностями.

Другой основой психосемантики явилась теория личностных конструкторов Дж. Келли (Theory of personal construct). Если Ч. Осгуда интересовали общепсихологические закономерности категоризации, то область интересов Дж. Келли связана с индивидуальными различиями в категоризации себя и других и в изучении динамики этих процессов. Профессиональный психолог Дж. Келли занимался практикой рациональной психотерапии. В отличие от психоанализа, ориентированного на работу с бессознательным, рациональная психотерапия обращается, скорее, к сознанию пациента (скорее, даже клиента), в роли которых у Дж. Келли выступали «высоколобые» (студенты и профессора американских университетов). Келли рассматривал любого человека как своеобразного житейского ученого, формирующего гипотезы о мире, о себе и других людях, и полагал, что эти гипотезы могут трансформироваться в хо-

де психотерапии. Собственно, и метод «репертуарных решеток», как метод построения семантических пространств, был разработан Дж. Келли как средство фиксации того, что же меняется в картине мира пациента в ходе психотерапии. Личностные конструкты у Келли являются тем строительным материалом, на основе которого создаются эти гипотезы о мире. Дж. Келли, как и Ч. Осгуд, исходил из представлений о принципиальной бинарности языка (разделяемых большинством лингвистов и рядом физиологов, связывающих бинарность с двухполушарностью мозга). Дж. Келли полагал невозможность мыслить, например, категорию «добра» – без образа «зла», понятия «большой величины» – без «малой» и т. п.¹ Однако в отличие от Ч. Ос-

---

¹ В наших исследованиях при построении семантических пространств в качестве шкал-дескрипторов мы используем, как правило, не биполярные, а униполярные шкалы-конструкты (фрагменты литературных текстов, политические высказывания и манифесты, описание поступков персонажей). Я исхожу из того, что физический мир, хотя для его описания используются биполярные характеристики типа «далекий–близкий», «тяжелый–легкий», «большой–маленький», описывается униполярными характеристиками от нуля до бесконечности. «Легкий» – это не противоположная гравитации характеристика, а малая степень тяжести. «Близкий» – малая степень удаленности., а температурная шкала Кельвина построена от абсолютного нуля до запредельно высоких величин и т. п. Для описания же людей мы и используем биполярные характеристики типа «умный–глупый», «смелый–трусливый», «добрый–злой». Однако эти характеристики служат, скорее, для оценки, для передачи своего мнения другим людям. Воспринимаем же и осознаем других и себя мы целостным и нерасчлененным образом. Например, в этом человеке что-то от Грушницкого, а в этом – от Печорина, в этом – от Лёши Карамазова, а этот – вылитый Иудушка Головлев. Поэтому и образы «смелого» или «трусливого» человека мы домысливаем, представляя конкретные человеческие персонажи. И генезис, формирование каждого из антонимических образов, имеет свою историю, свою логику

куда, использовавшего в качестве шкал прилагательные – антонимы английского языка, Дж. Келли вводит понятие личностного конструкта как субъективную антонимию, и предложил процедуру выделения таких антонимов – так называемый «метод триадического выбора». Так, испытуемым предъявлялись тройки персонажей (в терминах Келли – ролевые позиции), например «я», «мой отец», «мой друг». Испытуемому требовалось сформулировать некое качество, объединяющее двух персонажей и сформулировать некое качество (субъективно антонимическое), по которому третий персонаж противостоит первым двум. Например, я и мой друг – имеем либеральное мировоззрение, а мой отец – сторонник коммунистической идеологии. Но выделенный в качестве примера конструкт не является классическим антонимом, и по словарю антонимов русского языка «либеральный» антонимичен «консервативному». Но либеральное мировоззрение может быть противопоставлено и социал-демократическому, и национал-патристическому, и христианско-демократическому. Для кого-то понятию «интеллигент» противопоставлено «необразован-

---

происхождения, свою культурно-историческую обусловленность. То, что в одной культуре, или в сознании конкретного человека, антонимично одному образу, в другой культуре, или в другом сознании, может быть антонимично совсем другому. Поэтому оценка некоего объекта по биполярной личностной шкале может иметь двугорбое распределение. Некто соответствует (в какой-то степени) одному образу, и одновременно (в какой-то степени) – антонимичному. Оказалось, что только 60 процентов личностных конструктов принадлежат к классическим языковым антонимам.

Поэтому практика применения в наших работах униполярных шкал-дескрипторов даст дополнительную степень свободы исследования, позволяя выявлять субъективную антонимию/синонимию шкал, на основе процедуры их группировки-факторизации.

ный», для кого-то – понятие «хам», а для кого-то слово «интеллигент» ассоциируется с прилагательным «паршивый» и противопоставлено образу «крутого брата». В работах Дж. Келли ролевые позиции оценивались (шкалировались) по выделенным конструктам, и на основе матрицы данных (репертуарных решеток, в терминах Келли) с помощью факторного анализа (и его модификаций) строилось семантическое пространство, аналогичное осгудовскому. Достоинством процедуры Келли являлось то, что испытуемые сами порождали шкалы (антонимы) или личностные конструкты (в терминах Келли), а не шкалы навязывались испытуемым, как в методике Осгуда. Однако процедура порождения личностных конструктов требует известного интеллектуального напряжения (и плохо реализуема для маленьких детей, малообразованных респондентов или интеллектуально сниженных пациентов), а различие в наборе шкал-дескрипторов (конструктов), как исходного общего базиса у Осгуда, затрудняет сопоставление индивидуальных семантических пространств для различных испытуемых (пациентов).

Представление о взаимосвязи естественного языка и сознания в психосемантике

Проиллюстрируем роль языка в осознании мира на примере наших экспериментов с постгипнотической инструкцией. Если испытуемому, находящемуся в глубоком гипнозе, дается запрет видеть какой-либо предмет, то, выходя из этого состояния, он тем не менее не воспринимает не только «запрещенный» предмет, но и «не видит» другие, семантически связанные с ним. Например, на запрещение видеть сигареты он, при просьбе перечислить ряд находящихся перед ним предметов, не воспринимает также и пе-

пельницу, спички или окурки, или же, указав на семантически связанный предмет, забывает его предметную функцию. Например, один из испытуемых, находившийся под влиянием постгипнотической инструкции, смог увидеть зажигалку, но назвал ее «цилиндриком» и забыл ее предназначение. При этом, если запрещенный объект или семантически связанные объекты достаточно громоздки и закрывают при перечислении другие, испытуемый не «протыкает» пальцем «невидимый» объект, а отклоняет свой указующий перст. Последующий ассоциативный эксперимент, проведенный с испытуемыми, показал, что из их памяти выпадают слова, обозначающие запретное гипнотической инструкцией, и как бы «вырезается» определенный лексический пласт языкового сознания. Испытуемый видит объект, но не осознает его. Эти эксперименты являются наглядной иллюстрацией идее Павлова о первой и второй сигнальной системах и позволяют рассматривать сознание как своеобразное вторичное восприятие мира в знаковой форме. При этом акцентированная «гипотезой лингвистической относительности» Сэпира–Уорфа роль языка как формы упорядочивания перцептивного опыта обретает новый ракурс рассмотрения, а положение А. Р. Лурии об «удвоении мира в языке», объясняющее возможность выхода сознания субъекта за рамки наличной ситуации, находит косвенное подтверждение.

Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструктов Дж. Келли, «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий». Это положение конструктивистской психологии является, на наш взгляд, своеобразной перифразой принципа «единства сознания и деятельности» А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна в отечественной психологии. Являясь средством осознания, та-

кие формы обобщения, как стереотипы, житейские понятия и представления сами как таковые могут не осознаваться субъектом.

Приватная и общественная жизнь человека дает множество примеров использования малорефлексируемого знания. Каждый человек строит свои отношения с другими людьми, выступая «житейским психологом», планирует свой бюджет, выступая «стихийным экономистом», имея политические пристрастия, как-то упорядочивает свои представления о власти, государстве, партиях. Этические ценности, представления о «добре» и «зле», о «чести» и «долге» также имеют когнитивную представленность. Для обозначения этого донаучного знания, которым располагает каждый человек, Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имплицитной теории» (модели) субъекта относительно той или иной содержательной области.

Невозможность прямого доступа к этим знаниям, ограниченность интроспекции диктует необходимость косвенных методов анализа их проявления, методов «деятельностного опосредования». Специфика психосемантического подхода заключается в том, что анализ категориальной структуры сознания, реконструкция системы значений, опосредующих осознание мира субъектом, исследуются в «режиме употребления». Субъект что-либо классифицирует, оценивает, шкалирует, выносит суждения о сходстве и различии объектов и т. п.

Последующее применение многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, латентного и детерминационного анализа) позволяет выявить структуры, лежащие в основе полученной матрицы данных. Интерпретация выделенных структур осуществляется через поиск смыслового инварианта пунктов, входящих в фактор или кластер, а также через анализ содер-

жения объектов, наиболее полярных по выделенным факторам. Для формулировки гипотезы о содержании факторов привлекаются компетентные эксперты (метод независимых судей), для облегчения интерпретации вводятся в исходный набор эталонные объекты и т. д.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями такого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом независимых, некоррелирующих факторов, а значения анализируемой содержательной области задаются как координатные точки (или вектора) внутри этого пространства.

Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большой размерности (признаков, заданных шкалами, дескрипторами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Семантически категории-факторы являются неким метаязыком описания значений, поэтому семантические пространства позволяют разложить значения на фиксированный алфавит категорий-факторов, т. е. проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии, вычислять семантические расстояния между значениями путем вычисления расстояния между соответствующими координатными точками внутри n -мерного пространства.

Психосемантика реализует принцип операциональной аналогии между параметрами семантического пространства и категориальной структурой сознания.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) соответствует когнитивной сложности сознания субъекта в некой содержательной области. Обучение, развитие личности ведет к увеличению размерности

сознания, к появлению новых содержательных факторов. В частности, эффект коммуникативного воздействия, наряду с изменением личностного смысла субъекта по поводу объектов (и, соответственно, их координат в семантическом пространстве) в своем «сильном выражении» может вести и к появлению новых измерений в осознании субъектом мира и себя. С другой стороны, как показали наши исследования, наличие аффекта ведет к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более примитивным формам категоризации.

Когнитивная сложность отражает дифференцированность, развитость сознания. Тем не менее сознание гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую в другой. Например, субъект или группа субъектов могут иметь высокую когнитивную сложность при дифференциации футбольных команд и низкую – при различении политических партий; высокую сложность сознания в сфере межличностного восприятия и низкую, скажем, при определении стилей живописи.

Важным качественным показателем организации семантического пространства является само содержание выделенных факторов, которое может быть в рамках одной содержательной области различным для разных испытуемых. Семантическое пространство, построенное на базе оценок объектов конкретной содержательной области, оказывается производным от знания субъектом данной содержательной области, от его «имплицитной теории» данной области. Значения являются одновременно операторами классификации. И проявиться в психосемантическом эксперименте и отобразиться затем в виде факторов-координат семантического пространства могут только те основания классификации, которые присущи самому субъекту.

Например, в семантическом пространстве дифференциации видов животных вряд ли проявится фактор «съедобности–несъедобности» для вегетарианца или фактор «политические убеждения» в дифференциации людей у маленького ребенка.

Другим показателем когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая «перцептуальная» (различительная) сила признака. Субъективно более значимые основания категоризации дают и больший вклад в общую вариативность оценок объектов (вклад в общую дисперсию), и соответствующие им факторы – координатные оси семантического пространства – более сильно поляризуют анализируемые объекты. Пространство как «резиновое» растягивается по оси субъективно значимого фактора.

Построение семантических пространств реализует две задачи: координатные оси, образующие «скелет» семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания в рамках некой содержательной области; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет реконструировать семантический состав значений как единиц индивидуального сознания.

В случае семантических пространств малой размерности, когда доминирует объединение признаков описания в факторы не по денотативным, а по коннотативным основаниям, то размещение значений в таких пространствах отражает их коннотативные значения, в которых отражение и отношение слиты, – т. е. значения, личностный смысл которых и их чувственная ткань находятся в нерасчлененном единстве. Такие пространства характеризуют личностные смыслы индивида и применяются при исследовании социальных установок, стереотипов и т. д.

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

Психосемантические методы реконструируют имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он может сам и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме употребления». В лингвистике есть понятия «*language competence*» и «*language performance*» – «знание языка» и «владение языком». Маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая его структуры (грамматики, синтаксиса). Но ведь если он порождает правильные грамматические конструкции – значит, он владеет некими правилами порождения, но они не осознаются. Аналогично взрослый человек, покупая (или не покупая) товары, голосуя за того или иного кандидата, оценивая свои и чужие поступки, выступает стихийным, житейским «экономистом», «политологом», «этиком», «правоведом». Его имплицитные модели этих содержательных областей опосредствуют вынесение частных суждений. Организуя последние в матрицы данных и подвергая статистическим процедурам, исследователь «вытаски-

вает на свет» их имплицитную структуру. Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека.

Важно подчеркнуть, что если классическая психометрика рассматривает человека как точку в пространстве диагностических показателей, то в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и, прочитывая эту «нотную» запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента.

В классической психометрике субъект отвечает на множество вопросов, которые уже сгруппированы в некие категории на основе шкалирования большой выборки других людей. Его данные как бы засовывают в «прокрустово ложе» общегрупповых структур, получая его профиль личности, гистограмму (что математически аналогично фиксации точки в многомерном пространстве диагностических показателей) на основе группировки пунктов опросника по статистическим корреляциям, полученным на всей выборке. Но система конструкторов, опосредствующих мировосприятия данного человека, может разительно отличаться от неких общегрупповых норм, и, объединяя ответы испытуемого в структуры, выделенные на основе общегрупповой матрицы данных, мы совершаем насилие.

При этом процедура насилия осуществляется дважды. Что можно сказать о человеке на основе сырых баллов по тесту Кеттелла? Восемь баллов по шизотимии. Что это: много или мало? И человека опять сопоставляют со всей группой, всей выборкой, переводя сырые баллы в так называемые стены (от английского «standart ten» – стандарт-

ная десятка») и тем самым находя его место среди других испытуемых в нормальном гауссовом распределении испытуемых по некоему качеству.

Процедура «втискивания» индивидуальных данных в «прокрустово ложе» неких статистических норм, таким образом, задействована дважды: структурно и количественно.

В отличие от классической психометрики, исследования в экспериментальной психосемантике являются более трудоемкими, но каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, где каждая координатная точка отражает отношение субъекта к какому-то единичному объекту, его личностные смыслы. И все это звездное небо выступает средством эмпатии сознанию другого человека. Вся эта картинка есть не что иное, как система ориентиров, реперных точек для процесса эмпатии, встраивания в сознание другого человека.

Семантические пространства выступают средством самосознания человека и общества, рефлексии ими собственных проблем. Если же исходить из широкого спектра реальных психологических задач, то большая часть их заключается в помощи осознания собственных проблем, в расширении сознания пациента и, как следствие, расширении спектра возможностей. Это фактически конструирование треков возможных форм реализации, помощь людям в движении личностного становления или становления группы, коллектива, социума. Картина мира субъекта, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта, в широком контексте его смыслообразования «еще не ставшего бытия», в контексте мало изученной категории «судьбы», а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

В нашем изучении личности в рамках психосемантического подхода широко используется прием описания чело-

века через оценку его поведения в предлагаемых обстоятельствах и построения семантических пространств поступков человека. Размещение в семантическом пространстве поступков образов значимых других, самого себя, своего альтер-эго, образов современников, исторических или литературных персонажей – позволяет встроиться в мировосприятие данного человека, понять его систему ценностей, установок, личностных смыслов. Предложенный нами метод атрибуции (приписывания мотивов поступкам с позиции того или иного персонажа) оказался перспективным и в области психологии восприятия искусства. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к производству искусства через посредника – реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя; описать произведение в его превращенной форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, где в качестве дескрипторов (шкал описания) используются фрагменты поведения, поступков персонажей, взятые непосредственно из сюжета произведения; а испытуемые оценивают вероятность того, насколько тот или иной мотив выступает причиной поступка того или иного персонажа. Исследования показывают, что чем больше приятие, идентификация зрителя с персонажем, тем более многомерным и сложным оказывается приписываемая персонажу мотивационная палитра поведения, тем более субъективным, а не объективным, оказывается восприятие персонажа зрителем [см.: 10].

Проблематика визуального мышления, разработка проективных личностных методик, исследование бессозна-

тельного, которое «разговаривает» на языке образов, символов, метафор, требует исследования семантики образа, построения невербальных семантических пространств. Дж. Брунер выделяет три формы семантической репрезентации: через образ, действие (в том числе и поведение) и через знаковую (т. е. вербальную) форму.

В наших исследованиях ставится задача изучения различных форм существования значения непосредственно в образной форме. Так, на материале рисунков Чюрлениса, символов, рунических знаков был построен ряд невербальных семантических пространств, координаты которых, выделенные с помощью факторного анализа, отражали устойчивую систему отношений, т. е. некоторую парадигматику «языка образов». Была показана идентичность структуры образной репрезентации у разных испытуемых, единство и вербальной, и образной семантики на уровне глубинных структур. Эти результаты вплотную приводят к проблеме генетических корней вербального сознания. Демонстрация устойчивости системы отношений в рамках образного материала доказывает возможность существования невербальных значений, заданных непосредственно в образном плане, а применение разработанной экспериментальной парадигмы, минующей средства вербального опосредования (субъективное шкалирование, техника «параллельной полярности», методы сортировки), открывает возможности исследования категориальной структуры индивидуального сознания при восприятии живописи, портретов, человеческого лица.

Подводя итог этому обзору, отметим, что развитие психосемантического подхода в наших работах осуществляется в ряде направлений. Так, исследования влияния эмоций на процесс категоризации, на организацию семантического пространства необходимо требуют использования неэвк-

лидовой метрики для построения пространства. Аффекты, эмоциональные комплексы, как мощные гравитационные массы, изменяют кривизну пространства; возникают разрывы, инкапсуляции содержания и требуется использование топологических моделей, что перекликается с идеями К. Левина о построении топологической психологии.

Описание динамики психических процессов требует, в свою очередь, разработки динамических моделей психосемантики, построения функций-операторов отображения одних семантических пространств в другие в предположении их генетической связи. В частности, проведенное нами исследование изменения личностных и социальных установок в ходе гипнотерапии продемонстрировало наличие аффинных преобразований, позволяющих делать предсказание изменения системы смыслов субъекта по результатам изменения его отдельных установок. И в настоящее время нами ведутся работы в этом направлении на материале измененных состояний сознания и динамики политического менталитета российского общества.

Философско-методологические аспекты психосемантики

1. Методологической основой психосемантики является деятельностный подход (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия – в психологии; Г. С. Батищев, В. А. Лекторский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин – в философии) и семиотическая, культурно-историческая трактовка сознания, где образующими («субстратом») сознания выступает система значений, данных в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом. (А. Н. Леонтьев). Согласно А. А. Леонтьеву и М. К. Ма-

мардашвили значения выступают свернутой, превращенной формой деятельности, поэтому в рамках психосемантики значения раскрываются не с помощью «лингвистической интроспекции (как в модели «Смысл – Текст» И. А. Мельчука и в работах по лексической семантике Ю. Д. Апресяна), а в режиме искусственной деятельности, когда испытуемый оценивает, категоризирует или сортирует объекты (чаще всего лексику, но, возможно, и образы, символы, фрагменты символических действий) некой содержательной области.

2. Психосемантика реализует субъектный подход, акцентирующий пристрастную активность субъекта познания и деятельности. Психосемантика изучает сознание человека как пристрастного наблюдателя (А. Н. Леонтьев). Согласно современно структурной лингвистике (А. Вежбицкая), не существует безличных (бессубъектных) предложений, и высказывания типа «смеркалось» имплицитно содержат и наблюдателя, и место, и время его наблюдения. Т. е. полноценным значением обладают предложения, содержащие глубинную синтаксическую структуру, описывающую деятельность субъекта в мире (Ч. Филмор, Ю. Д. Апресян). В картину мира имплицитно включена пристрастная позиция наблюдателя, его язык, его культура, его коллективная и индивидуальная системы ценностей. Язык психосемантики не описывает «объективную действительность, существующую независимо от познающего субъекта», а опосредует построение мира человеческого бытия. Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у С. Л. Рубинштейна оказывается «Мир существования как мир человеческого страдания... [13, с. 19].

3. Психосемантика реализует принцип конструктивизма, согласно которому психологическая наука не столько

описывает некую реальность, сколько создает ее, конструируя возможные миры, в которые вписывает и образ (реконструкцию) самого человека. Как полагал В. Гумбольдт, «различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его». Создавая категории и понятия психологической науки, которые, входя в культуру, опосредуют затем индивидуальное и общественное сознание, психолог (философ) тем самым, по принципу кольцевой причинности, создает и саму эту реальность.

Как полагает один из лидеров социального конструкционизма Кеннет Дж. Джерджен, «с точки зрения конструкциониста социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации» [3, с. 43]

Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи сообщества ученых исполняют не только функцию экспертов, но и «драматургов» самого действия» [12, с. 23].

Интерпретация семантических пространств, как специфических текстов, порождает нарратив, как некий рассказ, версию себя, другого или социального мира в целом.

4. Используя субъективные семантические пространства как операциональные модели индивидуального и общественного сознания, психосемантика совмещает когнитивистские и интуитивистские подходы в психологии.

Согласно герменевтике (П. Рикер, Х. Г. Гадамер), естественные науки – это науки о познании, в то время как гуманитарные – о понимании. Для естественно научного

подхода характерно исследование повторяющихся событий, феноменов. Отсюда – выделение законов, как формы детерминизма, связующих несколько параметров некой константой (например, закон Ома или Бойля–Мариотта), или использование статистики для построения вероятностных моделей. Одну из наиболее известных версий психосемантики – «теорию личностных конструкторов» Келли – традиционно относят к когнитивной психологии, для которой характерно использование измерения (психофизика), широкое применение математики. Однако, на наш взгляд, использование семантических пространств, хотя и построенных с помощью математического аппарата, принципиально отличается от количественных описаний (измерений) естественнонаучной парадигмы и по своей сути ближе к проективным методам психологии. Действительно, облако смыслов субъекта по поводу объектов некой содержательной области (коннотативных значений), представленное в форме координатных точек в семантическом пространстве, не описывает некий объект анализа, а представляет собой, скорее, ориентировочную основу для встраивания, эмпатии одного субъекта в сознание другого. Это смысловое облако – некая наводка, намек для опознания. Мы можем опознать в фигуре, мелькнувшей в конце коридора, своего хорошего знакомого по кожаному плащу, по присущей ему походке; т. е. узнать, опознать целое по части или по отдельному признаку. Так и математические процедуры в психосемантике скорее подготавливают информацию в компактной и хорошо структурированной форме, которой и являются семантические пространства, чем представляют собой измерение анализируемого объекта или группу объектов. Семантические пространства являются, скорее, сложными знаками (неоконченными

предложениями), нуждающимися в прочтении и интерпретации, и в этом плане полностью подпадают под проблематику герменевтики.

5. Психосемантика стоит на позициях плюрализма, множественности описаний, («картин мира») в зависимости от пристрастной позиции наблюдателя, а отсюда и принцип многоальтернативности (сценарных вариантов) развития, как индивидуального, так и коллективного субъекта (государства, нации, человечества). Чем более сложной и развитой является система, тем большее число степеней свободы в своем развитии и трансформации она имеет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голдберг Л., Шмелев А. Г.* Межкультурные исследования лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках // Психологический журнал. 1993. № 4.
2. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1997.
3. *Джерджес Дж. Кеннет.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: Изд. БГУ, 2003.
4. *Келли Дж.* Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.
5. *Нуркова В. В.* Совершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
6. *Нуркова В. В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87.
7. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. М.–СПб.: Изд-во «Питер», 2005.
8. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: Изд-во МГУ, 1997.
9. *Петренко В. Ф., Нистратов А. А., Собкин В. С.* Методика исследования восприятия мотивационной структуры киноперсонажа зрителем // Мотивационная регуляция деятельности и поведения. М., 1988. С. 95–100.
10. *Петренко В. Ф., Сансолева О. Н.* Психосемантический анализ художественного фильма // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 56–72.

11. *Петренко В. Ф., Сурманидзе Л.* Исследование стереотипов обыденного сознания (на материале фразеологизмов на грузинском языке // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 6. С. 50–61.
12. *Покровский Н. Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // *Город и село в современной России: перспективы структурного воссоединения*. М., 2004.
13. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М., 1997.
14. *Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
15. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
16. *Шмелёв А. Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
17. *Cole M.* Introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*. 1993. V. 31. № 2.
18. *Josselson R., Lieblich A.* The narrative study of lives. Thousand Oaks, 1993.
19. *Kelly G.* Theory of personality. The psychology of Personal constructs. № J. 1955.
20. *Petrenko V., Mitina O.* The Psychosemantic Approach to Political Psychology // *States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology* Edited D. Halpern & A. Voiskounsky. N. Y.: Oxford Univer. Press, 1997. P. 19–48.
21. *Petrenko V., Mitina O.* Attitudes toward political parties // *The Russian Transformation*. Eds. B. Glad & E. Shiraev. N. Y.: St. Martin s Press, 1999. P. 179–198.
22. *Sarbin T. R.* Narrative psychology: the storied nature of human conduct. N. Y., 1995.

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>
Заказать книги можно отправив заявку по электронному адресу:
bozhkoyra@mtu-net.ru

Научное издание

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

**Ответственный редактор – академик РАН
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ**

Ответственный за выпуск *Божко Ю. В.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.09.2007.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 1000 экз. Заказ 2308.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация».
111627, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел. 207-51-13. Тел/факс 702-04-57.
E-mail: bozhkoyra@mtu-net.ru; Kanonplus@mail.ru
Сайт: iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79.

Современный когнитивизм является междисциплинарным направлением исследований, идеи и методы которого приобрели важнейшее значение в анализе познавательной деятельности на индивидуальном и коллективном уровнях. Это нашло выражение в создании целого комплекса когнитивных наук. Когнитивный подход активно используется в психологии, антропологии, лингвистике, нейрофизиологии, этологии, теории биологической эволюции, синергетике.

В монографии анализируются следующие направления:

- историко-методологические вопросы становления идей когнитивизма,
- философско-методологические аспекты и практические приложения когнитивных наук,
- перспективы развития когнитивных дисциплин.

Основное предположение когнитивных наук состоит в том, что все мыслительные процессы представляют собой определенные стратегии, которые можно изучить с помощью вербальных и невербальных характеристик их выражения. Любая когнитивная стратегия, доступная одному человеку, может быть усвоена и воспроизведена другим. Требуют философской рефлексии такие свойства когнитивных процессов, как их темпоральность, социальность, единство, субъективность, структурированность, интенциональность. Подходы к исследованию указанных особенностей и тенденций современного когнитивного подхода, а также методологических оснований когнитивных наук, представляют актуальную тему для философской рефлексии. Результаты исследования могут быть использованы для анализа научной и обыденной моделей мира и в практике преподавательской деятельности.

ISBN 978-5-88373-152-4

9 785883 731524

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД:

ФИЛОСОФИЯ,
КОГНИТИВНАЯ НАУКА,
КОГНИТИВНЫЕ
ДИСЦИПЛИНЫ

